Анна Мацанова
Павел Мацанов

ПО ТЕРНИСТОМУ ПУТИ

Анна Мацанова Павел Мацанов

ПО ТЕРНИСТОМУ ПУТИ

Церковь Христиан Адвентистов Седьмого Дня
1995 г.

ББК 86.376
М36

Ответственный редактор — *П. В. Гончар*
Компьютерный набор — *А. Л. Гончар*
Корректор — *Н. М. Лукьянова*

Оригинал-макет изготовлен
издательской группой «Адвентус»
московской общины христиан-адвентистов
«На Стремянном»

Технический редактор — *Л. М. Беленький*

Мацанова Анна Григорьевна, Мацанов Павел Андреевич

М36 По тернистому пути.— М.: Церковь христиан-адвентистов седьмого дня, 1995.— 288 стр. с илл.

Книга «По тернистому пути» повествует о мужестве детей Божьих, сохранивших верность Господу среди глумящейся толпы, в сталинских лагерях, перед угрозой жестокой разлуки и смерти. На страницах ее как бы застыл вопль мучеников: «Доколе, Господи?»

Более 40 лет собирался материал этой книги. Более 40 лет она хранилась в тайниках, ожидая своего читателя. И вот теперь она в ваших руках.

ББК 86.376

ISBN

Формат 84×108¹/₃₂. Бумага газетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,38.
Тираж 10 000. Заказ 1709.
Отпечатано в Государственном издательско-полиграфическом предприятии «Янтарный сказ», г. Калининград обл., ул. Карла Маркса, 18.

От издателя

Анна Григорьевна Мацанова (Ронис) и Павел Андреевич Мацанов родились в Латвии. Отец Анны был одним из первых адвентистов седьмого дня в Латвии, он был крещен в 1909 году, а Анна – в 1914 году, когда ей исполнилось 12 лет. Павел откликнулся на Божий призыв будучи студентом Рижского университета.

В начале 20-х годов в городе Риге Генеральной Конференцией была организована Балтийская духовная семинария, в которой учились и Анна, и Павел. Там они познакомились, и в 1930 году соединили свои судьбы.

В те годы в Латвии было время свободы: создавались новые адвентистские церкви, проводились съезды и конференции, издавались книги и журналы. Павел Андреевич был проповедником в русской общине города Риги и главным редактором церковного журнала на русском языке «Обзор мировых вопросов». Анна Григорьевна в это время много работала среди бедных детей Риги. Она организовывала для них бесплатные обеды, проводила интересные занятия по изучению Библии и устраивала детские праздники. А из России доносились тревожные слухи о гонениях на верующих. Анна и Павел постоянно думали о страдающих за железным занавесом собратьях. Они возносили молитвы о них и были готовы поехать в эту многострадальную страну.

В 1946 году в Латвию приехал Григорий Андреевич Григорьев, который оставался единственным служителем адвентистской церкви в СССР после ареста Г. И. Лебсака. Григорий Андреевич рассказал проповедникам Латвии о положении церкви в Советском Союзе, о том, что церковь рассеяна и ее необходимо созидать почти заново. Он приглашал проповедников-добровольцев, которые были бы готовы пожертвовать всем, может быть, даже свободой и жизнью, приехать в Россию.

На этот призыв сразу же откликнулись Анна и Павел Мацановы, и в 1947 году они оставили свою родину, близких, друзей,

все имущество и переехали в Москву. Здесь в 1946 году по инициативе Г. А. Григорьева был сформирован послевоенный Всесоюзный Совет адвентистов седьмого дня, в котором и начал свою духовную работу в России Павел Андреевич. После смерти Г. А. Григорьева он избирается председателем ВСАСД, а в 1954 году власти, обвинив его в связях с незарегистрированными общинами, помощи семьям репрессированных верующих, частых крещениях в Московской общине, лишили его регистрационной справки председателя ВСАСД и приказали выехать из Москвы. Мацановы переехали в Ростов-на-Дону. Так начался их долгий путь по бескрайним просторам России. Они вынуждены были более двадцати раз менять место жительства в городах Кавказа и Сибири, созидая Церковь Божью.

Живя в Москве, Мацановы уже не по слухам, а лично узнали о тех страданиях, которые испытывал народ Божий в Советском Союзе. В то же время они стали свидетелями верности, мужества и доверия Господу, которые проявляли дети Божьи во всех обстоятельствах жизни. Именно тогда Анна Григорьевна решила записывать то, что ей рассказывали герои веры.

Где бы они ни жили, в их доме всегда было много людей. У Павла Андреевича был большой авторитет в Церкви, и к нему приезжали за советом и утешением собратья из разных мест Советского Союза. Все эти годы Анна Григорьевна продолжала собирать и записывать опыты верности народа Божьего. Тогда повсюду проходили обыски и хранить эти записи в доме было очень опасно. Поэтому приходилось прятать их в сараях, замуровывать в стену, перевозить в другие города. И только много лет спустя, на закате жизни Анна Григорьевна и Павел Андреевич смогли извлечь свои заметки из тайника и собрать их в книгу, которую назвали «По тернистому пути».

Более 40 лет собирался материал этой книги. Более 40 лет она хранилась в тайниках, ожидая своего читателя. И вот теперь она в ваших руках. Она нужна именно сегодня, когда верующие уже не рискуют испытать судьбу «врагов народа», когда общество из атеистического превращается в религиозное. Она нужна именно сегодня, ибо сегодня границы между миром и церковью стираются и компромисс становится обычным делом. Она нужна именно сегодня, чтобы своим свидетельством укрепить идущих «тернистым путем» к вечной жизни.

ВОСПОМИНАНИЯ УЗНИКА

Знаю дела твои, и труд твой,
и терпение твое.
Откр. 2:2

Окончилось тяжелое время мучительных допросов, ложных обвинений и угроз. Теперь дни и ночи в одиночной камере проходили однообразно, без каких-либо перемен.

Короткий зимний день приближался к концу. Вечерние сумерки мягкой пеленой покрывали землю. В такой тихий час волна воспоминаний может захлестнуть любого человека, тем более одинокого узника.

Перед его глазами, как в панораме, проходили картина за картиной: приволжская ширь, родное село, беззаботное детство... Он вспоминал своих добрых богобоязненных родителей, которые от всего сердца любили Господа и воспитывали детей в послушании и страхе Божьем.

Глубоко в памяти запечатлелись воскресные утренние богослужения, когда вся семья собиралась вместе для пения христианских гимнов и чтения Слова Божьего. Библия в их доме была самой любимой и почитаемой книгой, которую изучали с большим вниманием и интересом. Книги пророка Даниила и Откровение Иоанна тогда им не были понятны. Они считали, что пророчества этих книг относятся к далекому будущему. Но весть трех ангелов о скором Втором пришествии Христа во славе, которая начала провозглашаться в связи с окончанием великого пророческого периода в 1844 году *(Дан. 8:13, 14)* была проповедана во всем мире и достигла семьи Генриха Лебсака.

В то время в России государственная церковь, пользуясь своим авторитетом, подвергала инаковерующих преследованиям и гонениям. Монастырские тюрьмы, как мрачные памятники того времени, свидетельствуют о том, что свободная мысль и совесть человека были скованы железными оковами. История

России открывает столь мрачные и печальные картины, что содрогается даже сильное человеческое сердце. К «сектантам» были применяемы самые жестокие меры наказания: меч, огонь, виселица, тюрьма и высылка в Сибирь. Подвергаясь беспощадным гонениям, верующие оставляли свою родину и отправлялись на чужбину, предпочитая лучше переносить лишения и трудности, нежели отречься от своей веры. На новом месте многие из них знакомились с Трехангельской вестью и присоединялись к общинам адвентистов седьмого дня. Имея горячее желание разделить радость обретения истины со своими родственниками и друзьями, оставшимися на родине, они посылали им книги и брошюры о скором Втором пришествии Христа. Семя истины было посеяно и начало приносить обильные плоды. Обетование Божье исполнилось: «Так и слово Мое, которое исходит из уст Моих,– оно не возвращается ко Мне тщетным, но исполняет то, что Мне угодно, и совершает то, для чего Я послал его» *(Ис. 55:11)*.

В 1886 году Генеральная Конференция направила брата Конради в Россию. На юге России Конради вместе со встретившим его в Одессе братом Перком нашли в Крыму около тридцати человек, выразивших желание вступить в завет с Господом через крещение и присоединиться к Церкви Христовой, соблюдающей заповеди Божьи и имеющей веру Иисуса. В водах Черного моря были крещены первые адвентисты России, влившиеся во всемирную семью ожидающих пришествия своего дорогого Спасителя. Так было положено основание для дальнейшего распространения Трехангельской вести в этой огромной стране.

Распространение адвентистской вести в России с первых дней было связано с гонениями и тюрьмой. Во время совершения служения Вечери Господней братья Конради и Перк были арестованы и отправлены в Перекопскую тюрьму. В то время государственная церковь, пользующаяся неограниченной властью, жестоко карала «отступников», и поэтому судьба арестованных братьев могла быть печальной. Но нет силы, могущей воспрепятствовать Творцу осуществить намеченный Им план. Пророк Исаия говорит: «Ибо Господь Саваоф определил, и кто может отменить это? рука Его простерта,– и кто отвратит ее?» *(Ис. 14:27)*.

Господь бодрствовал над Своими верными слугами и только что образованными церквами. Мы не знаем, какие планы для

уничтожения дела Божьего строил сатана, но посредством чудесного вмешательства Бога через сорок дней арестованные были освобождены и с твердой верой и надеждой на помощь Всевышнего продолжали начатое дело.

По мере того, как весть распространялась, умножались затруднения и гонения. Духовенство и полиция всегда жестоко преследовали верных детей Божьих, которые посещали общины и распространяли литературу. Для борьбы с инаковерующими использовали насилие, злобную клевету в печати. Несмотря на то, что братья Конради и Перк находились под постоянной слежкой полиции, верные слуги Божьи не унывали, а высоко держали знамя истины, зная, что труд их не тщетен пред Господом.

Гонения усиливались. Так, в Ставропольской губернии у адвентистов были отняты дети, а родители заключены в тюрьму. С человеческой точки зрения, можно было предполагать, что к столь жестоко преследуемой церкви уже никто не осмелится присоединиться. Но происходило как раз обратное — весть шла победоносно вперед. Верные души, искавшие путь истины, не устрашались гонений и угроз. Они безбоязненно присоединялись к стаду Христову. Тяжелые темные тучи преследований висели над головами верующих. Они заволакивали все небо, и временами казалось, что ни один луч светлой надежды не сможет пробиться сквозь густую тьму. Этих невинных людей лишали гражданских прав, у них отбирали имущество, заключали в тюрьмы и высылали в Сибирь.

Но «Господь разрушает советы язычников, уничтожает замыслы народов» *(Пс. 32:10)*.

Наступил 1905 год. Старая деспотичная Россия всколыхнулась. Подули свежие ветры свободы. О, какие это были незабываемые дни! Семнадцатого апреля был издан Манифест о свободе совести. В один день были освобождены 844 страдальца за веру,— те, которые провели долгие годы в ссылке, состарились, поседели и не узнавали друг друга. Большинство из них не вернулись, найдя вечный покой на далекой чужбине. Их одинокие могилы орошают дожди и освещает солнце. Но никто не приходит туда, чтобы поплакать над ними. А оставшиеся в живых воссоединялись с родными и друзьями, с которыми долгие годы были в разлуке.

«Не бойся, земля; радуйся и веселись, ибо Господь велик, чтобы совершить это» *(Иоил. 2:21)*.

И поистину, Господь совершил великое дело! Настало время, когда уже не угрожала ни тюрьма, ни слежка полиции, ни травля в печати. С новыми силами верующие взялись за святой труд, стремясь расширить дело Божье.

...Незаметно пришли и исчезли вечерние сумерки. Этот вечер миновал навсегда. Ночь распростерла над землей свои крылья и под ними отдыхали природа и люди, уставшие от своих трудов. Одинокий узник не заметил, как ночь заглянула в окно его камеры. Он весь предался воспоминаниям!.. Ему казалось, что он здесь не один, что вместе с ним и его друзья – соработники в святом труде, и они вспоминают о том, как начиналось распространение Трехангельской вести в России, об успехах и трудностях, радостных встречах и печальных разлуках, о друзьях, которые уже давно покоятся в сырой земле.

Когда он поднял голову, то увидел вокруг только голые стены своей угрюмой камеры и маленькое оконко, загражденное железной решеткой... Он был один!..

О, нет! Не один! Тот, Кто руководил Своим святым делом во все эти тяжелые годы, когда уже не было никакой надежды на то, что при таких обстоятельствах дело Евангелия сможет проложить себе путь,– был с ним и теперь. В чем же была сила тех, кто в прошлом переносил преследования ради Христа? Их сила была в союзе с Богом. Гонения разлучали друзей, но не могли отлучить их от любви Христа. Спаситель с особенной любовью заботится о тех, кто переносит искушения и испытания ради Его имени. Он сказал: «Я возлюблю его и явлюсь ему Сам» *(Ин. 14:21)*.

Рука, которой управлял Всевышний, начертала слова, вселяющие в измученные сердца страдальцев Божественный мир и покой. Когда ради истины христианин стоит перед земным судом, Христос стоит рядом с ним. Когда он находится в стенах тюрьмы, Христос является ему там и укрепляет его Своей любовью. Когда он умирает ради имени Христа, Спаситель говорит ему: «Они могут убить тело, но не могут повредить душе».

В 1907 году Трехангельская весть проникла в азиатскую часть России. В Семипалатинске и Акмолинске были организованы общины. Да, весть, провозглашение которой было так скромно начато такими слабыми и ничтожными силами, теперь охватила всю огромную страну.

В октябре того же года в городе Риге состоялся первый Съезд Российского Союза Союзов церкви адвентистов в России, на

котором присутствовали ветераны дела Божьего. Большинство из них уже состарились. Миновал 21 год с тех пор, как в Крыму была основана первая община. Проходили годы, гонения продолжались и, казалось, им не будет конца. Но вот настал день, когда Всемогущий Бог простер Свою руку и сказал: «Доселе пойдешь и не перейдешь!» Присутствовавшие на съезде делились опытами и переживаниями и, оглядываясь на прошлое, могли сказать вместе с псалмопевцем: «Знаю, что Господь сотворит суд угнетенным и справедливость бедным!» *(Пс. 139:13).*

В 1909 году на Всемирном съезде присутствовали делегаты из России. Узник вспомнил тот чудесный момент, когда он, будучи делегатом из России, мог лично встретить и поблагодарить тех, кто когда-то посылал на Поволжье литературу о Трехангельской вести. Провозглашению этой вести он посвятил всю свою жизнь и теперь мог сказать словами апостола Павла: «За которую я и в узах».

...Только Закон Божий совершен и вечен, а законы человеческие несовершенны и непостоянны. «Уставы народов — пустота»,— говорит пророк Иеремия *(Иер. 10:3).*

Закон, изданный 17 апреля 1905 года, вскоре потерял свою силу и остался только историческим фактом. Ограничение свободы совести, клевета в печати, аресты, тюрьмы и ссылка в Сибирь снова стали обычным делом. Съезды, которые приносили столько радости, объединяли и укрепляли детей Божьих, были запрещены. Руководящие братья находились в постоянных путешествиях, как апостолы в свое время: «Проходя же по городам, они передавали верным соблюдать определения, постановленные Апостолами и пресвитерами в Иерусалиме. И церкви утверждались верою и ежедневно увеличивались числом» *(Деян. 16:4, 5).*

Господь Сам пролагал путь для дальнейшего развития Своего дела. Несмотря на трудности и препятствия, число членов церкви увеличивалось, как во времена апостолов.

Настали тяжелые годы первой мировой войны. Были изданы тайные циркуляры, гласившие, что все молитвенные дома должны быть закрыты, а проповедники арестованы. В прифронтовых районах молитвенные дома были закрыты, имущество распродано на аукционах, проповедники, а также многие из членов церкви арестованы и высланы в Сибирь. Стадо Христово было рассеяно по всей великой стране, и верующие не имели возможности ни переписываться, ни встречаться. Несмотря на это, все

верно служили Господу, терпеливо перенося гонения и трудности и безбоязненно свидетельствуя о скором Его пришествии во славе.

Но вот наступил 1917 год, и всемогущий Бог возгласил: «Северу скажу: отдай; и югу: не удерживай; веди сыновей Моих издалека и дочерей Моих от концов земли» *(Ис. 43:6)*.

Шестого марта была провозглашена политическая и религиозная свобода. Сотни тысяч политических и религиозных заключенных вернулись из Сибири.

Среди освобожденных был брат Г. А. Григорьев, которого Лебсак в 1934 году после своего ареста оставил вместо себя возглавлять церковь и который с этого времени оставался единственным руководителем адвентистской церкви.

Теперь узник Лебсак вспоминал, с какой великой радостью рассказывал брат Григорьев о своем освобождении и о той недолгой свободе, наступившей после февральской революции 1917 года. Это было так непривычно, что верующим казалось, будто они находятся на какой-то другой планете. 20–24 июля 1917 года в городе Саратове состоялся съезд церкви. После долгой разлуки дети Божьи с радостью встречались друг с другом. На съезд съехались те, кто был осужден на многие годы тюремного заключения, а также на ссылку в Сибирь. Они делились своими опытами, рассказывая о том, как близок был к ним Господь в трудные годы их жизни. То было чудесное незабываемое событие. Руководители намечали планы для распространения вести по всей стране. Начали издаваться книги, журналы и брошюры на разных языках, содержащие весть о скором пришествии Христа во славе. И снова славное дело Евангелия, как могучая река, победоносно шло вперед и вперед!

...Окончилась первая мировая война. Она унесла миллионы человеческих жизней, оставив рыдающих вдов, обездоленных сирот и безутешных родителей. Сразу же после нее началась гражданская война, неся с собой новые жертвы и опустошения, голод и болезни. В эти тяжелые годы народ Божий снова был рассеян и переносил нужду и лишения. Но, несмотря на тяжелые обстоятельства, стадо Христово не уменьшалось, а с каждым годом увеличивалось.

В 1922, 1924 и 1928 годах прошли Всесоюзные съезды Церкви. Кроме того, съезды состоялись на Кавказе, на Украине и в Сибири.

Но темные, грозные тучи новых гонений уже сгущались на горизонте. Они становились все темнее и темнее. Начавшиеся в 1930 году аресты уже не прекращались. По словам брата Григорьева, было арестовано 150 проповедников и пресвитеров и более 3000 членов Церкви адвентистов седьмого дня.

Тяжело было народу Божьему в те годы. Многие были объявлены лишенцами, а это означало, что они не имели права на медицинскую помощь, не имели хлебных карточек, не имели права голоса и права на труд. Было мало семей верующих, которых не коснулись бы аресты. Оставались вдовы и сироты, которые никогда больше не увидели своих мужей и отцов.

Проходили годы, исполненные страданий, разлук и скорби. За исключением немногих, проповедники находились за тюремными стенами, так же, как и брат Лебсак. Придет день, когда все будет явлено перед Судьей вселенной. «Каждого дело обнаружится; ибо день покажет, потому что в огне открывается, и огонь испытает дело каждого, каково оно есть» *(1 Кор. 3:13)*.

...Тускло горела электрическая лампочка. В камере было тихо, совершенно тихо. Уста, которые многие годы громко и безбоязненно провозглашали Трехангельскую весть, теперь шептали тихую молитву. Узник страстно ожидал того дня, когда «отрет Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет; ибо прежнее прошло» *(Откр. 21:4)*.

Шел 1938 год. Жизнь Генриха Лебсака подходила к концу, ему было почти семьдесят лет. Как после длинного и тяжелого дня наступает вечер, так приходит покой к измученному телу и уставшей душе.

Блаженная надежда, о которой Генрих Лебсак проповедовал многие годы, теперь услаждала последние дни его жизни. Он жаждал счастливой минуты, когда сможет узреть Того, Кто возлюбил его более, нежели Свою жизнь.

...В 1886 году Генрих Лебсак, услышав Трехангельскую весть, с великой радостью принял ее. Ему было только пятнадцать, когда он заключил завет с Господом и начал проповедовать Евангелие. Несколько лет молодой Генрих работал книгоношей. Посредством распространяемой литературы Божья весть проникла в Поволжье, в Ростовскую и Кубанскую губернии. В 1894 году Генрих Лебсак был рукоположен. Это было первое рукоположение в России.

Брат Лебсак не обладал крепким здоровьем, но силой Духа Святого он господствовал над физическими немощами. С терпением переносил он дневную жару и ночной холод, постоянно находясь в трудных далеких путешествиях для того, чтобы распространять Слово Божье, организовывать общины и подкреплять братьев. В то время сообщение не было таким, как теперь, и путешествия были связаны с большими трудностями. По скверным дорогам Средней Азии приходилось двигаться на дребезжащих телегах, запряженных медлительными быками; по бесконечным просторам Сибири – на санях, на поездах, пароходах, а чаще всего пешком.

В 1918 году брат Лебсак посетил Ростовскую общину, которая состояла более чем из ста членов. С великой радостью он вспоминал о прошлых годах, когда в качестве книгоноши начинал здесь работу. «Как-то, когда мы распространяли литературу,– рассказывал он,– в пути нас застал сильный дождь. Мы находились в степи и не имели места для укрытия. Опираясь на свои палочки, мы стояли и горячо молились, чтобы Господь благословил наш труд и чтобы он не был тщетен, но принес бы плоды для вечности. И сегодня, видя перед собой эту прекрасную общину, мы благодарим Господа, что работа не оказалась напрасной».

Он мог радоваться не только укреплению Ростовской общины, но и многих других. Вся его жизнь прошла в созидании великого дела Божьего. Многие годы он был Всесоюзным председателем Церкви. Но вот настал день, когда он должен был расстаться со своим служением. Об этом дне, вернее, ночи, рассказывал брат Григорьев. Он присутствовал при аресте брата Лебсака.

«Я приехал из Сибири в Москву. Остановился у брата Лебсака. В тот вечер мы долго беседовали. Днем брат Лебсак был вызван в Совет по делам культов. Его приняли любезнее обыкновенного. Такая непривычная любезность показалась ему даже подозрительной. Мы говорили о тяжелом положении дела Божьего, о том, что еще может ожидать нас впереди, если попрежнему так будут поступать с верующими. Многие из братьев были арестованы, и никто не мог знать, когда настанет наш час.

На исхудавшем лице брата Лебсака лежала печать глубокой тоски, как будто он что-то предчувствовал. После вечерней молитвы мы легли спать, но долго не могли уснуть. Сильный стук

в дверь прервал наши скорбные размышления. Мы знали, что этот стук не предвещал ничего доброго.

Брат Лебсак встал с постели и открыл дверь. Один за другим быстро вошли в комнату несколько человек и закричали: „Генрих Иванович Лебсак! Вы арестованы! Сдайте оружие и драгоценности!" Последовал тщательный обыск. Несмотря на отчаянное положение, из которого не было видно никакого выхода, арестованный был совершенно спокоен. Он молча смотрел на все действия, выслушивал горькие упреки, насмешки и ругательства. Когда перед ним открылась дверь, то прежде, чем переступить через порог, он обернулся и высказал свое последнее желание, свое завещание оставшимся братьям. Лицо его выражало мужество и достоинство. Слова были произнесены со столь твердой верой, что казалось, будто и враги должны были содрогнуться от их силы: „БРАТЬЯ! РАБОТАЙТЕ, НЕ УНЫВАЙТЕ! ДЕЛО БОЖЬЕ – КАК РЕКА, КОТОРУЮ НИКТО НЕ В СИЛАХ ОСТАНОВИТЬ!" Его попытались заставить замолчать сильным ударом, но он все еще продолжал говорить окровавленными устами: „Работайте, работайте, не унывайте!"

Захлопнулась дверь, и его голос умолк навсегда!..»

Долгое время брат Лебсак находился в Московской тюрьме. Потом был переведен в Ярославскую. Там он был помещен в одиночную камеру, где спустя четыре года умер.

...Где-то в Ярославских лесах тихо шумят деревья над одинокой могилой Генриха Лебсака. Родные и друзья не знают, где находится его могила, но Господь знает, где покоится усталый путник, ибо «дорога в очах Господних смерть святых Его!» *(Пс. 115:6).*

ТЯЖЕЛЫЕ ГОДЫ

Бедная, бросаемая бурею, безутешная! Вот, Я положу камни твои на рубине, и сделаю основание твое из сапфиров.

Ис. 54:11

Истинная Церковь Христова всегда была бросаема бурями гонений. Разве не об этом повествует нам история первых христиан, верных истине вальденсов и других Божьих свидетелей в средние века? Они сохраняли чистоту своей веры даже во время самых свирепых преследований. Лишенные удобств и солнечного света, находившие себе пристанище в темных подземельях, они не роптали, но среди лишений и скорбей подкрепляли друг друга словами веры, терпения и надежды. Потеря всех земных благ не могла заставить их отказаться от веры во Христа.

...В одном селе большая часть жителей являлась адвентистами седьмого дня. Они дружно и с радостью работали, и плод их прилежных трудов был всем очевиден. Они отстроили разрушенную во время войны мельницу, исправили дороги; сдавали государству хлеб и все, что требовалось, вдвойне. Колхоз считался примерным во всей округе. Но враг рода человеческого не мог равнодушно смотреть на благополучие тех, которые исполняют заповеди Божьи и имеют веру в Иисуса. Начались аресты. Честные труженики были оторваны от полей и от своих семейств. Вся их вина состояла в том, что они служили своему Господу и исполняли Его заповеди. Как величайших преступников, их осуждали на долгие годы ссылки в далеких лагерях. По истечении срока немногие из них вернулись. Большинство из них успокоились в Господе на далекой чужбине. Нелегко было и тем, которые остались дома. Над ними насмехались, их упрекали, забирали часть из их скудного заработка, и их жизнь была полна обид и унижений. «Говорили тебе: „пади ниц, чтобы нам пройти по тебе"; и ты хребет твой делал как бы зем-

лею и улицею для проходящих» *(Ис. 51:23)*. В этих словах пророк представляет нам картину, полную оскорбления и унижения.

Был праздничный день: люди пили, веселились и плясали. Мимо села протекала небольшая речка. Сестра Елена, глубоко задумавшись, медленно шла по берегу. Она шла и тихо напевала: «Не расскажет ручей говорливый». Когда-то в этой речушке она была крещена, чтобы восстать для новой жизни. С тех пор прошли годы. В селе была когда-то процветающая община, много молодежи, хороший хор. Часто приезжали братья, руководившие церковью, такие, как брат Вильсон, и другие. Они совершали крещение, служение Вечери Господней и ободряли церковь словами вечной надежды. Потом начались аресты, многих верующих выслали, оставшихся – разогнали.

Приближаясь к реке, Елена заметила, что от веселившейся толпы отделяются несколько пьяных и идут ей навстречу. Это были знакомые ей люди – ее соседи. Они схватили девушку и потащили ее к речушке в то место, где она была очень узкой. Положив ее поперек течения, они ходили по ее спине взад и вперед, как по перекладине, насмехаясь над ней и хуля Господа. Стоящие на берегу хлопали в ладоши и наслаждались ее унижением и страданием. Унижение и страдание невинных часто служит предметом веселья жестоких и невежественных людей.

...В эти тяжелые годы страну посетил брат Нусбаум, член Генеральной Конференции. О встрече с ним брат Григорьев рассказал следующее: «Мы имели возможность встретиться только два раза. Собрания тогда проходили в подвальном помещении старообрядческой церкви. Были молитвенные дни, людей было очень много. Помещение освещалось керосиновыми лампами. Воздух был тяжелым. Брат Нусбаум молился вместе с нами. После собрания он обратился ко мне с вопросом: „Многих ли постигла такая участь как членов Совета?" Но что я мог сказать? Было арестовано 150 проповедников и пресвитеров и более 3000 членов церкви. Я мог бы ответить словами пророка Илии: „Жертвенники Твои разрушили и пророков Твоих убили. Остался я один, и моей души ищут, чтобы отнять ее". Но я сказал: „На вашем месте, я не стал бы задавать такой вопрос". „Нет ли у вас каких-либо нужд в средствах или в литературе?" – спросил Нусбаум. Во всех семьях, где проходили аресты,

была конфискована духовная литература – Библии, сборники Гимнов, книги Е. Уайт. Сердце мое разрывалось, но я ответил: „Мы ни в чем не нуждаемся, у нас все есть".

Брат Нусбаум уехал, я остался опять один со своими незаданными вопросами. В то время я, подобно Иову, просил себе смерти у Бога...»

Когда брат Нусбаум вернулся на родину, он сказал своим друзьям: «То, что брат Григорьев не мог высказать словами, я прочел в его полных скорби глазах. Сколько в них было боли и горя, но он должен был молчать...»

Страдающим детям Божьим было некуда обратиться за советом и защитой. В судах их дела не разбирались. Ни один адвокат не брался защищать их. Молча они переносили все обиды и оскорбления и передавали свои дела Тому, Кто вскоре будет судить живых и мертвых.

...Брат Федосов работал шофером. Он был ревностным, примерным членом Московской общины. Сидя за рулем, он часто тихо напевал мотивы гимнов, разучиваемых в церковном хоре. Однажды он отправился в очередную поездку. В машине вместе с ним ехали рабочие. Дорога была дальняя. Город давно остался позади, когда подошло время обеда. Брат остановил машину и все уселись на траву, чтобы пообедать. Рабочие пили водку, предложили и ему тоже. Федосов отказался, и когда они спросили, по какой причине он отказывается, брат рассказал о своих убеждениях, основанных на Священном Писании. Одна женщина выразила особый интерес к тому, что он говорил, и они долго беседовали. По возвращении домой, в ту же ночь, брат Федосов был арестован. И на суде эта женщина выступила как свидетель против брата и обвинила его в том, что он вел религиозную агитацию среди рабочих. Брата Федосова осудили на 10 лет лишения свободы.

Несмотря на гонения, верующие сохранили адвентистскую весть чистой и неизвращенной. Везде, где только появлялась возможность, они свидетельствовали о своей вере, часто расплачиваясь за это свободой и даже жизнью.

Брат Григорьев рассказывал о том, как проходили аресты. Например, за проповедником Жуковым долгое время следили и искали удобного случая, чтобы его арестовать. Брат чувствовал это и понял, что дни его свободы сочтены. Как-то он поехал на Кавказ посетить своих родственников и попрощаться с ними.

Ночью был пожар, подожгли испытательное поле. Вину возложили на Жукова. Утром он был арестован и отправлен в тюрьму, где и умер. После этого было много газетных публикаций о том, что адвентисты являются врагами народа и уничтожают государственные ценности.

Во все времена Господь имел Своих верных свидетелей на этой земле. Они подвергались преследованиям, пыткам и тюремным заключениям. Невинная кровь многих людей была пролита на алтаре человеческой жестокости. О, Земля! Наша падшая планета! Сколько ты впитала в себя крови невинных, бесконечно дорогих для Творца душ!

Большая часть осужденных братьев обвинялась в религиозной агитации. Чтобы сделать законными эти обвинения, часто практиковали следующее: к верующим приходили соседи и задавали разные вопросы о Священном Писании. Верующие радовались пробуждению интереса к истине и с большим желанием свидетельствовали о Христе. Они очень хотели, чтобы каждая жаждущая душа пришла к источнику жизни. Интерес к истине был поддельным, но в те годы трудно было отличить друзей от врагов! Люди изображали искренность, молились, плакали и просили Библию. А потом они же спешили доложить о состоявшихся беседах, после чего следовал арест. На суде эти потомки Иуды обвиняли христиан в религиозной агитации, а за это осуждали и лишали свободы на срок от 10 до 25 лет.

Библия, описывая страдания и лишения верующих, говорит о скитаниях. Во все времена верные дети Божьи должны были скитаться, не имея ни покоя, ни отдыха. Часто, находясь под слежкой и угрозой, они оставляли свои родные места и отправлялись на чужбину. Они должны были оставлять те места, где родились и выросли; те края, к которым с раннего детства были привязаны их сердца: березовую рощу, любимый ручеек или домик с садом, в котором своими руками и с любовью были посажены и выращены кусты, деревья и цветы. Эти обстоятельства пробуждали сильную тоску по вечной Родине, где окончатся скитания и где человек уже не будет пришельцем и странником, но полноправным гражданином вечного царства Небесного Отца.

Хочу домой, в тот дом Отца родного,
Стремлюсь усталою душой.
В сем мире, здесь, страданий, горя много,
А в небе ждет меня покой.

Я не знаю автора этой песни, но знаю, что она очень стара и переведена на многие языки. Те, кто изгнаны и должны переносить лишения и оскорбления, не могут петь ее равнодушно, ибо в ней говорится об их переживаниях. В ней, как в сердечной молитве, можно найти успокоение для изболевшей души.

...Брат Песков переезжал семь раз. «Если бы не помог мне Господь, душа моя вселилась бы в страну молчания,– говорил он.– Из-за гонений пришлось оставить родину. У нас было восемь детей. Старшему сыну исполнилось двенадцать, когда мы оказались в далекой Сибири. Но и там не было покоя. Гонения настигали нас, и мы решили переехать. Железная дорога была далеко. Других средств сообщения не было. Мы жили около реки и решили перебраться водным путем. Продали домик, корову, и все, что приобрели за несколько лет. На эти средства купили большую лодку. В лодку мы сложили самые необходимые вещи, пищу, одежду. Удобно разместившись и разместив своих детей, мы поплыли.

Была весна. После наводнения река снова вошла в свои берега. Вода была мутной, течение – быстрое. Так мы плыли по течению легко и хорошо. Вечерело. Издали мы увидели, что посреди реки торчит что-то большое и бесформенное. Когда подплыли ближе, поняли, что это куча деревьев, вырванных с корнем во время половодья и течением занесенных в реку. Вода бурлила вокруг них. Всеми силами я старался обойти опасное место, но течение занесло нашу лодку в водоворот. Лодка запуталась в густых ветках и стала погружаться в воду. Старшие дети цеплялись за ветки и ползли на деревья, таща за собой маленьких. Один из детей еле успел выхватить из рук матери малютку, когда она вместе с лодкой погрузилась в воду. Дети плакали и просили о помощи. В этот роковой момент я не знал, кого спасать, кому помочь. Когда голова жены показалась над водой, я схватил ее за волосы, вытащил и помог ей вскарабкаться на дерево. Во время этой отчаянной борьбы я не мог понять, все ли мои дети находились на дереве, или кто из них утонул. Теперь с великой радостью я увидел, что они все спаслись и от всего сердца благодарил Господа за чудесное избавление.

Лодка поднялась из воды, и ее быстрым течением стало уносить. Нельзя было медлить ни секунды,– лодку надо было поймать. Мы находились в пустынном месте, среди реки, на поваленных деревьях, без всякой помощи... Наше положение было

бы безвыходным, но недалеко от нас находился островок, вокруг которого крутило лодку. Я бросился в реку и доплыл до островка. Собрав последние силы, перебежал через него, снова бросился в воду и задержал лодку. По милости Божьей, мы все снова были в нашей лодке, но из вещей ничего не осталось. Даже паспорта наши потонули в реке».

Лучшие годы брата Пескова прошли в непрерывных гонениях и в тяжелом труде. Приходилось каждый раз снова строиться и обзаводиться хозяйством. Это требовало немалых средств и сил. Все же он не избежал своей горькой участи — в 1946 году брат Песков был арестован и осужден на 10 лет...

Когда на чужбине тяжело, тоска по родине становится все сильней и сердце стремится к чему-то вечному и постоянному. Мы ожидаем Родину, где уже не будем скитаться и блуждать, где не будем странниками и пришельцами, но станем гражданами в вечном царствии своего Небесного Отца.

«Впрочем мы, по обетованию Его, ожидаем нового неба и новой земли, на которых обитает правда» (2 Петр. 3:13).

БОЖЬЯ ПОМОЩЬ В ТЯЖЕЛЫЕ ГОДЫ

[РЯД ЦЕННЫХ ОПЫТОВ]

И будет Господь прибежищем угнетенному, прибежищем во времена скорби.

Пс. 9:10

ВМЕШАТЕЛЬСТВО БОГА

В тяжелом упорном труде проходили день за днем. Но никто из братьев не жаловался и не роптал на свою судьбу. Они были готовы работать еще больше, лишь бы иметь возможность служить своему Господу и собираться каждую субботу, прославляя Его имя.

Однажды в сельсовете было вывешено объявление о том, что в очередное воскресенье состоится общественный суд над адвентистами. На суд собрались жители всего колхоза. Собрание должно было проходить в каком-то большом, еще недостроенном доме. Принесли скамейки и стол, который покрыли красной скатертью. «Подсудимые» сидели в отдельном уголке и горячо молились, посылая свои молитвы к трону благодати. «Восстань, Господи, Боже мой, вознеси руку Твою, не забудь угнетенных» *(Пс. 9:33)*. Лица присутствующих отображали их жестокость и внутренний холод. Никакой милости и сострадания не приходилось ожидать от этих людей, хотя и были они соседями, с которыми верующие вместе выросли и работали.

Речь председателя была длинной и полной угроз. Целый поток горьких и несправедливых обвинений хлынул на невинных людей. Он говорил, что адвентисты из-за своей субботы нарушают трудовую дисциплину, но не упомянул о том, что они в воскресенье работают прилежнее и дольше, чем все остальные. В конце своего выступления председатель предложил исключить адвентистов из колхоза. Это означало, что свои хозяйства, огороды и дома они должны были оставить и уехать из родного села. Но куда? Как жить? С чего начать?.. Множество во-

просов возникло разом, и все они были необычайно сложными.

Но вдруг начали собираться тучи. За несколько минут стало совершенно темно. Люди со страхом озирались кругом. Грозный голос председателя стал значительно тише, ругательства и упреки уже не сыпались так щедро. Разыгралась буря. Она срывала с домов крыши, мела, кружила, раскидывала... В этом недостроенном доме не было ни окон, ни дверей, и ворвавшийся ветер сорвал со стола скатерть со всеми бумагами и унес неизвестно куда. Присутствующие пришли в такой страх и смятение, что падали друг на друга и, немного опомнившись, бежали, каждый в свой дом. Они уже не жалели о том, что не успели проголосовать за исключение адвентистов из колхоза, но были рады, что не погибли во время страшной бури. Впредь они никогда больше не упрекали верующих за то, что те соблюдали субботу.

...Было прекрасное субботнее утро. Ярко светило солнце. Цвели яблони и первые весенние цветы. После дождей трава стала свежей и зеленой. Птицы пели в садах. В домах верующих, которые соблюдали святой субботний день,– чистота и уют. Но их сердца были наполнены тревогой. Председатель колхоза вчера сам лично обошел дома верующих и сделал последнее предупреждение о том, что все, кто не выйдет на работу в субботний день, будут немедленно арестованы и преданы суду. Несмотря на угрозу, никто из верующих не вышел на работу. Они встали рано утром и обратились к тем «горам, откуда нисходит помощь» во всякое время, возложили свои печали к ногам Господа и покорно ожидали решения своей участи. На улице раздался шум. Люди бежали в сторону сельсовета, возбужденные и испуганные. Братья выглядывали из своих домов, предполагая, что в сельсовете находится часть уже арестованных верующих, и сейчас придут за ними. Но там лежал мертвый председатель колхоза. Он чистил свое охотничье ружье и нечаянно выстрелил себе в сердце.

«Ради страдания нищих и воздыхания бедных ныне восстану, говорит Господь, поставлю в безопасности того, кого уловить хотят» (Пс. 11:6).

ЧУДЕСНОЕ ИЗБАВЛЕНИЕ ОТ СМЕРТИ

Во время второй мировой войны, в 1944 году, село Тарасовка было освобождено от врага, и фронт продвинулся дальше.

После изгнания немцев в селе была объявлена мобилизация. Шесть наших братьев явились на призывной пункт, где объяснили, что являются верующими — адвентистами седьмого дня и поэтому не могут брать оружие. Их уговаривали, убеждали, им угрожали, но все было напрасно. Тогда командиры решили послать их на передовую линию. Братья взяли с собой пищу и пошли, куда было приказано. Когда они шли по большому безлюдному полю, к ним незаметно подошел хорошо одетый молодой человек и спросил: «Братья, куда вы идете?» Они рассказали, что им приказано идти на передовую линию и явиться в штаб. Незнакомец посмотрел на часы и сказал, что уже поздно, и в штабе никого нет. Он посоветовал вернуться домой и переночевать, а утром опять идти на призывной пункт. После этого молодой человек внезапно исчез. Братья поняли, что это был ангел Божий, послушали его и пошли домой.

На другой день они явились на призывной пункт и рассказали о своей необычной встрече на дороге. Но в ответ на их объяснение раздались крики и угрозы, а потом им приказали явиться к прокурору. Молодой прокурор внимательно выслушал историю о незнакомце и сказал: «Вам угрожала смерть, но сам Бог спас вас. Теперь не бойтесь. Вам дадут по десять лет тюремного заключения, а потом будете на свободе».

ПЕРЕЖИВАНИЕ БРАТА ЛЕВОНА

Благ Господь — убежище в день скорби — и знает надеющихся на Него.
Наум. 1:7

В маленькой ереванской общине, которая состояла из 50 человек, 10 братьев было арестовано. После десятилетнего срока наказания только двое из них вернулись домой. Об остальных до сего дня ничего не известно. Их родные не знают, где они сложили свои головы, где перестали биться их добрые сердца. Только Отец Небесный знает это, ибо в Его книге отмечена судьба каждого Его дитяти.

Брат Левон, который вернулся из лагеря, рассказал следующее: «В 1938 году, 12 февраля я был арестован и после суда на 10 лет сослан в лагерь, где осужденные работали на сборе хлопка. Работа была тяжелой, пища — крайне скудной, общество — развращенное, а еще предстояла борьба за соблюдение святого

дня. Из-за непосильного труда и плохого питания в лагере произошло восстание. Люди отказались работать. Был издан приказ, чтобы тех, кто отказывался работать, немедленно, без всякого суда расстреляли.

Я доложил своему начальнику, что в субботу не могу работать из-за своих убеждений. Начальник, жестокий и безжалостный человек, угрожал расстрелом. Я сказал, что готов к этому, но останусь верным своему Богу до смерти. Меня бросили в карцер. Там я встретился с самыми страшными и развращенными людьми, таких я в своей жизни еще никогда не встречал. Когда меня втолкнули в дверь, то они сейчас же принялись меня обыскивать. Отняли все, что для них показалось хоть сколько-нибудь имеющим ценность. Свой хлеб я отдал им сам, в противном случае они угрожали меня убить. Так продолжалось целый год: каждую субботу угрожали расстрелом, каждую субботу сажали в карцер, где я оставался без пищи. Здоровье мое было подорвано, я начал болеть, ноги стали сильно отекать, и я не мог больше работать.

В самые тяжелые моменты лагерной жизни я обращался в молитве к Господу, и Он никогда не оставлял меня без помощи и утешения. Всегда после молитвы я вставал с новыми силами, с миром и надеждой в сердце. Одно из Его обетований буквально исполнилось в моей жизни. Господь пробудил сострадание в сердце лагерного врача, и он уделил мне особое внимание, поместив в больницу и заботясь обо мне. После выздоровления меня послали в другой лагерь. Здесь снова началась борьба за соблюдение субботы — угрозы, карцер, тяжелая работа и развращенное общество.

Однажды в субботу, когда я вместе с другими умывался, один из заключенных сильно толкнул меня, так что я упал на цементный пол и сильно ушибся. При этом он громко закричал: „Ты, ленивец! Чего ты здесь путаешься под ногами? Работать сегодня не хочешь?" Один из заключенных заступился за меня: „Ты — вор и убийца! Ты находишься здесь за свои тяжкие преступления,— закричал он.— Он же никому не сделал никакого зла и страдает за веру. Но даже в этих отчаянных обстоятельствах он верен своему Богу, не считаясь ни с какими последствиями. Оставь его в покое, не то я с тобой рассчитаюсь!"

Так прошли годы в тяжелом труде и постоянной борьбе. Снова я начал болеть и стал совершенно нетрудоспособным.

Меня освободили как инвалида. Это было тяжелое военное время. У меня не было ни денег, ни хлеба. Я не знал, куда обратиться, как мне попасть домой. Несколько дней я не ел и совершенно обессилел. Я обратился к Отцу Небесному в молитве: „Ты знаешь, Боже, что я голоден, нахожусь в безвыходном положении. Ты ведь не оставлял меня в течение десятилетней лагерной жизни. Воззри на Свое бедное дитя в этот тяжкий час!"

Я стоял и молился и вдруг увидел, что вокруг моих ног ветер кружит какие-то бумаги. Я присмотрелся к ним – это были хлебные карточки. О, Божья милость! Благодаря им я был сыт и спокойно мог ожидать, когда моя сестра, получив письмо, вышлет деньги на дорогу.

Спустя десять лет я вернулся в свой родной город, но мне не разрешили там жить. Я должен был поселиться в селе. Когда братья возвращались из лагерей, то их ждали верные подруги жизни, которые все эти годы за них молились и ожидали того дня, когда снова смогут быть вместе. Я же не имел этого счастья. Моя жена изменила мне и вышла замуж за другого. Сына моего сбила автомашина, и он погиб. Я остался один. Сердце мое было переполнено тоской и горем. Я находил себе утешение в молитвах и в Слове Божьем. В это тяжелое время Господь подкрепил меня во сне. Ангел сказал мне: „Левон, не бойся! Когда ты был в лагере, Я всегда был вместе с тобою везде, где бы ты ни ходил. Я видел твои скорби и нужды. Теперь не печалься и не смущайся, будь тверд, отыщи своих братьев и посещай собрания". Я ободрился. Постепенно раны сердца зажили, и я нашел утешение в общении с народом Божьим».

«К святым, которые на земле, и к дивным Твоим – к ним все желание мое» (*Пс. 15:3*).

БОЖЬЯ ПОМОЩЬ ВО ВРЕМЯ ТРУДНОСТЕЙ

Наша квартира в Москве находилась рядом со Всесоюзной конторой Церкви. Не только днем, но часто и ночью приходили братья, прибывавшие в Москву на поездах и самолетах. Однажды ночью раздался звонок. Я открыла. В дверях стоял человек, крайне исхудавший и очень плохо одетый, но лицо его было светлым и ясным. Я сразу поняла, что это один из наших узников, и не спросив, кто он и откуда, немедленно пригласила его в квартиру и предложила помощь. Я смотрела на руки бра-

та. Они были настолько худые, что резко вырисовывались все косточки, обтянутые одной кожей. Так как брат должен был рано утром уезжать и в его распоряжении было несколько часов, мы больше не ложились спать и провели ночь, слушая его рассказ о пережитом.

В 1939 году он был осужден за религиозную агитацию и выслан на три года на вольное поселение в Сибирь. Брат немного освоился на новом месте жительства и пригласил к себе семью. Они завели маленькое хозяйство. Купили корову, кур, обрабатывали огород. Случайно брат узнал, что за рекой находится группа верующих. В пятницу, после окончания работы он отправился туда и, к великой радости, нашел своих единоверцев. Впредь он регулярно посещал их, и они вместе подкреплялись Словом Божьим.

Однажды, закончив день святой, он по обыкновению спешил домой, чтобы на другой день рано утром приступить к работе. Шел сильный дождь, поднялась буря. Подходя к берегу, он увидел, что река бурлит, как кипящий котел. У берега не было ни парома, ни лодки. Кто осмелится в такую бурную ночь плыть по бушующим волнам? Положение было безвыходное, ведь завтра утром он должен быть обязательно на работе. В то время судили за нарушение трудовой дисциплины, и притом он же был из высланных, а с ними обращались особенно строго. Брат преклонил колени на берегу бурлящей реки и горячо молился, чтобы Господь дал ему какой-либо выход из этого положения. Когда он встал с колен, прямо перед ним на волнах покачивалась лодка. Он понял, что это ответ на его молитву и, не раздумывая, без всякого страха сел в лодку. Чья-то невидимая Рука оттолкнула лодку, и она понеслась по волнам. Весел на ней не было, да они и мало бы помогли в такую ночь. Как легкое перышко, лодка пронеслась по волнам и, благополучно пристав к противоположному берегу, легла на песок. Брат ступил на берег и пошел домой.

Вскоре узнали о его посещениях, и он снова был арестован, осужден на 10 лет лишения свободы и отправлен в дальние лагеря. Теперь он был разлучен с семьей и братьями и находился в обществе преступников и убийц.

Началась война. Болезни и голод свирепствовали в лагерях. Никакой помощи он не получал. От истощения он совершенно обессилел. Однажды в субботу, находясь в уединенном месте, он преклонил колени и просил Господа, чтобы Он подкрепил

его веру в трудный час, когда физические и духовные силы ослабели.

Тотчас он услышал какой-то шум, как будто сверху что-то упало. Брат открыл глаза и увидел перед собой большую копченую рыбу. Он посмотрел вверх и увидел улетающую птицу. Изнемогший узник вспомнил ту чудесную ночь, когда кругом бушевали волны, а Божий Ангел правил лодкой, в которой он находился. И теперь снова Господь услышал Его молитву. «Вот, око Господне над боящимися Его и уповающими на милость Его, что Он душу их спасет от смерти и во время голода пропитает их» *(Пс. 32:18, 19)*.

Он благодарил Господа за то, что ему была послана помощь в такой тяжкий час и что в день субботний Бог послал не сырую рыбу, а копченую. «Ведь Он же знал,– добавил брат,– что в день субботний я не стал бы готовить пищу». Через некоторое время он получил таким же образом сырую рыбу, но это случилось уже не в субботний день.

Прожорливые голодные вороны приносили пищу пророку Илие. В тяжелые безвыходные моменты жизни Господь творит такие же чудеса, как и в древние времена. Нам только надо верить и замечать их.

Так прошла ночь, настало утро, и мы должны были прощаться с нашим дорогим братом, который ободрил нас, рассказав такие удивительные опыты.

В ТУМАНЕ

Предай Господу путь твой, и уповай на Него, и Он совершит.

Пс. 36:5

Если бы случайный прохожий взглянул в окно маленького домика, стоящего на окраине городка над крутым обрывом, то он мог бы подумать, что в этом доме должно состояться какое-то торжество и что семья ожидает гостей. Все было чисто убрано, каждая вещь стояла на своем месте. Молодые супруги, их четверо детей и бабушка были по-праздничному одеты, их лица выражали мир и радость. Подобную картину вы могли бы увидеть в каждом доме народа Божьего. «Помни день субботний»,– гласит повеление Божье, и те, которые послушны голосу Его, уже в начале недели так планируют время для работы и путеше-

ствий, чтобы в день субботний остаться в покое, как святые жены, о которых сказано: «...и в субботу остались в покое по заповеди» *(Лк. 23:56).*

Когда угасающие лучи солнца шлют свой прощальный привет нашей земле, дети Божьи с хвалебными гимнами и благодарственными молитвами приветствуют наступление святого дня покоя. С небес нисходит субботний мир и распространяется над теми, кто принимает печать Божью — четвертую заповедь.

В пении принимали участие даже самые маленькие. После короткого чтения из Слова Божьего и молитв отец с матерью, поцеловав своих крошек и пожелав им доброй ночи, ушли.

Вечерний туман мягко опускался на землю. 1960 год приближался к концу. Супруги Кулаковы шли по пустынным улицам окраины города и вспоминали о прошлом. Не по гладким тропинкам им пришлось проходить в течение этого года. Крутые скалы испытаний поднимались на их пути. Молитвенный дом был закрыт, богослужения проводились на квартирах. Нельзя сказать, что верующие были вне опасности, часто случались проверки. Больше всего интересовались братом Михаилом. Сколько раз в этом году он видел, как чудесно избавляет его Бог и охраняют святые ангелы! В то время, пока он проповедовал в одном месте, его искали в другом. Взор преследователей будто отводился от него. Год канул в вечность. Они шли и рассуждали о том, что может принести новый год. Естественно, что молодые сердца жаждали свободы. Их мысли простирались в будущее, они мечтали о наступлении такого времени, когда можно будет свободно собираться и свободно возвещать скорое Второе пришествие Иисуса Христа. Они согласны были бы работать еще усерднее, лишиться всяких удобств, которых и так было не много, нести тяжелые ноши, отказать себе во многом, только бы иметь возможность свободно возвещать Трехангельскую весть.

Так рассуждая, они незаметно дошли до намеченной цели. По причине гонения собрания проходили в пяти местах. Верующие находились в непрерывном преследовании, которое становилось с каждым днем все ожесточеннее. Нападки в печати, поношения, увольнения с работы были обычным явлением. Как высоко ценили в то время молитвенные собрания, которые давали новые силы и подкрепление!

После собрания все тихо разошлись. Туман настолько сгустился, что на расстоянии одного шага нельзя было видеть че-

ловека. Супругам казалось, что они идут по знакомой дороге, но недалеко от своего дома они по ошибке повернули в сторону и долго не могли понять, где находятся.

В маленьком домике на окраине были слышны детские голоса. Они пели свои любимые псалмы: «Мой Христос Спаситель умер за меня», «Там с высот небесных смотрит наш Отец». Когда стали петь псалом «Я устал, пошли покой», большие, красивые глаза Мишеньки начали делаться все уже и уже, а потом совсем закрылись. Его примеру последовала и Машенька. Уложив малышей, бабушка уселась, чтобы поговорить с Линочкой и Павликом. Их мирная беседа была нарушена страшным стуком в дверь. Дети испугались. Они знали, что мама с папой, а также верующие, которые часто к ним приходили, никогда так не стучали. Этот грозный стук им был уже знаком. Ведь не так давно, осенью, тоже в начале святого дня, приходили и искали их папу. Тогда мама была дома, и она открыла дверь незнакомцам, которые ходили по всему дому, заглядывали под кровати, открывали двери шифоньера. Неужели это те самые грозные люди, которые так угрожали и кричали и которых они так боялись? Бабушка подошла к двери и спросила: «Кто стучит? Что вы хотите?» Нежеланные гости потребовали немедленно открыть дверь. Бабушка объяснила, что хозяев нет, что в доме она одна с малышами и им не откроет. Ее пояснение ничего не изменило, и люди продолжали стучать. Тогда она попросила их подойти к окну, а сама отодвинула занавеску, чтобы им было видно, что в доме больше никого нет.

«Добрые вы люди или со злым намерением — я ведь не знаю и впустить вас не могу!» — сказала бабушка. Они продолжали стучать, а потом сказали: «Мы пойдем к соседям, возьмем понятых и все равно вы должны будете нам открыть».

Послышался шум удаляющихся шагов. Собака перестала лаять. Все затихло. Бабушка подошла к книжному шкафу, открыла его и задумалась. Много замечательных книг уже было изъято при обыске, неужели теперь возьмут и последнее? В шкафу стояли среди других книг и Библии на разных языках. Люди могли снова вернуться и силой ворваться в дом. Что прятать и куда? В такой момент трудно сообразить, как поступить. За книгами у самой стенки шкафа бабушка заметила стопку напечатанных на машинке уроков субботней школы и Псалмы Сиона. Не задумываясь, она быстро схватила все это и бросила

в печку. Все это время за ней бегал Павлик и просил спрятать коробочку, которую ему на днях подарил папа. Малыш опасался, что папочку по дороге могут забрать, а все, что было связано с ним, было для маленького сердечка бесконечно дорого. Бабушке было не до коробочки, она просила Павлика успокоиться. Мальчик положил коробочку. Казалось, она больше его не волновала. С серьезным выражением маленького личика он обратился к бабушке и к сестренке с предложением: «Давайте лучше преклоним колени и будем молиться о папочке, чтобы его по дороге не арестовали». Горячие слезы катились по щекам детей, их голоса дрожали. Пламенная детская молитва, как благоухающий фимиам, возносилась к небу.

Снова залаяла собака. Люди вернулись с понятыми и еще сильнее стали стучать в дверь. Бабушка вышла в коридор и решительно сказала: «Я вам не открою. Придет хозяин, с ним будете объясняться». Ругаясь и угрожая, они ушли. Собака провожала их лаем.

А хозяева дома в это время продолжали блуждать. Густой туман, будто какое-то чудовище, схватил людей в свои мягкие, но властные лапы, насмехаясь над их бессилием. Супруги кружили возле своего дома и не могли к нему подойти. Долго лаяла собака вслед нежеланным гостям, которые наделали столько шума и подняли на ноги всех соседей. Теперь Анна и Михаил повернули в сторону дома. Они узнали лай своей собаки и пошли в нужном направлении. «Почему мы раньше не шли в эту сторону, давно бы были дома»,– сказала Анна.

Уставшие, но радостные, они вошли в комнату и рассказали о том, как они заблудились и не могли попасть домой. Бабушка рассказала о случившемся и очень скорбела о том, что сожгла напечатанные на машинке тексты. Михаил успокоил ее, говоря: «Напечатаем снова. Хуже было бы, если бы их нашли».

Двое маленьких детей сладко спали. Их не тревожили ни страшный стук в дверь, ни густой туман. Павлик ничего не рассказал о своих опасениях. Он был рад тому, что отец вернулся...

Горячие молитвы благодарности за чудесное избавление и охрану святых Ангелов возносились к небу из сердец и уст членов семьи Михаила Кулакова, обитателей маленького домика, стоящего над крутым обрывом на окраине города.

«Ангел Господень ополчается вокруг боящихся Его и избавляет их» (Пс. 33:8).

ВЕРНОСТЬ ДВУХ ЮНОШЕЙ

Ты приближался, когда я взывал к Тебе, и говорил: «не бойся!».
Плач Иер. 3:57

Яков и Иван Дмитриенко были еще подростками, когда суровая буря жизни вырвала их из родительского гнезда и унесла из родного села Тарасовки. За религиозные убеждения они были осуждены и отправлены в дальние лагеря.

Они были воспитаны так, чтобы быть всегда готовыми встретить любые трудности и невзгоды, которые в те годы были неизбежными на пути христианина. С самого детства Яков и Иван были наставлены в Священном Писании, как и молодой Тимофей, о котором апостол Павел свидетельствует: «Притом же ты из детства знаешь священные писания, которые могут умудрить тебя во спасение верою во Христа Иисуса» *(2 Тим. 3:15)*.

В лагере не было возможности пользоваться Библией, но они хорошо знали основы истины. Как некогда юные вавилонские пленники, Даниил и его друзья были подвержены испытанию относительно пищи, так и нашим юным узникам пришлось встретиться с этим испытанием.

О вавилонских пленниках Дух пророчества дает такое свидетельство: «Никакие силы не могли отвратить их от принципов, усвоенных в юности, когда они изучали Слово Божье и деяния Господа» *(«Пророки и цари», стр. 482 ориг.)*.

Шла война. Вопрос пищи являлся самой тяжелой проблемой для каждого, но несказанно тяжелее он был для узника. На весь трудовой день заключенные получали скудный кусок хлеба, и при этом он был крайне плохого качества.

Однажды в лагерь привезли рыбу. Все обрадовались и надеялись, что питание будет улучшено. Рыба эта называлась «сом». Такую рыбу Яков и Иван еще никогда не видели. В селе Тарасовке, где они родились и выросли, была большая речка, и рыба, которую юноши иногда ловили, была «чистая», т. е. соответствовала Божественному указанию: «А все те, у которых нет перьев и чешуи, в морях ли или в реках, из всех плавающих в водах и из всего живущего в водах, скверны для вас» *(Лев. 11:10)*. Юноши вспомнили откровение апостола Петра, когда перед ним сошел сосуд с неба, и голос сказал ему: «Встань, Петр, заколи и ешь». Апостол, на основании Священного Писа-

ния, ответил: «Нет, Господи, я никогда не ел ничего скверного или нечистого» *(Деян. 10:14)*. Впоследствии апостол ясно понял, что откровение относится к язычникам, которых не должны были более считать нечистыми, и что Господь не отменил повеление о нечистой пище. Они знали и то, что говорит апостол Павел о пище: «Ибо всякое творение Божие хорошо и ничто не предосудительно, если принимается с благодарением, потому что освящается словом Божиим и молитвою» *(1 Тим. 4:4, 5)*.

Юноши не видели привезенную рыбу и потому не знали, имеет ли она чешую и перья, т. е. разрешена ли она Господом и освящается ли Его Словом. Не у кого было спросить, никто не мог им ответить на этот вопрос. Люди только бы посмеялись над ними. На кухню они не имели никакого доступа и не могли посмотреть на эту рыбу, чтобы удостовериться в том, что ее можно есть.

Яков и Иван решили не принимать пищу, в которой они сомневались, и искать ответ у Господа. Они назначили пост и горячо молились.

В ту же ночь Яков видел сон, будто он стоял в лагерном дворе и смотрел на небо. С неба опускалось письмо. Оно опускалось все ниже и ниже. Наконец, письмо оказалось в его руках. На конверте было написано: «Письмо из небесного города». Он быстро открыл его и прочитал: «Эта рыба нечистая».

То был ответ на их молитву. За верность Господь не оставил их в неведении, но дал им точный ответ. Теперь юноши знали определенно, что рыба не пригодна в пищу, и решили ограничиваться маленькой порцией недоброкачественного хлеба, чтобы не оскверняться нечистой пищей.

В тот же день начальник лагеря пригласил их к себе, положил перед ними несколько булок и сказал: «Кушайте, ребята! Сколько хотите! Что останется, забирайте с собой и приходите ко мне каждый день».

«Не будут они постыжены во время лютое, и во дни голода будут сыты» *(Пс. 36:19)*.

Подобно вавилонским пленникам, молодые узники остались верны Господу. Но им тоже пришлось еще раз доказать свою верность, подвергая свою жизнь опасности.

Юноши решили при любых обстоятельствах, не считаясь ни с какими последствиями, остаться верными Господу. Начальник лагеря приложил все усилия, чтобы переубедить их. Он до-

казывал им с научной точки зрения, что они заблуждаются, и предупредил, что в лагере нельзя устанавливать свои законы. Ведь за нарушение лагерных законов прибавляется срок. Юношей ничто не поколебало в их вере. Они были убеждены, что для них Закон Бога выше законов человеческих, и нарушить этот закон они не могли. Начальник угрожал, но это не действовало.

Настала суббота. Юноши остались в бараке и не вышли на работу. В барак вошли несколько человек, с силой вытолкнули их и потащили за зону, на место работы. Несмотря на угрозы, крики и шум, работать юноши не стали. Тогда привели большую, специально обученную собаку и стали натравливать ее на них. Собралось много людей, пришли надзиратели и заключенные. Казалось, что не миновать кровавой сцены. Все были уверены, что, когда собака бросится на них, они отрекутся от своих убеждений и начнут работать.

Инструктор приказывал собаке броситься на юношей, которые спокойно стояли, как некогда христиане во время первых столетий. Собака бежала в их сторону, делала большой круг возле них, возвращалась обратно и смотрела на хозяина, ожидая похвалы. Инструктор нервничал, бил собаку и снова приказывал ей. Собака опять бежала, делала круг около стоящих страдальцев и возвращалась обратно. Она смотрела всем в глаза, как бы говоря: «Люди, жестокие люди, неужели вам не жалко этих невинных детей!» Все попытки натравить собаку на юношей были тщетны. Бессловесное животное обличало жестокость людей. И ничего не оставалось делать, как разойтись.

Опыты юных узников Якова и Ивана были очень сходны с переживаниями Даниила и его друзей. Они остались верны Господу, и Он прославил их перед людьми, вступившись за них.

«Занавес, который отделяет видимый мир от невидимого, будет открыт, и чудесные дела будут показаны только тогда, когда забота Бога будет видима во свете вечности: мы увидим то участие, которое принимали Ангелы в нашей жизни. Они появлялись в одеянии, которое блистало, как молния, или приходили к людям в одеянии странников. Они принимали кров человеческого гостеприимства, они сопровождали путешественников, которых заставала ночь. Они разрушали замыслы губителей, отвращали удары врагов» (Е. Уайт, «Воспитание»).

КОВАРНЫЙ ОБМАН РАЗОБЛАЧЕН

Часто писали в газетах о том, что верующие приносят в жертву своих детей. Как это похоже на обвинения язычников в первые столетия истории христианства!

...Однажды сестра нашей церкви ехала в поезде. Напротив сидели молодые супруги с шестилетней девочкой. Из разговора сестра узнала, что ее попутчики — врачи. Девочка сидела в раздумье, потом обратилась к отцу с таким вопросом: «Папа, откуда произошли люди? Ты, и мама, и все дяди, и тети, и я сама? Расскажи, откуда мы все?»

Отец ничего не ответил, но, обращаясь к сестре, сказал: «Смотрите, как легко верующим объяснить все это. В ответ на такой наивный детский вопрос они открыли бы первые страницы Библии, прочитали ребенку и все было бы ясно. Мы же должны вести ребенка по каким-то дебрям и лабиринтам теории эволюции, которую сами себе хорошо не представляем и которая часто подвергается критике и изменениям! Ребенок же из наших путаных рассказов ничего не поймет!»

Прежде чем сестра успела высказать свое подтверждение, вступила в разговор его жена: «Зачем ты говоришь такие глупости? Ты знаешь, кто такие верующие и что они за люди? Ведь они приносят детей в жертву, сжигают их на кострах... Это же настоящие мракобесы и фанатики!»

...Это произошло в 1961 году на Украине, в Тернопольской области. Муж одной из сестер нашей церкви был неверующим, он яростно противился истине. На работе его часто упрекали в том, что он никак не перевоспитает свою жену. Говорили, что это пятно лежит на нем: он — партийный человек, а жена — верующая. Муж оправдывался, говоря, что прилагает все усилия, чтобы переубедить жену. Он даже избивал ее, но ничего не действовало. Она оставалась при своих убеждениях. Он просил посоветовать, что предпринять дальше. Совет был получен, и вскоре осуществлен.

В пятницу вечером, когда жена пошла на собрание, отец, придя с работы, послал своего шестилетнего Колю в ларек за папиросами. Около ларька стояла девушка и спросила мальчика: «Для чего тебе папиросы? Ты уже научился курить?»

— Меня папа послал за папиросами, сам я не курю,— ответил Коля.

2 Зак. 1709

— А где же твоя мама, почему она не пошла за папиросами?

— Сегодня пятница. Мама ушла на собрание,— наивно ответил Коля.

— Как тебя зовут, мальчик?

— Коля.

— Ну, вот и хорошо! Не хочешь ли ты, Коленька, покататься? Вот стоит машина. Мы объедем квартала два-три и подвезем тебя к дому. Это не займет много времени, и папа за это время не начнет беспокоиться.

Мальчик охотно согласился, ведь дети любят кататься. Притом такая милая, приятная тетя будет с ним вместе. Машина направилась прямо в милицию. Там записали имя, фамилию мальчика, и «любезная» тетя вместе с ним отправилась на станцию.

— Тетя, почему же вы не отвезли меня домой? Папа ожидает папиросы, и, если я так долго задержусь, он будет меня ругать и может избить.

— Папа сам купит папиросы. Он знает, куда ты едешь, и не будет тебя за это ругать.

— А мама? Я хочу к маме! Отпустите меня, я хочу к маме, к маме!

Ребенок громко заплакал...

...Колю отвезли в Харьков и поместили в детский дом... Вот такой был план и совет, который дали человеку для перевоспитания его верующей жены.

А муж, изрядно выпивший для смелости, отправился на собрание. Шла проповедь. Он вызвал жену и спросил о мальчике. Она ответила, что Коля остался дома и ожидал прихода отца. Муж настойчиво повторял свои вопросы. Она попросила его успокоиться и подождать, пока окончится собрание. Может, мальчик зашел к соседским детям и заигрался с ними. После собрания она обещала вместе с мужем пойти и поискать Колю. Пьяный человек не успокаивался и кричал все громче: «Где Коля, где мой мальчик? Что вы с ним сделали? Вы его принесли в жертву, сожгли на костре! Изверги, фанатики, мракобесы!» Он начал кидать камни в окна. На этот шум подбежали дружинники, которые стояли невдалеке и наблюдали за происходящим. Пьяный продолжал шуметь.

Недалеко от молитвенного дома догорал костер. Его приготовили дружинники как вещественное доказательство совершен-

ного преступления. Подъехала машина, привезла следователя. Всех членов общины допросили.

Вызовы в милицию продолжались несколько дней. В газете была напечатана статья о том, что адвентисты седьмого дня приносят в жертву детей. После этого снова вызывали несчастную мать и ее единоверцев. Завели уголовное дело. Газеты не остались безучастны, добавляя к этим событиям все новые краски.

Прошли месяцы, тревога понемногу улеглась. Только в материнском сердце она не утихала. День и ночь оно болело. Мать не знала, куда обратиться, что делать? Она доверила свою тяжбу Богу и непрестанно и горячо молилась за своего дорогого мальчика. Она просила, чтобы Господь возвратил ей ребенка и снял поношение со Своего народа.

Приближалась весна. Наступил март. За околицей села находился большой пруд. Там часами терпеливо просиживали рыбаки со своими удочками. По берегу шел мальчик. Вначале они не обратили на него внимания, потому что рядом все время крутились дети. Мальчик подошел к ним и громко спросил: «Здравствуйте, дяденьки! Много рыбы наловили?» Изумленные рыбаки побросали свои удочки и с недоумением смотрели на мальчика.

Один из рыбаков робко спросил: «Коля, это ты? Тебя же в в жертву принесли... убили... сожгли... Ты что, воскрес, что ли? Откуда ты здесь взялся?»

Мальчик от этих слов растерялся. Он впервые услышал про такие ужасы и никак не мог понять, почему эти дяди так удивлены и взволнованы. Коля рассказал все: как папа послал его за папиросами, как тетя предложила ему покататься, как отвезла его не домой, а в милицию, как угощала конфетами и как оказался он в детском доме города Харькова.

— Но как же ты смог уйти оттуда и сам, один, приехать? — удивились рыбаки.

— Я очень скучал без мамы. Я каждый день плакал и молился. Потом сбежал... Я очень боялся милиции, прятался, как только замечал милиционера. Потом сел в поезд и поехал... Даже с пересадкой пришлось ехать... — добавил Коля.

Рыбаки долго смотрели вслед мальчику. Он шел быстро, потом побежал. Ему так хотелось поскорее увидеть свою маму!

Люди бурно отреагировали на это событие: ведь они были обмануты поднятой властями шумихой. А бедная женщина — мать

ребенка — как ей было тяжело пережить и претерпеть весь этот позор и ужас? Кому верующие люди сделали зло? Разве они не были самыми честными тружениками в селе?

Возмущенные люди пошли в сельсовет и рассказали о случившемся. Были вызваны работники милиции, райкома, облисполкома. Дело дошло до Киева, потом до Москвы. Были сняты с постов и переведены на другие должности те, которые так «ловко» провели порученную им операцию с «жертвоприношением».

Мальчик отсутствовал шесть месяцев.

«Господи! Ты слышишь желания смиренных; укрепи сердце их; открой ухо Твое, чтобы дать суд сироте и угнетенному, да не устрашает более человек на земле» (Пс. 9:38, 39).

НА ПУСТЫННОМ ОСТРОВЕ

Иван Опальник был призван на военную службу и проходил ее в городе Баку. Он вырос в богобоязненной семье. Община в его селе была зарегистрирована, и всегда по субботам проходили собрания. С детства он был в обществе верующих. Но теперь ему предстояло встретиться с испытаниями. Иван решил остаться верным Господу при любых обстоятельствах и святить субботу. Армейское начальство взялось за его перевоспитание. Переубеждали, уговаривали, сажали по субботам на гауптвахту, но все старания были безрезультатны.

«Ты не думай, что мы здесь, на военной службе, будем с тобой нянчиться! Если в эту субботу ты не выйдешь на работу, мы с тобой сделаем то, что тебе даже во сне не приснится»,— заявили новые воспитатели.

Наступала суббота. Угрозы не испугали Ивана. Рано утром его привели на берег моря, посадили в лодку и повезли к одному из островов. Там его высадили, прокричав на прощание: «Пусть твой Бог тебя здесь напоит и накормит, мы за тобой больше не приедем!» С этими словами люди снова сели в лодку и отчалили от берега.

Иван смотрел, как лодка удалялась, и вот она скрылась от его взора. Он остался наедине со своим Богом на одиноком, скалистом острове.

День святой прошел в размышлениях. Апостол Иоанн тоже был на одиноком острове Патмос, где Господь дал ему открове-

ние. И Иван стал вспоминать главу за главой этой книги. «Тот, Который ходит посреди семи золотых светильников,– размышлял Иван,– видит и меня в моем одиночестве». Далее вспомнилось утешение, данное семи церквам: «Я знаю скорбь Твою». Иван подумал: «И мою скорбь Он знает». Вспомнились обетования победителям. В книге описана борьба, которая происходит между светом и тьмой. После этой долгой тяжелой борьбы победители стоят на стеклянном море и поют песнь Агнца и Моисея! «Я тоже хочу быть среди победителей»,– подумал Иван.

Он прошелся по острову. Остров был скалист и угрюм. На нем не росли ни деревья, ни кустарники. Лишь песок да скалы. Волны с шумом разбивались о берег, изредка пролетали чайки. Приближалась осень, было прохладно. Иван был легко одет. Юноша преклонил колени и стал горячо молиться. У него было только одно желание, одна просьба к Господу – остаться верным и не колебаться ни при каких обстоятельствах. Какой будет конец его испытанию, он не знал, но всю надежду возложил на Господа.

Встав с колен, он увидел, что в море, недалеко от острова, стоит рыбацкий траулер. Увидев человека на безлюдном острове, моряки спустили лодку, подплыли к нему и спросили: «Почему ты здесь, как сюда попал и что здесь делаешь?»

Иван рассказал о том, что он верующий, рассказал о своих убеждениях и о том, что с ним случилось. Рыбаки выслушали его, ничего не сказали в ответ и поплыли обратно к траулеру.

С грустью Иван смотрел, как лодка удалялась от берега. Может быть, не надо было говорить им, за что он выслан на остров? Может быть, они возненавидели его за это и потому сразу повернули обратно? Но что другое он мог сказать? Ведь страдал он за Христа, и о Нем должен был свидетельствовать.

Пока грустные думы сменялись одна другой, он увидел, что лодка снова приближается к нему. Рыбаки вышли на берег и положили перед Иваном сухари, консервы, питьевую воду. Они сказали: «Около этого острова мы никогда не ловили рыбу, потому что ее здесь никогда не было. Но сегодня с утра вся рыба шла косяком к острову, и мы имеем богатый улов. Это твой Бог помог тебе, и нас через тебя благословил. Ты кушай, мы тебя не оставим и еще привезем пищи и воды».

На другое утро Иван снова увидел приближающуюся лодку. Это были его товарищи по службе. «Ну как, твой Бог накормил тебя? Напоил чистой водицей?» — спросили они. «Накормил и напоил,— радостно ответил юноша,— могу и вас угостить!» — и показал им свое богатство.

Офицер был удивлен этим чудесным происшествием и тронут верностью Ивана. Он сказал: «Если твой Бог так помогает тебе, ты и впредь будь Ему верен. Ему и служи».

Ивана больше не беспокоили. Его перевели в другую часть, где он благополучно дослужил в армии.

ЧАША СТРАДАНИЙ

Но я ни на что не взираю и не дорожу своею жизнью. Только бы с радостью совершить поприще мое и служение, которое я принял от Господа Иисуса, проповедать Евангелие благодати Божией.

Деян. 20:24

В 1916 году Ян и Альма Вильсон оставили свою родину Латвию и отправились на чужбину. Если вам приходилось покидать родные места, то вам, конечно, известно чувство тоски по родине, по оставшимся дорогим вашему сердцу людям и любимым местам. Эту печаль никто и ничто не может изгладить: ни новые друзья, ни новые места, ни время, которое подобно быстрым вешним водам многое уносит с собой.

Альма и Ян приехали в Россию не для того, чтобы искать богатства или лучшей жизни — нет! Они приехали, чтобы рассказывать о дивной родине, о прекрасной стране, где прекратятся все страдания, нужды, болезни, тревоги сердца, где смерть не будет разлучать любящие сердца.

Пламенное горячее стремление к вечной Родине, светлая надежда на скорое пришествие Спасителя во славе очищает сердце, облагораживает характер и приготавливает христианина к вечности.

Тяжелые годы не могли сломить духовную силу Яна Вильсона. Его жизненный путь был подобен «светилу лучезарному, которое более и более светлеет до полного дня». Он становился сильнее, его характер уподоблялся Христову характеру, прекрасные плоды Святого Духа: любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание были видны в его жизни. Если вам когда-нибудь придется встретить человека, обладающего такими плодами, вы никогда не сможете его забыть. Верующие в Советском Союзе — в Москве, в Ленинграде, на Кавказе, в Сибири, везде, где жил и трудился брат Вильсон, хранят о нем светлую память.

В тяжелые годы гражданской войны Ян Вильсон часто бывал в далеких путешествиях, которые были связаны с лишениями

и опасностями. Эти обстоятельства подорвали и без того слабое здоровье Яна. Но несмотря на физическую слабость, он проявлял большую духовную силу, принося своим присутствием свет и радость.

Эта светлая жизнь была прервана безжалостной рукой...

Прошло 18 лет с тех пор, как Ян со своей супругой Альмой прибыли в Россию. Это были годы самоотверженного труда на ниве Божьей. Но настал час, когда воин Христов должен был сложить свое оружие, склонить усталую голову и покорно идти навстречу невероятным страданиям и смерти. И он пошел этим путем безропотно и терпеливо.

В 1934 году Ян был арестован и выслан в Сибирь. Семья осталась в Москве. По истечении срока он вернулся, но без права жить в Москве. С семьей он переехал в Липецк, где в нужде и тревоге прошли три последних года его жизни на свободе.

В 1937 году он был снова арестован и осужден на 10 лет тюремного заключения. Как тяжелая каменная плита закрывает могилу, так в то время оставались тайной судьбы многих страдальцев.

Прошло несколько лет после ареста, и эта могильная плита, хранящая тайну, была немного приподнята, чтобы снова захлопнуться уже навсегда!

...Тогда была ночь. Холодная сибирская ночь. В пересыльном тюремном дворе стояли заключенные, которых готовили для отправления. Резкий ветер пронизывал до костей. Казалось, он сердился на жалкую безобразную одежду узников и старался сорвать с них последние лохмотья.

Эту ночь брат Сергеев не мог забыть. Недалеко от него стоял человек, одетый в рваное. Он сразу понял, что этого человека обобрали тюремные воры. Скорее всего они проиграли его одежду в карты и поэтому раздели его. Местами было видно голое тело. Он был настолько худой и изнемогший, что, казалось, под следующим порывом ветра свалится на землю. Его глубоко впавшие глаза были устремлены в ночное беззвездное небо, как будто сквозь тьму он видел звезды надежды. Казалось, он чувствовал дыхание Вечности, и далеко позади остались земная скорбь и страдания. Сергеев знал этого человека. Сколько раз он слышал из его уст слова наставления и вечного утешения! Сколько раз он встречал его на съездах церкви, приветствовал его и делился с ним опытами! Без всякого сомнения, это был он,

Ян Вильсон! Как узок и тернист был путь этой светлой души!

Чаша страданий семьи Вильсон была очень горькой. Вскоре после ареста Яна была арестована и его супруга. Она обвинялась в том, что вела религиозную агитацию у колодца, куда женщины приходили за водой. Мать была отнята у детей как раз тогда, когда она была им более всего нужна. С детьми осталась престарелая бабушка. Кто знал сестру Карис, тот помнит ее ласковый взгляд, ее добрые, мудрые советы и добродетельную жизнь подлинной христианки.

Как непрошеные гости, нужда, скорбь и лишения ворвались в скромный дом Вильсонов. Суровая борьба за существование подорвала здоровье немощной женщины. Ее жизненные силы стали быстро иссякать, как иссякает ручей во время летнего зноя. Непосильная ноша сгибала уже и без того согнутую спину. Она слегла и больше не встала. На одре болезни ее исхудалые неутомимые пальцы все шевелились и шевелились. Она представляла, что вяжет, и это придавало ей какое-то утешение. Но настал тот час, который подобен тихому вечеру, когда умолкают все звуки, прекращаются все труды и настает покой.

«Он отходит к миру: ходящие прямым путем будут покоиться на ложах своих» *(Ис. 57:2)*.

...Вернемся к той печальной ночи, когда два любящих сердца были совсем близко, но были разлучены людской жестокостью навсегда!.. В вагоне было темно и тихо. Разговаривать, даже шепотом, было строго запрещено. Наступила ночь. На сердце Альмы Вильсон было тяжело, невыразимо тяжело... Как страшный сон, остались позади долгие месяцы под следствием в тюрьме, суд, ложные обвинения, угрозы, объявление приговора: лишение свободы на 8 лет. За что? О, если бы она знала, где находится ее друг жизни, что с ним, какова его участь? Может быть, его оправдали, и он на свободе? О, нет! Это было бы сверхъестественно для того времени, и она это хорошо понимала. Его судьба подобна ее судьбе, а может быть, и тяжелее.

Ход ее мыслей прервал тяжелый вздох, раздавшийся где-то неподалеку. Она чуть не вскочила со своего места, чуть не помчалась в ту сторону, откуда услышала вздох, но, вспомнив о своем положении, осталась на месте и стала внимательно прислушиваться.

Через некоторое время вздох снова повторился. В нем было так много невысказанной боли, столько тоски и невероятной

скорби. «О, Боже, Боже! Неужели это Ян? Неужели он здесь, так близко от меня? Неужели я увижу его?» И на мгновение она забыла все. Близость дорогого человека и надежда увидеть его придали ей новую силу. «Он такой же невольник, как и я. Что ж, будем вместе страдать и нести свой крест».

В ночной тиши снова раздался тот же вздох и вернул ее к действительности, из которой не было видно никакого выхода. «Да, это он, мой друг. Как не узнать этого печального вздоха, ведь я к нему так привыкла за годы гонений. Я слышала его, когда он говорил о тяжелом положении дела Божьего, о страданиях Его народа и о предстоящей неизбежной разлуке с семьей. Этот вздох вырывался из его наболевшей груди даже ночью, когда он спал...»

В вагоне стало совсем тихо. «Наверное, и он немного задремал»,– подумала Альма. Светлые воспоминания юности, как белые голуби, пролетали в ее сознании. Она вспомнила то время, когда услышала Трехангельскую весть. Тогда светлый луч истины осветил ее жизненный путь, и она не отвергла этот свет, но с радостью пошла за ним. Счастлив тот, кто внимательно прислушивается к нежному, трепетному зову, обращенному к его сердцу. Счастлив тот, кто открывает свое сердце и впускает туда как своего лучшего друга Спасителя.

Альма была счастлива. Ее жизнь была наполнена чистыми радостями христианки. В то время после учебы в миссионерской школе вернулся Ян Вильсон. Она приняла его предложение вместе одним путем идти к вечности. В 1916 году они вместе оставили родину и переселились в Россию.

Это были тяжелые, но благословенные годы. Сколько людей приняли весть спасения! Сколько измученных сердец было ободрено и укреплено! Примерная чистая жизнь и высокая нравственность придавали силу проповедям ее мужа. Любовь к Богу и ближним стала смыслом его жизни.

Воспоминания о муже были светлы и чисты, и Альма была уверена, что последний час его жизни, каким бы он ни был тяжелым и скорбным, все же будет озарен светом небесной радости.

Но дети, милые дети! Что будет с ними? Какой путь стоит перед вами? Не путь ли позора, лишений, лютой нужды, тюрьмы и преждевременной смерти?..

В таких раздумьях прошла ночь. Под утро она задремала. Несколько минут спокойного сна далеко унесли ее от этой безрадостной действительности.

Резкие крики, шум, топот множества ног прервали ее минутный покой. Она открыла глаза и увидела, что происходит переформирование узников. Мужчин пересаживали на другой поезд.

Хотя появлялись первые проблески дня, было еще сумрачно. В толпе, которую гнали, она не могла разглядеть своего мужа. Серая толпа измученных людей быстро исчезла за вагонами, и поезд пошел дальше. Альме хотелось выпрыгнуть из вагона, бежать, искать, звать по имени того, кто был бесконечно дорог ее сердцу! Но, увы! Она даже не имела права подойти к окну, чтобы кого-либо спросить об этих несчастных: кто они, куда их отправляют... Ей казалось, что чья-то жестокая рука захлопнула дверь ее счастья, и она больше никогда не откроется.

...Поезд мчался все дальше и дальше. Расстояние между двумя переполненными невероятной скорбью сердцами все увеличивалось. Альма ничего не знала о своих детях, ничего не знала о дорогом муже, только слышала его печальные вздохи. Ей не удалось даже увидеть его. Она не знала, куда направляют ее и что ждет ее в будущем. Из глубины души вырвался скорбный вопль, как некогда из груди пророка Аввакума: «Чистым очам Твоим не свойственно глядеть на злодеяния, и смотреть на притеснение Ты не можешь. Для чего же Ты смотришь на злодеев и безмолвствуешь, когда нечестивец поглощает того, кто праведнее его» *(Авв. 1:13)*. О, Боже, Боже! Ты знаешь темные беззвездные ночи борьбы и тревоги, ибо Ты Сам провел такую ночь в Гефсиманском саду!

Но вот на темном небосводе стали зажигаться звезды, одна ярче другой. То были звезды вечной надежды, чудных Божьих обетований: «Не бойся, ибо Я – с тобою» *(Ис. 41:10)*, «Много скорбей у праведного, и от всех их избавит его Господь» *(Пс. 33:20)*, «Бог твой предназначил тебе силу» *(Пс. 67:29)*, «Ты приближался, когда я взывал к Тебе...» *(Плач Иер. 3:57)*, «И вот, Я с тобою; и сохраню тебя везде, куда ты ни пойдешь» *(Быт. 28:15)*, «Вы не будете постыжены и посрамлены...» *(Ис. 45:17)*.

...Миновали восемь лет лагерной жизни, но Альма Вильсон не могла вернуться к родным, потому что шла война и не было транспорта. Пришлось остаться еще на два года. Через десять лет она вернулась. Нельзя сказать, что домой,– дома у нее не было. Ее мама давно ушла на покой. Старший сын был убит на войне, младший занесен судьбой неизвестно куда. Негде было приклонить усталую голову, негде было отдохнуть душой.

Прошло 35 лет с тех пор, как два молодых, счастливых человека оставили свою родину и приехали в Москву. Теперь на этом же вокзале Альма Вильсон стояла одна...

Мы ожидали поезд. Яркой картиной мне представилась жизнь семьи Вильсон, которая была переполнена невероятной скорбью и тяжелыми лишениями. На лице сестры Альмы покоился мир, глубокий мир ее души. Когда мы прощались, она мне доверила тайну своего неразрушимого покоя, который она обрела в эти годы страданий:

«Ты руководишь меня советом Твоим, и потом примешь меня в славу» (Пс. 72:24).

СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ ОДНОЙ СЕМЬИ

У Тебя исчислены мои скитания; положи слезы мои в сосуд у Тебя,— не в книге ли они Твоей?

Пс. 55:9

Природа, окружающая село Тарасовку, не отличается особенной красотой. Однообразные степи и цепь огромных каменистых гор, которые на десятки километров тянутся вдоль железной дороги, не восхищают взор путешественника. Само село окружено горами, покрытыми выгоревшей на солнце травой, среди которой прячутся ящерицы и ядовитые пауки тарантулы.

Но в этом невзрачном месте находится нечто особенно прекрасное, являющееся предметом интереса обитателей неба — церковь Божья.

У самого подножия одной из гор стоит молитвенный дом адвентистов седьмого дня, той церкви, которая соблюдает заповеди Божьи и имеет веру Иисуса Христа. Большая часть верующих в этом селе занимались земледелием и работали в колхозе. Община отличалась особенной духовной крепостью и чистотой. Она была свободна от ложных учений и всякого рода сомнений. Истина была сохранена в сердцах верующих во всей своей чистоте. Несколько лет в Тарасовской общине трудился брат Константин Ефимович Титоренко. Его глубокие познания Слова Божьего и духовно сильные и ясные проповеди укрепляли и объединяли общину.

Высокие горы, окружающие мирное селение, не смогли защитить церковь от грозных бурь гонений, свирепствовавших тогда по всей стране и достигших этих мест. Из членов Тарасовской общины были арестованы шесть братьев. Они были осуждены на 10 лет заключения в лагерях. В годы войны их участь была тяжелой. Им пришлось пройти горнило огненных испытаний. Один из них не вернулся. Его могила находится на далекой чужбине.

Прошел только год с тех пор, как Петр Степанович Кулаков вернулся из лагеря. И вот, спустя 11 лет, он снова оказался на своей родине. Здесь было все связано с его юностью, с родным домом, с общиной. В Тарасовке родился и подрастал его первый сын Стефан. Но его цветущая жизнь была оборвана, как струна.

Воспоминания о прошлом не омрачали душу брата Петра, он не предавался подступавшим чувствам. Вступив на стезю благовествования, он всегда был готов трудиться и страдать. Девизом его жизни были слова апостола Петра: «Но если и страдаете за правду, то вы блаженны; а страха их не бойтесь и не смущайтесь» *(1 Петр. 3:14)*. В таком духе он воспитывал и своих сыновей — всегда быть готовыми трудиться и страдать и, если надо, умереть за Христа.

Тарасовская община праздновала 50-летний юбилей своего существования, и Петр Степанович Кулаков был самым дорогим и желанным гостем для всех присутствующих. Он мог рассказать историю этой общины, ибо она была тесно связана с его почившим отцом, который был первым ее членом.

Петр Степанович рассказывал, как впервые Трехангельская весть достигла Тарасовки. Его отец, Степан Викторович, будучи представителем крестьян своего округа (это было время царского правления), должен был один раз в году ездить в Петербург, чтобы присутствовать на заседаниях Государственной Думы. Дети всегда с нетерпением ожидали возвращения отца, так как знали, что он никогда не возвращался без гостинцев. А жена с интересом ожидала, какую же посуду в этот раз привезет муж. Она знала о его пристрастии к изящной посуде, любуясь которой он мог часами стоять у витрин магазинов. Но однажды, вместо ожидаемой посуды, отец привез какие-то маленькие книжки, которыми восхищался так, будто нашел в них скрытое сокровище. Теперь он все свободное время с увлечением исследовал Библию, руководствуясь этими трактатами. К изучению Слова Божьего присоединился и его брат — Иван Викторович.

В 1906 году Степан Викторович посетил в Петербурге богослужение, на котором проповедовалось о Втором пришествии Христа. Эта весть взволновала его сердце, и он жаждал больше узнать о ней. Купив несколько трактатов, он вернулся домой и начал усердно изучать Священное Писание. После тщательного исследования он пришел к заключению о необходимости со-

блюдения седьмого дня — субботы. Теперь он имел горячее желание найти людей, которые ожидают Второе пришествие Христа и соблюдают Его заповеди.

Недалеко от Тарасовки находилась немецкая колония, где уже длительное время существовала такая община. Но Кулаков этого не знал. И вот однажды, в субботу, к нему пришел один из братьев той общины и поделился вестью о Втором пришествии Христа и о субботе. Какова же была радость Степана, когда после долгих поисков он смог наконец найти семью Христову!

Степан Викторович, его брат и их семьи приняли крещение и присоединились к общине адвентистов седьмого дня. Петр Степанович Кулаков был еще юношей, когда Трехангельская весть осветила его путь. Свою молодость и всю жизнь он посвятил великому делу проповеди Евангелия. Первым полем его духовной работы был город Тамбов, потом Ленинград, где он имел преимущество работать вместе с опытными проповедниками, которые многие годы, среди бурь и невзгод, несли знамя Христово...

В 1935 году Петр Кулаков был переведен для работы в Тулу. Там была небольшая, но крепкая община, которая горячо любила и ценила своего проповедника.

В семье Кулаковых росли три маленьких резвых мальчика. Что может равняться на этой земле с семейным счастьем — самыми тесными и верными связями дружбы и любви! И как страшно, когда их разрывает смерть или другие обстоятельства... На семейном алтаре всегда ярко горел священный огонь. Утренние и вечерние молитвы возносились к небу как благоухающий фимиам. В те годы гонений молитва являлась для верующих такой же необходимостью, как воздух и пища. Маленькие дети были наставлены молиться и понимали, насколько это важно. Однажды вечером, после трудового дня, как обычно, перед сном, семья склонила колени в вечерней молитве. После молитвы мать уложила детей, и через несколько минут они уже спали сладким безмятежным сном.

В тот вечер родители долго не ложились спать. Они тревожились о будущем, которое не предвещало ничего доброго. Гонения вспыхивали тут и там. Некоторые из братьев уже были арестованы. Другие, оставив свои родные места, скитались на чужбине. «Если меня заберут,— сказал отец,— то ты с детьми поезжай на родину к своим родным. Они тебе помогут воспитать де-

тей. Дети ведь совсем еще маленькие, и тебе одной будет очень трудно».

Еще раз склонив колени, они просили Небесного Отца о помощи и мудрости. Как поступать, если случится арест и разлука? Предав все свои заботы в Божьи милостивые руки, родители легли спать.

...Сон – это благодетель человека. Он кладет крепкую печать на утомленные глаза и не впускает уже ни заботы, ни тревоги. Сон как будто говорит: «Доселе дойдешь, а в мое царство не войдешь, здесь покой и отдых от всех волнений и тревог, угнетающих душу»...

Но сон Кулаковых был прерван страшным стуком в дверь и окна. Стучали везде, где только могли. В то время верующие знали, что означал этот стук – арест, разлуку, суд, тюрьму и этап в дальние лагеря... Когда отец выглянул в окно, то увидел, что у каждого окна поставлена стража, чтобы тот, за кем пришли, не убежал.

...Когда-то, идя по многолюдным улицам Москвы, мне пришлось видеть, как милиция ловила вора: молодой человек бежал изо всех сил, но все же его поймали. Вор бился ногами, кусал руки милиционеров и делал все, что мог, чтобы освободиться.

Я сравнила эту сцену с арестами наших невинных братьев, которых подвергали участи преступников. Без борьбы они шли навстречу тяжелым страданиям, молча переступали порог неизвестности, доверяя свою судьбу Небесному Отцу...

Войдя в комнату, милиционеры громко закричали: «Петр Степанович Кулаков! Вы арестованы!» Эти слова, произнесенные жестокими нетрезвыми людьми, совершенно безразличными к страданиям ближних, как острый нож вонзились в сердца любящих супругов. От крика проснулись дети. Испугавшись, они спрятались под одеялом. Через некоторое время дети заинтересовались происходящим в доме и выглянули из-под одеяла, но никак не могли понять, что эти грозные дяди хотят от их папочки. Отец уже не принадлежал своей семье, а находился во власти безжалостных людей. Близкие уже не могли ему помочь ничем, даже если бы они отдали свои жизни, спасая его от рук жестоких людей.

Несмотря на ужасные обстоятельства, жена Петра Кулакова была невозмутима. Она всегда отличалась спокойствием, стойкостью и непоколебимой верой. На протяжении всех лет лише-

ний и разлук эта благородная женщина молча несла свою ношу, которая порой была несказанно велика. Успокоив детей, скрывая свою скорбь и глотая слезы, она стала готовить своему мужу все необходимое для предстоящей дальней дороги.

Как всегда, обыск продолжался долго и производился очень тщательно. Забрали все книги, журналы, документы, фотографии. Так как милиционерам некуда было сложить конфискованные вещи, то забрали и единственный чемодан, который был так необходим семье. Когда обыск был окончен, Петр Степанович обратился с просьбой к своим преследователям, чтобы они разрешили ему помолиться вместе с семьей. Те грубо рассмеялись — к чему такая нежность! — но все же разрешили. Преклонив колени вместе со своими близкими, он предал их в руки милосердного Небесного Отца. Он не знал, придется ли ему когда-либо увидеть свою семью, не знал, какая судьба ждет его. Все свои заботы и тревоги души он доверил Господу, ибо в Его слове есть обещание: «Все заботы ваши возложите на Него, ибо Он печется о вас» *(1 Петр. 5:7)*. На небесах отмечены эти скорбные молитвы невинных страдальцев за истину. Встав с колен с великим миром в сердце и покорностью судьбе, Петр мужественно шагнул навстречу страданиям.

Перед ним открылась дверь. Он еще раз повернулся и долгим полным скорби взглядом посмотрел на свою верную подругу и дорогих детей. В этот тяжелый путь близкие даже не имеют права сопровождать своего родного человека. Когда его уводят и за ним закрывается дверь, то кажется, будто могильный песок сыплется на гроб. Отняли отца и кормильца семьи. Мать осталась одна с тремя маленькими мальчиками.

Так как была глубокая ночь и транспорт не ходил, арестованного заставили нести тяжелый чемодан через весь город. Кулакова отвели в Тульскую городскую тюрьму и поместили на третьем этаже. Несколько раз в неделю его супруга с детьми приходила, чтобы принести узнику кое-что из продуктов. Свидания не давали, и чтобы отдать передачу, приходилось долго стоять на поле возле тюрьмы. Они с печалью глядели на угрюмое серое здание, не зная, за которым из решетчатых окон находится их отец. Мальчики прыгали через ров и размахивали платками, надеясь, что папа увидит и узнает их. Узник видел, что это его дети и его супруга, но их разделяла решетка и суровая охрана.

Следствие продолжалось четыре месяца. Сколько раз за это время Мария с детьми побывала у стен серого здания с решетчатыми окнами, где находился дорогой им человек!

Настал день, когда следствие закончилось. На суде Кулакову был объявлен приговор: высылка на три года в Красноярский край. Назначенные для отправления узники стояли на тюремном дворе. Это был неприемный день, и он знал, что Мария сегодня не придет. В такие дни она много работала, чтобы прокормить семью. Невыразимая скорбь объяла сердце узника – его увезут, а родные не будут знать, где он находится. Может пройти много времени, пока с нового места он сможет сообщить о себе.

С самого утра, пока они были во дворе, Кулаков молился. Он ходил по двору, смотрел на стену, чтобы никто с ним не заговорил, и обращался в Небесному Отцу. Он вспомнил прекрасные библейские тексты, которые дают утешение и надежду в тяжелый момент жизни: «Также и Дух подкрепляет (нас) в немощах наших; ибо мы не знаем, о чем молиться, как должно, но Сам Дух ходатайствует за нас воздыханиями неизреченными. Испытующий же сердца знает, какая мысль у Духа, потому что Он ходатайствует за святых по воле Божией. Притом знаем, что любящим Бога, призванным по Его изволению, все содействует ко благу» *(Рим. 8:26-28)*. Узник вспомнил об услышанных молитвах, записанных в Священном Писании. Драгоценные обетования Божьи говорили, что любящий Отец никогда не оставлял Своих детей в их скорбях и тяжких переживаниях. И узник продолжал молиться, верить и надеяться.

Под вечер, когда открылись тяжелые ворота тюрьмы и заключенных вывели на улицу, он увидел Марию. «Ты слышишь молитву» *(Пс. 64:3)*. Какая чудесная уверенность! Как дороги эти слова для сердца верующего человека! В них сокрыта целая история жизни христианина – многократно услышанные молитвы, сотни драгоценных опытов, близость Господа в отчаянных обстоятельствах. Эти слова звучат так величественно, как шум моря; так успокаивающе, как шелест листвы тихой летней ночью. Они дороги, как сострадательный взгляд любящего друга, нежны, как ласка матери... Мария быстро подошла к мужу и стала рассказывать: «С самого утра я не находила покоя, меня что-то побуждало прийти сюда. Я ведь знала, что сегодня неприемный день, но чувствовала, что должна идти к тебе. Я ос-

тавила все свои дела, детей и спешила сюда, сама не зная почему».

Слезы радости и благодарности катились по бледным щекам узника. Он схватил ее руку и стал рассказывать, как он боялся, что его увезут и она долгое время не будет знать, где он находится. «Я тебя выпросил у Господа, и твой приход является доказательством того, что Господь услышал мою молитву».

...Иногда, в темные моменты нашей жизни, когда мы оказываемся в тупике и не знаем, как быть дальше, ответ на молитву, подобно могучему лучу света, рассекает сгустившийся вокруг мрак, и мы с новыми силами продолжаем свой путь. «Как много у Тебя благ, которые Ты хранишь для боящихся Тебя и которые приготовил уповающим на Тебя пред сынами человеческими» *(Пс. 30:20)*.

Господь расположил сердце надзирателя, и тот благосклонно отнесся к Марии. Она быстро купила разных продуктов и передала мужу. Купила кое-что и для остальных узников, чтобы они не обобрали ее мужа, что было в то время в порядке вещей.

Разлука... Она несет печаль сердцу даже тогда, когда расстаемся с дорогим человеком на короткое время, зная, куда он отправляется и когда вернется. Но разлука с узником невыразимо тяжела!.. Неизвестность и печаль давят на сердце как тяжелый камень. Последний поцелуй, рукопожатие и исполненный тоски взгляд, который надолго остается в памяти... Они оба старались держаться бодро, но глубокую печаль в своих глазах не могли скрыть друг от друга.

Начался тяжелый долгий путь. Арестованных везли в «столыпинских» вагонах. До прихода узников там уже были «пассажиры». Это вши и клопы — безжалостные обитатели тех мест, где разыгрываются трагедии человеческих судеб. В каждом купе находилось по двадцать человек. Из разбитых окон сильно сквозило. Было холодно.

В Сызрани узников сняли с поезда и отвезли в тюрьму. Кулакова втолкнули в камеру, где было 15 воров, для того, чтобы они его обобрали. Но Петр сильно молился Господу о защите от этих людей. Другой защиты у него не было. Это были жестокие люди. Еще предстоял далекий путь, и лишиться последнего запаса продуктов и денег было бы очень тяжело. В такие моменты утешением является Слово Божье. Он поднял свои очи к тем «горам, откуда приходит помощь» во всякое время, и в такое

время, когда человек находится с людьми, подобными диким зверям.

Преступники ходили вокруг Петра, ругались, обзывали его, толкали, желая завести с ним спор. Но он терпел и оставался совершенно спокойным. Воры оставили его. Через некоторое время Кулакова перевели в другую камеру.

В Новосибирской тюрьме он оставался продолжительное время. На свободе время летит быстро, и всегда его не хватает. Но не так в неволе. Там бесконечно долго тянутся дни и бессонные ночи. Но те, у кого богат внутренний мир, кто дышит другой атмосферой, легче переносят страдания за тюремными стенами. «Утешитель же, Дух Святый, Которого пошлет Отец во имя Мое, научит вас всему и напомнит вам все, что Я говорил вам» *(Ин. 14:26)*.

С молодых лет Петр Степанович изучал Священное Писание. Он знал наизусть все Евангелие от Иоанна. В Евангелии от Матфея он знал содержание всех глав, знал вести к семи церквам из Откровения и несколько Псалмов Давида. И теперь Дух Святой напомнил ему все, что он изучал, будучи на свободе. Утром узник вспоминал одну за другой вести к семи Церквам из Откровения. Сколько утешения было в этих словах, как дороги они были для одинокого страдальца... После завтрака он повторял Евангелие от Иоанна: главу за главой, стих за стихом... Так проходил день в молитве и размышлениях.

Снова начался тяжелый путь, связанный с неудобствами и лишениями. В Красноярске узников высадили ночью и привели в тюрьму. Огромное серое здание молчаливо свидетельствовало о страданиях. Казалось, что каждый его камень плачет от людской жестокости и страданий осужденных. Отворились железные ворота. Узников завели в полуподвальное помещение. Пронизывающий душу скрип железных засовов, угрюмые камеры — все это заставляло невольно содрогнуться.

Петра Степановича втолкнули в камеру к преступникам. Устав от тяжелого пути, он лег и крепко заснул. Этого здешние обитатели только и ожидали и тут же приступили к делу. Один из заключенных потом рассказал Кулакову, что, когда тот спал, один из воров подошел и уже намеревался сунуть руку в его карман, как спящий, ни о чем не подозревая, круто повернулся на другой бок. Это и помешало вору вытащить деньги. Этот человек проигрался в карты и боялся, что его убьют, если он

не внесет назначенную сумму денег. Поэтому он попросился в эту камеру, чтобы грабить вновь прибывших арестантов. Узник видел охрану и помощь Божью. Разве в нашей жизни мы не замечаем ее ежедневно, на каждом шагу?

До первого сентября узника нужно было доставить к месту назначения. Это место находилось за полярным кругом, вниз по течению Енисея. Но начались морозы, и маршрут был изменен.

Уже много времени прошло после разлуки с родными, а Петр Степанович все еще не мог сообщить своим близким, где он находится. Конвоиры не отправляли письма, рвали их и бросали в печку. Но однажды Петр Степанович выбросил письмо из окна поезда, и нашлись добрые люди, которые отправили его по назначению.

Узники были переданы молодому офицеру, который и должен был доставить их в нужное место. Он очень спешил, так как Енисей начал замерзать. Молодой человек был подобен сотнику Августова полка Юлию, и поступил с Кулаковым человеколюбиво. Он разрешил написать письмо и самому дойти до почты, чтобы бросить его.

Офицер доставил арестованных на место, передал их дела в местное управление, а сам отправился обратно. Теперь прибывшие по этапу должны были устраиваться: искать себе квартиру и работу. Целыми днями Кулаков ходил в поисках места для ночлега, но нигде не мог его найти. Местные жители боялись пускать его на квартиру, ведь каждый подозревал в высланных вора или убийцу. Несколько ночей он спал в управлении, но и оттуда его прогнали.

Наступал святой день, а Кулаков все еще находился под открытым небом. В субботу утром он умылся в реке и на берегу Енисея провел святой день в горячих молитвах и размышлении.

Так прошло еще много времени. Наконец, он нашел себе уголок и устроился на работу. Он нанялся возить сено из тайги. Большим утешением было для него то, что теперь он имел переписку с домом и знал о своей семье. Спустя некоторое время жена прислала ему фотоаппарат, и он сфотографировал своего начальника верхом на коне. Тот был восхищен, так как в те годы, в тех условиях фотоаппарат был редкостью. Кулаков расположил начальника к себе и, пользуясь этим, осмелился просить дать ему разрешение на приезд семьи. Начальник согласился принять заявление, и через четыре месяца разрешение было получено.

За это время Петр Степанович был на разных работах. Он был бухгалтером, фотографом, возчиком, лесорубом. Были люди, которые завидовали тому, что он работает бухгалтером: в тепле и на легкой, как они считали, работе. Когда работал фотографом, тоже завидовали. Когда работал возчиком, говорили, что такому нельзя доверять коней, потому что он может их сгубить. В конце концов он стал работать на самой тяжелой работе — прессовать сено.

В марте пришло извещение, что можно приезжать семье. Петр Степанович нашел комнату, сам выложил печку, все побелил и привел в порядок. Деревня была отсталая, глухая, находилась далеко от центра, ничего нельзя было купить.

Мария получила письмо от мужа, где сообщалось, что имеется разрешение на приезд. Он писал, что несмотря на март месяц, еще держатся сильные морозы — сорок и больше градусов, поэтому Мария купила большую шубу, чтобы завернуть в нее своих маленьких птенцов. Через каждые тридцать километров пути приходилось останавливаться, чтобы отдыхали кони. Наконец семья доехала до Красноярска и там ожидала отца.

Как ждали дети этой встречи! Все время они стояли у окна и смотрели. И вот наконец отец въехал во двор. Дети, забыв, что зима и мороз, выбежали навстречу и стали его обнимать и целовать. И снова семья была вместе.

В длинные зимние вечера, когда на дворе бушевала метель и трещал мороз, они сидели в маленькой деревенской избушке при свете керосиновой лампы и слушали, как отец читал из любимой Книги, которая дает утешение и радость во все времена и при всех обстоятельствах. Каждый вечер отец учил с детьми несколько стихов из Священного Писания, а на следующий вечер дети их рассказывали. Дети изучали Псалмы Давида, 5-ю главу Евангелия от Матфея, 14-ю главу Евангелия от Иоанна, 14-ю главу Откровения и Десять Заповедей. Со временем у них набрался большой запас изученных стихов.

Настало время, когда осужденных стали посылать еще дальше на Север. Приезжие семьи оставались без отцов и без всякой помощи. Петр Степанович очень беспокоился о своей семье. Несколько раз он лишался работы из-за соблюдения субботнего дня и потому опасался, что его вышлют первым.

Так прошли три года в постоянной тревоге и трудностях. Наконец, настал день, когда они получили разрешение на выезд.

Кулаков с семьей переехали в Куйбышев. Не долго пришлось пожить в покое. Снова угрожал арест, и они отправились на Кавказ. Но и здесь они были под наблюдением. Тягостно и мучительно знать, что за каждым твоим шагом следят и что может повториться арест и разлука.

Однажды маленький Виктор заметил, что какой-то незнакомый человек все время идет за ним, куда бы он ни пошел. Может быть, он еще не знал новое место, где поселилась семья Кулаковых, и потому следовал за мальчиком? Но мальчик не пошел домой, а отправился на речку купаться. Незнакомец уселся на берегу и стал ждать, пока мальчик выкупается и пойдет домой. Виктор перевидал уже много странного за свою короткую жизнь, и подобные люди ему были известны, поэтому он решил выждать. Он купался так долго, что совершенно замерз, но не выходил из воды. Незнакомцу надоело, он встал и ушел... Мальчик быстро оделся и побежал домой, чтобы рассказать об этом отцу. Отец понял, что ему снова угрожает опасность. Три года, проведенные в Майкопе, прошли в скитании, ибо на одном месте жить было рискованно.

В 1941 году семья Кулаковых переехала в город Иваново. Здесь не было общины, но она вскоре была организована. И вновь им угрожает серьезная опасность. Кулаков опять уехал. Старший сын, Стефан, был на военной службе. Во время отпуска вместе с отцом они поехали в Тарасовку. Стефан гулял по тропинкам своего детства и не знал, что это было его последнее посещение родных мест.

Михаил и Виктор уже подросли и принимали активное участие в миссионерской работе. Меньшему сыну Давиду еще не было пяти лет. Однажды маленький Давид сидел на полу и занимался серьезным делом. Он сложил вместе два куска фланели и старался их сшить.

— Что ты там, сынок, зашиваешь? — спросила мама.

— Мешок,— ответил маленький мужчина тоном очень занятого человека.

— Для чего же тебе понадобился такой большой мешок? — поинтересовалась мама.

— Когда вернется папа, то его, конечно, сейчас же арестуют, и я обязательно пойду с ним. В этот мешок мы сложим все необходимые вещи.

Давид слышал, как мама разговаривала со старшими братья-

ми о предстоящем аресте отца, он видел, как неоднократно приходил милиционер и интересовался, где находится отец.

О, дорогое дитя! Так рано облако скорби и тревоги заволокло небо твоего счастливого детства... И вот настал день, когда приехал отец. После долгого скитания он снова был со своей семьей, в своем маленьком раю. И снова они могли вместе преклонить колени и славить Творца за охрану, за Его милость в это смутное, опасное время.

Михаил и Виктор рассказывали отцу о положении дела Божьего, о том, что члены церкви собирались вместе и проводили богослужения, несмотря на угрожающие обстоятельства.

Отец смотрел с любовью и восхищением на своих мальчиков, которые любили дело Божье. Он был уверен, что, если его заберут, они будут продолжать святое дело и, может быть, даже пойдут путем страданий, если Господь усмотрит. «Я думаю, папа,— сказал Виктор,— что было бы хорошо, если бы мы имели отдельную комнату для богослужений. Может быть, было бы больше людей, потому что некоторые стесняются приходить на частную квартиру». Отец одобрил совет сына и, нисколько не отдохнув от дальней дороги, отправился искать комнату. К вечеру он вернулся усталый, но без результатов. В то время, при тех обстоятельствах это была нелегкая задача.

За время скитаний Петр Степанович посетил свою родину — Тарасовку. Встреча с родными и дорогими собратьями, с которыми он провел годы молодости, дала ему новую силу. Молодые борцы за истину Яков Шевцов и Иван Дмитриенко, с которыми читатель познакомился в третьей главе, и Петр Титков, о котором еще будет рассказано, только что вернулись из лагеря. Петр Степанович не мог без слез рассказывать об их терпении и о той чудесной помощи, которую им оказал Господь. Мальчики слушали с напряженным вниманием. Они восхищались подвигом веры и стойкостью узников. Яснее, чем когда-либо, они представили себе верного Даниила и его трех друзей, переживания которых были так схожи с переживаниями этих трех юношей — Якова, Ивана и Петра. Слушая эти опыты, Михаил и не подозревал, что его ждет такая же участь — разлука с родными, арест, тюрьма, лагерь, нужда и лишения. Но он смотрел суровой будущности прямо в глаза и был готов ко всему.

Прошел вечер — чудный, незабываемый для семьи Кулаковых вечер. Семья собиралась отдыхать. Но Давид хотел расска-

зать папе все, чему научился за время его отсутствия. Он долго ожидал этой возможности, пока папа был занят разговором с мамой и братьями. Он вскарабкался на колени к отцу и начал рассказывать восьмой Псалом Давида. Громко, отчетливо произносил мальчик прекрасные слова: «...Из уст младенцев и грудных детей Ты устроил хвалу...»

Вдруг раздался сильный стук. Покой прекрасного вечера был нарушен. Этот стук напомнил Петру Степановичу 1935 год, когда ночью за ним пришли и забрали его. Он медленно встал и направился к двери. Казалось, вся его фигура дышала скорбью, в глазах была бесконечная тоска, голос полон страдания и муки. Он открыл дверь и произнес: «Войдите!» Лица вошедших выражали злорадство: того, за кем давно следили, застали дома. Спустя одиннадцать лет снова пришлось услышать грозные слова: «Петр Степанович Кулаков! Вы арестованы!» Последовал обыск. Забрали все книги, которые за эти годы с большим трудом были приобретены.

И снова Мария собирала своего дорогого мужа в дальний тяжелый путь. Петр стал одеваться и обнаружил исчезновение портянок. «Мария, может, ты помнишь, куда я их положил перед отъездом?» Да, она вспомнила. Ведь Давид из них сшил мешок, чтобы туда положить свои и папины вещи... Она быстро распорола мешок. Милому малютке не придется идти со своим отцом. Когда мальчик шил мешок, то в его воображении была другая картина. Теперь же он смотрел жестокой действительности прямо в глаза! Забравшись в уголок, Давид горько плакал...

Кроме Кулакова в Ивановской области было арестовано пять человек. Суд проходил за закрытыми дверями, свидетелей вызывали по одному. Суд продолжался шесть дней. Сын Михаил приходил каждый день. Его не впускали в зал суда, но он все же проник со двора в здание и попал в комнату, где стояли большие шкафы с документами. Он спрятался за них и слушал весь ход судебного заседания.

Каждому обвиняемому был предоставлен защитник. Из своего убежища Михаил слышал, как женщина-защитник тихонько говорила отцу, когда тот проходил по коридору: «Вам не дадут говорить о Боге, но вы говорите, не бойтесь!» Она всеми силами старалась защитить отца, но напрасно. Участь подсудимого заранее была решена. Стоя за шкафами, Михаил слышал, какие горькие обвинения предъявляли его отцу. Сердце юноши

сжималось от боли, но он ничем не мог помочь отцу. Он слышал и речь отца, когда тот смело свидетельствовал о своем уповании. Суд окончился. Кулакова осудили на 10 лет лагерного заключения.

После суда Михаил искал встречи с отцом. Он думал, что это будет последнее свидание и что он уже никогда больше не увидит отца. Петр Степанович и все заключенные братья находились в КПЗ (камере предварительного заключения). Михаил ходил вокруг здания, надеясь проникнуть туда. Ему встретились родственники заключенных братьев. Они сказали, что везде получили отказ в свидании. Но Михаил горячо молился и чувствовал уверенность в душе. Он был убежден, что его молитва услышана, и знал, что встретится с отцом.

Михаил видел, куда отвезли отца после суда, и пошел прямо к этому месту. Там стояли шесть конвоиров. Узнав, кто из них начальник, он обратился к тому человеку с просьбой разрешить встречу с отцом. Конвоир не имел на то права, но не смог отказать просящему юноше. Быстро открыв дверь, он толкнул Михаила в подвал. Только 15 минут отец и сын имели возможность быть вместе, но за эти минуты многое сказали друг другу. Они стояли, крепко обнявшись. Им казалось, что они слышат биение сердец друг друга. По ходу следствия отец понял, что сыну недолго быть на свободе. Он провел дрожащей рукой по его пышным волосам, и с присущим ему нежным юмором сказал: «Скоро снимут твою прекрасную шевелюру. Не печалься, вырастет другая. Я чувствую, что тебе придется идти той же дорогой, но не бойся. Это протоптанная тропа, а другого пути нет. „Если только с Ним страдаем, чтобы с Ним и прославиться" *(Рим. 8:17)*. Но я беспокоюсь о тебе. Знаю, что ты любишь искусство, после окончания училища ты хотел бы учиться дальше. Но вспомни Иосифа, Моисея, Даниила, которые вместо земной славы избрали вечность. Не бойся страданий, жизнь наша так коротка! А впереди вечная жизнь! Передай привет всем собратьям, пусть они укрепляются в истине и будут готовы ко всему. Берегите мать, у нее слабое здоровье. Старайтесь облегчить ее труд и утешить ее. Сердечный привет ей, Виктору, Давиду и, когда будете писать, Стефану...» Отец хотел еще многое сказать, но в подвал зашел офицер и сердито закричал: «Как он попал сюда?» Он вытолкнул Михаила из камеры, захлопнул дверь и стал кричать на начальника конвоиров, угрожая наказанием и снятием с работы.

Михаил вышел из подвала, и отец остался один. Сын охотно разделил бы участь отца, но ничем не мог ему помочь.

Во время следствия Михаила часто вызывали и держали на допросе целыми ночами. Когда утром он возвращался домой, то находил свою мать на коленях молящейся за отца и за сына. Она говорила: «Теперь я понимаю слова Симеона Праведника: „И тебе самой оружие пройдет душу"».

— Вы любите своего отца? — спрашивал следователь Михаила.

— Люблю и глубоко уважаю,— отвечал он.

— Но я вас уверяю, что вы его возненавидите и тысячу раз проклянете, когда поездите по лагерям. Ведь это он толкнул вас на путь заблуждения, он сделал вас несчастным человеком и испортил вам будущее.

Петра Степановича поместили в сырую одиночную камеру. Полтора года длилось следствие. В Москве не утверждали решение суда и отсылали дело обратно. За это время Петра Степановича судили три раза, умножая ложные обвинения. «Восстали на меня свидетели неправедные: чего я не знаю, о том допрашивают меня» *(Пс. 34:11)*.

Так проходили безотрадные дни и бесконечные ночи. О семье он ничего не знал, ибо подследственным не разрешается получать письма и передачи. Нелегко было этой сильной натуре преклониться пред судьбой, переносить несправедливые, ложные обвинения. Всей душой восставал он против этого. Лучшие годы его жизни прошли в непрерывных гонениях. А что ожидает детей? Его четверых сыновей?.. Вряд ли Стефан и Михаил на свободе! Из допросов было ясно, что они, наверное, тоже сейчас в каком-нибудь тюремном подвале подвергаются допросам, а итог — не меньше десяти лет заключения!..

Сердце жены и матери должно всю эту тяжесть вобрать в себя и нести молча... Он знал свою Марию. Если тяжесть непосильной ноши и согнет ее хрупкие плечи, то силу ее души не сломит, потому что она принадлежит к тем, о которых сказано: «Благословен человек, который надеется на Господа, и которого упование — Господь. Ибо он будет как дерево, посаженное при водах и пускающее корни свои у потока; не знает оно, когда приходит зной; лист его зелен, и во время засухи оно не боится и не перестает приносить плод» *(Иер. 17:7, 8)*. Он знал, что корни ее веры глубоки и во время засухи они будут черпать влагу из невидимых глубин и не засохнут!

Сердце одинокого узника изнывало от горя и тоски. Как тяжело было примириться с судьбой, как тяжело было жить в такой неизвестности! Что принесет будущее? Нелегко было простить всю несправедливость и ложь, которую изливали на него... Но разве одинокий узник был оставлен Господом? Нет! Бог знал дни и ночи его одиночества, самую жгучую боль его души, когда сердце трепещет от страха и ужаса, когда глаза, затуманенные слезами, всматриваются в непроницаемую тьму будущего, ища хоть маленькую звездочку надежды!

«Если бы люди обладали духовным зрением, они увидели бы вокруг тех, кто сохраняет слово терпения Христа, могущественных ангелов. С нежностью и сочувствием ангелы наблюдают за их страданиями и слышат их молитвы. Они ожидают лишь слова своего Повелителя, чтобы освободить их от опасности» («Великая борьба», стр. 630 ориг.).

«Старший Брат человеческого рода находится одесную Бога. Он наблюдает за каждой душой, которая обращается к Нему, как к Спасителю. Он знает наши слабости и лишения, а также и то, в чем заключается сила наших искушений, ибо Он Сам был „подобно нам, искушен во всем, кроме греха" (Евр. 4:15).

Он охраняет тебя и заботится о тебе, как о Своем дитяти. Ты искушен? — Он освободит тебя. Слаб ли ты? — Он укрепит тебя. Густой мрак окружает тебя? — Он будет светить тебе на пути. Ранен ли ты? — Он исцелит тебя. Господь „исцеляет сокрушенных сердцем, и врачует скорби их" (Пс. 146:3)» (Е. Уайт, «По стопам Великого Врача»).

Не один день и не одна ночь прошли в жестокой борьбе. Душа исстрадалась, как больное дитя. Но Господь слышал молитвы. Он услышал вопль из одиночной камеры. Бог послал силу свыше, и узник победил. Он примирился со своей печальной судьбой и от всего сердца простил своим безжалостным мучителям, благословив их в своей душе. На сердце стало светло и легко, уже не страшила тьма будущности — она была озарена светом свыше. Наступила ночь, и одиночная камера огласилась пением:

Меня не крест мой ужасает,
Страданье верою цветет:
Сам Бог страданье допускает,
И с ним терпение дает.
Тебе во след идти готов я,
Молю, чтоб дух мой подкрепил.

Хочу носить венец терновый,
Который Сам Христос носил.

Он пел песнь, в которой говорится о душевной борьбе и о мире, который даст Бог. Лучи восходящего солнца, освещающие город, не могли проникнуть в подземную одиночную камеру, но в душу узника проник небесный луч радости и мира. Он был не один, но с Господом. Он вспоминал пройденный жизненный путь, размышлял о чудесном руководстве Божьем, о Его многократных милостях. Он рассказывал своему Отцу о падениях и ошибках, просил Его о милости и прощении. Святой Дух напомнил ему ранее читанные стихи из Священного Писания. Это давало ему утешение и душевный покой.

И снова, как 11 лет тому назад, когда он был в Новосибирской тюрьме, он стал вспоминать главу за главой Евангелия от Луки и Иоанна, содержание глав Евангелия от Матфея, вести к семи церквам из Книги Откровения и многие Псалмы Давида.

Однажды начальник приоткрыл дверь его камеры и спросил: «Кулаков, как вы себя чувствуете здесь в одиночестве?» Ничего не подозревающий узник ответил, что даже очень рад, что может быть в одиночестве. Человек, который наслаждался страданиями своих ближних, сейчас же приказал перевести узника в другую камеру.

Там некоторое время Петр Степанович должен был находиться вместе с сумасшедшим человеком. Он был настолько опасен, что брат Кулаков боялся спать ночью. Как видно, у этого несчастного человека не хватило сил выдержать всю тяжесть страданий и скорбей. Он не имел Друга, сильного, любящего Друга, Того, Кто помог Петру Степановичу выдержать, примириться, победить и приобрести душевный мир.

Следующим местом жительства стала камера с разбитыми окнами, где узник простудился и заболел так, что был близок к смерти. Его поместили в больницу. Его лагерный номер был СКК 834. Этот номер был написан на фуфайке впереди и сзади и на брюках.

Окончилось следствие. Судебный приговор гласил: «За религиозную агитацию осужден на 10 лет с отправлением в дальние лагеря и последующим лишением прав на 3 года». Хотя 11 лет назад его путь не был легок,– жгучая боль разлуки с семьей, холод, голод и опасность среди преступного мира сопровождали его в пути,– все ж, добравшись до места назначения, он мог вы-

звать к себе семью, которая разделила его горькую участь. Теперь предстоял путь несказанно тяжелее и тернистее — десятилетняя лагерная жизнь. Теперь он должен находиться среди воров, убийц и преступников один. Перед ним 10 лет мрачной неизвестности, многократных унижений, оскорблений, тяжелого труда.

Кулакова отправили в Воркуту. Пришла весна, но там, в далеком Заполярье, была еще глубокая зима. Восьмого июня, чтобы войти в барак, надо было разгрести большой сугроб снега.

В Воркуте Петр Степанович пробыл полтора года. Там его посетил старший сын Стефан. Это была трогательная встреча. После тяжких переживаний, на далекой чужбине, узник мог целовать и прижимать к своей измученной груди дорогого сына!..

Угрюмая обстановка лагерной жизни не могла омрачить радость их встречи. У них было столько общего, что соединяло их сердца! Сын утешал отца, говорил, что десять лет пролетят быстро, что они снова будут вместе. Отец осторожно и нежно старался подойти к юному сердцу. Может быть, и его не минует этот путь. Тяжело было говорить о мрачном будущем этому цветущему, жизнерадостному юноше, перед которым открывалось многообещающее будущее. Но, видя грозные тучи, он повторил те же слова, которые говорил Михаилу, когда они, тесно прижавшись друг к другу, стояли в подвале Ивановского КПЗ. «Не бойся, сын мой! Это уже протоптанная тропинка. Другого пути нет». Отец подготовил сына к предстоящим страданиям. Но он не мог себе представить, что спустя пять лет степной ковыль будет колыхаться над могилой его горячо любимого первенца...

Большие трудности приносили узникам частые перемещения из лагеря в лагерь. Такая участь выпала и на долю Петра Степановича. Так как он везде проповедовал, то его все время перемещали. На каждом новом месте приходилось снова бороться за соблюдение святого дня, за что его часто заключали в карцер. На одном из пересылочных пунктов, недалеко от Воркуты, в Инте, лагерный врач, сам тоже из заключенных, обратился к Петру Степановичу с таким предложением: «Кулаков, оставайтесь здесь работать. Если вы согласны, то давайте заявление. Я буду ходатайствовать о вас перед начальником».

Узник не знал, как решить этот вопрос. Так много хитростей и обмана он встречал в лагерной жизни! Может быть, это была

ловушка, кто мог знать! Тревожные, смутные чувства объяли его душу. Он не знал, что ответить.

На второй день врач снова повторил тот же вопрос, но так как узник не дал определенного ответа, его отправили вместе с другими дальше. Через некоторое время он узнал, что врач имел доброе намерение. Ведь в том лагере находился его сын Стефан, а отец не знал, что тот арестован и выслан! Врач не имел права сказать узнику открыто, что его сын находится в том же лагере, где он, и поэтому предлагал остаться.

В лагере Кулаков работал фельдшером. Каждый день в его кабинет приходили больные физически и духовно люди. И он не только лечил их болезни, перевязывая раны, но утешал их в скорбях и обращал их взоры на Спасителя. Многие арестованные открыли свои сердца Божественному Солнцу Любви, которое согревает сердца людей и в таких тяжелых обстоятельствах лагерной жизни возрождает надежду на лучшую жизнь и вечность.

Библии у Петра Степановича не было, но было несколько рукописей Священного Писания, которые приходилось тщательно прятать, так как два раза в неделю производили обыск. Бумаги зашивали в бушлатах и шапках и горячо молились, чтобы Господь сохранил эту драгоценность.

Под видом больных в его кабинете собирались те, кто жаждал услышать Слово Жизни. В таких случаях, пока Петр Степанович читал и разъяснял Слово, один всегда стоял у дверей и караулил, чтобы можно было успеть спрятать рукописи, если кто войдет. Для этого под полочками аптечки были прибиты досочки, и, когда угрожала опасность, рукописи быстро прятали.

Из Воркуты Кулакова перевезли в Джезказган, в Среднюю Азию. Там ему пришлось работать на медных рудниках.

В 1948 году его перевезли в Карагандинскую область, где он оставался до освобождения.

...Был чудесный августовский вечер. Дикий виноград густо покрывал кирпичную стену, как бы стараясь скрыть недостатки старой кладки. На фоне темно-зеленого винограда ярко вырисовывались огненно-красные и нежно-кремовые георгины. Сладко и томно благоухала ночная фиалка. Мы сидели в саду. Среди нас находился дорогой гость — Петр Степанович Кулаков. Не так давно он вернулся из лагеря. Следы тяжелых переживаний были видны на его измученном лице.

Я попросила рассказать о том, что ему пришлось перенести за эти тяжелые годы. Чуть заметная тень скорби скользнула по его лицу, он улыбнулся и сказал: «О, сестра! Это все уже пережито и осталось позади. Хочется стряхнуть эту тяжесть с себя и больше никогда не вспоминать об этом».

На мгновение я смутилась, мне стало тяжело, будто я невольно коснулась свежей раны, которая только начала заживать. Я колебалась, хотела отступить от цели, но не могла. И мне пришлось раскрыть ему свою тайну. Именно тайну, ибо об этом в то время знала только наша маленькая семья — мой муж и наша дочь. Я рассказала Петру Степановичу, что записываю опыты дорогих собратьев и очень хотела бы слышать и о его переживаниях.

Он ободрился, воспрянул. Он сказал, что когда был в лагере, видел, как люди тайно записывали на бересте о своих переживаниях и прятали эти записи в бревнах. Они страдали и умирали, и их труды исчезали, никем не прочитанные. «В то время я думал,— говорил он,— о, если бы нашелся кто из наших людей, кто бы собрал и описал страдания собратьев! Это было бы подкреплением для многих».

Немного помолчав, он провел ладонью по лбу и начал рассказывать, тяжело вздохнув, будто ему снова надо было вернуться на тот тяжелый путь, который он только что прошел. Казалось, что среди полной тишины он слышит страшный стук в дверь, видит входящих грозных людей, маленькие головки своих детей, которые со страхом высовываются из-под одеяла и с ужасом озираются вокруг. Видит глубоко скорбящую, но сдержанную свою супругу. Будто он снова смотрит сквозь решетчатое окно Тульской тюрьмы на стоящую вдали маленькую группу, угадывая, его это дети или чужие!

Со слезами он рассказывал, как Бог услышал молитву в скорбный час, и когда открылись тюремные ворота, то там стояла она — подруга жизни. Рассказывал о скитаниях, о новом аресте, о долгих месяцах следствия, о суде и о лагерной жизни. О встрече со Стефаном ему было вспоминать тяжелее всего.

Страницы жизни семьи Кулаковых — это повествование о скорбях, лишениях, подвигах веры, глубоком смирении перед Богом и примирении с судьбой. Рассказ о чистоте души и любви к Богу. Это картина жизни многих семейств того времени.

Десятками лет Кулаков и ему подобные, кроткие, верные, терпеливые слуги Всевышнего, несли Божью истину сквозь

тьму бури «в великом терпении, в бедствиях, в нуждах, в тесных обстоятельствах, под ударами, в темницах, в изгнаниях, в трудах, в бдениях, в постах, в чистоте, в благоразумии, в великодушии, в благости, в Духе Святом, в нелицемерной любви, в слове истины, в силе Божией, с оружием правды в правой и левой руке, в чести и бесчестии, при порицаниях и похвалах: нас почитают обманщиками, но мы верны; мы неизвестны, но нас узнают; нас почитают умершими, но вот, мы живы; нас наказывают, но мы не умираем; нас огорчают, а мы всегда радуемся; мы нищи, но многих обогащаем; мы ничего не имеем, но всем обладаем» *(2 Кор. 6:4–10)*.

В длинной тяжелой дороге их одежды покрывались пылью, от острых камней ноги истекали кровью, их сердца порой уставали и головы склонялись на грудь. Но снова они поднимали свои взоры к небу: «Кто обращал взор к Нему, те просвещались, и лица их не постыдятся» *(Пс. 33:6)*.

Если вам, дорогой читатель, представится возможность встретиться с кем-либо из страдальцев и выслушать печальный рассказ о тяжелых переживаниях и лишениях, разлуках с семьями, несправедливых обвинениях, жестоких приговорах, то вы эти минуты никогда не сможете забыть!.. Так же и я не забуду тот чудный летний вечер, когда цвели георгины и благоухала фиалка. Я слушала рассказ, который является как бы продолжением одиннадцатой главы Послания к Евреям, где описаны страдания и подвиги веры детей Божьих.

3 Зак. 1709

СМЕРТЬ СТЕФАНА

Кто отлучит нас от любви Божией: скорбь, или теснота, или гонение, или голод, или нагота, или опасность, или меч?
Рим. 8:35

После войны многие верующие из Советского Союза приезжали в Латвию за духовной литературой. Там еще сохранились такие книги на русском языке, как «Великая борьба», «Путь ко Христу», «Нагорная проповедь», «Христос наш Спаситель» и Библия.

Михаил Кулаков тоже отправился туда и привез много книг. Чемодан с книгами он спрятал в дровах под полом. В то время он изучал немецкий язык и был очень рад, что достал Библию на немецком языке. Михаил не вынимал Библию, так как боялся, что во время обыска, которого можно было ждать в любое время, могут забрать его драгоценность. Он провел под пол электричество и, как только имел свободное время, спускался туда, чтобы читать. Там было тесно и неудобно, он должен был читать лежа на животе, но был рад и такой возможности. Всякий раз, почитав, он целовал книгу и клал ее на место, осторожно прикрывая дровами. При обыске книгу все же нашли и забрали. Забрали чемодан с книгами, арестовали и самого Михаила, но потом отпустили. Михаил взял вину на себя, сказав, что он сам приобрел эти книги. Он не хотел, чтобы на старшего брата Стефана пала тень подозрения, хотел смягчить вину отца, который уже был под следствием.

Мать поняла, что ее сыновей ожидает участь отца, ибо они были такие же ревностные работники на ниве Божьей, как и он.

В то время в Латвии еще не было арестов верующих, и они решили переехать туда. Вместе с ними отправился молодой брат Анатолий Степанов, отец которого тоже был осужден на десять лет и находился в лагере.

На новом месте молодые люди снова энергично взялись за работу, принимая активное участие в проведении собраний. Они пели в хоре и жили делами церкви. Молодые горячие сердца не могли молчать о Том, Кого любили.

Маме хватало забот и хлопот. Кроме своих домашних, в ее доме всегда находились люди, которым негде было жить. Она видела нужду каждого и обо всех заботилась.

Виктор и Давид учились в школе. Стефан и Анатолий работали фотографами, Михаил преподавал рисование в школе. Хотя обслуживание такой большой семьи требовало немало физических сил, все же она отдыхала душой. Ей казалось, что ее дорогие дети находятся в безопасности, и гонения их здесь не найдут.

Как кратко было время отдыха в их многострадальной жизни! Не успевала разойтись одна грозная туча, как надвигалась другая!..

Однажды Стефан и Анатолий отправились на собрание. Михаил был в школе. У него был последний урок. Написав на доске задание для следующего дня, он хотел идти домой. Но вдруг в класс вошла его коллега. Ее лицо выражало страх, она была взволнована и тихо сказала, что директор зовет его к себе. Но мимикой и жестами дала Михаилу понять, что есть боковая дверь. Она как будто хотела сказать: «Есть возможность спастись — спасайтесь же!» Но Михаил не имел намерения спасаться, он давно был готов к этому часу. Он вспомнил слова отца там, в подвале: «Сын мой, другого пути нет, путь страданий наречен Самим Христом». С поднятой головой, со смелым взглядом и Божественным миром в сердце он шел навстречу горьким страданиям.

Михаил зашел в учительскую. Кроме директора там были еще три человека. Директор смотрел на него со страхом и удивлением. Он не мог представить, что этот образованный, деликатный молодой человек мог быть таким преступником, что пришли арестовать его на работе и притом в школе.

Один из пришедших начал: «Советская власть дала тебе образование, вывела в люди, а ты чем это отплатил? Мы пригрели на своей груди змею!» Директор мог подумать, что Михаил является политическим преступником.

Другой молодой человек посмотрел с сожалением и сказал: «Михаил, Михаил! Вся жизнь твоя еще впереди, а ты сам в тюрьму лезешь!» Михаила забрали и увезли. Домашние о том ничего не знали.

В то время в доме молитвы проходила репетиция хора. Пока разучивали женские партии, Стефан взял тетрадь, уселся на последней скамье и углубился в изучение слов новой песни. Это были последние минуты его жизни, проведенные на свободе. В помещение вошли несколько человек и велели прервать спевку, а Стефану и Анатолию приказали следовать за ними. Их привезли домой, где сообщили, что они арестованы. Начался обыск.

...Приехав в Латвию, Михаил и Стефан снова приобрели духовную литературу и каждый день читали и размышляли над прочитанным. Но вот у них отобрали все Библии, Псалмы Сиона, журналы, книги Е. Уайт и положили все это в мешок. Молодые люди с ужасом смотрели, как кладут туда и конспекты проповедей. Мешок запечатали сургучом.

Стефан и Анатолий не беспокоились так о своей судьбе, как о том, как бы спасти от опасности местного проповедника,— ведь конспекты проповедей принадлежали ему! Он дал им их переписать.

Анатолий рассказывал: «Так как не было специального вагона для арестованных, то от Даугавпилса до Москвы везли нас в пассажирском вагоне. Заранее предупредили о том, как вести себя в дороге. Запрещалось показывать себя арестованными, но требовалось во всем подчиняться командирам.

Когда мы вошли в вагон, то Стефан попросил, чтобы ему разрешили спать на третьей полке, где лежал мешок. Я лег на второй полке. Разговаривать нам было строго запрещено, но мы без слов поняли друг друга. Наступила ночь. В вагоне стало тихо, все спали. Наши стражи боролись со сном, временами дремали. Стефан дал мне знак, чтобы я бодрствовал. Сам он потихоньку начал возиться с мешком. Эта сложная работа продолжалась почти всю ночь, так как при малейшем движении стражей он должен был притворяться, что спит. Когда понемногу начало рассветать, конспекты из мешка были благополучно переправлены в его карман. Но печать была сломана. К счастью, об этом нас никто не спросил. Может быть, они подумали, что печать раскрошилась сама по себе.

Перед нами осталась проблема: как освободить карман? Без провожатого нас не отпускали ни на шаг, окно вагона было закрыто, и за каждым шагом и движением строго наблюдали. В тишине мы горячо молились, чтобы Господь помог нам. Когда мы прибыли в Москву, то прямо с поезда нас отвели в при-

вокзальное отделение милиции. Там было много людей: хулиганы, воры и пьяницы. Мы в недоумении смотрели друг на друга, не зная, что делать. Но мы продолжали молиться. Вдруг открылась дверь, всех вывели, а мы остались вдвоем. Я сразу не мог сообразить, что делать, а Стефан выхватил из моего кармана рукавицы, запихнул в них конспекты и, забравшись мне на плечи, сунул эти наполненные «мешочки» в дыру вентиляции. Казалось, будто тяжелый камень свалился с плеч. Мы благодарили Бога за услышанные молитвы».

Из Москвы мать получила письмо, которое было написано на оберточной бумаге с Библии: «Мы здоровы. Книга книг еще с нами». Анатолий рассказывал, что Библии оставили им до места назначения, а потом отняли.

«Уставы Твои были песнями моими на месте странствий моих» *(Пс. 118:54)*.

Бесконечно дорога была эта Книга для страдальцев в то тяжелое время. Они знали, что ее скоро отберут и что пройдут многие годы, пока они снова смогут ее открыть. Восемь месяцев длилось следствие. Михаил ничего не знал о том, что Стефан и Анатолий арестованы. Он имел мало надежды на то, что они на свободе. Часто он прислушивался, прильнув к двери своей камеры, когда по коридору вели арестованных на допрос. Стефан часто нарочно покашливал, чтобы дать знать Михаилу, что его брат здесь. Михаил говорил, что по этому знаку да по шагам точно был уверен, что это Стефан.

Восемь месяцев мать ничего не знала о своих сыновьях. И вот это время подошло к концу. Узникам разрешили написать родным. Мать, получив письмо, немедленно отправилась в Иваново, где теперь находились ее дети, в надежде увидеть их. Но, увы, ей не разрешили встречу. «Мы вас не звали, и вам тут делать нечего! Отправляйтесь домой!» — так ей ответили на просьбу повидаться с детьми. Неужели их преступления были так тяжелы, что им нельзя было повидаться с матерью? Убийцам и другим преступникам это разрешали!

С тяжелым сердцем она вернулась домой. Удивительной была ее сила души, спокойствие и терпение, с которым она переносила эти переживания. Всю скорбь она переносила молча.

Михаила выслали в Мордовские лагеря в Потьму, а Стефана — в Заполярье, в Коми АССР. Стефан был снова на том месте, где полгода назад посетил своего отца.

Теперь сестра Мария заботилась о четырех узниках, в том числе и об Анатолии, как о родном сыне. Она готовила посылку за посылкой, обливая их слезами и горячо молясь. Проходили годы в тяжелой работе. Стефан мирился со всеми обстоятельствами, зная, за что он страдает. Но суровый климат повлиял на него губительно. Он заболел туберкулезом легких.

Вот несколько строк из его писем.

Письмо от 24 апреля 1952 года: «Хотя тяжело переносить болезнь и одиночество, но хуже всего то, что не имею Книгу книг».

«Кроме туберкулеза врач признал и язву желудка. Организм ослаб из-за отсутствия витаминов. Я вешу 45 кг. Здесь некому возиться со мной, я сам делаю себе внутривенные вливания – глюкозу с хлористым кальцием. Но так как у меня дрожат руки, то часто разбиваю шприцы».

«Ко мне в августе приезжал мой брат Виктор; врачи не надеялись, что я еще буду жить. Туберкулез легких обострился и язвой желудка, тоже туберкулезного характера. Я четыре месяца пролежал в больнице, но необходимого лечения мне не могли дать, и 30 декабря я выписался, чуть двигаясь. Но это было во благо, ибо узнал о разрешении переехать, но не на родину, а в другие места ссылок. Нужен был акт медицинского заключения о необходимости перемены климата, который я получил в тот же день вместе со свидетельством о нетрудоспособности».

«Сегодня я не получал вливания глюкозы. Я совсем ослаб. А после принятия глюкозы имею силы, чтобы писать дальше».

«Сколько раз Он избавлял меня от смерти в ответ на мои мольбы. Я дал Ему обет, что всю свою жизнь посвящу Ему для работы на земле. Поэтому как настоящая, так и будущая моя жизнь (если останусь в живых) принадлежит не мне, а Ему. Я надеюсь на то, что в будущем смогу, может быть, принять участие в Его славной заключительной работе на земле. Эта надежда для меня – счастье, а на большую работу я не имею права рассчитывать, ибо я человек грешный и недостойный».

«В начале февраля я надеюсь на возможность выехать. Я сейчас настолько слаб, что сомневаюсь, смогу ли доехать живым. Происходит обострение всех моих болезней, которых у меня много из-за общего ослабления».

«Смогу ли я быть взаимно благодарным? Верю, что не напрасно мне Господь продлил жизнь, а чтобы я выздоровел и работал для Него».

После отбытия срока, несмотря на тяжелую болезнь, Стефану не разрешалось выезжать из Заполярья. Регулярно он должен был ходить отмечаться в комендатуру. Паспорт не возвращали.

Угрюмое и неприглядное село, в котором поселили отбывших срок, находилось около лагеря. Кроме Стефана, еще пять освободившихся узников жили в одной комнате. Спали на топчанах, состоящих из четырех досок, положенных на козлах, на них — тонкий тюфяк. При комнате была маленькая кладовка — два с половиной на полтора метра, с узким окошком. Туда поместили Стефана, потому что он был слабее остальных, тоже больных туберкулезом.

Узнав о положении сына, мать отправилась в путь. Материнская любовь не знает преград и не страшится ни трудностей, ни далекого пути, ни опасностей. Ее дорогой мальчик, больной и одинокий, лежал в кладовке! Три года они не виделись. За это время было пережито так много горестей и печалей! Юное лицо, на котором когда-то красовался нежный румянец, было измучено и смертельно бледно... Казалось, что он прошел через целое море страданий. С трудом он сидел, ему было тяжело говорить.

Радостная встреча ободрила больного, он как бы ожил. Окончилось его мучительное одиночество. Целыми днями они были вдвоем, им никто не мешал. Они отдыхали у тихого берега воспоминаний: говорили о Тарасовке, где начиналась жизнь Стефана; вспоминали прекрасный фруктовый сад дедушки и многое другое, с чем было связано детство. В каких чудесных красках нам представляется прошлое, когда находимся в безотрадном настоящем...

Самым большим утешением для Стефана было то, что после долгого перерыва он снова держал в своих руках святую Библию и читал дорогие слова, которые утешают при всех трудностях. Спокойно он засыпал. Присутствие матери, ее нежная ласка окрыляли его надеждой на скорое выздоровление.

Стефан был еще так молод! Он имел хорошее образование и горячую любовь к святому делу Божьему. Он желал посвятить все свои силы и способности для служения Господу. Он так любил об этом говорить! Он вдохновлялся, мечтал, строил планы! И тогда на его лице появлялся румянец. Он верил, что его молодые силы преодолеют тяжелую болезнь. Но вниматель-

ный взгляд матери замечал, что с каждым днем силы Стефана иссякали, как иссякает маленький ручеек на солнце. Свеча жизни тихо догорала. Осторожно и нежно, на что способна только любящая мать, она стала готовить сына к неизбежному концу. Но молодое, горячее сердце жаждало жизни, счастья, свободы... Такова юность. Она может надеяться, стоя на развалинах своей жизни, на краю открытой могилы.

По ночам мать не могла оставаться с сыном, потому что в кладовке не было места для нее. После долгих поисков Мария Михайловна нашла женщину, которая согласилась ее принять. Она тоже была из освободившихся. В ее маленькой комнате было очень холодно, топлива не хватало. Лишней постели не было. Спасаясь от холода, крепче прижавшись друг к другу, Мария спала вместе с хозяйкой, несмотря на то, что женщина была больна туберкулезом. Другого выхода у Марии Михайловны не было.

Наконец пришло разрешение о выезде. Обрадованный этой новостью Стефан собрал последние силы и встал, чтобы идти в больницу. Он сам уже не мог делать себе внутривенные вливания, но лекарства у него были, и он надеялся в больнице подлечиться.

В деревне больницы не было, пришлось идти в лагерную. Хотя расстояние было очень небольшим, для Стефана это был тяжелый путь. Ноги и руки дрожали, в глазах темнело. Он еле шел. Мать проводила сына до лагеря, и перед нею затворились тяжелые ворота, таящие за собой страдание и смерть.

На другой день Мария Михайловна стояла в очереди за хлебом. Привезли белый хлеб, что считалось роскошью. Стоя в очереди, она услышала разговор: «Пришел к нам в больницу человек из освобожденных со своими лекарствами, чтобы ему делали уколы. Но он настолько слаб, что на днях все равно умрет!»

Мария Михайловна быстро вышла из очереди, подошла к женщине, сказавшей эти слова, и предложила ей стать на свое место. Женщина была крайне удивлена, так как Мария Михайловна должна была получать предпоследнюю булку, а больше белого хлеба не было. Женщина, получив хлеб, очень благодарила ее. Тогда мать расспросила женщину о состоянии больного, сказав, что это ее сын. Женщина, которая была медработником в лагерной больнице, обещала передать письмо сыну и принести ответ от него.

Только одно письмо Стефан успел написать своей матери. Он писал о надежде на выздоровление, о радостной поездке домой, но это было его последнее письмо. На следующий день матери сообщили о смерти сына.

Теперь он был воистину свободен! Его больше не окружала колючая проволока, не нужно было ждать разрешения на выезд, он имел покой от всех страданий. «Там беззаконные перестают наводить страх, и там отдыхают истощившиеся в силах. Там узники вместе наслаждаются покоем, и не слышат криков приставника» *(Иов 3:17, 18)*.

В этой печальной обстановке мать была одна со своим сыном. Люди, дорогие ее сердцу, те, кто мог бы поддержать и успокоить ее в этот тяжкий час, были далеко от нее. И только один Господь знал все ее страдания и поддерживал в эти дни. Мария Михайловна обратилась в сельсовет за помощью, но ей сказали: «Он у нас не работал, и мы не обязаны его хоронить». Посоветовали положить усопшего в ящик, отвезти в лес, засыпать снегом и оставить. Так чаще всего поступали с умершими, потому что земля была замерзшая почти круглый год. Даже в середине лета она оттаивала только на небольшую глубину.

...Когда смерть разлучает нас с дорогими и близкими людьми, это безутешное горе отчасти притупляется от окружающей нас действительности. Когда кругом благоухают цветы, плакучие ивы спускают свои серебристые ветви над могилами, а старые деревья, качая на тихом ветерке своими высокими головами, тихо напевают грустную колыбельную, то нам становится как будто легче уходить от этого скорбного царства вечного молчания...

Друзья Стефана, с которыми он вместе жил, предложили свои услуги в оказании помощи одинокой матери, хотя сами были слабыми и больными. Они любили Стефана. Всегда он был приветлив и внимателен к ним. Своим присутствием он вносил тепло и свет. При нем друзья старались не сквернословить, а его влияние без слов обличало их дурное поведение. Некоторые из них с вниманием слушали его рассказы о вечном и неизменном Законе Творца, о Его любви к падшим людям и о светлой надежде христианина. Они теперь все вспоминали, и им было тяжело от сознания, что уже никогда больше не услышат голос, который призывал их ко спасению. Смерть унесла от них дорогого друга, и они долго стояли у гроба, который

сами сколотили из простых неструганых досок. Молча они смотрели на лицо, на котором была печать мира.

Тяжело было копать могилу. Приходилось долбить землю ломом. Сверху почва начала оттаивать, вода бежала в могилу. Забрызганные грязью, друзья Стефана усердно работали. Они готовили последнее место своему другу, который много выстрадал за короткую жизнь, перенес незаслуженные обиды, горькие страдания и умер на чужбине.

...На родине Стефана уже наступила весна. Горы и долины покрылись яркой травой, сады были залиты солнечным светом, набухли почки. Жаворонки поднимались все выше и выше в лазурный небосвод, и песнь их лилась плавно и свободно, как река. Это была песнь весны и могучей радости.

В Заполярье еще далеко было до весенних радостей. Сюда весна приходила с большим опозданием. Солнечный луч лишь иногда заглядывал в эти земли. Что здесь будить от зимней спячки, кроме травы и карликовых берез?

Грозная королева-зима вела беспощадную борьбу с немощной заполярной весной. Порой казалось, что вот-вот она прогонит ее совсем, и несчастные узники, тоскующие по своей залитой солнцем родине, не увидят даже настоящей весны, не то что лета...

Опустили гроб. На краю могилы стояли мать и друзья Стефана. Она была совершенно спокойна. Представьте себе эту маленькую хрупкую женщину, стоящую у могилы своего сына. Она держит в руках святую Книгу Библию, Книгу вечного утешения, и читает слова, побеждающие смерть, слова, в которых слышен голос Всевышнего: «И услышал я громкий голос с неба, говорящий: се, скиния Бога с человеками, и Он будет обитать с ними; они будут Его народом, и Сам Бог с ними будет Богом их; и отрет Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет; ибо прежнее прошло» *(Откр. 21:3, 4)*. Она читала из Библии о славной надежде христианина, о Втором пришествии Христа, о воскресении мертвых и о скорой радостной встрече.

...Когда мы встретились с Марией Михайловной и она нам рассказала о тяжелой болезни и смерти Стефана, мы с удивлением спросили ее, как же ей хватило сил проповедовать у могилы своего сына? Скорбящая мать вытерла невольно появившиеся слезы и тихо ответила: «Я не могла не засвидетельствовать друзьям Стефана о той надежде, за которую он умер».

«О, женщина, велика вера твоя»,— сказал однажды Спаситель матери, пережившей много горя. Эти слова относятся и к матери Стефана.

Могилу Стефана покрывает скудная заполярная растительность, а в зимние морозные ночи свет далеких звезд тихо озаряет его последнее место покоя.

Стефан Петрович Кулаков был арестован в 1948 году, 18 марта. Умер в 1953 году, 23 апреля, в Инте, Заполярье.

В Якутии далекой и холодной,
Среди холмов и вечной мерзлоты,
Насыпан холмик одинокий,
Напоминающий могильные черты.
Могила эта – отрока Стефана,
Который жизнь для Господа отдал.
Неся всем людям весть спасенья,
Он к жизни вечной приглашал.
Он прожил на земле здесь очень мало,
Но всю красу прожитых дней
Надолго сохранят в уме и сердце,
Принявшие ту весть, идущие за ней.
И он заснул с надеждою великой,
Что скоро наш Господь придет
И всех, стремящихся к спасенью,
В обитель вечную возьмет.
Слегка поросший скудною травою,
Сей холм могильный одинок стоит.
И кто узнает здесь, в краю далеком,
Кто безмятежно, крепко спит?

В. К. Гончар

СНОВА ПО ТЕРНИСТОМУ ПУТИ

Когда жизненный путь приближается к концу, когда зрение притупляется и ноги быстро устают, тогда в сердце человека вкрадывается печаль — о допущенных ошибках, о неисполненных обязанностях, об упущенных возможностях — обо всем том, чем мы причиняли скорбь своим ближним и Иисусу. Но стоит только дедушке или бабушке встретиться со своими внуками, с этими маленькими существами, то исчезает усталость и тоска, и хочется жить, трудиться и вкладывать в эти маленькие сердечки все доброе и ценное, что приобретено на жизненном пути.

В доме Кулаковых было радостно. Приехал сын Михаил со своим семейством. Маленькая Евангелина рассказывала дедушке и бабушке о своей далекой родине, о длинноухих осликах, которые там встречаются на каждом шагу, о необыкновенно больших и румяных яблоках, в честь которых и город назван «Алма-Ата», что значит «отец яблок». Меньший брат Павлик старается перебить сестру своим рассказом, более важным, по его мнению. Но самого большого внимания всей семьи заслуживает маленький Мишенька.

Миновали годы тяжелых переживаний и разлук, и эта встреча для много пострадавшей семьи была особенно радостной. Но и эта радость была коротка. Вскоре пришло письмо из Алма-Аты. В нем сообщалось о том, что у собратьев проходят обыски. Обыск был проведен и в доме Михаила, несмотря на его отсутствие. Была изъята вся духовная литература и церковные деньги. Михаила разыскивает милиция.

Пока Михаил читал письмо, седая голова дедушки наклонилась совсем низко. Он не хотел, чтобы внуки видели слезы в его

глазах. Ему представилась картина его жизни. Сколько раз он должен был оставлять семью, своих маленьких мальчиков, свою верную подругу жизни и скитаться на чужбине! Он вспомнил последние десять лет страшной лагерной жизни, последнюю встречу с сыном Стефаном... «Может быть, Мишенька, ты повременишь с обратной поездкой,– сказал он ласковым голосом,– пока буря пройдет, и они перестанут тобой интересоваться? Ведь ты находишься далеко от них, и, может быть, здесь не будут тебя искать?» Воцарилась тишина, каждый беседовал со своим сердцем. Резво игравшие у ног бабушки Павлик и Мишенька, бесшумно перекладывали свои кубики. Евангелина прижалась к отцу и тихо плакала. Он взял ее на колени и старался объяснить, в каких обстоятельствах они могут оказаться: «Меня могут забрать, но вы не бойтесь: Господь будет с вами! Мы тоже выросли без отца и Господь помог нам». Девочка никак не могла согласиться с тем, что их дорогого папочки не будет с ними. Она не хотела и думать об этом. Для маленького сердечка это было слишком тяжело...

Бабушка вспомнила своего сына Стефана. Как горели его глаза от радости, как он протянул свои исхудавшие руки и обнял ее, прижал к своему сердцу и шептал: «О, мама, мама! Как я счастлив, что Господь услышал мои молитвы и привел тебя сюда. Как я счастлив, что ты со мною в моей тяжелой болезни, в моем одиночестве!» Она вспомнила то холодное серое утро, когда она вошла в морг. Печать глубокого мира покоилась на юном лице Стефана. Перед глазами матери прошло далекое Заполярье, где солнце так скудно согревает необъятные просторы, где ветер колышет жалкие кустарники над одинокой могилой ее дорогого сына... В сердце матери происходила борьба. Ведь Стефан был одинок, у него не было семьи, а у Михаила трое маленьких детей, молодая жена! Неужели он должен разлучаться с семьей и идти навстречу этим горьким страданиям? «Ибо кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее; а кто потеряет душу свою ради Меня, тот обретет ее» *(Мф. 16:25)*. И мать обратилась к сыну со словами: «Сын мой, неужели в доброе время ты должен пасти стадо Христово, а в злое оставить?»

Вскоре Михаил вместе с семьей уехал туда, где его искали, где ожидала опасность и новые неизвестные переживания.

На окраине города, над крутым оврагом стоял маленький дом, в котором поселился Михаил со своим семейством. Одна-

жды Михаил отправился в город, чтобы купить новые сапоги По дороге он увидел автомашину, которая часто останавливалась. Было ясно, что людям этот район незнаком и что они что-то ищут. С раннего детства привыкший к тому, что его ищут и следят за ним, Михаил понял, что эти люди ищут его. Михаил спокойно продолжал свой путь, предав свою жизнь в Вечные руки. На остановке он сел в автобус и поехал в город. Когда Михаил вышел из автобуса, та же самая машина остановилась перед ним, и люди, сидевшие в ней, приказали ему сесть в машину. Михаила отвезли в отделение милиции и предъявили обвинение в том, что он пытался скрыться от милиционеров. Человеку, не привыкшему к тому, что извращаются факты и применяется лжесвидетельство, все это могло показаться чудовищным. Но Михаил к этому уже привык. Из милиции его отвезли в тюрьму, где тщательно обыскали.

...Наступил вечер, отец не вернулся домой. Так как после приезда из Баку семья со дня на день ожидала его ареста, то Анна, его супруга, сейчас же отправилась в милицию. Там ей сказали, что им ничего не известно. С тяжелым сердцем Анна вернулась домой. От Евангелины и Павлика нельзя было скрыть глубокую печать, которая отражалась на ее лице. Дети поняли, что их папочка задержан и не скоро вернется, а может быть, не вернется никогда... На вешалке висело пальто отца. Дети нежно гладили его ручонками, как будто ласкали папу и, прижавшись к нему, горько плакали...

Молодой матери было очень тяжело наблюдать эту сцену и, преклонив колени со своими малютками, она горячо молилась о том, кто был так дорог им. Они не знали, где он находится и что с ним, но решили во всем довериться Господу.

Евангелине было уже 6 лет, и она начала глубоко задумываться, откуда исходят все страдания и когда они прекратятся. Она задала маме вопрос: «Почему так много зла в этом мире, и почему должны страдать такие невинные люди, как наш папочка? Ведь он никому не сделал зла. Разве только сатана побуждает людей на такое злое дело?» «Да, дитя мое,– ответила мать,– он источник всего зла и несчастья, которые происходят в мире». «Так почему же Господь не уничтожит его, и наш папочка был бы с нами, и никто не разлучал бы нас?» «Придет день,– сказала мама,– когда Господь уничтожит все зло на земле». И открыв Святую Книгу, она прочитала слова вечного Уте-

шителя: «И отрет Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет; ибо прежнее прошло» *(Откр. 21:4)*.

...За тюремными стенами горячо молился отец за свою подругу жизни, за своих малюток. Он знал, что вся его семья переживала за него.

Подобную ночь за тюремными стенами провел дедушка Михаила. Это было в царское время, когда, оклеветанный духовенством, он был схвачен и брошен в тюрьму. Такую ночь провел и его отец, тоскуя о своей семье, не зная, что его ожидает впереди. Такая ночь предстояла и ему, ночь одиночества и тоски. Хотя прошло уже много лет, в памяти ожили эпизоды детства. Он вспомнил, как ночью ворвались в их дом вооруженные люди, как они делали обыск, как уводили отца. Вспомнились дни сиротства, нужды, печаль матери, порицания в школе – «сын врага народа»... Неужели и его детей ожидает такое будущее? Да! О, Господи, доколе!

Михаил много думал о своих детях, которых нежно любил. Кроме семьи, сердце Михаила тяготила и другая забота. Это та ноша, которую носил в своем сердце апостол Павел,– забота о церквах. С необыкновенной нежностью и отцовской заботой молодой проповедник относился к нуждам церкви Христовой. Он горячо любил тех, кто принял весть спасения и готовился к крещению. После ареста брата Казимира Короленко Михаил ревностно и безбоязненно посещал все общины, находившиеся в Средней Азии, хотя и знал, что ожидает его за это.

Когда луч утренней зари проник сквозь решетчатое окошко тюрьмы, молодой узник уснул. Ангел благодати прикрыл своим белоснежным крылом его усталую голову. Но недолгим был отдых Михаила. Резко заскрипела дверь его одиночной камеры и повелительный голос произнес: «На допрос!»

– Вы человек с высшим образованием и верите в Бога. Как это можно совместить?

– Да, я глубоко верю в Бога, и моя вера не противоречит науке.

– Скажите, какие обстоятельства побудили вас верить такой нелепости?

– С детства мой отец обучал нас, детей, Священному Писанию. Я видел всю его жизнь. Он воистину был верующим человеком и, несмотря на гонения и переживания, был готов не только страдать, но и умереть за свои убеждения. Я помню

время, когда отец находился в Тульской тюрьме и мы с мамой навещали его. Помню тот широкий ров, за которым была тюрьма, и как мы глядели на угрюмое здание, в котором находился наш отец. Он никому не сделал зла, но должен был страдать как злодей.

Принесли конфискованные у Михаила книги. «Согласны ли вы со всем, что здесь написано?» Там были журналы на английском и немецком языках, в которых содержались статьи о безбожии.

Все поездки Михаила были известны. Это и послужило причиной ареста. Михаилу предложили подписаться, что впредь он не будет продолжать свою деятельность, и тогда будет освобожден. Но Михаил не мог с этим согласиться. Он готов был снова встать на стезю страданий и умереть с чистой совестью.

Спустя некоторое время Михаила все же отпустили домой. В милицию вызывали собратьев и спрашивали о нем, собирая материалы для нового ареста. Михаил поехал к родителям и там, посоветовавшись, решил, что он должен на время выехать из Алма-Аты.

Через две недели он вернулся обратно, так как не мог прописаться и было трудно найти работу. Он вернулся туда, где его ожидала опасность. «Я решил обрести стойкость,– сказал он,– о которой писал пророк Исаия: «Я предал хребет Мой биющим и ланиты Мои поражающим; лица Моего не закрывал от поруганий и оплевания. И Господь Бог помогает Мне: поэтому Я не стыжусь, поэтому Я держу лице Мое, как кремень, и знаю, что не останусь в стыде» *(Ис. 50:6, 7).*

ТРИ СЕСТРЫ

> Кто эта блистающая, как заря, прекрасная, как луна, светлая, как солнце, грозная, как полки со знаменами?
>
> *Песн. П. 6:10*

Этот текст представляет нам величественную и прекрасную картину. Заря является предвестницей дня. Ночная тьма не в силах удержать ее появление. Рассекая ночную тьму, она могущественно вступает в свои владения. Она сильна и прекрасна. Из внезапно появляющегося на горизонте пурпура и золота она ткет сказочно чудесную ткань... Краски растворяются, свет усиливается и наступает день! Так представлена в Библии невеста Христа. Таков ее внутренний мир. Он полон силы и красоты. Но внешне она кажется не совсем привлекательной. «Не смотрите на меня, что я смугла; ибо солнце опалило меня» *(Песн. П. 1:5)*. В суровой жизненной борьбе она опалена палящими лучами солнца и истерзана грозными бурями. Она утомлена, ноги ее окровавлены, одежда разорвана и покрыта пылью, ибо путь ее тернист. Она осмеяна, поругана, оклеветана, всеми гонима, всеми ненавидима. Она сидит на скамьях подсудимых вместе с грабителями и убийцами. Ее вина объявляется тяжелее вины всех преступников, ее осуждают на долгие годы заточения, для нее нет защиты, нет снисхождения!..

Несмотря на такое тяжелое положение, она, как блистающая заря, предвещает наступление великого дня Господня, дня справедливого Божьего суда и славного избавления. Пронзая тьму неверия, она безбоязненно свидетельствует о вечной истине.

...Прекрасная, как луна, льющая тихий свет на спящую землю. Эта красота несет грусть и невидимый покой. Луна освещает тернистую тропу изгнанника, проникает в решетчатое окно узника, убаюкивает больного ребенка и успокаивает в ночной тишине плачущую мать. Невеста Христа излучает тихое чарующее сияние, как луна в летнюю ночь. Она освещает путь поте-

рявшим дорогу, блуждающим во тьме неверия, впавшим в отчаяние, вселяет надежду на лучшую жизнь.

...Светлая, как солнце. Распространяя свет и тепло, солнце поддерживает жизнь каждого живого существа. Своей силой оно растапливает снежные сугробы и ледяные горы, своим теплом обогревает обездоленных сирот, высушивает промокшие крылышки птенца, выпавшего из гнезда. Имея солнце в сердце, невеста Христа и в тени распространяет свет и тепло, согревая мерзлоту лагерной жизни лучами любви и сострадания. Своим теплом она растапливает ледяные горы неверия и отчаяния, согревает сердца, трепещущие от страха и холода.

...Грозная, как полки со знаменами. Борьба невесты Христовой с темными силами зла всегда была жестокой. Но она никогда не сражалась ради спасения своей жизни – о, нет! Всегда она была готова сложить ее как дар к ногам своего Возлюбленного. Без ропота она отдавала свою жизнь на аренах амфитеатров, в мрачных подвалах во времена инквизиции, в тюрьмах и дальних лагерях. В жестокой борьбе она не отступала ни на шаг, но шла вперед: «Я взглянул, и вот, конь белый, и на нем всадник, имеющий лук, и дан был ему венец; и вышел он как победоносный, и чтобы победить» *(Откр. 6:2)*.

...Мерно постукивали колеса. Анна Лодья сидела в вагоне и думала. В последнее время ее здоровье ухудшилось, и часто случались приступы. Врач сказал определенно, что в желчном пузыре камни и что без операции не обойтись. Она поняла, что болезнь ее серьезна, придется ложиться в больницу. Но на кого оставить детей и хозяйство? Решиться ли на операцию, поможет ли она? Или так дожидаться смерти? Ей одной было трудно решить этот вопрос, и она решила поехать к своим двум сестрам, чтобы посоветоваться.

Во Фрунзе, где жили сестры Анны, она встретила брата Сильмана, который, несмотря на опасное время арестов и гонений, посещал общины, подкреплял братьев Словом Божьим, совершал Вечерю Господню и крещения. Брат Сильман намеревался провести субботу в городе Карабалты, находящемся недалеко от Фрунзе. Он пригласил с собой и сестру Анну. С ними ехал брат Чубарев – член Карабалтинской общины.

Сестра Анна чувствовала себя плохо и на одной из станций вышла на платформу, чтобы подышать свежим воздухом. Когда был дан сигнал отправления поезда, она поспешила, чтобы сесть

в свой вагон. Вдруг какой-то незнакомый человек схватил ее за руку. Пытаясь освободиться от него, она быстро проговорила: «Пустите, ведь поезд уходит!». Но незнакомец продолжал еще крепче держать ее руку, потом предъявил ей свой документ, показал револьвер, и она поняла, с кем имеет дело. Поезд отправился. В вагоне остались ее вещи. Попутчики думали, что Анна не успела сесть в вагон и отстала от поезда. О трагедии, разыгравшейся на платформе, они не знали.

Приехав в Карабалты, они рассказали собратьям, что Анна почему-то отстала от поезда. Решили, что она приедет следующим, и на этом успокоились. Но поезда проходили, а Анны все не было.

Настал день покоя. Вечернее богослужение было проведено у брата Чубарева и прошло спокойно. Нападений не было. Наступила ночь, но все еще томила жара. Во дворе стоял новый недостроенный дом, и хозяин с братом Сильманом отправились туда спать. Братья долго рассуждали о том, что могло случиться с сестрой Анной. Почему она не приехала?

Под утро, когда стало чуть-чуть рассветать, они услышали лай собаки. Братья обрадовались и решили, что приехала Анна. Но так как собака не переставала лаять, они посмотрели в щель и увидели, что три чужих человека вошли в дом. Братья услышали требование зажечь свет и вопрос: «Где хозяин?» Хозяйка ответила, что его нет.

Когда неожиданные гости удалились, пришла сестра Жгулева и сказала, что к ним приходили три человека с собакой, которые арестовали ее мужа. Теперь все поняли, почему сестра Анна не смогла сесть в поезд...

Субботу провели у одной сестры. Ночью она закрыла гостей в сарае на замок. После полуночи к Чубаревым пришел пьяный растрепанный человек, который будто бы искал какой-то адрес. Он зашел в дом и все осмотрел. Он, конечно, пришел с определенной целью и притворился пьяным, но брата Чубарева не было в доме. В этот раз арест его миновал, но спустя некоторое время он был арестован и осужден на 10 лет.

Брат Сильман поехал во Фрунзе. На станции его встречал брат Юлиус Педро. Он принес его чемодан и рассказал, что у них был обыск. Нашли спрятанные книги, забрали жену, сестру уже арестованной Анны. Она в это время кормила ребенка. На нее закричали: «Собирайся!», вырвали из рук ребенка,

бросили его на кровать, а саму толкнули в дверь. Дети испугались и заплакали. Арестовали Константина (он умер в лагере), брата Юлиуса, и еще шестерых человек из общины. Юлиус сказал, что из чемодана Сильмана забрали все деньги, которые там были.

Целый день брат Сильман ходил по городу. Ни к кому из членов церкви он не заходил, потому что все были в тревоге. Вечером он вернулся на вокзал, купил билет и вышел на платформу. Здесь он увидел человека с собакой, который останавливался возле каждого вагона. Сильман понял, что ищут его. Он встал возле вагона, в который должен был сесть, помолился и смело вошел. Божий ангел закрыл глаза преследователям, и они его не увидели. Его час еще не пробил. Господь отвратил опасность. Сильман был еще нужен здесь, среди братьев, ибо, рискуя свободой и даже жизнью, он безбоязненно посещал общины, ободряя рассеянное стадо Христово.

Брата Жгулева и сестру Анну Лодья отправили во Фрунзенскую тюрьму, где были собраны все остальные арестованные братья. Следствие длилось пять месяцев. Собратья были в разных камерах и ничего не знали друг о друге. Каждый из них думал, что только он один находится здесь. Они были лишены права переписки и ничего не знали о своих семьях. У всех остались малолетние дети. Самое тяжелое горе — это горе родительского сердца. Насколько сильна его любовь, настолько сильна его скорбь.

Когда арестованных проводили на допросы мимо камеры, Анна, прильнув к двери, внимательно прислушивалась. Кто-то кашлянул, и ей показалось, что это ее сестра Вера. Неужели она здесь, неужели оторвали от ее груди младенца?! А может, здесь и другая ее сестра, Анастасия? И у нее грудной ребенок, а всего пятеро детей! Она вспомнила слова пророка Амоса: «О, вы, которые суд превращаете в отраву, и правду повергаете на землю!» *(Ам. 5:7)*.

Пять месяцев их допрашивали. В чем же заключалась тяжесть их преступлений, почему так долго велось следствие? Вся их вина состояла в том, что они собирались на богослужения, изучали Слово Божье, пели, молились, и в том, что говорили другим о славной надежде на пришествие Господа.

В то время, когда я писала главу «Три сестры», к нам приехала Прискилла, дочь сестры Анны. Она говорила, что после суда ходила на свидание, и я ее попросила описать эту встречу. Вот что она рассказала.

Наконец, после долгих допросов, утомительного ожидания результатов суда вынесен приговор — 10 лет лагерей. Несмотря на боль разлуки с детьми, близкими и родными, чувство скорби и одиночества уже давно побеждено, узница мужественно выслушала приговор суда. «Слава Тебе, Господи,— прошептала мама,— что и меня нашел достойной быть в числе страдальцев за Твое славное дело, для которого нет ни уз, ни преград. Благодарение Тебе за этот срок. Я чувствую, что не доживу до его окончания, но в Твоей книге будет записано время страдания моего».

Перед отправлением по этапу разрешено было свидание с родными. Возможно, что в последний раз близкие люди смотрели в глаза друг другу. Муж тети Анастасии в последний раз видел свою подругу жизни: некоторое время спустя он умер от болезни. Все родственники заключенных пришли на свидание; маленьких детей несли на руках. Опираясь на тросточку, шагала бабушка — мать узниц. Она вспоминала долгие годы своего вдовства, как трудно приходилось ей воспитывать троих детей. Только из-за них она не вступила в новый брак, несмотря на тяжелое время. Она вспомнила, как ее уговаривали отдать детей богатым людям. Бедная мать, гонимая нуждой и голодом, плача у изголовья своих девочек, думала о том, кого из них она сможет отдать... «Нет, вы все останетесь со мной!» — твердо сказала она сама себе, быстрым движением руки смахнув слезы. Прижавшись к своим сокровищам, забыв свою бедность, она забылась в сладком сне.

И вот теперь, в старости, когда она рассчитывала на помощь и была готова склонить голову на любящие руки своих трех дочерей, высоко ценивших ее самоотверженность, суровая рука властного человека в одну ночь пришла и увела их, не спросив, желает ли мать отдать своих детей. Несмотря на свои преклонные годы, шаги ее уверенны, решение твердо, она может идти впереди всех. До сих пор мы не знали, какое чувство охватывает человека, когда он попадает за стены мрачной тюрьмы. Мы думали, что нас проводят в светлое помещение со стульями, где мы сможем свободно увидеться друг с другом. Но нас ввели в комнату, заперли дверь, и мы с испуганными лицами стояли перед страшной железной решеткой, подобно зверям в клетке. Мы не смогли пожать друг другу руки. Девятилетний сын тети Веры, цепляясь за решетки, подпрыгивал и все спрашивал: «Мама, кто вас предал?» Узницы знали

предателя, но молчали об этом. Они уже давно простили его.

Заключенных и пришедших на свидание было очень много. Каждый старался что-то сказать на прощание. Общий гул, тихое всхлипывание пришедших, громкий плач детей, впервые попавших в такую обстановку, делали это свидание душераздирающим. Дети не могли видеть за высоким барьером своих матерей. Они цеплялись руками за решетку и все время подпрыгивали.

Знакомые лица изменились до неузнаваемости. Худые, бледные, измученные, они выражали мужество, стойкость, непоколебимость. Они не вызывали слез и отчаяния: печать терпения и спокойствия лежала на них. Для этих людей земная жизнь не представляла большого значения: «Ибо для меня жизнь – Христос, и смерть – приобретение» *(Флп. 1:21).*

Прощальные слова, последние родительские советы и наставления звучали среди общего гула и шума. Минуты свидания пролетели. Строгие надзиратели выпроваживали всех пришедших.

Я услышала, как мама громко позвала меня, и решила остаться. Но надзиратель, увидев меня, прижавшуюся в угол, схватил за ворот и вышвырнул вон. Все медленно шли домой. Никто не плакал, но на сердце у каждого будто лежал тяжелый камень. Всех охватило чувство, будто похоронили самое дорогое, возврата чему нет.

...Слезы застыли. Человек шагает машинально по дороге жизни. Для его истерзанной души все нипочем, да и сама жизнь, кажется, теряет смысл и значение. Во что бы превратился человек, если бы Бог не послал Духа Утешителя в спутники на его жизненной дороге? Как бы глубоко волна скорби ни захлестнула жизнь страдальцев, каким безотрадным ни казалась бы их будущее, сила Духа, как ясный луч во мраке, разгоняла темные тучи, затянувшие небо их жизни. Посвященный человек вновь начинает бороться, пробивать дорогу. Поразительны в такое время находчивость, мужество и постоянство человека в том, чтобы добиваться исполнения своей надежды...

Так вступила в борьбу и старенькая мать узниц. Сколько мужества было в ее душе, сколько дорог пройдено ее ногами! Вот она рано утром шагает с тяжелым бидоном продавать молоко, чтобы принести хлеба внучатам. Она очень спешит. Ее мысли заняты мечтой о дне встречи с дочерями. По улице мчатся машины одна за другой. Вот едет «черный ворон». Даже любитель

покататься не пожелал бы сесть в такую машину. В нее заходят люди поневоле.

...Чья-то родная, дорогая сердцу фигура мелькнула среди потока людей на улице. Это она, их мама, шагает по тротуару! Невольно вылетел возглас: «Мама!» Конвоир пригрозил им. Они замолчали.

Да, узники должны быть совершенно безмолвны, как овцы, которых ведут на заклание. Им нельзя спросить, куда их везут, далеко ли от дома. Они преданы в руки жестоких людей, которые всегда готовы отнять у них жизнь. Бог поручил своим детям быть верными и в таких обстоятельствах. Они идут в горнило испытаний, где будет испытана их верность. Сердце шепчет: «Боже, только помоги устоять!»

Осужденных отправляли в лагеря. С гневом и насмешкой надзиратель толкнул Анну в вагон и, обращаясь к находящимся там воровкам, крикнул: «Эй, вы! Научите ее, как надо Богу молиться!» Ее отдали в безжалостные руки, защиты не было: «Не стало милосердых на земле, нет правдивых между людьми» *(Мих. 7:2)*. Как часто приходилось верующим встречаться с людской жестокостью, переносить насмешки, издевательства, поругания и побои! Низкие души находят наслаждение, подвергая невинных истязаниям, и высшая степень унижения часто служит предметом их веселья.

Долгие месяцы, проведенные в подземной камере без воздуха и света, крайне скудное питание совершенно подорвали здоровье Анны. Измученный вид этой хрупкой женщины и невыразимая тоска в ее глазах удержали преступниц от издевательств. Как солнечный луч, озарили ее душу слова Псалмопевца: «В день, когда я воззвал, Ты услышал меня, вселил в душу мою бодрость» *(Пс. 137:3)*.

В лагере сестры встретились. Какие бури пронеслись над их головами, сколько тяжелых дней и бессонных ночей они провели в одиночных камерах, сколько слез было пролито за все это время,– знает только Господь! Сестры были разлучены с семьями, с малыми детьми, и теперь эта встреча! Как они радовались ей и благодарили Бога!

Некоторое время, хотя и не без борьбы и душевных тревог, сестры имели возможность святить субботний день. Однажды начальница стала расспрашивать сестер, за какие тяжелые преступления они осуждены на такой длительный срок? Сестры

ответили, что за религиозные убеждения. Она всплеснула руками и сказала: «И стоит ли избирать такой тяжкий путь безумных страданий из-за убеждений!» Сестры рассказали ей о пути страданий, который начался еще у ворот потерянного рая и простирается к вратам вечности. По этому пути шли верные во все века, осмеянные, оклеветанные, измученные, осужденные, как величайшие преступники. Но этот путь ведет к светлой вечности, к стране, где не будет ни слез, ни страданий, ни смерти. «Мы идем этим путем, и потому находимся здесь за убеждения, за Слово Божье, за свидетельство Иисуса Христа»,– сказали узницы. Эти слова звучали странно, непонятно для начальницы. Разве есть на свете еще что-то другое, кроме жестокости, несправедливости и мучения? Разве может быть такое святое царство, о котором говорят эти невинные женщины? Кто придавал им силы переносить страдания? Какой-то неведомый мир открылся глазам этой женщины – мир чистоты и святости, но, к сожалению, на мгновение. Она снова погрузилась во тьму неверия, идя своим путем.

Обычно верующих ставили на тяжелые работы. Они не противились и безропотно несли свой крест. Так было во времена Нерона, Калигулы и других деспотов. Прежде чем христиан бросали на арену на растерзание зверям, их до изнеможения использовали на тяжелых работах. Анну заставили кидать навоз в какое-то высокое отверстие. Старая болезнь напоминала о себе при каждом броске лопатой. Сестры работали на разных работах и на разных участках, но по субботам собирались все вместе, пока их сестру Анастасию не перевели на дальний участок.

Однажды в лагерь приехало высокое начальство. Они обошли участки работы, посмотрели, кто как работает, а в конце зашли в барак. Там были сестры. Сидя на нарах, они проводили свое субботнее богослужение. «Почему вы не работаете?» – спросил начальник. Сестры объяснили, что не могут нарушить святую субботу.

Начальник стал кричать, что они занимаются глупостями, устанавливают в лагере свои законы, что они ленивы, не хотят работать и даром едят хлеб.

Анна встала и спокойно ответила: «Шесть дней мы работаем с раннего утра и до ночи, и насущный хлеб зарабатываем честно, но против своей совести не можем идти и не можем нарушить святую субботу. Делайте с нами, что хотите».

Тогда начальник лагеря, желая выслужиться, решил заставить Анну работать силой. Он кричал, ругался, угрожал, а затем вскочил на коня и, разогнавшись, направил его на Анну. Но конь сворачивал в сторону. Животные имеют больше сострадания, чем человек, потерявший совесть и страх Божий. Дошедший до безумия, начальник лагеря соскочил с коня, связал Анне руки и, толкая винтовкой в бок, рвал одежду. Анна осталась в одной рубашке. Затем, избитую, ее бросили в карцер. Ее сестра Вера находилась уже там. Она тоже свидетельствовала о своей вере, и ее силой тащили на работу из барака. Шел дождь, было грязно. От толчков Вера упала, и так ее и тащили по грязи. Надзиратель вцепился ногтями в ее лицо. Хлынула кровь и смешалась с грязью. Потом он схватил ее за горло и начал душить. Мысленно Вера прощалась с семьей, с детьми, предав их в руки Небесного Отца. Окровавленную, в разорванной одежде, испачканную в грязи, ее бросили в карцер.

...О, невеста Христа! Блистающая, как заря, прекрасная, как луна, светлая, как солнце, грозная, как полки со знаменами,— богат и прекрасен твой внутренний мир, мир любви, веры и терпения! Хотя одежда твоя разорвана и лицо окровавлено, но ты дорога и прекрасна в глазах Того, кто в глубоком сострадании видит тебя и говорит: «Я знаю твои дела, и скорбь, и нищету,— впрочем ты богат... Знаю твои дела, и любовь, и служение, и веру, и терпение твое...» *(Откр. 2:9, 19)*.

Субботнее богослужение сестры проводили, следуя порядку, существующему в церкви Божьей. Они начинали его тихим пением и молитвой, делились опытами прошлой недели. То были опыты верности Богу. У них не было ни Библии, ни другой духовной литературы. Даже не было карандаша и бумаги, чтобы можно было что-то записать! Сестры обсуждали то, что раньше изучали и слушали, и теперь Дух Святой напоминал им слова утешения и ободрения. Заканчивали богослужение также тихим пением и молитвой.

Они чувствовали близость Бога и в тех условиях. В благодарении прошел святой день. И как избитые апостолы, они радовались, что удостоились пострадать за имя Христа.

И снова они готовились к новой борьбе, не зная, что принесет будущее. «Грозная, как полки со знаменами». Да, они не сдавались, а враги начинали уставать, видя, что верующие не страшатся смерти и могилы. Некоторые время после тех событий

сестры имели возможность спокойно святить субботу. Конечно, каждая суббота была выпрошена у Господа слезами и молитвами.

В тяжелом труде, в нужде и изнеможении проходили годы. Из дома они не получали никакой помощи, потому что и там была крайняя нужда. Муж Анастасии умер, оставив пятерых детей. Муж Анны умер еще раньше, до ее ареста, у нее осталось трое детей. У Веры — двое детей. Из редких писем, которые пропускались в лагерь, сестры знали, как обстоят дела дома.

Удивительной была сила их души и терпение, которое они проявляли. Каждый день они ходили со своим Спасителем рука об руку, стараясь уподобиться Ему. Все унижения, оскорбления, издевательства они обратили в любовь, прославляя своего Господа за все.

Сестры не предались унынию, но поднимали свой взор к вечным высотам, имея светлую надежду на вечность. Блаженное упование на пришествие Христа укрепляло их при любых обстоятельствах, делало сладкими горькие часы тяжелых испытаний.

Вера два с половиной месяца питалась только хлебом и водой. Но хлеба давали мало и очень плохого качества. Пища, которую готовили для заключенных, была нечистой, а поддержки она ниоткуда не получала. Силы уходили, ноги стали отекать и при ходьбе дрожали. Работа была тяжелая.

Однажды, идя на работу, она молилась, чтобы Господь послал ей утешение и облегчение: «Ведь Ты, Отец Небесный, заботишься о птичках, не оставь же и меня в нужде и скорби». Продолжая свой путь, она увидела на дороге мертвую птичку. Или злая рука ее умертвила, или голод прервал ее короткую жизнь? Иногда случается, что сломанное деревце или затоптанный в пыли цветок наводят на сердце тоску и вызывают боль. Тоска ее души еще больше усилилась. Надо было терпеть и надеяться. И она решила быть верной до смерти!

Через несколько дней Вера получила посылку. Это был ответ на ее молитву. Вскоре Веру перевели на другую работу: дояркой. Теперь она имела возможность подкрепиться свежим молоком. Она окрепла и славила Господа за Его помощь.

Труд же Анны был сверх ее сил. Она просила Бога послать ей облегчение. «И сказал Господь: Я увидел страдание народа Моего в Египте, и услышал вопль его от приставников его; Я знаю скорби его» *(Исх. 3:7)*. Господь видел трудности верных Его де-

тей и послал им облегчение. Если бы Анну не перевели на другую работу, то она скоро сошла бы в могилу. Теперь она стала работать на консервном заводе. Там было большое количество арбузов, и она могла их есть, сколько ей хотелось. Это восстановило ее здоровье. Положение Анны улучшилось, но и Анна и Вера скорбели о своей сестре Анастасии, которая была далеко от них. Сначала они обратились к Отцу всякого милосердия и утешения, а потом пошли к начальнику лагеря с просьбой, чтобы их соединили вместе. Они рассказали ему, как они в раннем детстве остались без отца. Родственники хотели взять их на воспитание, но мать, видя их тесную дружбу, не хотела их разлучать. Она трудилась сверх своих сил, чтобы дать возможность девочкам расти вместе. И теперь, когда печальная судьба соединила их вместе в лагере, то пусть бы не лишали их хотя бы этого утешения.

Начальник задумался. Прошло уже несколько лет, он видел их чистую жизнь, самоотверженный труд и старание. Он видел непоколебимую веру. Он вспомнил, какие страдания они перенесли за свои убеждения, и должен был признать, что эти скромные женщины стоят выше всех обитателей лагеря. Он видел в них уму непостижимое благородство. Их сердечная просьба тронула его сердце, и он велел перевести Анастасию обратно. «Когда Господу угодны пути человека, Он и врагов его примиряет с ним» *(Притч. 16:7).*

По субботам они продолжали совершать свои маленькие богослужения. В будни сестры видели милостивую руку Отца Небесного. В скорби сама природа обращалась к их сердцам на понятном только им языке.

Работая в поле, Анна обратила внимание на кусты шиповника. На нем было много колких шипов, среди которых алели цветы. Как ни тяжела была их лагерная жизнь, но цветы утешения вырастали среди шипов скорби.

Вера обратила внимание на подсолнухи в поле. Как золотое море, они колыхались на тихом ветерке. Они были обращены к солнцу. О, какое это утешение для усталого сердца!

«Ибо Господь Бог есть солнце и щит. Господь дает благодать и славу; ходящих в непорочности Он не лишает благ» *(Пс. 83:12).* Господь есть солнце любви, и эта любовь согревала их ласковыми лучами каждый день. По ночам их утешали звезды и тихий свет луны. По субботам, когда они собирались вместе,

они не жаловались друг другу на непосильный труд, обиды и порицания, но говорили о многократных милостях, о помощи свыше, о любви Божьей к ним.

...Заключенных под стражей отводили на работу и под стражей приводили обратно. Каждую пятницу Вера оставляла работу до захода солнца, она брала с собой чистое белье, умывалась в речке и уходила в барак. Бригадир не препятствовал ей в этом, убедившись в бесполезности таких усилий. Как-то в пятницу его заменял другой бригадир. Вера попросила его отпустить ее раньше. «Не отпущу!» — резко ответил он. Она объяснила, что ее всегда отпускали, и очень просила отпустить и на сей раз. «Всегда ходила, а сегодня не пойдешь!» — сказал бригадир определенно.

Вера повернулась и пошла. Бригадир направил винтовку на нее, угрожая, что будет стрелять, если она не повернет обратно. Она шла вперед, а он следовал за ней. Она шла путем смерти, каждую минуту ожидая выстрела. И снова в мыслях прощалась со своими детьми, и снова предвкушала сладость вечности, прощаясь с временной жизнью. Они шли долго. Она не оборачивалась. Бригадир начал напевать какую-то песню. Звуки этой песни становились все тише и тише. Вера оглянулась и увидела, что на перекрестке он свернул на другую дорогу. Смерть миновала. Впереди — снова жизнь и борьба...

Субботние дни сестры проводили в радости и благодарении. Они вспоминали переживания апостолов, их мужество и благодарность Господу.

Пошел девятый год заключения. За отказ работать по субботам грозило увеличение срока. Таков был лагерный закон. Сестры знали, что им могли добавить еще по десять лет, но это не поколебало их веру. Они уже и не верили в возможность увидеть своих детей, но думали только о том, чтобы остаться верными Господу до смерти. Каждый день они ходили со своим Господом узким тернистым путем, ведущим к вечности.

«Они победили его кровию Агнца и словом свидетельства своего и не возлюбили души своей даже до смерти» (Откр. 12:11).

РОЖДЕННЫЕ В УЗАХ

Господь в переписи народов напишет: «такой-то родился там».
Пс. 86:6

В ночь, когда священный город Иерусалим погрузился в глубокий сон, по тихим улицам, освещенным светом луны, кто-то спешил к дому, где находился Божественный Учитель. День Спасителя как обычно прошел в труде, когда Он исцелял больных и проповедовал Царство Небесное, но Он был готов и ночью служить ищущим спасения и с любовью принял позднего гостя. Христос знал, что волновало Никодима и почему ему не спалось.

«Равви! мы знаем, что Ты – Учитель, пришедший от Бога; ибо таких чудес, какие Ты творишь, никто не может творить, если не будет с ним Бог» *(Ин. 3:2)*. И, как бы не обращая внимания на высказанную признательность, Небесный Учитель произносит слова, которые приводят в изумление учителя Израиля. «Иисус сказал ему в ответ: истинно, истинно говорю тебе: если кто не родится свыше, не может увидеть Царствия Божия» *(Ин. 3:3)*.

Великая преобразующая сила Святого Духа была явлена и в лагерной жизни. Несмотря на страдания, весть спасения была проповедана во всех лагерях, где находились верующие.

Николай Кит был осужден на 10 лет, хотя и не совершил никакого преступления. Он был ревностным католиком и думал, что суд Божий постиг его за то, что он не был точен в соблюдении католических праздников.

В дождливый день Николай с заключенными работал на лесозаготовках. Он сел под сосной передохнуть, и ему вспомнилась вся его жизнь. Он дал обещание Богу, что будет впредь, несмотря ни на что, соблюдать все праздники и день воскресный. Николай знал, что это повлечет за собой трудности, но просил

Господа, чтобы Он помог ему исполнить обещание. Вдруг перед ним предстал ангел в чудесном сиянии и сказал: «День Господний – суббота, только субботу соблюдай». Это длилось одно мгновение, и чудесное явление исчезло. Как и прежде, шел дождь, узники рубили и пилили дрова, и никто из находящихся здесь не знал, что Божий посланник был так близко.

После этого видения Николай начал соблюдать субботу. Часто приходилось святой день проводить в карцере. В разбитые окна карцера дул ветер и летел снег. Николая раздевали и оставляли без пищи. Все это он выносил мужественно, ибо весть с неба придавала ему силы.

По милости Господней, в лагере Николай встретил брата Михаила Кулакова. Такие встречи подобны оазисам в сухой пустыне, где истомленная душа может напиться и освежиться. Михаил подкрепил мужественного борца, рассказав ему о своих переживаниях, победах и об исполнившихся в его жизни чудесных Божьих обетованиях.

Через некоторое время их разлучили. Николай снова остался один. Но он терпеливо и мужественно переносил и холод в карцере, и насмешки. Через год Николая перевели в Кемеровские лагеря, где он встретил братьев Виталия Красильникова и Павла Бахмацкого. После освобождения Николай принял крещение и до сего дня является примерным и верным членом церкви.

* * *

Преступления, тяжелые, как горы, угнетали душу узника Ивана Антоненко. Он все больше погружался в уныние и отчаяние. В этом же лагере находился узник за Слово Божье, который указал ему на Агнца Божьего, умершего за грехи каждого человека. Для несчастного открывался новый мир чистоты и Божественной любви. Глазами веры он взирал на Голгофу, на неизмеримо великую жертву, принесенную за его грехи. Совершенно другими глазами теперь он смотрел на жизнь. Какой бесцельной, низкой и подлой она выглядела во свете Божественной истины! Сраженный таким открытием, Иван воскликнул: «Может ли Господь простить такому, как я?»

И этой трепещущей душе брат указал на дивное обетование Божье: «Тогда придите, и рассудим, говорит Господь. Если будут грехи ваши, как багряное,– как снег убелю; если будут красны, как пурпур,– как волну убелю» *(Ис. 1:18).*

Можем ли мы представить себе, какое значение имеют эти слова для души, которая, подобно утопающему, цепляется за спасательный круг?

В письме новообращенного брата Ивана Антоненко, переданного братьям его женой, было написано: «Дорогие братья и сестры! Я узнал истину и познал Того, Кто отдал Свою жизнь за меня и простил все мои грехи. Я желаю отдать Ему свою жизнь и идти по пути истины. Примите от меня святую часть, принадлежащую Господу, чтобы и другие могли познать великую любовь нашего Спасителя. Молитесь за меня, чтобы я мог стать членом истинной церкви. С приветом к вам, ожидающий вместе с вами пришествия нашего Господа Иисуса Христа Иван Яковлевич. 22. 11. 1953 г.»

Брат Иван очень хотел принять крещение, но в лагере это было невозможно. По вечерам, после трудового дня, когда заключенные играли в карты, спорили, ругались, узник за Слово Божье с маленькой группой заключенных удалялся в тихий уголок и делился с ними истинами вечного Слова. Его ученики так хорошо знали Слово Божье и были так хорошо подготовлены, что могли самостоятельно разъяснять многие истины Священного Писания и свидетельствовать другим о Спасителе.

* * *

Сильной проповедью истины являлась непоколебимость и верность страдальцев. Один из новообращенных, который вскоре после возвращения из лагеря принял крещение, рассказывал, что на него произвела глубокое впечатление верность христиан. Они по своим убеждениям отказывались работать в субботу. За это их запирали в карцер по субботам, и они уже так привыкли к этому, что каждую пятницу вечером, перед заходом солнца собирались у карцера и ожидали, пока их туда впустят. Однажды начальник лагеря проходил мимо карцера и, увидев стоящих там братьев, спросил, чего они ожидают. Братья ответили, что по своим убеждениям они в субботу не работают и их запирают в карцер. Начальник смотрел на этих измученных людей, зная, что они совершенно невиновны и готовы умереть за свою веру. В тот же вечер он дал приказ оставить их в покое.

* * *

Одна наша сестра провела в лагере 10 лет. Все это время жизнь ее была очень тяжелой. Начальник лагеря, жестокий человек, притеснял ее, как только представлялся удобный случай. Сестра же свидетельствовала ему о Христе, не считаясь с последствиями.

Но вот начальник заболел. Дни его были сочтены. Перед ним прошла вся его жизнь, полная жестокостей, лжи и насилия. Теперь он вспомнил то, о чем говорила ему узница. Он просил, чтобы она ухаживала за ним, чтобы не оставляла его, чтобы она говорила ему те самые слова вечного утешения, над которыми он недавно смеялся и за которые сажал ее в карцер. Теперь они были целительным бальзамом для его истерзанного сердца. Библии у сестры не было, но Святой Дух напоминал ей ранее прочитанные слова: «Тогда придите, и рассудим, говорит Господь. Если будут грехи ваши, как багряное,– как снег убелю; если будут красны, как пурпур,– как волну убелю» *(Ис. 1:18)*. «Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас; возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим» *(Мф. 11:28, 29)*.

Этот человек принял весть спасения и закрыл глаза свои с миром до славного дня воскресения.

Тысячу раз вставали вопросы в сердце узницы: «Почему я здесь нахожусь? Ведь я не сделала никакого зла! Доколе, Господи?!» Но после того, как обращенный грешник закрыл свои глаза, она нашла ответы на мучившие ее вопросы.

«Так говорит Господь, Искупитель твой, Святый Израилев: Я Господь, Бог твой, научающий тебя полезному, ведущий тебя по тому пути, по которому должно тебе идти» *(Ис. 48:17)*.

Мы не понимаем значения многих событий нашей жизни. С течением времени многое проясняется, но полностью мы поймем их смысл только тогда, когда окончится наше земное странствование и приподнимется завеса вечности.

* * *

...Был холодный зимний день. Резкий ветер продувал даже сквозь теплое пальто. Полина Теплицкая – жена лагерного начальника, бежала через двор, к воротам зоны за своей коровой,

которая оборвала веревку и убежала. Выбежав за ворота, Полина остановилась, как вкопанная. Там, на поле, на странном ветру стояла на коленях женщина в одном тонком платьице.

— Что здесь происходит, что вы делаете? — обратилась она к конвоиру.

— Эта субботница, богомолка не хочет в субботу работать. Так пусть молится здесь на ветру. Померзнет, может, и образумится,— ответил ей жестокий человек.

Перед глазами Полины встала картина прошлого. В ранней юности она заключала завет с Господом. Она соблюдала субботу и радовалась общению детей Божьих. А потом, потом... Проходили годы, она повернулась спиной к своему Господу и пошла широким путем, как ей тогда казалось, свободным и радостным. Но привел ли этот путь ее к счастью, имела ли она мир в сердце, имела ли она какую-то цель в жизни?.. Теперь эта кроткая женщина, которая стояла на коленях и молилась за своих притеснителей, являлась для нее строгим обличением.

«Она умирает за свою веру, а я?»

Бывает, что один момент в жизни преображает человека, и он делает крутой поворот на своем пути. Женщина, бежавшая за коровой, как будто сбросила с себя старую одежду и одела «виссон чистый», белоснежный. Она прибежала к своему мужу, взволнованная до глубины души. Он испугался, думал, что случилось что-то ужасное. Она говорила быстро, страстно... Обрисовала виденную картину и умоляла, требовала освободить эту несчастную женщину. Муж колебался, расспрашивал, за что ее наказали, предполагая, что она заслужила такое наказание. Полина боялась, что женщина замерзнет, и стала угрожать мужу, что она уедет от него, если тот не освободит узницу. Начальник дал распоряжение освободить женщину и впредь не подвергать таким наказаниям.

Полина использовала всякую возможность, чтобы встретиться с верующими, их было в лагере трое, три родных сестры. Она рассказала им о своей жизни, о своих заблуждениях и о том, как верность и страдания женщины-узницы пробудили ее от греховного сна. Они вместе молились, вспоминали обетования Божьи и подкрепляли друг друга.

Полина поехала в город, отыскала общину адвентистов седьмого дня и снова стала членом церкви, от которой, подобно блудному сыну, была отлучена и скиталась на чужбине. Теперь

4 Зак. 1709

она беспокоилась о своем муже, проповедовала ему вечные истины Евангелия, приглашала его на собрания. Он долго не соглашался, но однажды после ее настойчивой просьбы все же пошел. После богослужения один из членов церкви подошел к нему, сердечно приветствовал и поцеловал. Впоследствии муж Полины рассказывал: «Это приветствие так тронуло меня! Я почувствовал, что мной не гнушаются, что я тоже являюсь членом этой семьи, и я в этот же момент решил принять истину».

* * *

Семья брата Титоренко видела мало светлых дней. Грозные тучи гонений всегда висели над ней. Отцу часто приходилось оставлять семью и скитаться. Это всегда было связано с опасностью.

Чаще всего брат Титоренко работал портретистом, разнося портреты по селениям. Будучи всегда в разъездах, он мог посещать собратьев. С ранней молодости он трудился на ниве Божьей, перенося лишения и гонения. В 1950 году он был арестован. Месяцы, проведенные в тюрьме, нравственные и физические страдания не смогли поколебать его веру. На суде ему был объявлен смертный приговор. Он выслушал его совершенно спокойно. Подобно апостолу Павлу, он мог сказать: «Ибо я уже становлюсь жертвою, и время моего отшествия настало. Подвигом добрым я подвизался, течение совершил, веру сохранил; а теперь готовится мне венец правды, который даст мне Господь, праведный Судия, в день оный; и не только мне, но и всем возлюбившим явление Его» *(2 Тим. 4:6-8)*.

«Значит, мой путь закончен,– думал узник,– и я должен свою веру запечатлеть кровью. О, какое великое преимущество!» Судьи никогда еще не видели узника, который так спокойно отнесся к смертному приговору. После минутной паузы объявили: «Смертный приговор заменяется двадцатью пятью годами тюремного заключения и лишением прав на пять лет». В эту минуту узник уже прощался с жизнью. Как ветхую одежду, он сбросил с себя земную скорбь. Он предал своих близких в Великие Руки и спокойно смотрел смерти в глаза.

Пять лет брат Титоренко провел в лагере. В эти годы он должен был много трудиться, переносить оскорбления, мучения. Он должен был непрестанно бороться, чтобы иметь свободным святой день, субботу. Все это он перенес спокойно и передал свое дело праведному Судье.

Однажды в лагерь прислали новую партию заключенных. Их еще не впускали в бараки вместе с другими,— они должны были пройти санитарную обработку. Проволочные заграждения отделяли их от остальных. Хотя конвоиры и отгоняли людей от заграждений, все же заключенные подходили и расспрашивали вновь прибывших, откуда они, за что осуждены, на сколько лет, что делается за стенами тюрьмы, где люди дышат воздухом свободы.

Один человек из вновь прибывших, увидев Титоренко через заграждение, спросил, как его фамилия. Он ответил: «Титоренко». Человек будто боялся потерять его из вида и всеми силами старался встретиться с ним, прорывался к забору, хотя конвоиры и препятствовали этому. Брат Титоренко, видя, что человек всеми силами старается не упустить его из вида, подошел к забору. Мужчина успел сказать, что хорошо его знает. «Я Вас не помню»,— ответил брат Титоренко. «Но я Вас знаю. Когда я просил Господа, чтобы Он мне открыл истину, то предо мной предстали Вы, и мне было сказано: «Этот человек откроет тебе путь истины». И вот, когда я Вас увидел, то был уверен, что это именно Вы, и никто другой».

После истечения срока санитарной обработки они встретились и некоторое время могли быть вместе. Брат открывал одну за другой истины Божьего Слова из богатых сокровищниц, и узник принял весть спасения. Он хотел принять крещение, но еще долгие годы заключения предстояли им обоим. По милости Своей, Господь сократил этот срок. Братья были освобождены, и принявший Христа в узах был принят в христианскую семью через крещение.

ПУТЬ ЛЮБВИ

(стихотворение узника)

Из глубин древних лет поднимаясь,
Проходя сквозь громаду веков,
Вдаль грядущих веков простираясь,
Путь побед совершает любовь.
Это путь тесноты и лишений,
Путь скорбей и тюремных оков,
Путь жестоких, упорных сражений
С темной силою зла и грехов.
И в борьбе с этой силою властной,
Из хаоса мирской глубины,

Возвышаются к цели прекрасной
Возрожденные Божьи сыны.
Их томила тоска и тревога,
Много зла претерпели они,
Но надежда на вечного Бога
Подкрепляла их в трудные дни.
Весть о том, что Спаситель Вселенной
Отказался от славы Творца
И сошел в мир, развратный и тленный,
Покорила навек их сердца.
Жажду правды они утолили
Из источника вечной любви,
Убелились в спасительной силе
На Голгофе пролитой крови.

БИБЛИЯ

Закон уст Твоих для меня лучше тысяч золота и серебра.
Пс. 118:72

Верующие в нашей стране всегда очень дорожили Святой Книгой. Во время голода один из братьев отдал за Библию свою лошадь, телегу и два мешка муки. Он был согласен лучше голодать, чем жить без Слова Божьего.

Одна девушка прислала во ВСАСД (Всесоюзный Совет адвентистов седьмого дня, распущенный в 1960 году) деньги на Библию и написала: «Эти деньги я откладывала от своей стипендии. Я хотела купить платье к окончанию института, но решила, что лучше приобрести на них Библию. Я ведь могу одеть и старое платье, но без Библии впредь не смогу жить».

Часто в Москву приезжали братья из далеких мест с надеждой получить Святую Книгу. Их просьбы, которые мы часто не могли удовлетворить, их печаль в глазах ложились тяжестью на наши сердца. Горячие молитвы возносились к Господу, чтобы Он открыл источник Живой Воды.

Собратья, потерявшие во время гонений свои дома и хозяйства, не скорбели о том, но печалились о Святой Книге Библии и о книгах Духа Пророчества. Особенно любили и ценили книгу Е. Уайт «Великая борьба». Ее считали драгоценностью. Было мало книг Духа Пророчества на русском языке, но их переписывали, часто заучивали наизусть. Они становились бесценным утешением в годы тяжелых гонений.

Однажды к нам издалека приехала сестра. Она ехала четверо суток. В дороге сестра заболела, но, даже не отдохнув с дороги, взялась переписывать книгу «Нагорная проповедь» Е. Уайт. Ее не интересовали ни достопримечательности города, ни магазины. Она писала целыми днями, а по ночам спала очень мало. Она хотела обрадовать небольшую группу собратьев словами

утешения. Вся духовная литература была изъята у них во время гонений. Если у кого и сохранилась какая-либо из таких книг, то на нее можно было только смотреть, ибо книги приходилось прятать в сараях, в хлевах, закапывать в земле. В группе верующих, состоявшей из 15–20 человек, порой была только одна Библия. Она переходила из рук в руки, и при внезапном аресте кого-либо ее, случалось, забирали. Была такая же большая нужда в Псалмах Сиона. Иногда мы представляли себе то время, когда все верующие смогут получить Библию, книги Духа Пророчества, Псалмы Сиона. О, если бы это случилось! Сколько было бы радости, сколько благодарностей было бы вознесено к Небу!

Для гонимых Слово Божье необходимо как воздух! Многие оказывались в лагерях и там распространяли свет истины, сеяли дорогое семя. Дух Святой напоминал им то, что они изучали на свободе.

* * *

Однажды к нам пришел молодой человек, который в лагере познакомился с истиной. Там у верующих не было Библии, и он ее никогда не видел, но прекрасно знал основы истины и даже цитировал отрывки из Библии наизусть. В лагере были сторонники других вероучений, но молодой человек был так утвержден в истине, что мог отстоять свои убеждения доказательствами из Священного Писания. Ему подарили Библию. Когда он взял ее, то руки его дрожали и слезы радости и благодарности полились из глаз. Он был так счастлив, что получил эту драгоценность!

Брат Иван Передистый (теперь он является работником на ниве Божьей) познал истину от двух молодых братьев – Виталия Красильникова и Павла Бахмацкого, которые оказались с ним в лагере. Библии у них не было, и они рассказывали наизусть столько, сколько помнили. Иван потом вспоминал: «Тогда я очень желал убедиться, проверить, так ли написано, как они мне рассказывают, но не было Библии для доказательства».

В то время мы жили в Москве и, несмотря на трудности, посылали страдальцам посылку за посылкой. Каждый раз старались хоть кое-что из Слова Божьего положить в посылку. К нашему счастью, кто-то привез маленькие, сшитые отдельно Евангелия. Мы разбирали Евангелие по листочкам, заворачивали в них лимоны и другие продукты, и, таким образом, Слово Божье достигало намеченной цели.

Один из этих братьев рассказывал: «Я получил посылку. Посылки всегда проверяли. Контролер обратил внимание на оберточную бумагу. Я видел, что это Слово Божье. У меня задрожали ноги, стало темно в глазах, я тут же воззвал к Богу, как никогда в жизни еще к Нему не обращался. Контролер бросил мне листочки и сердито сказал: «Напиши своим, чтобы другой раз они так не хитрили, а то и посылку не отдам».

Когда Виталий и Павел получили следующую посылку, контролер не обратил внимания на листочки, которые были перемешаны с газетной бумагой и нарочно помяты. Братья расправили листочки и собрали все Евангелие от Луки. Эту драгоценность они подарили заключенному Ивану Передистому. Имея превосходную память и старание, он скоро изучил все 24 главы наизусть. Однажды Иван, находясь на работе, снял пиджак и повесил его на дереве. Кто-то из заключенных поинтересовался содержанием кармана и забрал Евангелие. А если Книги уже нет, то по своей милости Господь даст что-то другое взамен ее. Три дня прошли в тяжелом труде и горячих молитвах. Солнце было уже на закате. Иван преклонил колени еще раз и молился все об одном. В барак вошел человек и спросил Ивана Передистого. Он вынул из сапога маленький сверточек и передал ему. Это прислали братья Виталий и Павел, которые намного раньше были переведены в другой лагерь.

Человек, который передал сверток, рассказал, что при входе его тщательно обыскивали, но сапоги снимать, как это делали всегда, не велели. И вот у Ивана Послание к Римлянам, написанное от руки. Это был ответ на молитву.

* * *

Если вы когда-либо в жаркий летний день находились в далеком пути, терпели жажду и нигде вблизи не было воды, то вы знаете, как это тяжело. Если к вам обращался кто-либо из жаждущих, и вы не имели возможности утолить его жажду, у вас так же было очень тяжело на душе. Такие моменты переживали мы в те годы, когда не могли утолить духовную жажду своих собратьев, приезжавших издалека в надежде найти воду жизни — Слово Божье.

После войны в Латвии еще можно было кое-где найти Библию. Несколько Библий брат Сенявский послал в Россию. После этого он стал получать письмо за письмом с просьбой при-

слать Библию. И брат искал везде, где только мог, находил и посылал пакет за пакетом. Он получал письма благодарности и снова просьбы еще и еще, просьбы прислать Библию.

В 1949 году брат Сенявский был арестован. За эту деятельность его осудили на 10 лет.

* * *

В Сибири, недалеко от станции Колония, в селе Ковалево, находилась маленькая группа верующих. По субботам они собирались на богослужения. Однажды в субботу к ним ворвались пять человек. Они стали кричать и разгонять молящихся, вырвали из рук Библии и ушли.

Сестра Анна Пинт много раз ходила в сельсовет и просила вернуть Библию. Ей не отдавали, и она с тяжелым сердцем возвращалась домой. Но ходить не переставала. Однажды она пришла в контору. Там никого не было. Она огляделась кругом — ниоткуда не угрожала опасность, быстро подошла к открытому шкафу и схватила свою Библию. У двери Анна столкнулась с помощником председателя. Он заметил у нее в руках Книгу, но, прежде чем опомнился, Анна была уже далеко. Он побежал за ней. Женщина бежала изо всех сил, несмотря на преклонный возраст. Желание спасти свою драгоценность придавало ей силы. Она бежала, как когда-то бежала Элиза, героиня книги «Хижина дяди Тома», спасая своего ребенка, которого хотел отнять работорговец. Так Анна Пинт дорожила Библией.

Преследователь был уже близко, а дом еще далеко. Как быть? Она увидела в поле группу работавших людей. Из последних сил она бежала туда и кричала: «Спасите, спасите, добрые люди, этот человек хочет меня ограбить!» Помощник председателя добежал до работавших и хотел вырвать Библию из рук женщины, но люди заступились, видя, какой страх был у нее на лице.

* * *

Однажды, когда в Харькове был закрыт молитвенный дом и собратья встречались по домам небольшими группами, в субботу работники милиции окружили дом, прервали богослужение, отобрали у всех Библии и увезли их. Библии были сложены в большую кучу. Каждого отдельно допрашивали и заставляли дать расписку, что впредь он не будет посещать собрания.

Незадолго до этого сестра Татьяна приобрела Библию. Она никогда не расставалась с ней. И вот у сестры забрали ее сокровище. Около Библий стоял милиционер. Она уловила момент, когда никого больше поблизости не было, подошла к милиционеру и стала его умолять, чтобы он вернул ей Библию. Она знала много стихов наизусть и стала произносить их один за другим. Слезы лились у нее из глаз. Она неотступно просила его и просила. Татьяна не могла представить себе, как ей дальше жить без этой Книги. Милиционер видел ее искренность, глубокие переживания ее души, настоящую, непритворную скорбь. На мгновение он смутился – ей невозможно было отказать.

«Смотрите, быстро смотрите, которая Ваша, я ее вытащу!» Она все время смотрела на свою Книгу и сразу указала на нее. Милиционер достал Библию и протянул ее Татьяне. Она поцеловала его как сына, поблагодарила, пообещала молиться за него и быстро скрылась.

Это лишь немногие свидетельства того, как люди дорожили Словом Божьим в те тяжелые годы гонений.

ИСКАТЕЛИ ИСТИНЫ

После войны почтовая связь еще не была полностью восстановлена, и родственники порой ничего не знали друг о друге. Одна мать предложила своему сыну: «Поезжай, сынок, да узнай, что там у наших родных. Там ведь проходил фронт, кто знает – остались они в живых или нет?»

Владимир Сорокин отправился на Украину. Своих родных он нашел здоровыми и невредимыми. Встреча была неожиданной и радостной. Он решил долго не задерживаться, немного погостить и вернуться домой. Отправляясь в путь, молодой человек даже не представлял, какие перемены в его жизни принесет эта поездка. Он не знал, что вернется с совершенно другими планами и взглядами на жизнь.

У соседа его родственников жили шесть человек из рабочего батальона. Эти рабочие были адвентистами седьмого дня и, несмотря на угрозы, свято чтили субботу, и в этот день оставались в покое.

Был день субботний. Владимир по какому-то делу зашел к соседям и услышал за стеной пение. Он сам любил петь, имел хороший голос и не мог равнодушно слушать музыку и пение. Владимир зашел в ту комнату и заметил, как молодой человек, игравший на мандолине, хотел спрятаться. Ему это не удалось, и он, смущенный неудачей, снова начал играть и петь.

После пения присутствующие преклонили колени. Один из них молился, благодарил Бога за помощь и охрану и просил силы, чтобы при любых обстоятельствах остаться верными Богу. Еще он просил, чтобы Бог благословил их при изучении Его Слова. После молитвы другой человек стал задавать вопросы по изучаемой главе из Библии, остальные отвечали.

Потом снова пели, молились и продолжали изучение Библии.

Кроме пения Владимиру ничего не понравилось. Он с пренебрежением относился к религии, но после окончания богослужения стал задавать разные вопросы.

Павел, молодой человек, игравший на мандолине, был очень недоволен появлением Владимира. Он работал налоговым инспектором, и на следующий день должен был идти на работу. Вечером он уже не пришел к братьям.

Владимир же приходил каждый вечер. Хотя он спорил, все же, заметив, что молодой человек желает найти путь к истине, братья горячо молились за него. Невидимый небесный посланник следовал за молодым искателем истины и вливал в его сердце каплю за каплей росу благодати.

К концу недели пришел Павел. Владимир с нетерпением ждал его. Он сказал: «Павел, братья уезжают. Мы имели благословенные беседы, вместе изучали Слово Божье и пели гимны. Они уже на станции, просили, чтобы ты поспешил».

Павел и Владимир пошли на станцию, чтобы попрощаться с братьями, которые за короткое время стали им так дороги. Что значит христианское единство, насколько эти связи близки и драгоценны, может понять только человек, присоединившийся к этой великой семье, члены которой находятся не только на земле, но и на небе. «Но вы приступили к горе Сиону и ко граду Бога живого, к небесному Иерусалиму и тьмам Ангелов, к торжествующему собору Церкви первенцев, написанных на небесах, и к Судии всех Богу, и к духам праведников, достигших совершенства» *(Евр. 12:22, 23)*.

Братья были озабочены судьбой молодых людей, с которыми они были вместе всего лишь короткое время, и те еще не были укреплены в истине. Старший из братьев, давая последнее наставление, сказал: «Братья Павел и Владимир! Может быть, вам придется встретиться с другими вероучениями, которые не основаны на Слове Божьем, но вы всегда вспоминайте текст: „Здесь терпение святых, соблюдающих заповеди Божии и веру в Иисуса" *(Откр. 14:12)*. Может быть, вам придется страдать за имя Христа, но Его обетование гласит: „Будь верен до смерти и дам тебе венец жизни" *(Откр. 2:10)*».

В тот вечер никто, ни уезжающие, ни остающиеся, не представляли себе, какой путь придется пройти этим молодым людям. Никто не знал, что лучшие годы их жизни пройдут за тю-

ремными стенами в страданиях и лишениях. По Своей милости Господь сохранил в тайне от нас наше будущее. Он постепенно готовит нас к трудностям, а потом берет за руку и ведет сквозь бушующие волны испытаний.

...Поезд скрылся в ночной темноте. Павел и Владимир долго смотрели в ту сторону и молчали. Им было тяжело без опытных наставников. Они только вступили на неведомую им тропу. У них оставалось без ответа много вопросов, но задать их было некому. Даже Библии – путеводителя христианина – у них не было. Владимир сожалел, что много времени потерял в ненужных спорах. Он мог бы многому научиться за те вечера, которые прошли напрасно.

Настала суббота. Ни Библии, ни песенника, ни другой литературы у Павла и Владимира не было. Они решили придерживаться того порядка богослужения, какой соблюдали братья. Начинали с пения и молитвы. Пели те же псалмы, молились молитвой «Отче наш». На этих собраниях присутствовала тетя Владимира, у которой он гостил.

Молодые люди очень хотели достать Библию, но не знали, к кому обратиться. Однажды Владимир сказал Павлу: «Ты, Павлуша, когда будешь в деревне, подойди к какой-нибудь старушке и скажи: „Если ты, бабушка, достанешь мне Библию, то я уменьшу тебе налоги, а если нет, то обложу, как полагается"».

На другой день Павел решил применить этот метод. Старушка была заинтересована в уменьшении налога, но, не зная намерений молодого человека, дипломатически ответила: «Сынок, кто же в наше время читает Библию?» Потом немного подумала и сказала: «Но если ты так уж сильно хочешь получить ее, то полезай на чердак и поищи. Там дед перед смертью что-то прятал, может быть, то и была Библия».

Павел поднялся на чердак, долго рылся среди всякого хлама и наконец в опилках нашел запрятанную книгу.

С удивлением смотрела старушка на молодого инспектора. Когда он спустился с чердака с книгой в руках, его лицо сияло от радости. Казалось, что он нашел клад.

У Павла было еще много работы, но он, отложив все, поспешил домой, чтобы поделиться радостью с другом.

Каждую свободную минуту они читали книгу. Молодые люди быстро прочитали ее, но были в недоумении: в этой книге они не нашли Десяти Заповедей Божьих, о которых братья го-

ворили, что они являются Божьей «Конституцией». Дело в том, что Павел нашел Новый Завет, а они думали, что это вся Библия. Чтение Слова Божьего произвело на них благотворное влияние. Они совершенно изменились в поведении, в словах и в образе жизни.

Однажды Владимир узнал, что у их соседа есть Библия. Он подошел к нему и спросил:

— Есть ли у вас книга, в которой записан Закон Божий, или Десять Заповедей?

— Есть,— ответил сосед.

— Я умоляю вас, дайте мне ее почитать,— продолжал Владимир.

— Могу дать,— сказал сосед,— только с условием: никому об этом не говори.

Владимир дал честное слово, что никому не скажет, и получил Библию.

Снова друзья взялись за чтение. С самого начала, главу за главой. И, дойдя до двадцатой главы книги Исход, Владимир воскликнул от радости: «Наконец-то мы нашли Божью „Конституцию", все Десять Заповедей!» Они читали их и перечитывали, выучили наизусть и благодарили Бога. Их радость была подобна радости Псалмопевца: «Радуюсь я слову Твоему, как получивший великую прибыль» *(Пс. 118:162)*.

Как братья предупреждали, так и случилось. Павел и Владимир встретились с людьми, которые хотя и были верующими, но не исполняли написанного в Слове Божьем. Они старались убедить молодых людей, что Десять Заповедей Христос пригвоздил ко кресту и что они уже утратили свое значение. Но в руках Владимира и Павла теперь было Слово Божье. Каждый день они читали, исследовали, укреплялись, и никто не мог убедить их в том, что Заповеди отменены.

Однажды к Павлу и Владимиру пришли молодые люди, и их беседа длилась целую ночь. Гости старались убедить Павла и Владимира в том, что они должны иметь духа и говорить на незнакомых языках. В конце беседы Владимир обратился к ним с вопросом: «Признаете ли вы Десять Заповедей Божьих, соблюдаете ли вы день субботний?» Получив отрицательный ответ, они определенно сказали: «Значит, нам с вами не по пути».

Субботы они проводили так, как научили их братья, но все же чувствовали себя одинокими и желали встретиться с людь-

ми, которые имели бы такие же убеждения, как и они. Узнав, что в тридцати километрах от них находится группа верующих, они передали туда письмо с одной женщиной. Настал святой день. Павел и Владимир собирались провести богослужение, и вдруг увидели, что к их дому приближается человек пятнадцать. Владимир вышел к ним навстречу и спросил, кого они ищут. Один из них ответил: «Мы получили письмо и пришли, чтобы пояснить вам истину».

Когда гости вошли в комнату и уселись, Владимир стал перед ними и, устремив на них испытующий взгляд, спросил: «Признаете ли вы Десять Заповедей Божьих? Соблюдаете ли вы седьмой день – субботу?» «Нет»,– последовал ответ. «Тогда не задерживайтесь и не задерживайте нас. Мы ошиблись, пригласив вас»,– с глубокой грустью произнес юноша.

Пресвитер дал отрицательный ответ, чтобы испытать молодых людей, действительно ли они ищут истину. После этого он подошел к Владимиру, обнял его, поцеловал и сказал: «Мы – братья во Христе, мы признаем Закон Творца и соблюдаем день, на котором почивает его благословение со дня образования нашей земли. Мы ожидаем Второго пришествия Господа нашего Иисуса Христа во славе, по Его обетованию».

То были трогательные минуты. Как лед тает от солнечного тепла, так вдруг исчезли все сомнения. За несколько минут они стали такими близкими и родными, как дети одного Отца. Таково было желание Спасителя: «Да будут все едино; как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино,– да уверует мир, что Ты послал Меня» *(Ин. 17:21)*.

И вот настал день, когда их мечта исполнилась: их одиночество окончилось! Они нашли братьев и сестер во Христе. Комната, в которой раньше по субботам были слышны два робких голоса, теперь огласилась громким пением. Для них все было ново и дорого. Да, бесконечно дорого!

Пресвитер говорил проповедь о Трехангельской вести, которая проповедуется по всему миру и готовит народ для встречи с Господом во славе. Молодые люди почувствовали, что они – члены этой великой счастливой семьи, рассеянной по всему лицу земли, и их сердца наполнились радостью и великим миром.

РАБОТА НА КАВКАЗЕ

А они пошли и проповедывали везде, при Господнем содействии.

Мк. 16:20

Сказали в сердце своем: «разорим их совсем», – и сожгли все места собраний Божиих на земле.

Пс. 73:8

Эти печальные строки стали историей верующих в годы гонений. Молитвенные дома были отняты и превращены в склады, конторы, мастерские, а чаще всего в клубы.

После войны верующие начали снова собираться для богослужений. Они нанимали квартиры и удаляли внутренние стены, чтобы создать зал для собраний. Но это связано было с трудностями, потому что хозяева этих домов подвергались опасности и неохотно сдавали помещения для таких целей.

Ранней весной 1955 года, почувствовав тепло лучей свободы и внимая словам Господним, сказанным через пророка Аггея: «...ободрись, весь народ земли, говорит Господь, и производите работы, ибо Я с вами, говорит Господь Саваоф» *(Агг. 2:4)*, мы приступили к строительству молитвенного дома в Ростове-на-Дону. Ростовская община состояла из ста членов. Помещение снимали, в нем было тесно и неудобно. По двору бегали свиньи, а во время богослужения соседи открывали окна и заводили патефон, чтобы мешать верующим. Свое собственное помещение было крайне необходимо. Купили домик из четырех комнат с низким потолком. Решили поднять крышу, опустить пол и немного удлинить дом. На это нужно было разрешение, которое в то время почти невозможно было получить.

Начали действовать, как во времена Ездры и Неемии: с верой и надеждой на помощь Божью.

Разрешение получили, но, когда была снята крыша и разобраны стены, пришел приказ прекратить стройку. Приближалась осень, пошли дожди, а мы не имели разрешения продолжать работу. Тихо работали по ночам, чтобы не было слышно шума. Это было время скорби, церковь пребывала пред Госпо-

дом в посте и молитве. «...И рука Бога нашего была над нами» *(Езд. 8:31)*.

После долгих хлопот и душевных тревог получили разрешение, и строительство было окончено.

На посвящение молитвенного дома, чтобы разделить нашу радость, приехали собратья из близлежащих сел и городов. И стены, не успевшие высохнуть, огласились радостным пением: «Славу воздадим Богу в вышних, Он велик!»

Вся община принимала активное участие в строительстве дома. Работали все – стар и мал, но особенно ревностно работала наша славная молодежь. После окончания стройки молодежь дружно взялась за созидание духовного дома. Их сердца были полны желания трудиться для Иисуса. Как пчелы весной радостно и дружно трудятся, так и наши юноши приступили к духовной работе. Участники хора проводили вечера на спевках. Поэты писали стихи, знающие иностранные языки переводили, другие – учились игре на музыкальных инструментах. Богослужения всегда сопровождались пением хора. Но особенная программа готовилась к богослужению, посвященному Вечери Господней. Это привлекало много молодежи из разных городов. Ростовчане записывали содержание программ, и гости, получив такой необходимый материал, проводили такие же собрания у себя дома. Таким образом было приобретено много душ, особенно молодых.

После многих скорбных дней для рассеянных детей Божьих прозвучали слова: «И не печальтесь, потому что радость пред Господом – подкрепление для вас» *(Неем. 8:10)*. За это время во многих местах были организованы общины и рукоположены работники. Большое пробуждение было среди молодежи.

Летом 1956 года Ростовская молодежь посетила рассеянных собратьев на Кавказе и в Закавказье.

В один прекрасный августовский день, какие бывают только на юге, небольшая группа друзей в составе семи человек покинула Ростов, чтобы посетить тех, о которых сказано: «Сетующих о торжественных праздниствах Я соберу; твои они...» *(Соф. 3:18)*.

Вот некоторые впечатления, о которых рассказывают участники той поездки:

«Первое посещение было намечено в г. Сочи. Это прекрасный уголок, где вся природа напоминает об утерянном счастье, об Едемском саде, о вечной любви Отца к Своему творению.

Глядя на великолепные деревья, на прекрасные цветы, сердце наполняется тоской о том вечном покое, который человек обретает только вблизи Бога.

В этом курортном городе была небольшая группа верующих. Несмотря на все невзгоды, которые им пришлось пережить, они многие годы верно хранили в своих сердцах семя истины. Некоторые сильно постарели, их жизнь приближалась к закату, но огонь любви к истине продолжал гореть в их сердцах. В их жизни исполнилось чудесное обетование: „И до старости вашей Я тот же буду, и до седины вашей Я же буду носить вас" *(Ис. 46:4)*.

Когда-то давно здесь работал брат Григорьев. Некоторые еще помнили то время. На торжественное собрание из Лабинска приехала небольшая группа молодежи с музыкальными инструментами и присоединилась к нам. Маленькое помещение не вмещало всех слушателей, многие стояли у открытых окон и дверей. После долгих тридцати лет печали и молчания прозвучали гимны в сопровождении оркестра, и они были далеко слышны в тихий летний вечер... Мы вспомнили слова пророка Исаии, записанные в 30 главе 29 стихе: „А у вас будут песни, как в ночь священного праздника, и веселие сердца, как у идущего со свирелью на гору Господню".

Невозможно описать чувства, которые испытывали в те минуты присутствующие. Только те могут это понять, кто годами был разлучен со своими братьями. По щекам катились слезы радости и благодарности. Ангелы Божьи собирают эти слезы и, как жемчуг, кладут к ногам Того, Кто знает все печали и радости Своих детей. „Во всякой скорби их Он не оставлял их" *(Ис. 63:9)*. „Он... возвеселится о тебе с радостью" *(Соф. 3:17)*».

Молодые братья говорили слова утешения и ободрения для тех, кто был лишен общения с народом Божьим. На собрании звучали песни, стихотворения, музыка в исполнении оркестра. Провели четыре богослужения. Уставшие дети Божьи получали силу, чтобы продолжать путь. Много было рассказано о вечных принципах истины, о скором пришествии Христа. Вознося благодарность Отцу Небесному за возможность посетить и ободрить Его рассеянное стадо, мы отправились дальше в путь.

БАТУМИ

Разместившись на палубе теплохода «Грузия», мы увидели великолепную картину черноморского побережья. Мы наблюдали за величественным морем, вспоминая, как Всемогущий Бог определил границу водам, сказав: «доселе дойдешь и не перейдешь, и здесь предел надменным волнам твоим» *(Иов 38:11)*. Мы смотрели на серебристые волны и думали о прекрасном тексте, который становился особенно понятным на море: «О, если бы ты внимал заповедям Моим! тогда мир твой был бы как река, и правда твоя – как волны морские» *(Ис. 48:18)*. Мы проезжали замечательные южные города и вспоминали морские путешествия апостола Павла, когда он, посещая рассеянных собратьев, останавливался в различных городах. Нашей конечной целью был город Батуми, где проживала одна семья, которая любила и ожидала Христа. В 1902 году брат Григорьев принял истину благодаря свидетельству дедушки главы этого семейства. Для этой семьи было приятной неожиданностью принимать группу верующей молодежи у себя. Тепло и ласково встречали они нас. Отдохнув, подкрепившись и, в свою очередь, ободрив их словами великой надежды, мы продолжили свой путь.

ТБИЛИСИ

Из Батуми мы прибыли в столицу солнечной Грузии – Тбилиси. С большой любовью сестры, члены местной общины, готовились, чтобы как можно лучше принять нас. Нас поселили в прекрасной удобной квартире и накрыли богатые столы. Для нас, усталых путешественников, это было большим наслаждением. Сидя за столом в уютной комнате, мы вспоминали, как на пути в Тбилиси, в поезде, достали несколько последних помидоров и остатки хлеба. Вспоминали, как ночью, когда мы спали на палубе парохода, нас неожиданно застал дождь.

Немного отдохнув, мы начали готовиться к вечернему богослужению. Задолго до начала богослужения в молитвенном доме начали собираться люди, чтобы встретиться с нами. Они все время смотрели в ту сторону, откуда мы должны были идти, и увидев нас, вышли навстречу и приветствовали нас. В этот момент мы думали о том прекрасном дне, когда все верные соберутся, чтобы никогда больше не расставаться.

Когда мы заняли свои места перед началом богослужения и склонили головы в молитве, многие из собравшихся плакали. За годы одиночества и гонений у каждого в душе накопилась невысказанная боль...

Служение начали песней: «Господь, Спаситель мой, к Тебе взываю я: услышь мольбу мою». Глубокий смысл слов этой песни и прекрасная мелодия тронули всех, и мы не могли петь ее без слез. Такие минуты остаются неизгладимыми в сердце человека на всю жизнь. Об этих мгновениях ангелы делают записи в «памятную книгу о боящихся Господа и чтущих имя Его» *(Мал. 3:16)*.

Наши дорогие собратья оказывали нам особую любовь. Каждый хотел что-то сделать для нас, чем-то обрадовать. Одна пожилая сестра сказала: «Я ничего особенного не могу для вас сделать, но позвольте мне хотя бы брать для вас билеты на трамвай и автобус». В субботу утром эта старушка встретила нас на автобусной остановке, чтобы взять нам билеты.

На вечернем субботнем богослужении было особенно много людей. Многие стояли в дверях и под окнами, внимательно слушая проповедь о великой надежде на скорое пришествие Христа. И в далекой Грузии прозвучали слова, которые согрели и обрадовали одиноких братьев и сестер.

И вот уже спета прощальная песня «Бог с тобой, доколе встретимся». Слова этой песни наводят грусть, потому что приходится расставаться, но они так же вселяют надежду на скорую встречу, если будем верны Господу. После таких собраний нелегко прощаться. Уже несколько раз было объявлено о том, что собрание окончено, но никто не хотел уходить. Еще так много не сказано, хочется больше услышать, и так не хочется прерывать это чудесное святое общение! «К святым, которые на земле, и к дивным Твоим — к ним все желание мое» *(Пс. 15:3)*.

ОРДЖОНИКИДЗЕ

Ранним воскресным утром мы распрощались с солнечной Грузией и через Кавказский хребет отправились в столицу Северной Осетии — г. Орджоникидзе. Мы неслись на открытой машине между скалами и над пропастями. Этот город мы уже посещали прошлым летом. Тогда наша небольшая группа и четверо местных жителей покинули город, чтобы провести субботу

в горах. Теперь же нас ожидало переполненное людьми и украшенное цветами помещение. Дорогие друзья потрудились, чтобы как можно лучше встретить гостей. Для нас были приготовлены места. Пол был земляной, и под ноги нам постелили ковер. Собрание приветствовало нас песней «Привет вам, братья, сестры!» Несмотря на маршевый характер этой песни, многие плакали. Это были слезы радости. Местной молодежью также была приготовлена программа, и мы присоединились к ним. Наши молодые братья говорили слова ободрения и предостережения. Помещение было переполнено, с улицы кричали: «Снимите занавески с окон, чтобы нам было видно!» Собрание продолжалось четыре часа, но для всех время прошло быстро и незаметно.

Пресвитер общины предложил продолжить собрание на следующий день, в понедельник. После окончания служения можно было наблюдать интересную картину: все люди разделились на отдельные группы. Каждый из нас рассказывал о чем-нибудь: о чудесных опытах, о незабываемых торжественных собраниях в Ростове, об услышанных молитвах и переживаниях. С необыкновенным интересом слушали столпившиеся дети о детском хоре в Ростове, о том, что даже маленькие мальчики и девочки тоже прославляют своего Спасителя.

Когда все посетители ушли, мы, оставшись одни в небольшом кругу друзей, делились впечатлениями. Несмотря на полночь, никому не хотелось спать. В такие минуты, когда сердце переполнено великой радостью, счастьем и благодарностью Отцу Небесному за то, что Он дает нам возможность предвкушать неземную радость уже на этой земле, сон убегал.

На следующий день мы посетили больных братьев и сестер, которые не могли быть на богослужении. Посетили одну сестру, которой уже исполнилось сто лет. Она была очень слаба, лежала в постели и почти не говорила. Когда мы начали петь, она словно ожила и сказала: «Я помню все, пойте еще, пойте!» Попрощавшись с нею, мы вышли во двор. Нас провожали ее восьмидесятилетняя дочь, которая тоже является нашей сестрой, и многочисленные внуки и правнуки. Вдруг, неожиданно для всех, пожилая сестра поднялась с постели и вышла во двор, чтобы еще раз увидеть нас. Долго она стояла у калитки и провожала нас взглядом, пока мы совсем не скрылись из виду.

В этом городе была еще одна сестра, которой исполнилось 96 лет. Она посещала богослужения и приглашала на них других.

О, вы, верные дети Божьи! Вы скоро будете облечены в юность, которая будет вечна!

Несмотря на рабочий день, вечернее богослужение прошло прекрасно. Помещение снова было переполнено. Людей было даже больше, чем накануне. Некоторые влезали на деревья, чтобы что-то увидеть и услышать через окна. Большинство на таком собрании присутствовали впервые. Снова были произнесены слова наставления, прозвучали гимны в исполнении хора, дуэты, сольные выступления, читались стихотворения. И снова звучит последний гимн «Бог с тобой, доколе встретимся». Собрание закончилось, но никто не встал, чтобы уйти. Мы еще долго беседовали, делились впечатлениями, говорили о том дне, когда уже не будем расставаться.

И хотя вечером мы со всеми попрощались, на следующий день, за несколько часов до нашего отъезда, квартира пресвитера начала наполняться людьми, которые хотели еще раз пожать нам руки и проводить на поезд. Одни несли нам еду на дорогу, другие срезали самые красивые цветы в своих садах, как последний привет любви. Итак, нас проводили до станции. Последние рукопожатия, слова благодарности и пожелания...

В поезде много говорили обо всем пережитом, о той неземной радости, которую испытали мы, доставляя ее другим. Через шестнадцать часов мы прибыли в свой родной город Ростов, где могли приветствовать своих близких и друзей и рассказать им о своем чудесном путешествии.

* * *

С того времени, как Трехангельская весть проникла в Россию, на Кавказе и в Закавказье были организованы общины в городах Орджоникидзе (ранее Владикавказ), Грозном, Пятигорске и других, во многих селах. Почти все проповедники, которые провозглашали там адвентистскую весть, умерли в тюрьмах и в лагерях.

После выступления Н. С. Хрущева о том, чтобы не считать верующих людьми, опасными для государства, которое было напечатано в газетах в ноябре 1954 года, мы с поспешностью использовали это время свободы. Прошлое показывало: то, что было упущено, было потеряно. На каждое торжественное собрание в Ростов стали приезжать братья из Донбасса, Кавказа, Закавказья, Украины, Москвы и даже из далекой Сибири. В Ростове

уже было около ста пятидесяти членов церкви и среди них много энергичной молодежи, которая имела горячее желание прославить своего Господа и обрадовать Его рассеянных детей. Проводили торжественные собрания с интересными программами: пел хор, играл струнный оркестр, читались стихотворения. В этих программах принимали участие и дети. 30 лет в стране не проводились подобные богослужения, поэтому собратья приезжали со всех концов страны. На следующее лето во многих местах начали строить молитвенные дома. Всюду это было связано с затруднениями и опасностями. Верующие везде принимали активное участие в строительстве. Все много молились и щедро жертвовали на дело Божье.

После посещения молодежью Кавказа во многих местах зажглись факелы истины, которые теперь ярко горели. Десять молодых и пять пожилых работников стояли на своих постах, как верные Сионские стражи, предвещая скорое наступление утра вечности.

Эти братья не имели возможности получить образование, необходимое для работы. Суровая жизнь, тюрьмы и лагеря были их школой, где они научились терпению святых и верности своему Господу до смерти. Они шли, как воины Гедеона, не считаясь с последствиями.

В 1957 году ранним июльским утром два старых проповедника – Кулаков П. С. и Мацанов П. А.– отправились в путь. Они ехали на Кавказ, чтобы посетить вновь организованные общины. Помолившись на прощание, мы проводили их в путь, полный опасностей. Эти уже поседевшие мужи более тридцати лет трудились для Господа. В ту же ночь выехали несколько юношей, которые присоединились затем к братьям.

Первое собрание было назначено в городе Грозном, где трудились молодой брат Григорий Ворохов, сестра Августина Поляк (в то время она была изгнана из Орджоникидзе) и пожилой брат Гуцало, который был для молодых работников как апостол Павел для Тимофея, поддерживая их своими советами и любовью.

Григорий был из ростовской молодежи, и теперь его впервые посетили друзья на первом месте миссионерской работы. За три дня перед этим Григорию довелось пройти испытание, но он сдал экзамен на отлично.

Было назначено торжественное собрание, ожидали гостей. Собрания проходили в нанятом помещении. Милиция пригро-

зила хозяину, и он попросил освободить его дом. К этому времени уже был куплен небольшой домик, который требовал ремонта. Как раз в это время старое помещение отняли, а новое еще не было готово. Тяжело было собратьям, но их укрепляли слова пророка Азарии: «Но вы укрепитесь, и пусть не ослабевают руки ваши; потому что есть возмездие за дела ваши» *(2 Пар. 15:7)*.

Их руки не ослабели. Они взялись за работу и за одну ночь приготовили помещение. Убрали внутреннюю стену, печку. Дыры заклеили бумагой. Затем украсили зал цветами.

О случае с милицией Григорий рассказал Павлу Андреевичу и Петру Степановичу, но молодежи решил пока ничего не рассказывать. И когда собрание прошло без всяких происшествий, Григорий начал рассказ о всех своих переживаниях: «Наши дорогие друзья ростовчане! Мы рады от всей души видеть вас здесь и оказать вам гостеприимство. Лучшее время моей жизни было связано с вами. Я часто вспоминаю наши общие миссионерские поездки, незабываемые спевки, проходившие в духе единства и дружбы, торжественные собрания и все, что нам всем так дорого и мило.

Два года, проведенные мною в Ростове, прошли спокойно. Не было тревог. Но теперь мы, как птенцы, вылетевшие из теплого гнездышка, подвержены непогоде и суровым бурям.

Прошло два месяца после нашей свадьбы, и мы начали трудиться в этом городе. И вот в субботу, во время богослужения, в помещение вошли милиционеры и начали требовать, чтобы все разошлись. «Нечего вам здесь делать, все равно скоро все у вас будет ликвидировано!» — кричали они. Собратья пели: «О, нет! Никто нас не возможет от правды Божьей отлучить...» Мне приказали, чтобы я запретил им петь и подписал расписку, что больше не буду проповедовать. Я, конечно, отказался. Тогда они схватили брата Александра, посадили в машину и хотели увезти. Я поехал вместе с ним. По дороге они выпустили брата, решив, что лучше взять меня.

В милиции снова принуждали подписаться, кричали и угрожали. Григорий вспомнил, что такой же опыт имели апостолы. «И призвавши их, приказали им отнюдь не говорить и не учить об имени Иисуса. Но Петр и Иоанн сказали им в ответ: судите, справедливо ли пред Богом — слушать вас более, нежели Бога? Мы не можем не говорить того, что видели и слышали» *(Деян. 4:18—20)*. Итак, я сказал: «Вы видели надпись на стене: „О, вы,

напоминающие о Господе — не умолкайте!"?» У нас славная весть, которую мы должны нести сквозь гонения и тьму неверия, не щадя своей жизни!» Несмотря на угрозы, я сказал, что мы не прекратим собраний. «Если вы меня заключите в тюрьму, то на мое место станут другие. Дело Божье пойдет вперед, и его никто не удержит!»

Как мы благодарны Господу, что вы приехали в такой час, когда нас постигла новая буря! Вторую нам уже легче будет перенести. Может быть, вам показалось странным, что мы вас пригласили в гости и не побелили помещение и что под окнами лежат груды кирпичей. Причину этого непорядка я вам объясню.

Этот дом мы купили на днях. Здесь требовался большой ремонт. До сих пор наши богослужения проходили в нанятом помещении. После нападения милиции хозяева попросили нас уйти. До вашего приезда оставался один день. В купленном доме было три маленькие комнаты. Чтобы сделать зал, нужно было убрать стены и печку. Некоторые братья говорили, что за один день мы ничего не сделаем и даже не стоит браться за это. Но мы ждали гостей! Мы решили не откладывать. Работать можно было только ночью, когда все спали и никто ничего не видел. В противном случае могли донести в милицию, работа была бы остановлена, а это помешало бы нашему торжеству. Итак, мы ждали, пока стемнеет, когда все соседи лягут спать. Нам казалось, что вечер слишком долго не наступает и солнце не садится дольше обычного. Так нам хотелось работать! Когда стемнело, мы приступили к делу. Закрыли плотно ставни и двери, чтобы ничего не было видно и слышно. Стали разбивать стену, но она не поддавалась. Лом оказался бессильным. Притащили большое бревно, налегли на него, и стена рухнула. Поднялось облако пыли. Мы не видели друг друга, такая густая стояла пыль. Потом открыли окно и, соблюдая тишину, выгрузили кирпич. Нас было всего четверо. И вот эта куча кирпича лежит под окном, мы не успели ее убрать. Снова закрыв окна, мы продолжали работать. Вторая стена поддалась легче. Но печка, как полноправная хозяйка дома, никак не хотела сдаваться и оставить свое почетное место. Облако пыли окружало нас, и даже по голосу мы не могли узнать друг друга, потому что совершенно охрипли от пыли.

До наступления рассвета все было закончено. Дыры заклеили белой бумагой, смахнули слой пыли со стен и, конечно, цветами прикрыли неприглядные места.

Слава Господу за Его помощь! Сегодня собрание прошло спокойно, без вмешательства милиции. Они не предполагали, что за один день, вернее, одну ночь, мы сможем приготовить помещение. И теперь, когда наш челн проплыл счастливо мимо опасной скалы, мы можем поделиться с вами опытами и переживаниями, которые укрепили нас и придали еще больше энергии в труде».

В такие минуты можно видеть в глазах верующих молодых людей Советского Союза какой-то особенный блеск, какую-то искорку, которая говорит о готовности бороться, выдержать, отстоять истину, остаться верным своему Господу, своему Полководцу до смерти. И взявшись за руки, вместе со старыми воинами Христа, которые так много перенесли и выдержали, они все хором сказали свой любимый девиз: «Но я ни на что не взираю и не дорожу своею жизнью, только бы с радостью совершить поприще мое и служение, которое я принял от Господа Иисуса, проповедать Евангелие благодати Божией» *(Деян. 20:24)*.

Следующее богослужение был назначено в городе Орджоникидзе. В древности жил человек по имени Валаам. Его характеристику находим во Втором послании апостола Петра, 2 глава, 15 стихе: «Оставивши прямой путь, они заблудились, идя по следам Валаама, сына Восорова, который возлюбил мзду неправедную». Человек с подобным именем и характером жил в городе Орджоникидзе. Мы познакомились с ним летом 1957 года. Этот человек в юности своей искал Бога и пошел в монастырь. Стал монахом. Когда времена изменились, тогда и он приспособился к обстоятельствам, и бывший монах стал неверующим и даже предателем. Проходили годы, Варлам состарился. Случилось так, что он очень тяжело заболел. Было мало надежды на его выздоровление. В это время он познакомился с молодым братом Николаем Игнатовым, который работал в Орджоникидзе. Больной просил, чтобы о нем помолились, сам искренне молился и чудесным образом выздоровел. Теперь этот человек желал исправить свое недоброе прошлое и вместо злых дел делать добрые. Он предложил свой дом на хороших условиях для проведения богослужений. Сам с радостью посещал служения и готовился к крещению.

Было объявлено о посвящении молитвенного дома, и со всей округи пришли собратья, приехала и молодежь из Ростова. Местный проповедник, его жена и молодежь подготовили прекрасную программу. Зал был украшен цветами.

Когда Христос был вместе со своими учениками на последнем торжественном собрании, то один ученик отделился от них и вышел вон в темную ночь. В его душе тоже была ночь. «Он, приняв кусок, тот час вышел; а была ночь...»

Точно так и Варлам оставил общество детей Божьих и вышел в глубокую тьму. Он забыл о том, что за него молились, забыл, как чудно он был исцелен, забыл любовь, оказанную ему. За все это он отплатил предательством.

В пятницу после обеда, когда все с большим усердием готовились к служению, внезапно появились милиционеры и опечатали двери молитвенного дома. Брата Николая взяли и увезли в отделение милиции. В молитвенном доме остались фисгармония, стулья, украшенная кафедра, много цветов — все, что было с любовью приготовлено заботливыми руками.

Скорбь объяла всех. Настал вечер, людей собралось очень много. Решили провести богослужение во дворе. Служение открыла сестра Галина. Муж ее, Николай, в это время находился в милиции. «Когда Божий мир наполняет сердца, пусть грозная буря страшит...» — эта песнь звучала в вечерней тишине, как молитва. Завывала буря предательства и ненависти людской, а в сердцах верующих был мир, Божественный мир.

На следующий день все собрались на богослужение и с удивлением увидели, что двор превращен в большой зал. Стояла фисгармония, украшенная цветами кафедра, двор был уставлен стульями и висела надпись: «До сего места помог нам Господь». Молодые люди, горячие сердца которых не устают, взялись за работу. Пока друзья и недруги спали, они совершили это дело.

Весть о том, что Николай арестован и дом молитвы опечатан, быстро распространилась между собратьями. Люди собрались в большом количестве. Забор между соседними дворами был низкий, поэтому и в соседнем дворе было полно народа. На ступенях опечатанного молитвенного дома стоял седовласый раб Божий и говорил о Божьем вечном мире. В вечерней тишине звучали слова, сказанные Спасителем ученикам в тяжелый час разлуки с ними: «Свой мир даю вам».

Людей было так много, что в помещении они никак не поместились бы, но под покровом синего неба всем нашлось место. Особенно много было детей, которые собрались со всех ближайших улиц. Утро предвещало жаркий день. Но как только началось служение, большое облако, как доказательство милости

Небесного Отца, покрыло небо и стояло до конца служения. Проповедник во время своей речи показал на облако и рассказал о многократной милости, которую Господь оказывал Своим детям во все времена и которую он видел в своей личной жизни. Хор пел: «Днем солнце не поразит тебя, ни луна ночью...»

Вечером провели еще одно богослужение. Во время служения пришел начальник милиции, проверил печать и стоял на крыльце, чтобы лучше наблюдать за ходом служения. Молодой брат Владимир Гончар пел в это время соло: «Стоишь на пороге ты в вечность...»

В воскресенье утром после прощального богослужения старшие братья отправились в Закавказье, чтобы там посетить рассеянных собратьев. Они посетили Баку, Кировабад, Ереван. Здесь когда-то жил и трудился брат Озол, который за имя Божье был сослан на далекий Север и там умер. С турецкой границы приехали братья армяне, которые во время продолжительных гонений были одни и не имели общения с народом Божьим.

Они даже не знали, остался ли кроме них еще кто из верующих или все уничтожены. Эта маленькая группа в тяжелые годы сохранила истину и верно служила своему Господу. Многие из них были арестованы и высланы, о них до сего дня ничего не известно.

Что значат такие встречи для рассеянных детей Божьих, знает дорогой Отец Небесный. «Как утешает кого-либо мать его, так утешу Я вас, и вы будете утешены в Иерусалиме» *(Ис. 66:13).*

СНОВА НА ПОСЕЩЕНИЕ

Молодежь отправилась в Пятигорск, где работал брат Петр Титков. После происшествий в Орджоникидзе можно было ожидать новых нападений. В пятницу вечером все ожидали прихода милиции. Но богослужение прошло спокойно. В субботу утром в собрание пришли несколько милиционеров и подняли большой шум. Один из них встал за кафедру и начал кричать, требуя, чтобы все разошлись. Брат Петр стоял за кафедрой и говорил об излитии Святого Духа, о единстве первой Церкви Христовой, о том, что все верующие имели одно сердце и никто из них не упрекал апостола Петра за отречение или апостола Фому за неверие. Там царили любовь и единство, и такое единство необходимо и нам. Эти слова были дороги и ценны именно в тот момент, когда угрожала опасность.

Бури и переживания в городе Орджоникидзе еще больше закалили нашу молодежь, и новые трудности они встретили с великим миром в сердцах.

Следующее собрание было решено провести в городе Тбилиси. Но вначале решили послать туда вестника, чтобы сообщить о случившемся в Пятигорске и посоветоваться о том, как действовать дальше.

В Тбилиси работал молодой брат Павел Панченко. Посланник сообщил о событиях в Пятигорске и предупредил Павла: «Если ты готов к таким переживаниям, то мы приедем к вам». У брата Павла был спокойный и выдержанный характер. Он внимательно выслушал и, подумав, твердо ответил: «Приезжайте обязательно! Если вы уже пережили такое, то с Божьей помощью перенесем и здесь, если придется».

Итак, наша славная молодежь отправилась через Кавказские горы, мимо бездн и обрывов по Военно-Грузинской дороге в прекрасный город Тбилиси. В это время приехали и старшие братья-проповедники. Они рассказывали о своих посещениях, о великой радости собратьев и о чудесных собраниях.

Молодежь рассказывала о переживаниях, которые выпали на их долю в Пятигорске, и все единодушно преклонили колени и воздали славу Небесному Отцу, Который сохранил в опасностях и приготовил им радостную встречу.

В Тбилиси богослужение прошло спокойно, без каких-либо препятствий. Подкрепив собратьев и предав их благодати Божьей, все с радостью отправились по домам.

Спустя два месяца мы снова получили сердечное приглашение наших друзей из Орджоникидзе. 8 октября группа молодежи в составе восьми человек отправилась на вокзал. С билетами было плохо, и нам пришлось провести на вокзале восемь часов. Наконец в наших руках были билеты с хорошими плацкартными местами. Этим поездом мы могли доехать только до Беслана, а там оставалось еще 25 км пути. Надо было как-то добираться до Орджоникидзе, но радость наша была безмерна.

В Беслане нас встретила ужасная погода – ветер, мокрый снег, холод и грязь. Выезжая из Ростова, мы рассчитывали на теплую погоду, и некоторые из нас не взяли даже перчаток, но те, у кого они были, поделились с теми, у кого их не было, и каждому хватило по одной перчатке. Одна рука – в кармане, другая – в перчатке. Долго нам пришлось ожидать автобуса, вокруг была грязь и приходилось держать в руках все вещи и инструменты. Поднялся сильный ветер, и мы постепенно покрылись снегом. Те, кто был повыше, пытались заслонить нас от ветра. Настроение у всех было прекрасное, и мы начали фантазировать, что будет через несколько часов, если все останется попрежнему. Мысль о скорой встрече с друзьями в Орджоникидзе согревала нас.

До начала собрания оставалось два часа. Мы все чаще и чаще смотрели на часы, но твердо верили, что приедем вовремя. Наконец подошел автобус и не без усилий все мы оказались в нем.

В это время сомнения одолевали наших друзей в Орджоникидзе – приедем ли? Начал собираться народ, а нас все нет. Только пресвитер общины не терял надежды, он сказал: «Наши ростовчане пешком доберутся, но будут здесь!»

Открылась дверь и мы, заснеженные, но счастливые, попали из объятий непогоды в объятия друзей. Несмотря на такую погоду, небольшая группа была уже готова, чтобы отправиться на Терек и заключить завет с Богом. Шесть верных детей Божьих решили присоединиться к великой семье Христа. Никто из них не хотел ждать весны. Терек, бурная горная река, которая даже летом бывает очень холодной, сейчас была совсем неприветливой. Но в сердцах крещаемых не было ни тьмы, ни холода — в них горело яркое пламя веры и любви. Помещение было переполнено гостями и посетителями. Мы заняли приготовленные для нас места. Собрание было начато торжественным пением и горячей молитвой благодарности Небесному Отцу.

Когда брат вышел на кафедру, в зале неожиданно погас свет и зажглось множество маленьких лампочек, которые высвечивали надпись на стене: «О, вы, напоминающие о Господе, не умолкайте!» В тот момент эти слова как никогда раньше были дороги и понятны нам.

Когда апостолов поставили перед судом и запретили им проповедовать о Христе, они сказали: «Мы не можем молчать о том, что мы видели и слышали». Можем ли мы молчать о Том, Кого мы любим? Нет! Не можем! Один из наших молодых братьев проповедовал о том, что «побеждающий наследует все», говорил о необходимости молитвы и борьбы.

В субботу утром торжественно принимали в общину новых членов. Брат говорил о «вере и делах». Верующие во все времена доказывали свою веру делами. Объявили, что вечером, через несколько часов будет торжественное юношеское собрание.

Богатая программа была подготовлена местными братьями и сестрами, мы присоединились к ним, и получилась программа из более чем тридцати номеров.

Ярко горели над кафедрой слова призыва. После нескольких песен и стихотворений сестра Августина Поляк произнесла небольшую проповедь. Вот ее краткое содержание: «„О, вы, напоминающие о Господе, не умолкайте!" Сегодня мы хотим обратить особенное внимание на эти слова. Они относятся к церкви всех времен, безусловно, и к церкви нашего времени. Мы должны выполнить повеление Бога быть свидетелями до края земли. И призывая сегодня вас, Господь требует полного послушания. Тот же Голос, который говорит нам сегодня, говорил когда-то и Ною, Моисею, Исаии, Даниилу, апостолам Петру и Павлу.

Он говорил великим реформаторам: Лютеру, Кальвину, Гусу; Он говорит вестникам последних дней: „О, вы, напоминающие о Господе, не умолкайте!” Может быть, вы скажете, что тогда было легко проповедовать, а теперь не то время. Но вспомните, при каких обстоятельствах Ной строил ковчег, вспомните Даниила во львином рву, побои, которые пришлось перенести апостолам, Иоанна Гуса, который был сожжен на костре. Все они шли по одному пути, они не умолкали! Они бесстрашно шли пред лицом смерти, напоминая о скором пришествии Иисуса Христа. Мы, адвентисты седьмого дня, должны идти путем наших предшественников. Мы должны совершать дело проповеди Евангелия. Высоко поднимем знамя Христа, чтобы все могли видеть его! Помните, что время для работы коротко. И если нам угрожают, запрещают говорить, мы не должны умолкать, мы должны говорить с большей силой, зная, что время коротко. Не бойтесь никого и ничего! Все должны сегодня услышать весть спасения! Мы не можем молчать. „О, вы, напоминающие о Господе, не умолкайте!”»

После проповеди пели призывные гимны в сопровождении оркестра. Было прочитано несколько стихотворений. Вторую проповедь говорил молодой брат Николай Игнатов, пресвитер этой общины. Он говорил о том, что мы имеем повеление свыше: «„Идите и проповедуйте по всему миру”. Сторожа, поставленные Богом, пусть знают, что Бог с ними! Пусть знают те, которые хотели их снять, что никто кроме Бога, не имеет на это права. А повеление Бога мы должны исполнить. В новозаветной церкви люди пытались заставить замолчать апостолов, но они были бессильны перед ними. Так и теперь. Мы знаем, что с нами Бог. И мы, сторожа, не должны умолкать, мы должны напоминать всем о том, что скоро закончится время благодати. Покайтесь, торопитесь! Это напоминание скоро перестанет звучать — будет поздно!»

Во время того, как он говорил о притче Христа о десяти девах и сказал: «И раздался голос...», наш хор неожиданно встал и продолжал в пении пересказ притчи. Это произвело на всех большое впечатление. После проповеди прочитали прозу «Сегодня, а не завтра», и так вся программа продолжалась в духе призыва. Закончили собрание мелодекламацией: «Юноша, встань!» В конце хор подхватил мелодию оркестра и закончил словами: «Вперед, вперед, во имя Бога!» На этом собрании при-

сутствовали собратья из Грозного, Казбека, Валерики, которые впервые в жизни видели и слышали подобное. После собрания нас просили петь еще и еще. Много беседовали на разные темы. Время быстро шло, и только в час ночи мы закончили собрание, надеясь, что скоро встретимся снова.

В эту ночь спать почти не пришлось. В пять часов утра мы должны были спешить на автовокзал, чтобы вовремя прибыть в Пятигорск. Там должно было состояться открытие молитвенного дома, который был закрыт тридцать лет тому назад.

На вокзале мы узнали, что билетов до Пятигорска нет. Но мы не унывали. Решили ехать с пересадками. После многочисленных приключений мы, наконец, добрались до Пятигорска.

На остановке мы встретили знакомого брата, жившего когда-то в Ростове. Он был совершенно слепой, и мы все друг за другом протягивали ему свои замерзшие руки. Он пожимал их и с радостью говорил: «По вашим голосам я чувствую, что вы очень молоды».

Помещение не было приспособлено для богослужений, было очень холодно, тускло горели керосиновые лампы. Но в сердцах присутствующих горело яркое пламя любви. Через тридцать лет снова прозвучали хвалебные гимны и дети Божьи могли снова собираться вместе.

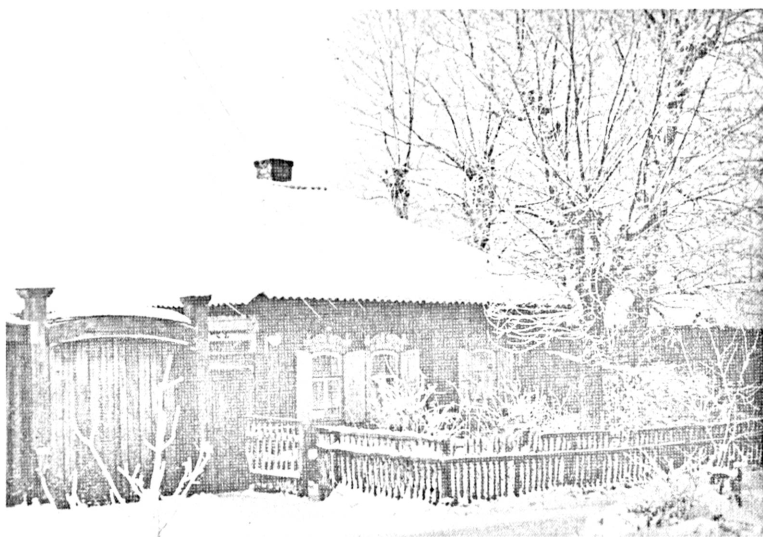
Вот прозвучали последние звуки вечерней песни, брат объявил о том, что богослужение окончено, но... никто не встает. Мы переглядываемся, улыбаемся и думаем, что конец везде одинаков. Как трудно расставаться! Нас просят петь еще. Мы охотно встаем и поем. Несмотря на поздний час и далекий путь, который предстоял многим, мы долго еще беседовали. Так много было общего, хотя мы впервые видели друг друга. Так много прекрасного, о чем можно было говорить. Одна вера, одна надежда!

* * *

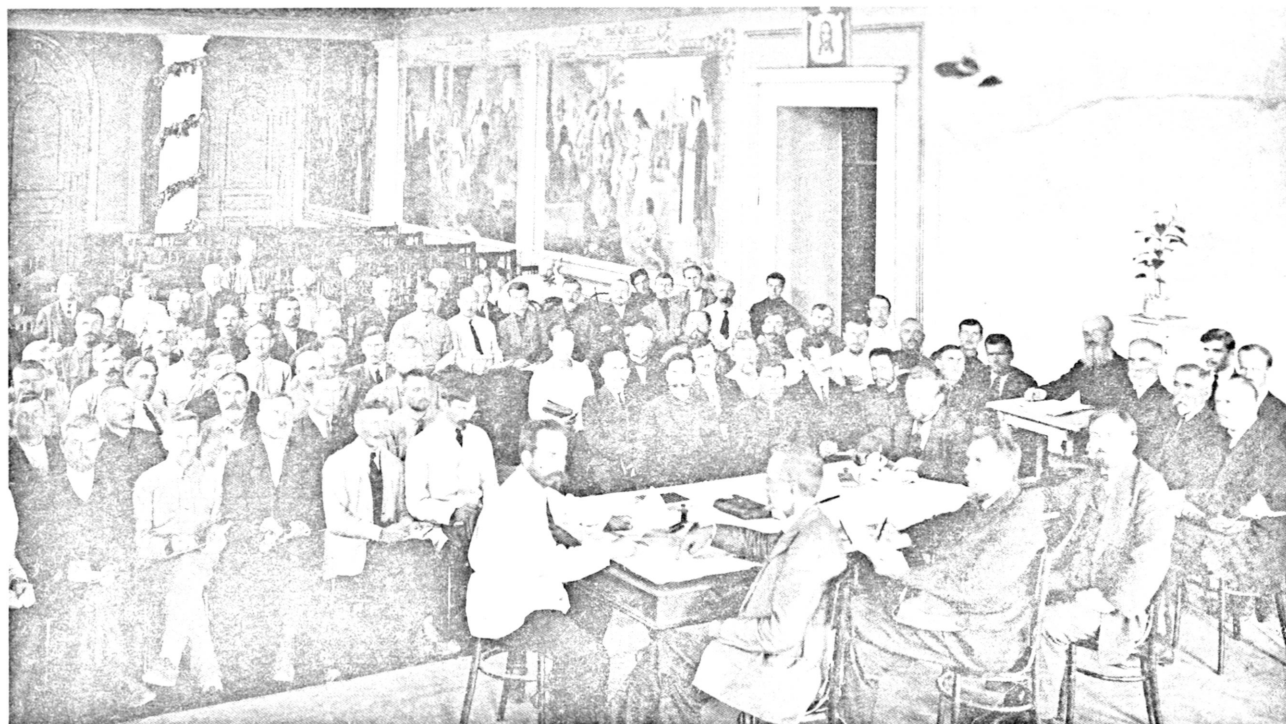
Спустя два месяца после этих событий брата Николая Игнатова вызвали в милицию и приказали в течение 24 часов оставить город Орджоникидзе. На его место приехал брат Иван Передистый. Прежде, чем узнали о цели его приезда, он успел прописаться. После того, как Иван провел несколько собраний, у дома, где он проживал, остановилась машина, и его увезли в милицию. Теперь пришла его очередь сдать экзамен. Брат Иван – человек глубокой веры, в его сердце нет места никакой

Г. И. Лебсак.

Дом в Новосибирске, с 1959 по 1961 г. жила семья Мацановых. В этом доме проходил обыск, и было конфисковано много духовной литературы.

5-й Всероссийский съезд в Москве. 1924 г.

Г. А. Григорьев: «Брат Нусбаум уехал, я вновь остался один».

Слева жена проповедника Розен, вернувшаяся после десятилетнего заключения. Ее муж погиб в тюрьме. Справа — Анна Мацанова.

Г. А. Григорьев. «Брат Нусбаум рассказывал своим друзьям, когда вернулся на родину, что то, что Григорьев не мог высказать словами, он смог прочитать в его грустных глазах».

Брат Дмитриенко с женой и внучкой. Один из тех братьев, что были спасены от смерти ангелом.

Семья Вильсон, 1920 г. В 1937 г. Я. Вильсон был приговорен к 10 годам заключения, его жена была приговорена к 8 годам заключения. Счастливая семья была разрушена. Дети остались с бабушкой.

Семья Кулаковых. В семье росли три маленьких резвых мальчика.

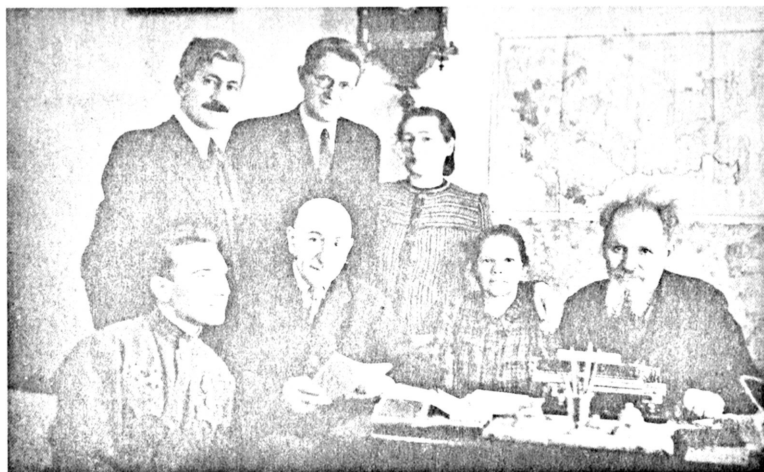
Петр и Мария Кулаковы.

Анна и Павел Мацановы с дочерью Надеждой. «Работа над этой книгой была тайной нашей маленькой семьи».

Друг Стефана Кулакова у его могилы.

Канцелярия ВСАСД. Стоят: Ф. В. Мельник, П. А. Мацанов, А. Г. Мацанова. Сидят (слева направо): Стефан Кулаков, А. Г. Галладжев, М. Н. Григорьева, Г. А. Григорьев.

Молодежь г. Иваново. В центре М. П. Кулаков, справа А. С. Степанов.

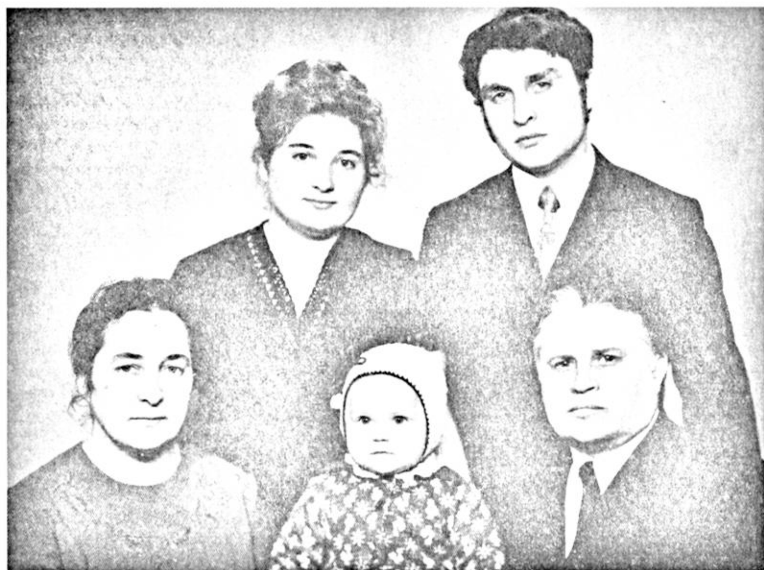
Слева направо: Юлиус Педро (муж Веры), Вера, Анастасия, Анна. Три сестры над могилой своей матери. Она не дождалась радостного дня возвращения дочерей из заключения.

Слева Николай Кит, справа Виталий Красильников. Николай Кит был приговорен к 10 годам лишения свободы. Фотография сделана в местах лишения свободы.

«Искатели истины». Павел Бахмацкий и Владимир Сорокин.

Петр Титков с семьей.

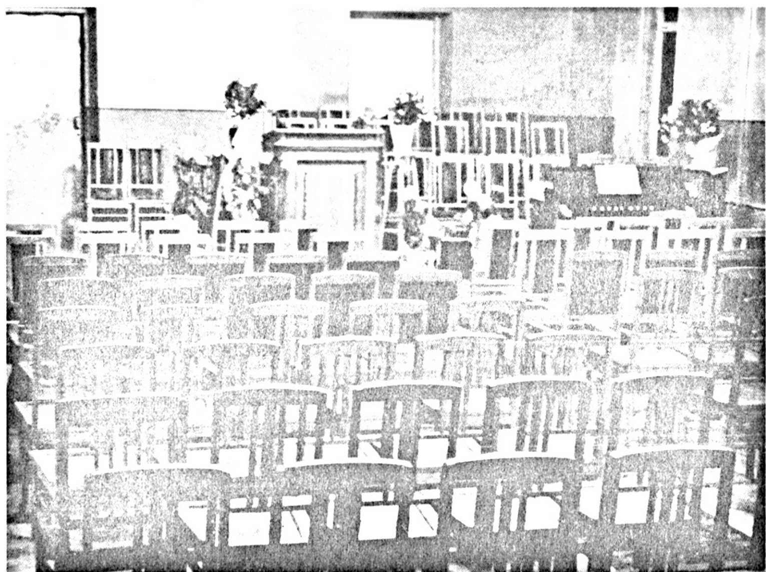

Молитвенный дом в Армавире, 1955 г.

Строительство нового молитвенного дома в Ростове, 1955 г.

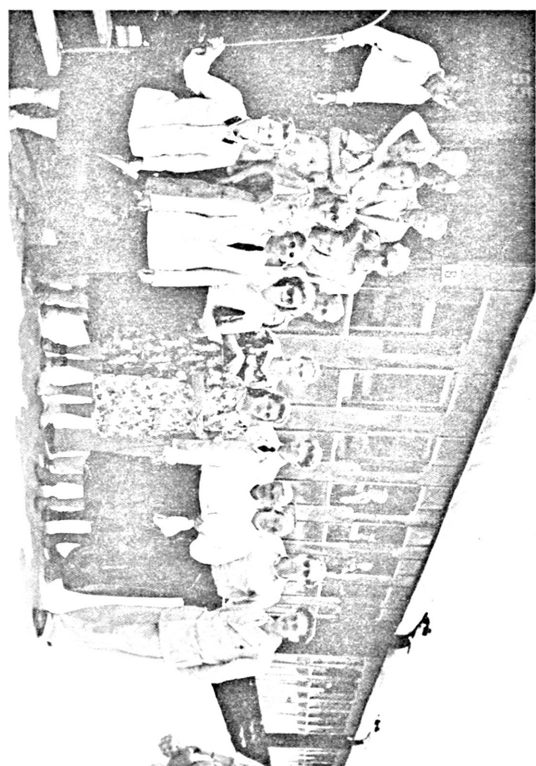

Помещение молитвенного дома в Ростове.

Молодежь Ростовской церкви в миссионерских путешествиях по Кавказу, 1956 г.

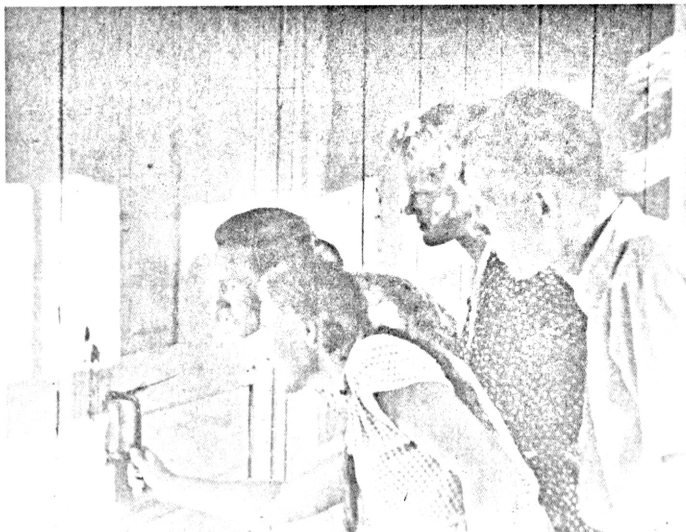

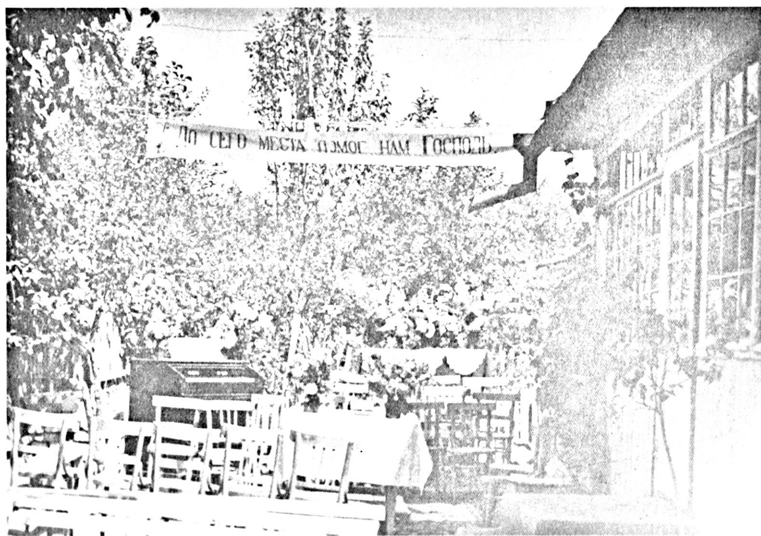
Молодежь Ростовской церкви в миссионерских путешествиях по Кавказу. 1956 г.

После богослужения, на которое съехалась молодежь из общин соседних городов. 1956 г.

Опечатанные милицией двери молитвенного дома в Орджоникидзе.

Двор молитвенного дома подготовлен для богослужения. Орджоникидзе, 1957 г.

Двор молитвенного дома подготовлен для богослужения. Орджоникидзе, 1957 г.

Текст из Откр. 21:8, написанный Вениамином Кучерявенко на куске обоев над кафедрой в молитвенном доме города Невинномысска. На снимке: Павел Андреевич Мацанов.

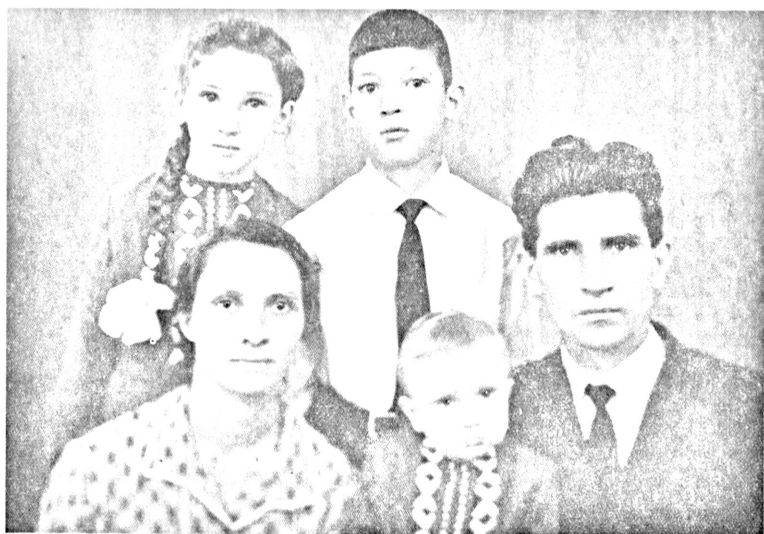
Николай Игнатов с семьей.

Жена Николая Игнатова Галина с детьми. «Отца арестовали. Мать осталась с детьми одна».

Казимир Короленко.

Вениамин и Валентина Кучерявенко с детьми.

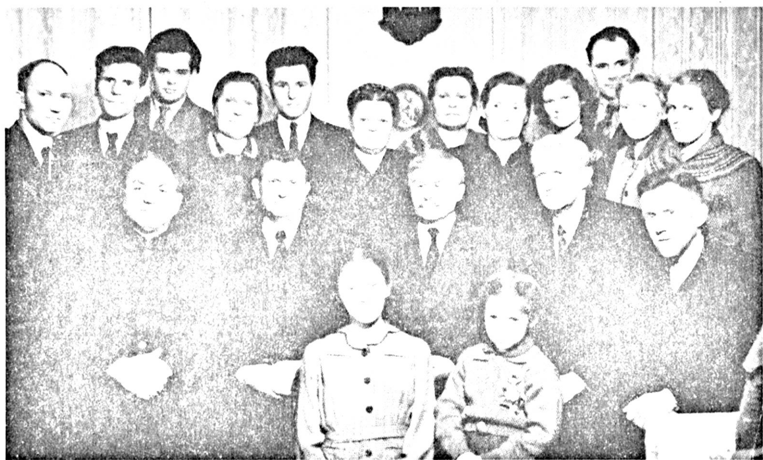
Михаил Кулаков с семьей.

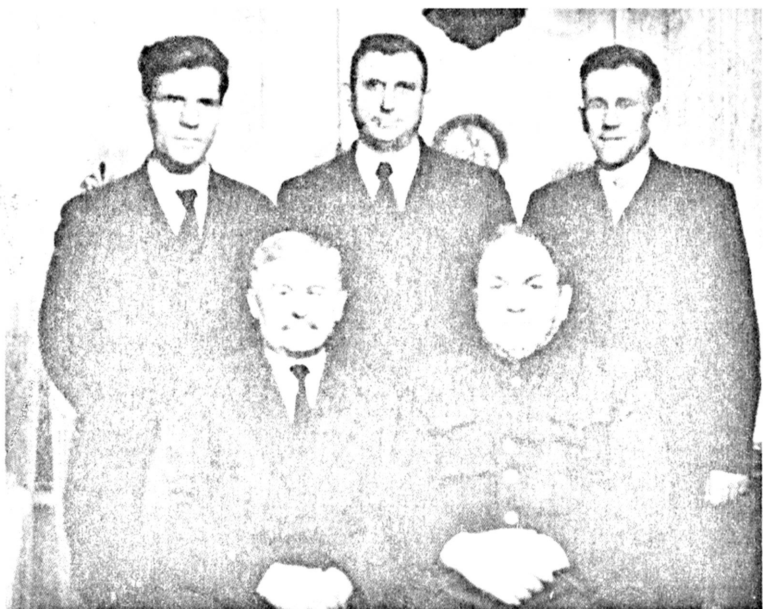
Михаил и Августина Зозулины.

Слева – Юган Данильсон. Справа – Павел Мацанов.

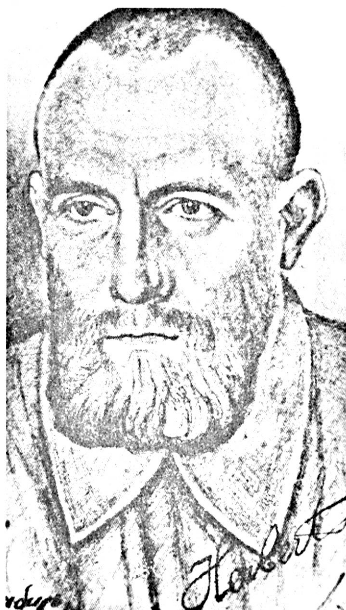

В центре третьего ряда – Полина Теплицкая, жена начальника исправительно-трудовой колонии. Первый слева во втором ряду – начальник ИТК Теплицкий.

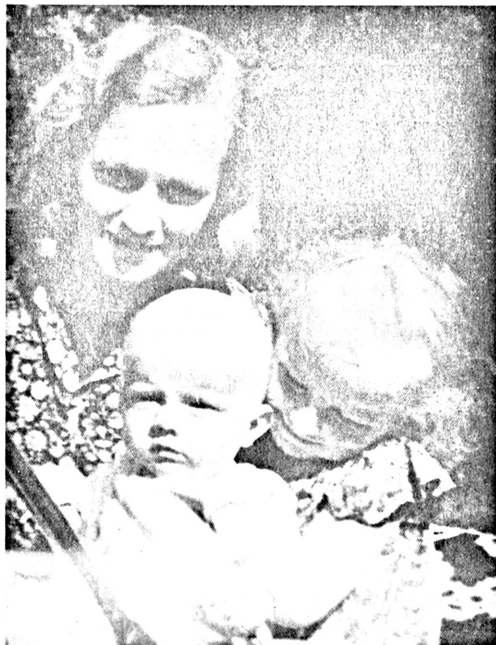

Слева направо стоят: П. Бахмацкий, А. Васюков, Ю. Мориц; сидит слева К. Титоренко. Все они были приговорены к различным срокам заключения от 10 до 25 лет. Справа сидит Теплицкий – начальник лагеря, принявший Христа.

Херберт Дрикис, отец маленького Юриса до заключения и во время заключения.

Хайдрит, жена Херберта
Дрикиса, с детьми.
Муж – в тюрьме .

ПЕТР СИЛЬМА[Н] ПЛЕТ[…]

Это П. Г. Сильман. Фотооб'ектив запечатлел его в тот момент, когда он запугивал верующих «карами всевышнего», призывая их очистить себя от «грехов».

— Что же с вами делать? — спросил Сильмана председатель совета адвентистов.

— Виноват, допустил неосторожность, напакостил. Клянусь Христом — исправлюсь.

— Куда желаешь поехать? — спросили его.

— На Алтай бы мне. Места там знакомые.

— А на Херсонщину? — предложил Сильману председатель.

— П р о ш у с ь, ваше преосвященство, на Алтай. Природу люблю, да и климат по здоровью.

— Ну, поезжай с богом, — согласился высокопоставленный отец.

— А как же с пенсией? — вымогал Сильман.

— Дадим т ы с я ч у рублей в месяц. Только учти — кормить даром не будем.

Сильман понял, что от него требуется, и начал энергично готовиться к от'езду. За короткое время он написал около трехсот писем к жителям Алтая, а летом прошлого года

строе[…] нии, плод[…] люде[…] Он д[…] попр[…]

Во[…] из в[…] на п[…]

— […]

— […]

Он[…] потр[…] лист[…] ры» […] Добр[…] пост[…] пожи[…] смот[…]

— […] ман.

— […] Густ[…] тить[…]

Си[…] взгл[…] дан[…] сом […] Он […]

— […] роде[…]

— […] сем […] тят.

— […]

1.

Петр Сильман не носит рясы и креста. На нем всегда добротный костюм, шляпа, галстук. Большие очки в коричневой оправе скрывают выражение его щурящихся глаз.

На первый взгляд этот человек кажется тихим и доброжелательным, но когда познакомишься с отнюдь не безгрешными деяниями Петра Густавовича, его жизнью, приходишь к выводу — тунеядец высшей марки, лицемер с большим стажем.

У Сильмана никогда не было светлой цели в жизни. Он лишь год за-

Фрагмент статьи из газеты «Алтайская правда» от 27 августа 1950 г. о проповеднике Петре Густавовиче Сильмане.

несправедливости, лицемерию. Чистота души и истина — это его принципы. «Разве вы не знаете, что в этом городе запрещено проповедовать?» — закричал начальник милиции. «Я имею разрешение от высшей власти, которой я не имею права сопротивляться. Вы тоже должны были бы повиноваться это власти»,— кротко ответил молодой человек. Начальник поднял стул и хотел ударить брата по голове. Брат Иван спокойно смотрел на него и сказал: «Вы представитель и воспитатель общества. Разве так вы должны поступать с человеком, которого хотите разубедить в заблуждении?» После этих слов начальник милиции успокоился и, обратившись к своему помощнику, сказал: «Смотрите, какой человек! Если бы мы осудили его на пятнадцать-двадцать лет лагерной жизни, то он все равно не отрекся бы от своих убеждений и, работая в глубоких шахтах или таская тяжелые бревна на своей спине, все же остался бы при своем».

Брат Иван слушал эти слова и перед его глазами встала картина суда над Христом: в терновом венце, в багрянице, с бледным окровавленным лицом, оклеветанный, осмеянный, Он стоял спокойно, неся тяжелое бремя греха всего мира. О, как хотелось Ивану рассказать этим людям о неизмеримо великой жертве Агнца Божьего и о том, что за них была пролита эта святая кровь, что и они могут получить спасение. Но начальник кричал: «Вы — язва общества! Человек с такими убеждениями нам не нужен! Приказываю вам в течение 24 часов оставить наш город!»

«Сегодня день Господень,— спокойно ответил брат,— и по Его повелению я остаюсь в покое до захода солнца». Брат Иван и его молодая супруга оставили город Орджоникидзе и переехали в город Майкоп. Там была небольшая группа верующих, которые от всего сердца благодарили Бога за то, что Господь прислал им брата Ивана и сестру Луизу.

Собратья города Орджоникидзе потеряли и молитвенное помещение, и троих работников одного за другим. Но смелость они не потеряли. Они не ослабели, и пламя их веры не погасло. Собрания продолжались в квартире одной сестры. Буря унесла мякину, но ценные зерна остались. Маленькая группа еще теснее объединилась между собой и продолжала начатое дело.

Наши молодые братья не имели ни разрешений, ни справок (в те годы без этих документов, выданных властями, не разрешалось проповедовать). Они стояли в первых рядах дела Евангелия, ежечасно подвергаясь опасности. Они были еще так мо-

лоды, имели так мало опыта, но их взоры были постоянно обращены к небу, откуда они получали силу и помощь. Верные спутницы жизни проповедников всегда были готовы стать на их место в случае ареста, которого они ожидали каждую минуту. За эти дорогие семейства мы ежедневно возсылали горячие молитвы к небесам, чтобы Господь сохранил и дал им силу в святом труде, ибо они стояли, как маяки в бушующем море неверия. Посредством их труда было приобретено для вечности много дорогих душ. Также многие из тех, кто в мрачные годы гонений были рассеяны и устали душой, снова вернулись в церковь.

Чтобы разделить свою радость, молодые работники устраивали торжественные собрания. В таких случаях всегда происходили крещения, приезжала молодежь и проповедники из Ростова. После этих общений молодые труженики с новыми силами брались за святой труд. Перенесенные бури еще больше укрепляли и закаляли их.

* * *

Иван Кучерявенко с молодых лет посвятил свою жизнь для дела Божьего. В 1940 г. он был арестован и выслан. Нужда, тоска и страдания как непрошеные гости пришли к нему, уселись на его пороге и оставались там до тех пор, пока через этот порог не вынесли его холодное тело. Недолго пришлось ему томиться тяжелой лагерной жизнью. Господь сократил его страдания, и через два года он ушел на покой. Жена осталась с четырьмя маленькими мальчиками, а вскоре после ареста мужа родилась дочь, которую отцу не пришлось увидеть. Чтобы воспитать своих пятерых детей, ей пришлось вести непосильную борьбу за существование. И эту тяжелую ношу она не выдержала. В 1950 году она умерла.

Два ее сына, Владимир и Вениамин, пошли по стопам своего погибшего отца. Вениамин начал свою духовную работу на Кавказе, в городке Невинномысске. Там уже давно существовала маленькая группа пожилых, уставших в жизненной борьбе и трудах верующих. С прибытием молодого работника дело расцвело. Брат Вениамин со своей супругой Валентиной организовали хор, и собрания стала посещать молодежь. К церкви присоединились новые души.

...Был тихий летний вечер. После трудовой недели, по обыкновению, дети Божьи собрались, чтобы прославить Господа пес-

нопениями, молитвами и подкрепиться Словом вечного утешения. Покой этого тихого святого вечера был нарушен появлением милиции. В помещение с шумом ворвались несколько человек и начали кричать, чтобы все разошлись. Испугавшись такого внезапного нападения, все разбежались. Остался только молодой проповедник со своей женой, которая держала на своих руках восьмимесячного ребенка. Милиция требовала, чтобы и они немедленно оставили собрание, но брат Вениамин ответил: «Наше богослужение еще не окончено, и я буду продолжать». Милиционеры вышли из помещения и остановились около открытого окна. Сестра Валентина села за фисгармонию, и они запели песнь, в которой говорится о сильной вере, о спокойствии и о надежде на помощь свыше: «О, нет! Никто нас не возможет от правды Божьей отлучить...» После молитвы брат Вениамин открыл Священное Писание и говорил о Божественной помощи в трудных обстоятельствах, о великой надежде христиан и об окончательной победе народа Божьего. Он говорил с такой силой и вдохновением, как будто его слушали десятки тысяч людей. Невидимых стражей небесных было, конечно, много. Они с малейшими подробностями отметили все происшедшее, а также спокойствие и непоколебимость молодого проповедника.

В ту ночь Валентина и Вениамин не спали, но не потому, что их охватил страх — нет! Они были далеки от этого. Они к чему-то готовились, что-то тщательно искали в своей квартире и никак не могли найти. Валентина вытащила из ящика комода из-под уложенного там белья большой кусок обоев. Теперь снова начались поиски. На обратной стороне обоев они хотели написать что-то очень важное. Это надо было сделать до утра. Кисточку так и не нашли. Вениамин открыл последнюю страницу Библии, взял палочку, обмакнул в чернила и начал писать на обоях великое и серьезное предостережение: «Боязливых же, и неверных... — участь в озере, горящем огнем и серою...» *(Откр. 21:8)*. Эту надпись они повесили над кафедрой.

Хотя накануне все разбежались, на утреннее богослужение все снова собрались. Каждый читал надпись и обличал себя в тишине. Молодой проповедник встал на кафедру. Он никого не упрекал, но только сказал: «Вчерашняя история может сегодня повториться. Поэтому кто боится — идите сейчас домой, чтобы не было замешательства во время собрания».

Снова пришли милиционеры. Снова кричали и угрожали. Ходили по рядам и с треском захлопывали открытые Библии, но никто не встал со своего места. Надпись на стене говорила громче криков милиционеров. Брата Вениамина посадили в машину и увезли в отделение милиции. Там, по обыкновению, угрожали, высмеивали и заставляли подписать обещание, что впредь он не будет проповедовать. Но брат остался непоколебимым, смело и с еще большей ревностью продолжал начатую работу.

Неделю спустя старший проповедник и несколько молодых людей посетили брата Вениамина. В собрании было очень много людей.

* * *

В прошлое лето буря гонений миновала брата Павла Панченко, тогда как она не обошла братьев Николая Игнатова, Григория Ворохова, Ивана Передистого, сестру Августину Поляк и брата Гуцало.

Казалось, что могучие Кавказские горы защищают Павла от свирепых бурь гонений, но в это лето буря настигла и его. В первый раз милиционеры угрожали хозяйке дома, и она отказала в помещении, в котором проходили богослужения. Ночью милиционеры пришли с обыском. Были изъяты книги: Библия, Псалмы Сиона и все, отпечатанное на машинке. Штамп о прописке брата Павла Панченко был перечеркнут, и он немедленно должен был оставить город Тбилиси.

Но не так легко сдают свои позиции воины Христовы. Они упорны в труде и в борьбе. Его молодая жена с двумя детьми выехала, а брат Павел прописался в 40 км за городом и поступил работать на лесопильный завод.

Жена снова вернулась, тоже прописалась, и они несколько раз в неделю ездили в город, проводили богослужения и укрепляли собратьев.

Брат Павел начал хлопотать о своих отнятых книгах. Он смело пошел в милицию с требованием вернуть незаконно изъятые книги. После совещания ему ответили: «Эти книги вредные и являются орудием пропаганды. Мы их законно изъяли и уничтожили. Их больше нет». В этот же день брата снова выписали, уволили с работы и строго-настрого приказали выехать за пределы Тбилиси. Брат переехал в город Краснодар, где с большим успехом работал продолжительное время.

Спаситель сказал: «Если вас гонят в одном городе... бегите в другой...»

* * *

Брату Григорию Ворохову пришлось пережить много горьких и тяжелых дней. Он работал в городе Грозном. И маленькой общине верующих этого города пришлось пережить много суровых испытаний вместе со своими работниками. Очень коротким был отдых. Еще не успели затянуться старые раны, как снова грянула беда. Сестра Августина работала здесь два года, церковь ее очень полюбила. Но она должна была оставить Грозный и переехать в другое место. Брат Григорий был выписан и ему угрожал арест, если он немедленно не оставит город. И он выехал. Его молодая жена с маленьким ребенком осталась при молитвенном доме, хозяйкой которого она считалась. Брат Григорий приезжал каждую пятницу и проводил богослужения в субботу и воскресенье. Так он продолжал работать четыре месяца. Чтобы работать в таких условиях, надо было иметь твердую веру и мужество.

В день субботний, во время богослужения, когда брат Григорий стоял за кафедрой и проповедовал, у дверей собрания остановилась машина. В помещение вошли шесть человек. Они кричали и приказывали, чтобы брат Григорий распустил людей. Когда он отказался это сделать, его посадили в машину и увезли.

На кафедре остались открытая Библия и конспект брата Григория. Тогда один из братьев стал на место Григория и продолжил прерванную проповедь. Затем вся церковь объединилась в горячей молитве к Господу, прося у Него милости и защиты. Жена одного научного работника продолжительное время посещала богослужения, но никак не могла решиться принять истину. В этот день она встала и решительно сказала: «Теперь я твердо убеждена, что это церковь Божья, потому что собратья стоят за истину и готовы страдать за свои убеждения. С сегодняшнего дня я желаю стать членом этой церкви и подаю заявление на крещение». После нее встали и другие и также подавали заявления на крещение. Затем один брат встал и произнес: «На днях я собирался переехать на родину, но теперь я решил остаться здесь, с вами, дорогие собратья. Если после брата Григория заберут и Петра, то я встану на их место».

«Давно мы тебя искали, и, наконец, ты все же попал в наши руки,– сказали Григорию в отделении милиции.– Теперь подпиши обещание, что больше не будешь проводить собрания и больше никогда не приедешь сюда. В противном случае мы вышлем тебя и твою жену и отберем у вас ребенка». Когда Григорий отказался подписать отречение от проповедования, то в его паспорте на тех страницах, где ставится штамп о прописке, поставили три креста и приказали немедленно оставить город Грозный.

ЮНЫЕ БОРЦЫ ЗА ИСТИНУ

В прекрасном курортном городе Пятигорске, где природа так щедро наделила окрестности лечебными источниками, удивительными деревьями и цветами, жил и трудился на ниве Божьей молодой брат Петр Титков со своей супругой Александрой. Их работа постоянно была связана с трудностями, но это их не останавливало. Сестра Александра организовала хор, молодежный кружок, часто проводились торжественные собрания. К церкви присоединилось много юных душ.

Несколько раз приходили милиционеры с сургучом и гвоздями, чтобы опечатать молитвенное помещение. Когда они пришли в очередной раз, сестра Александра вошла в зал, где проходило собрание, села за фисгармонию и сказала: «Я отсюда не уйду, можете опечатать двери, но я останусь здесь!» Стойкость и смелость молодой женщины так повлияли на стражей закона, что они оставили свои намерения и ушли.

В газетах о брате Петре писали много неправды, его вызывали в милицию; но можно ли было устрашить того, кто еще в шестнадцатилетнем возрасте прошел горнило испытаний?

В детстве Петя был очень подвижным ребенком. В течение дня он успевал везде побывать и все обследовать. Его заботливая, любящая мать не могла себе представить, какими опасными делами занимается ее сын. Она не знала, что рыба, принесенная домой, не попадала на его удочку, но была оглушена гранатами, которые мальчик бросал в реку. В Тарасовке шли бои, кругом было много опасных предметов, которые его интересовали. Иногда Петр забирался в подбитый танк и приказывал своим товарищам, таким же отважным, как и он сам, забросать танк гранатами. Кто знает, во что бы вылился поток

этой неутомимой энергии, если бы он не вошел в другое русло!

Родители Петра были достойными и примерными христианами. Они непрестанно и усердно молились о сыне, чтобы он отдал свое сердце Спасителю. Один старый проповедник, который всю свою жизнь посвятил делу Евангелия и посредством труда и молитв которого многие нашли путь спасения, сказал такие слова: «Я верю, что своими усердными молитвами мы можем выпросить людей у Господа и что в вечности мы увидим множество спасенных посредством молитв ближних».

Петр вместе со своими родителями посещал богослужения, изучал Слово Божье, возрастая и укрепляясь в духовной жизни. Ему было только 16 лет, когда его арестовали, разлучили с родителями и увезли из родного дома. Некоторое время он находился в Ростовской тюрьме. До сих пор неизвестный мир преступлений и пороков открылся перед его глазами. И этот невинный мальчик, который не сделал никому никакого зла, должен был страдать, как злодей.

Из Ростовской тюрьмы его перевели в город Новочеркасск. Петр не знал, что брат Михаил Дерябкин из его общины тоже арестован и находится в этой же тюрьме. Однажды во время прогулки, когда арестованных вывели на несколько минут на свежий воздух, он увидел Михаила. Они не имели права остановиться, чтобы поговорить, но взгляды их встретились, и поднятые к небу глаза говорили: «Будем молиться друг о друге». Эта встреча, продолжавшаяся всего несколько секунд, придала силы и явилась утешением в этих тяжелых обстоятельствах. Так они встречались изо дня в день. Но вот настал день, когда Михаила не стало видно. Куда его перевели, Петр не знал. Может быть, он и здесь, но их выводят на прогулку в разное время? Не думая о последствиях, энергичный мальчик, воспользовавшись моментом, когда конвоир отвернулся, быстро написал на заборе: «Миша, где ты? П. Т.» В тот же вечер в камеру пришли с допросом: «Кто написал на стене?» Никто не сознавался. Начали разбирать инициалы, нашли виновного и отправили его в карцер. Была ночь. Холодный зимний ветер дул в разбитое окно. Это была камера сквозняков, устроенная таким образом, что ветер дул со всех сторон. Не было ни одного места, где можно было бы укрыться от ледяного ветра. Петр рассказывал: «Я чувствовал, как мои волосы вставали дыбом. Руки и ноги постепенно коченели, я с большим трудом — потому что пальцы стали

совершенно нечувствительны — натянул гимнастерку на голову, съежился, но согреться никак не мог». Ночь прошла, как проходят все ночи. Но в небесных книгах было отмечено, как страдал юноша.

К утру его выпустили. Он вошел в камеру совершенно окоченевший. Его вид вызвал сочувствие у товарищей, каждый из них старался что-то сделать для него: кто-то растирал руки, кто-то укрывал одеждой. Петру сообщили, что приезжала мама и привезла передачу, но ей отказали, сообщив, что ее сын в тюрьме развратился и стал настоящим жуликом, а таким передачи не положены. Может, для материнского сердца было бы легче, если бы ей сказали, что ее сын умер в тюрьме. Ведь он был арестован за Слово Божье, а теперь сделался жуликом...

Какие невероятные страдания причиняет обман! О, вы, раздирающие невинные сердца! Как вы предстанете в день оный перед Судьей всего мира?!

Так как Петр был еще очень молод, его отправили в колонию для несовершеннолетних. Здесь ему приходилось работать по 14–16 часов в день. Приученный с детства к труду и порядку, Петр вскоре приобрел доверие начальства. Его поставили бригадиром.

Однажды из города приехали начальники, чтобы проверить, как работают заключенные. Был день субботний. Петр, по обыкновению, не работал. Один из приезжих обратил на него внимание и поинтересовался, почему он не работает. Петр ответил, что он — адвентист седьмого дня, соблюдает Закон Божий, а в четвертой заповеди сказано: не делай никакого дела в день субботний. Начальник пришел в бешенство: «Заключенный будет здесь устанавливать свои законы! Мы его научим, как подчиняться лагерным законам. Еще добавим десяток лет, тогда он поймет!»

Был жаркий день. Кто только имел возможность, отыскивал тенистые места. Рабочие прятались в кукурузе, где кто мог. Петра поставили на открытом месте в поле, очертили круг и поставили конвоира, который должен был наблюдать, чтобы мальчик не переступил черты. В противном случае тот имел право стрелять. Так он должен был стоять 16 часов.

Оставалось несколько месяцев до окончания срока. Петр знал, что за нарушение лагерного закона ему грозит 10 лет тюрьмы. Что молодое сердце пережило за этот длинный тяжелый день, знает только Господь! Солнце жгло беспощадно, появились страшные головные боли, ноги стали отекать. Но было

ли в молодом сердце спокойно и безоблачно? Разве оно не было одолеваемо сомнениями? Физические мучения почти всегда бывают связаны с душевной борьбой. У каждого есть своя Гефсимания. И рука, держащая чашу страданий, прежде, чем поднести ее к устам, всегда дрожит...

Несмотря на все трудности, все эти три прошедших года он был верен своему Господу. Не без борьбы и душевных тревог приходилось отстаивать каждый святой день Господень. Но столь испытующего момента ему еще не приходилось переживать.

Десять лет. Он знал, что такой закон существует и что это не просто угроза. С самой весны он мечтал о встрече с родными, друзьями детства, о родном доме. Мысленно он ходил по любимым местам своей родины, и эти мечты окрыляли его душу, придавали силу, когда он изнемогал в тяжелом труде. И вот теперь, когда он стоял под палящими лучами солнца, картины прошлого рисовались в особенно привлекательно-нежных красках. Как сполохи заходящего солнца, они то вспыхивали, то потухали, то снова разгорались еще более чудесными цветами.

А будущее? Что ожидало его впереди? Десять лет суровой лагерной жизни, лютой нужды, непосильного труда, общество низко павших и крайне развращенных людей. Да, он мог представить себе эту жизнь очень ясно, ибо отчасти был уже знаком с нею. Теперь он находился в колонии для несовершеннолетних, но это еще не лагерная жизнь...

Солнце жгло все сильней, ибо уже был полдень, но при этой мысли Петр вздрогнул, как от струи ледяного ветра! После многократных попыток заставить его в субботу работать начальник лагеря оставил его в покое и, зная честность и трудолюбие Петра, даже поставил его бригадиром. Но теперь настал решительный момент — подчиниться требованию начальника или принять горькую чашу долгих тяжелых страданий...

Начальник предложил ему поработать несколько часов, пока здесь находятся проверяющие, а потом, когда они уедут, он смог бы прекратить работу. Потом все шло бы по-старому.

Томила жажда, в горле пересыхало. Недалеко от него, прячась в кустах от сильной жары, стоял конвоир с винтовкой.

Юноша стоял, как пальма в знойной пустыне, которую обжигают палящие лучи солнца, но ее корни из неведомых глубин черпают живительную влагу, и она не засыхает, а зеленеет и цветет, и приносит плоды. Из неведомых источников он черпал

силу. В эти мучительные часы душевных тревог он размышлял о величии и святости Закона Божьего. Прекрасные тексты, которые он изучал дома, огненными буквами предстали перед ним.

Три юных вавилонских пленника могли ценой малых уступок спасти свои жизни и впредь, при более благоприятных обстоятельствах, снова служить своему Господу. Они могли поклониться вместе со всеми, а в душе молиться своему Богу. Но они были настолько верны, что представ пред царем, перед которым трепетал весь мир, они смело и определенно сказали: «Да будет тебе известно, царь, что мы богам твоим служить не будем». Даниил мог 30 дней после указа царя молиться втайне, в своей комнате, и, таким образом, избегнуть страшной смерти. Но он, несмотря ни на какие угрозы, открыто засвидетельствовал о Боге — Творце неба и земли.

О, как Петр был благодарен Господу за эти чудесные примеры верности, которые Он по Своей милости велел записать Своим рабам в святой Книге Библии. Как блистающие фигуры, они возвышаются над тьмой неверия, являясь примером для находящихся в подобной борьбе.

Время тянулось долго. Становилось все тяжелей и тяжелей. Петру казалось, что он стоит не на своих ногах, а на каких-то толстых деревянных столбах, от которых хотелось поскорее освободиться.

Юный страдалец продолжал размышлять: наши прародители потеряли блаженство из-за непослушания, которое кажется людям совсем незначительным. Теперь как никогда раньше ему стало понятно, насколько святы повеления Господни, какой страшный поток страданий, пороков и зла хлынул в этот мир из-за непослушания только одной заповеди Творца.

Он мысленно перенесся в Гефсиманский сад. В ночной тишине, освещенной серебристыми лучами луны, Он — наш Спаситель, пал на землю и в глубоких душевных муках взывал к Отцу. Неужели грех настолько ужасен, что Творец вселенной должен был подвергнуться таким душевным мучениям, предательству, позорному суду, бичеваниям, нести на Своей голове терновый венец, быть распятым и умереть на кресте?! И все это за непослушание человека...

Темные и красные круги замелькали у Петра перед глазами. Он упал без сознания, и его отнесли в барак. Долго продолжались сильные головные боли и не проходила отечность ног. Но

в юном сердце было безоблачно и спокойно. Там царил Божественный мир, и Петр мог сказать вместе со своим Спасителем: «Я прославил Тебя на земле, совершил дело, которое Ты поручил Мне исполнить» *(Ин. 17:4)*, «Итак выйдем к Нему за стан, нося Его поругание» *(Евр. 13:13)*.

* * *

В те годы служить Христу означало нести Его поругание, и наша молодежь несла его с великим терпением.

Брата Даниила Буза исключили со второго курса медицинского института. Когда одна молодая сестра спросила его, любит ли он медицину, он ответил: «Очень! Очень!» И слезы покатились по его щекам. О нем писали в газетах, позорили за верность убеждениям.

Брат Константин Томенко учился в институте на последнем курсе. За религиозные убеждения было решено его исключить. Он стоял один в актовом зале, мимо проходили студенты, и каждый из них старался сказать что-то язвительное, бросить какую-либо оскорбительную реплику. Но вот мимо него прошла девушка. Немного нагнув голову в его сторону, она тихо сказала: «Он был презрен и умален пред людьми, муж скорбей» *(Ис. 53:3)*. Эти короткие слова, сказанные с состраданием и любовью, были так дороги для наболевшего сердца! Они дали силу перенести все порицания, насмешки и помогли остаться верным до конца.

Брат Михаил Зозулин был исключен с пятого курса медицинского института. Брат Владимир Гончар заканчивал Харьковский медицинский институт. На последний государственный экзамен по атеизму пришел сотрудник органов безопасности и сказал: «Выбирайте: диплом врача или Ваша вера». Выбор был сделан. И диплом Владимир смог получить только два года спустя, в институте другого города, где его никто не знал. Сестру Марию исключили с последнего курса стоматологического факультета, сестру Лию Василенко — из техникума. Лидию Руснак исключили с четвертого курса стоматологического института в Ставрополе. Подобно им были исключены из учебных заведений и многие другие братья и сестры.

Молодежь, закаленную в жизненной борьбе, в трудах и нуждах, не могли увлечь удовольствия, богатство и слава этого мира. С надеждой на Господа и любовью к истине они мужественно встречали испытания, являясь примером верности и терпения.

ПОСЕЩЕНИЕ СОБРАТЬЕВ В ГОРАХ

Приходит время, и усталый путник, странствовавший семьдесят или восемьдесят лет в долине скорбей и мучений, готовясь уйти на покой, говорит о днях своей старости вместе с Екклесиастом: «Нет мне удовольствия в них». Но когда безжалостная рука смерти разрывает сладко звучащие струны юности, наши сердца невольно наполняются глубокой печалью.

Так и в природе. Наступает осень, опадают листья, перелетные птицы отправляются в дальние страны. Холодные осенние ветры с неудержимой силой носятся по широким полям. Отцветают последние цветы, и, глядя на эту печальную картину, так и хочется, чтобы зима своей мягкой белоснежной пеленой покрыла все раны земли и убаюкала усталую природу.

В 1956 году, в середине октября на Кавказе выпал снег, что было необычно для тех мест. На осеннем солнце, которое еще грело по-кавказски, красовались прекрасные виноградные лозы. Ветви яблонь и груш гнулись под тяжестью поздних плодов. Цвели цветы. И вдруг тяжелыми мокрыми хлопьями начал падать снег, покрывая все белым погребальным саваном. Казалось, умирает юность. Но тучи разошлись, выглянуло солнце, щедро и приветливо даря свое тепло. Снежный покров растаял, деревья стряхнули белые пелены, и снова лучи солнца заиграли на ветвях, усеянных плодами.

Горы дымились от тепла, дорога стала мокрой и скользкой. Два путника с трудом взбирались на перевал. С одной стороны дороги была крутая скала, а с другой — глубокая пропасть. Эта дорога считалась очень опасной, потому что, особенно в такую погоду, со склонов сползали огромные камни, угрожая смести все на своем пути.

Брат Яков Павлович Дмитриенко и сестра Августина Ивановна Поляк отправились в дальний и опасный путь. Они просили Отца Небесного послать им в спутники сильных небесных стражей, которые в течение многих столетий сопровождали Его детей в дальних и опасных путешествиях. Чем выше они поднимались, тем становилось холоднее. В горах лежал толстый слой снега. Дорога, извиваясь, шла вверх. Внизу бурлила река Аргун.

Путники не приняли во внимание, что в горах совершенно другой климат. Они были довольно легко одеты и замерзли. С гор стекали ручьи, и дорога становилась все хуже и хуже. Грязь срывала обувь с ног. Подъем очень утомлял. Они шли уже несколько часов и очень устали, поэтому решили немного отдохнуть и подкрепиться. С трудом они отыскали сухое место, чтобы отдохнуть, и прежде, чем присесть, брат предложил спеть псалом «Бог есть любовь». «Я со своей семьей в особенных случаях жизни пою эту песнь»,– сказал брат. Они спели, помолились и уселись кушать. Путешественники были голодны, и, едва пообедав, уснули из-за сильной усталости. Проснулись, когда уже наступил вечер. Вдали, в лучах заходящего солнца виднелось село, окруженное громадами гор, и от этого оно казалось крохотным гнездышком. Подойдя к селу, путники стали спрашивать, где здесь живет слепой человек, так как знали, что в его доме проходили богослужения.

Гости едва успели привести себя в порядок и покушать, как дом стал наполняться людьми.

Окружающая природа накладывает свою печать на живущих здесь людей. Горцы – люди, постоянно ведущие борьбу с суровой природой. День изо дня они созерцают величие гор, полет гордых орлов, слышат шум быстро несущихся горных рек.

Первым зашел старик с посохом в руке. Его седовласая голова, мягкие черты лица и ласковые глаза делали его похожим на ветхозаветного Авраама. Он – один из тех, кто многие годы был членом церкви, строил свой духовный дом на скале, и гонения и невзгоды, налетавшие, как бурные горные реки, не смогли смыть строение его веры.

Одна за другой входили сестры в светлых платьях, белых косынках, подвязанные фартуками, напоминая скромных вальденских женщин, которые также жили в горах и верно служили своему Господу.

Собрание продолжалось всю ночь. Позади были годы гонений и разлук, когда собратья не имели возможности участвовать в Вечере Господней. После богослужения еще долго пели псалмы Давида, что с давних времен принято на Кавказе. Автором этих мелодий является сама жизнь, окружающая природа и все пережитое. Эти мотивы полны тоски, они звучат, как молитвы, как просьбы больного, уставшего дитяти к своему Отцу. Они напоминают о глубоких подземных катакомбах, где гонимые христиане собирались по ночам и пели: «Из глубины я взываю к Тебе, Господи, – услышь меня». Они напоминают о вальденсах, которые скрывались в недоступных скалах и пели: «Возвожу очи мои к горам, откуда придет помощь моя».

Кроме псалмов Давида поются песни на слова и из книги пророка Исаии: «Радостью буду радоваться о Господе, возвеселится душа моя о Боге моем; ибо Он облек меня в ризы спасения, одеждою правды одел меня, как на жениха возложил венец и, как невесту, украсил убранством» *(Ис. 61:10)*. Поют и записанную в Откровении (15:1–3) песнь победителей у стеклянного моря.

Когда-то мне пришлось слышать, как пели собратья-горцы из пророка Исаии: «О, если бы Ты расторг небеса и сошел! горы растаяли бы от лица Твоего» *(Ис. 64:1)*. Эта песня звучала как молитва, исходящая из глубины измученных сердец. Сколько тоски, сколько искренней мольбы о помощи и милости Отца Небесного было в ней!

Так прошла ночь. Занялась заря. Вершины гор красовались в золоте и пурпуре. Рано утром собратья должны были спешить на свои ежедневные труды.

В четыре часа утра брат Яков и сестра Августина отправились в село Малое к одной больной сестре, которая не могла прийти на собрание, чтобы преподать ей Вечерю Господню. Хотя собратья подробно объяснили, как идти, в горах не так легко ориентироваться.

Навстречу шла пожилая женщина и внимательно всматривалась в их лица. Когда они поравнялись, она спросила: «Не наши ли вы собратья?» Узнав о том, что прошедшей ночью в Аргуне проводили служение Вечери Господней, она очень опечалилась, что не могла присутствовать. У нее очень болел зуб, и она ходила в город к врачу. От собратьев женщина узнала, что Яков и Августина пошли в Малое. И теперь эта встреча стала

провидением Божьим, так как дороги ни Яков, ни Августина не знали. Их проводница утешилась тем, что смогла поговорить с братом и сестрой по дороге.

Путешественники подошли к реке. Она с шумом мчалась вперед, как бы бросая вызов человеку: «Не вздумай перейти через меня, я все унесу с собой». Со скалы на скалу через реку был перекинут мост. Он состоял из узеньких досочек, прикрепленных к перетянутым через реку канатам. Этот мост напоминал эскалатор, который все время находится в движении. С одной стороны был протянут канат, служащий поручнем, за который можно было держаться. Сестра пояснила, как нужно идти по этому мостику: главное – не смотреть вниз, на бушующие волны, но держать голову высоко поднятой. «Поднимите ваши головы вверх»,– сказал Спаситель Своим ученикам и Своим последователям. Поднимите свой взор вверх, находясь в бушующем море гонений и невзгод.

Сестра рассказала, что те люди, которые смотрели вниз, пугались и, не имея сил идти дальше, погибали, падая с моста в темные бушующие волны реки.

Прежде, чем начать переход, путники встали у моста и помолились. Брат Яков пошел по мосту первым. Он шел смело, держа голову поднятой вверх. Глядя на него, сестра Августина представила себе картину, где изображен ангел-хранитель, сопровождающий двух маленьких детей, переходящих пропасть по старому мостику. Как важно всецело доверять Господу свой путь и постоянно направлять взор к небу! Петр мог идти по волнам, когда его взор был направлен к Спасителю, но когда он взглянул на темные бушующие волны, то стал тонуть.

Утомленные опасным переходом, путешественники уселись на берегу и стали смотреть, как будет идти по мосту пожилая женщина. На этом мосту нельзя помочь другому, каждый должен идти самостоятельно. Сестра взялась за канат, подняла голову вверх и, как горная орлица, быстро прошагала по мосту. Видно было, что она не впервые совершала этот путь. Она рассказывала, что по этому мосту приходилось переходить и с грузом, неся продукты на базар, а потом с этой тяжестью подниматься в горы.

Отдохнув немного, они снова пошли в гору. Тропинка была узкой, идти было тяжело и опасно: того и гляди сорвешься в пропасть. Женщина же шла смело, как по ровной дороге.

На вершине перевала стоял человек и кричал: «Сюда! Сюда! Идите сюда!» Это, как оказалось, был наш брат. Из Аргуна братья позвонили по телефону в сельсовет и просили передать нашим братьям, чтобы те вышли навстречу гостям.

Хотя и трудно было взбираться в гору, спускаться вниз было еще труднее. Для горцев это не составляло большого труда, но не привыкшим было очень трудно — кружилась голова.

Здешние собратья узнали о приходе гостей и очень обрадовались им. Они целовали их и рассказали, что кто-то из них видел сон, как прилетели к ним два голубя. И вот они — два голубя — перед ними!

Горцы — очень гостеприимный народ. Гостям подали чай и хлеб. Так как те были очень голодны, то с большим аппетитом начали есть, не догадываясь, что все угощение еще впереди. Собратья смотрели на них с удивлением, но ничего не говорили. После чая подали суп, потом гуся, плов, пироги, фрукты и в конце — снова чай. Гости не знали, что так щедро угощают в горах. Если вам придется когда-либо быть у горцев, не повторите эту ошибку!

Провели богослужение и Вечерю Господню. Как обычно, много пели и беседовали. Быстро прошло время, и нужно было снова отправляться в путь. Теперь Яков и Августина были опытными горными путешественниками. По дороге встречались люди с осликами. Эти маленькие животные с длинными ушами и грустными глазами, навьюченные тяжелыми мешками, шли быстро и умело по горным тропинкам.

По дороге наши путешественники посетили одну семью, которая ослабела в вере. Но, подкрепившись Словом Жизни, они дали обещание Господу с новыми силами продолжать путь в вечный Ханаан.

К вечеру Яков и Августина добрались до города Грозный, а на другой день рано утром отправились в Валерики. Там они совершили Вечерю Господню и к закату солнца вернулись обратно. Потом провели Вечерю в Грозном, и на этом их путешествие было закончено.

* * *

Николай Игнатов был первым из работавших на Кавказе братьев. К осени из Донбасса ему на помощь приехала сестра Августина Поляк. В городе Орджоникидзе был организован мо-

литвенный кружок, который принимал активное участие в деле Божьем.

После осенних путешествий брата Якова и сестры Августины молодежь Орджоникидзе в течение зимы два раза посетила Грозный, Аргун и Валерики.

Маленькая группа, состоящая из семи человек, отправилась в путь. Они ехали на автобусе, на попутных машинах и шли пешком. В Аргуне, в маленькой комнате собралось очень много людей. В помещении было так душно, что гасли керосиновые лампы. Тридцать человек выразили желание присоединиться к церкви Божьей, в том числе жена председателя сельсовета.

Вернувшись в город Грозный, молодые люди остановились у гостеприимных милых старичков Гуцало и рассказали им о проведенных собраниях и о своих чудесных опытах.

Наступила весна, и снова брат Дмитриенко и сестра Августина отправились по тем местам, где впервые они были прошлой осенью. Теперь во всех этих местах можно было встретить близких людей. Исполнилось обетование Господне: «Так и слово Мое, которое исходит из уст Моих,– оно не возвращается ко Мне тщетным, но исполняет то, что Мне угодно, и совершает то, для чего Я послал его» *(Ис. 55:11)*.

Опять пришла осень. Брат Яков, сестра Августина и молодежь вместе отравились в Аргун. 12 километров пришлось идти пешком. Вдруг мимо них в сторону села, куда они шли, промчалась машина. Подходя к селу, путники увидели, что на мостике стоит машина, которая обогнала их. Из машины вышли люди. Они поздоровались и спросили: «Куда вы держите путь и к кому идете?»

Путники ответили, что идут в гости к своим единоверцам. Среди представившихся людей были начальник милиции, председатель райисполкома и шофер.

Председатель сказал, что селе разразилась эпидемия и им, по всей вероятности, придется вернуться обратно. Путники ответили, что пока они дойдут до автобуса, будет уже ночь, а автобусы ночью не ходят. По дороге, кроме верующих, живущих в этом селе, у них нет знакомых. «Все же вы должны будете вернуться»,– настаивали начальники. «Мы очень устали и голодны, разрешите нам зайти в этот первый дом, где живет наш слепой брат!» – попросили верующие.

В недоумении начальники смотрели друг на друга, не зная как поступить. Потом они, посовещавшись между собой, потребовали паспорта и спросили, где кто работает. Сестра Августина стояла около начальника милиции. Он взял ее паспорт и открыл его. Председатель райисполкома пересчитал людей, паспорта и обнаружил, что одного паспорта не хватает. Пока он переписывал паспортные данные, начальник милиции незаметно положил паспорт Августины в карман ее пальто. Он давно знал ее и уважал.

Председатель исполкома обратился к Августине с вопросом: «Сколько раз вы уже были в этом селе?» Она, будто не слыша его вопроса, стала его просить о том, чтобы он позволил зайти в дом слепого брата, чтобы отдохнуть и подкрепиться. Завязалась беседа, которая продолжалась два часа. Были забыты голод и усталость, из села стали приходить люди, прислушивались. Кто-то спросил: «Какая же эпидемия в вашем селе?» Люди с удивлением ответили, что первый раз слышат об этом. Один из начальников вмешался в разговор: «Вот ваше адвентистское учение и есть эпидемия. Хуже всякой заразы то, что вы распространяете среди молодежи».

Местные собратья просили начальника о том, чтобы разрешил братьям зайти к ним, чтобы покушать. Получив разрешение, путники зашли в дом и первым делом быстро передали уроки субботней школы, выдержки из книг Елены Уайт и Псалмы Сиона.

Собралось человек тридцать. Сестра, торопясь, готовила обед. Она накрыла на стол, чтобы выиграть время. Суп варился необычно долго. За это время провели почти всю программу. Была произнесена проповедь, рассказывали стихотворения, много пели.

Пришел председатель сельсовета и, видя такое множество людей, которые все прибывали и прибывали, с негодованием сказал: «Когда надо людей созвать на какое-либо собрание, то не знаешь, где их найти. А на ваше собрание так и валят со всех хат, во все окна лезут».

Программа ободрила и воодушевила верующих. Машина, присланная председателем, уже давно ожидала их. Гости быстро покушали и сели в машину. Был уже вечер. По дороге они пели: «Солнце не спеша к холмам склонялось». Под горой машина остановилась. Грязи было так много, что проехать было

невозможно. Несмотря на все усилия, машина не двигалась с места. Их окружили люди. Стоя на грузовике, братья снова начали петь и рассказывать стихотворения.

Чтобы вытащить застрявшую машину, необходим был трактор. Начальство приказало трактористу вытащить машину. Это продолжалось довольно долго. И все время было использовано для славы Божьей. Шофер был сыном верующих. Он сказал: «Если бы я знал, что вас выгнали, я нашел бы причину, чтобы не поехать. Но я думал, что вы торопитесь домой».

Пока возились с трактором, сестра Августина взяла ведро и пояснив, что все очень хотят пить, побежала с ведром в сторону села, где жила одна наша больная сестра, которая не могла приходить на собрания. Она передала ей субботние уроки, помолилась с ней и вернулась обратно с ведром свежей воды.

Прицепили трактор, машина поехала. Пассажиры грузовой машины громко запели: «Непобедимое нам дано знамя». Был тихий вечер, и песнь была слышна во всей округе. Так окончилась поездка в Аргун. Семя истины было посеяно — пусть Господь его взрастит в сердцах верных людей, которые Его любят и ожидают Его славного пришествия.

В АЛЛЕЕ РОЗ

После изгнания из города Грозного Августина и Михаил Зозулины поселились в маленьком кабардинском городке Докшукино. Здесь их никто не знал, и Михаилу удалось устроиться на работу фельдшером.

С докшукинскими собратьями Августина общалась еще тогда, когда работала в городе Грозном. Собратья были очень рады появлению двух молодых сильных работников, которые подкрепляли их Словом Божьим и радовали пением и музыкой.

Настал день, когда Григорий Ворохов тоже должен был покинуть Грозный. В его паспорте на странице прописки был поставлен крест, и он не имел больше права проживать в этом городе.

Его жена Людмила осталась там, чтобы вместе со старым братом Гуцало продолжать начатое дело. Григорий приехал в Докшукино к своим дорогим друзьям, чтобы посоветоваться, где остановиться и прописаться.

С каждым днем положение становилось все тяжелее и тяжелее. Подобные вопросы решить было не легко. Еще не успели обсудить проблему Григория, как в дверь постучала Надежда Мацанова. В ее паспорте тоже был поставлен крест, и в течение трех дней она должна была оставить город Ростов.

Два юных изгнанника нашли приют у своих дорогих друзей. Здесь они чувствовали себя в безопасности – далеко от своих притеснителей, от слежки и угроз. Последние дни прошли в тревоге, и их нервы были напряжены до предела. Теперь они, физически и духовно измученные, спали непробудным сном. Они не слышали, как по утрам Михаил уходил на работу, как Августина собиралась на базар и, возвратившись, готовила обед. Часто она заходила то в одну, то в другую комнату и долго

смотрела на своих дорогих друзей, на их впалые щеки и бледные лица, на которых тяжелые переживания и усталость оставили свой след. К обеду приходилось их будить, потом они снова засыпали и спали до вечера. К ужину ребят снова надо было будить, и снова они спали до утра крепким сном.

После трех суток Надежда и Григорий отоспались и почувствовали прилив новых сил. Августина и Михаил делали все со своей стороны, чтобы развеять тревогу и ободрить их. Они посоветовали им поехать и посмотреть прекрасный курортный город Нальчик, который находился в часе езды от Докшукино.

Надежда и Григорий ходили по широким улицам города, глубоко вдыхали свежий весенний воздух. Надежда называла его воздухом свободы. Она говорила: «Гриша, мы с тобой сегодня свободные граждане. Ходим по просторным улицам Нальчика. Какое же это прекрасное чувство, когда ты можешь быть уверен, что никто за тобой не следит, никто не гонится, что не угрожает опасность быть арестованным на улице и заключенным в тюрьму! Так свободно и безопасно мы с тобой не могли бы ходить по улицам Грозного и Ростова».

Григорий грустно улыбался.

– Гриша, читал ты когда-нибудь книгу «Хижина дяди Тома»? – спросила Надежда.

– Читал в детстве,– ответил Григорий,– но почему ты вспомнила эту книгу?

– Помнишь, как Элиза и Джордж находились на корабле и после долгих тяжелых переживаний восторгались свободой? Им казалось, что это какой-то чудесный сон, и они боялись потерять это великое счастье,– ответила Надя.

– Помню, Надя. Но это была настоящая свобода, а у нас с тобой только воображаемая. Скоро мы должны будем покинуть это уютное убежище и поехать – сами не зная куда – искать место, где можно жить и работать, а это ведь так трудно: в наших паспортах кресты! – рассуждал Григорий.

Они вошли в аллею роз. Стоял февраль, но уже пахло весной. На деревьях и кустах набухали почки. Первая вестница весны – короткая травка выглядывала из сырой земли, как бы опасаясь и вопрошая: «Не рано ли, не сразит ли меня суровая безжалостная зима?»

Широкие скамьи по обеим сторонам аллеи приветливо приглашали присесть, немного отдохнуть и помечтать о той красо-

те, которая скоро придет сюда, когда пригреет солнышко и пробудит растения от зимней дремоты.

— Гриша, здесь было бы интересно побывать летом. Говорят, что в этой аллее растут такие розы, каких нет нигде в Советском Союзе. Они имеют разные цвета: как капли крови, нежно-кремовые, белые, как облака, темно-коричневые, темно-синие, и, говорят, даже черные. Помнишь, стихи из пророка Исаии о будущей славе, о новой земле: «Возвеселится пустыня и сухая земля, и возрадуется страна необитаемая, и расцветет как нарцисс. Великолепно будет цвести и радоваться, будет торжествовать и ликовать; слава Ливана дастся ей, великолепие Кармила и Сарона; они увидят славу Господа, величие Бога нашего» *(Ис. 35:1–2)*. Какое прекрасное описание новой земли, какая поэзия и какая красота! — сказала Надежда.

— Много прекрасного есть и на этой земле,— задумчиво отозвался Гриша,— но еще более прекрасное, не постижимое нашему уму обещает Господь. Вот бы тоска не угнетала душу! Надя, у тебя еще нет семьи и ты не знаешь, что значит быть в разлуке с ней. Я очень скучаю по Люсе и Леночке. На днях я получил письмо от Люси. «Тебя ищут, как злейшего врага, часто приходят и проверяют, не прячешься ли ты дома. Уже стало холодно, и у меня нет дров, чтобы топить печку. Мы начали собираться во дворе. Однажды во время богослужения во двор заехала автомашина, из нее выскочили несколько человек в белых халатах, вытащили из машины какие-то бочонки и стали из шланга поливать весь двор резко пахнущей жидкостью. Запах был настолько отвратительным, что нам пришлось разойтись. Он распространился по всем дворам, и соседи, которые раньше над нами издевались, стали теперь жалеть и защищать нас. Похолодало, и мы стали собираться в нашей маленькой комнатке. На Новый год готовим программу. Намереваемся провести торжественное собрание. Изучаем новые псалмы, стихотворения. Вчера ходили к братьям-баптистам на беседу. Говорили о тысячелетнем царстве и о состоянии мертвых. Это были для них новые истины. Все слушали с большим интересом. Какой великий свет даровал Господь Своему народу в последнее время!»

Григорий продолжал: «Надя, это лето было очень тяжелое, было очень много горя и скорбей. Все лето приходили и разгоняли нас, натравляли на нас легкомысленную молодежь, проводили лекции, показывали нас по телевизору, на работе часто на-

поминали об адвентистах и призывали на борьбу с „этими мракобесами". Мое имя и имя сестры Августины было известно всему городу. Нас опорочили и оклеветали. Иисус сказал: „Блаженны вы, когда возненавидят вас люди и когда отлучат вас и будут поносить, и пронесут имя ваше, как бесчестное, за Сына Человеческого" *(Лк. 6:22)*. Последний раз я приехал поздно вечером, перепрыгнул через забор и подошел к дому. Бобик собрался приветствовать меня радостным лаем, но я успел вовремя успокоить его. „Ты должен быть умницей, мой песик,– учил я его – о моем приходе не должны знать соседи". Он как будто понял мое предупреждение и, прижавшись ко мне, тихо визжал. Я осторожно подкрался к окну. В нашей маленькой комнатке проходило богослужение. Я услышал тихое пение и чтение Евангелия: „Да не смущается сердце ваше: веруйте в Бога и в Меня веруйте. В доме Отца Моего обителей много; а если бы не так, Я сказал бы вам: Я иду приготовить место вам. И когда пойду и приготовлю вам место, приду опять и возьму вас к Себе, чтоб и вы были, где Я" *(Ин. 14:1–3)*. Я слышал молитвы собратьев, они молились и обо мне. После богослужения, когда все стали расходиться, я спрятался».

– Почему ты не хотел встретиться с собратьями и прятался? – спросила Надежда.

– Потому что я знал, что их вызывают на допросы и спрашивают обо мне, и чтобы им было легче отговариваться, что они ничего не знают, я решил не показываться,– ответил Григорий и продолжал,– когда все ушли, я подошел к окну. Люся сидела у окна в глубоком раздумье. Снова она осталась одна. Сколько тоски и печали было в ее юном, почти детском лице. Я тихо постучал, она испуганно посмотрела в окно, наверное, подумала, что снова пришли меня искать. Однажды было так, что поздно вечером милиционер перепрыгнул через забор и силой ворвался в комнату. Он искал меня... Я тихо отозвался, она с радостью побежала открывать дверь. Она рассказала о том, как на двери собрания поставили три печати, опечатали сарай, о том, как стали собираться во дворе, а потом в нашей маленькой комнате. Хотя и было тесно, но все радовались и этой возможности. Угрожали отнять ребенка, хорошо, что его не было дома.

– О, Гриша, какая же у вас была радостная и неожиданная встреча! – воскликнула Надежда.

– Разве можно назвать ее радостной, если, посидев несколь-

ко часов и выслушав эти печальные новости, я снова должен был скрываться,— задумчиво произнес Григорий.

— Гриша, я тоже тоскую по своим родителям. Когда меня под стражей отвели в милицию, я должна была подписаться под распоряжением в течение трех дней оставить город. В противном случае мне грозили двумя годами тюремного заключения. Такая же участь ждала и моего отца. Сейчас я не знаю, что с ним и где он. Бедная мама, возможно, осталась одна, не зная о нас ничего. Чтобы прогнать мрачные мысли, давай лучше вспомним наше прекрасное время,— вдруг переменила разговор Надежда,— а как ты думаешь, что я имею в виду? — спросила она.

— Конечно, наши ростовские торжественные собрания,— уверенно ответил Григорий,— наших друзей и нашу совместную работу!

— Я помню, Гриша, как ты первый раз пришел на собрание. Ты был тогда такой робкий! Мы все окружили тебя и предложили оставаться на наши спевки. Помнишь, мы готовились к Новому году? Это было какое-то особенное собрание. Брат Титоренко только что вернулся из лагеря, и было много гостей из других городов.

Надежда с увлечением вспомнила и первое торжественное собрание: «Это было 18 ноября 1955 года. Кто мог тогда представить, что столько прекрасных торжественных собраний будет проведено в этом доме, что столько вдохновения и силы получит молодежь и столько дорогих душ присоединится к церкви Христовой!

Молитвенный дом в Ростове начали строить летом 1955 года, но после запрета строительство долго не могло возобновиться. В то время церковь пребывала перед Господом в посте и молитве. Господь услышал и помог. Было получено разрешение снова начать работу. О, какие это были тревожные дни! Точно, как во дни Неемии и Ездры! Когда было открытие молитвенного дома, со стен стекала вода, полы не были покрашены, на дверях не было ручек, дул сильный ветер, и дверь все время открывалась. Мама весь вечер стояла у дверей, держа ее за веревочку, чтобы она не открывалась, и плакала от радости. Папа стоял на кафедре и так разволновался, что не мог говорить. Все было точно так, как во время Неемии, когда люди, потрясенные до глубины души, радовались и плакали.

На открытии молитвенного дома еще не было так много приезжих, многие не знали об этом. Но зато на Новый год сколько было молодежи из разных городов! Они собирали материал и проводили такие же торжественные собрания в своих общинах».

– Надя, а какие были незабываемые крещения! Вместе со мною принимали крещение 24 человека, и почти все – молодые. После крещения нас торжественно приняли в хор, и хор после каждого крещения пополнялся,– подхватил Григорий.

Вспомнили, как первый раз пришел на богослужение Борис Селиванов. Он тогда работал летчиком и учился заочно в авиационном институте. Он очень спорил с братом Титоренко, доказывая, что Бога нет. Несмотря на споры, он продолжал посещать богослужения. Особенно его интересовала музыка. Однажды он подошел к фисгармонии и спросил, что разучивает хор. Григорий пригласил его присоединиться к молодежному кружку и обещал научить читать ноты. Тогда Борис великодушно промолчал о своем музыкальном образовании и благодарил за предложение.

История его обращения была очень интересной. Конечно, большую роль в этом сыграли молодежный кружок, хор, струнный оркестр. Е. Уайт писала: «Молодежь, посвятившая себя Богу, оказывает могущественное доброе влияние на людей. Проповедники и пожилые члены не в состоянии повлиять на молодых людей и наполовину того, как это могут сделать их посвященные Богу друзья-ровесники».

Григорий и Надежда вспомнили, как они ездили в Азов и Шахты. Теперь в тех местах прекрасные общины, а когда-то было всего несколько старушек. Господь благословил там работу брата Владимира Сорокина. Теперь он тоже в опасности и неизвестно, что его ожидает,– гонения или тюрьма! Так прохаживаясь по тропинкам воспоминаний, они забыли о своих переживаниях.

Надежда снова с воодушевлением заговорила: «Вот мы с тобой сидим в этой аллее, и пока здесь нет ничего привлекательного. Кругом грязь, серо, уныло. Небо заволокло темными тучами. Но кто может убедить нас в том, что здесь будет так всегда? Нет, мы уверены, что скоро деревья покроются пышной листвой, скоро зазеленеет травка и зацветут розы... Гриша! Розы вечности уже в бутонах и скоро, очень скоро раскроются. Благо-

ухание лучшей страны уже чувствуется. Может быть, наше изгнание является только началом наших предстоящих страданий, может, мы еще удостоимся умереть славной смертью мучеников и будем причислены к этому великому полчищу, о котором написано в Откровении: «И видел я как-бы стеклянное море, смешанное с огнем; и победившие зверя и образ его, и начертание его и число имени его, стоят на этом стеклянном море, держа гусли Божии, и поют песнь Моисея, раба Божия, и песнь Агнца, говоря: велики и чудны дела Твои, Господи Боже Вседержитель! праведны и истинны пути Твои, Царь святых!» *(Откр. 15:2, 3)*.

День клонился к вечеру. Над землей расстилался туман, начал сеять мелкий дождь. Долго они сидели молча. Каждый думал свою грустную думу.

— Гриша, пойдем домой,— тихо сказала Надежда— а то наши дорогие уже давно ожидают нас.

— Надя, у нас нет дома, мы с тобой изгнанники,— ответил Григорий.

Медленно они шли по аллее роз и тихо пели: «Есть вечной радости страна»...

ПОСЛЕДНЕЕ ТОРЖЕСТВЕННОЕ СОБРАНИЕ В РОСТОВЕ

Торжественные собрания! Кто может оценить их благословения! Наша молодежь, которая перемалывалась в обстоятельствах этой жизни как пшеница между жерновами, съезжается с разных мест, чтобы подкреплять друг друга, делиться опытами и переживаниями, получить ободрение и новые силы. На субботних собраниях передаются приветы от общин разных городов. Передаются приветы также из вновь организованных общин, где работают наши молодые герои. Приветы с юга, с запада, с востока и с севера. Даже были собратья из далекого Китая! Эти приветы объединяют, несут тепло и радость, потому-то власти и запрещают их передавать.

Наступил новый 1959 год. Снова наша неутомимая молодежь готовилась к торжественным собраниям. Выбрали тему: «Библия». В этот раз съехалось так много молодежи, как никогда раньше. Кто знает, может, их сердца чувствовали, что это собрание будет последним?

На возвышении стоял стол, на нем лежала Библия большого формата. На ней лежали все меньшие и меньшие, и заканчивалась эта пирамида маленькой Библией на английском языке. Звучали песни и стихотворения о Библии. Несмотря на запрет, маленькие дети принимали участие в программе, и это особенно украшало богослужение.

Собрав новый материал — песни, стихотворения, прозу,— молодые люди разъехались, чтобы провести подобное торжественное богослужение в своих общинах.

После этого торжественного собрания Надежду, нашу дочь, вызвали в милицию и приказали в течение трех суток покинуть город Ростов. Такой же приказ был дан и ее отцу.

Духовная работа была прервана. Дочь и отец должны были выехать из города Ростова, а я осталась одна, не зная, где они находятся.

Работа на Кавказе была приостановлена, но Бог приготовил другое поле работы, где дорогие души ждали подкрепления, утешения, наставления в истине. Это большое поле — СИБИРЬ.

ОТЧЕТ РУКОВОДИТЕЛЯ КАВКАЗСКОГО ПОЛЯ ТИТКОВА П. Г.

В 1956 году на Кавказе было:

Членов церкви АСД	—	**400**
Общин	—	**4**
Проповедников	—	**4**

В 1962 году на Кавказе стало:

Членов церкви АСД	—	**1100**
Общин	—	**23**
Проповедников	—	**23**

СИБИРЬ

Мы оставили юг в конце лета 1959 года, когда сильная жара стала спадать. Лето было необыкновенно жаркое и сухое. Фруктовые деревья принесли плохой урожай. Только виноградные лозы, корни которых проникают глубоко в землю, красовались прекрасными гроздьями.

Наш поезд следовал в Сибирь. На вторые сутки после Москвы пейзажи средней полосы начали постепенно переходить в северные. Поезд мчался то через леса, то через необъятные просторы, которым, казалось, не будет конца.

Далекая Сибирь! Да, действительно, она далекая. Трое суток надо ехать от Москвы до Новосибирска. Эта дорога полна печальных памятников. Приблизительно на середине пути, там, где кончается Европа и начинается Азия, стоят старинные каменные ворота, на которых еще видны выцарапанные слова: «Прощай Россия! Здравствуй, проклятая Сибирь!..»

Это напоминает то время, когда еще не была построена железная дорога, когда в лютые зимние морозы пешком гнали людей, скованных между собой кандалами. Сибирь в то время была местом ссылок. Название «Сибирь» заставляло содрогнуться человеческое сердце, ибо оно таило в себе много страданий и горя.

Строительство Сибирской железной дороги стоило многих человеческих жизней. Прекрасно описал печальную картину подобного строительства Некрасов в своем стихотворении «Железная дорога».

В вечерней мгле лес стоял в безмолвии и казался исполненным глубоких дум и невыразимой тоски. Темно-зеленые ели дышали грустно и тяжело, как будто за минувшие годы они вобрали в себя всю печаль измученных человеческих сердец.

В годы жестоких гонений по этой дороге отправляли и наших дорогих собратьев. Их глаза глядели на эти просторы и темные леса. Их печальные вздохи и горячие молитвы возносились к небу. Будущее не обещало им ничего хорошего. Среди этих просторов находится много безымянных могил. Над ними не возвышаются памятники, они не украшены цветами. Скорбящие родные и друзья никогда не приходят сюда, чтобы тихо поплакать над могилой дорогого усопшего. Такие одинокие могилы разбросаны по всему СССР.

Разве эти одинокие могилы преданы вечному забвению? О, нет! Они бесконечно дороги нашим сердцам! Над ними пронзенной Рукой начертана надпись: «Здесь покоятся те, которые возлюбили Спасителя более, нежели свою жизнь».

В Новосибирск мы прибыли 1 сентября 1959 года. В Сибири осень прекрасна! Природа как будто останавливается, чтобы оглянуться на быстро пролетевшее лето. Здесь нет тех надоедливых дождей, какие бывают на юге. Долго держится сухая и ясная погода, долго цветут осенние цветы — георгины, астры. Прекрасны осенние ночи! С небесных высот луна льет свой тихий свет на землю. Вечные звезды, как ласковые очи, глядят на сибирские просторы. Да! Какая ширь, какие дали!..

Быстрыми шагами приближалась зима. Выпал первый снег. Сибиряки говорят, что обыкновенно с третьим снегом устанавливается зима. Так оно и случилась. Величественно спокойная, она села на свой трон, облекшись в ослепительно-белую мантию, держа в своей руке могущественный скипетр — мороз. Вызывающе она глядит на солнце, которое сквозь морозный туман светит так слабо и тускло, будто не решается вступить в борьбу с этой грозной королевой — сибирской зимой.

Сибирская зима... Как величественна она своей суровой красотой! Леса, окутанные мягкой белой пеленой, стоят в безмолвной тишине. Все звуки жизни будто скованы морозными цепями. Тихо и торжественно падают миллиарды крохотных кристалликов — снежинок. Они покрывают темные леса, овраги. Падают на спину подвижной белочки, прыгающей с дерева на дерево, и на мою протянутую руку. О, белое сказочное царство, мир неведомых чудес! Это маленькие бриллианты. Каждый из них имеет неповторимую форму и красоту. Некий естествовед во время сорокалетнего исследования снежинок сделал несколько тысяч фотоснимков и не нашел ни одной снежинки, которая

была бы похожа на другую. Та же Рука, Которая создала звездный мир и бесчисленные планеты, формирует и крохотные прекрасные снежинки.

Тишина заснеженного леса настолько величественна, что сердце невольно замирает. И в этой торжественной тишине ощущается присутствие Всемогущего и как бы слышится Его голос: «Если будут грехи ваши, как багряное,— как снег убелю». Миллионы людей, сердца которых были испачканы грехом, находили в этом чудесном обетовании надежду на прощение и, очистившись в крови Божественного Агнца, стали белее снега.

НАЧАЛО ДУХОВНОЙ РАБОТЫ

И призвавши их, приказали им отнюдь не говорить и не учить об имени Иисуса. Но Петр и Иоанн сказали им в ответ: судите, справедливо ли пред Богом — слушать вас более, нежели Бога? Мы не можем не говорить того, что видели и слышали.

Деян. 4:18–20

Наступали молитвенные дни последней недели года. Эти благословенные дни объединяют народ Божий по всему земному шару. Подобно канату, который связывает альпинистов, поднимающихся по крутым скалам к горным вершинам, молитва связывает детей Божьих друг с другом и с троном Всевышнего такими сильными узами, что их не может порвать никакая земная сила.

В прошлом году на долю многих из детей Божьих выпали тяжелые испытания. В ярком сиянии Божественного огня, переплавляющего несовершенства характера, они увидели себя. Горячие молитвы о чистоте сердца возносились к Богу. Также возносились молитвы глубокой благодарности за прожитый год. В прекрасном псалме, который волнует сердца и вызывает слезы, мы выразили свою глубокую благодарность Господу за прожитый год:

За все Тебя, Господь, благодарю я:
За испытанья, трудности в пути,
За слезы, радость, скорби и страданья,
За все, за все, что мне даруешь Ты.
Благодарю Тебя за утешенье,
Что Ты так часто мне в любви давал,
Благодарю за горькие лишенья,
Что в испытанье Ты мне посылал.

Дети Божьи молятся друг за друга каждый день. Но молитвенные дни особенным образом объединяют народ Божий по всему земному шару. Мы вспоминали своих дорогих собратьев в далекой Африке, в Австралии, в Америке и в Европе. Мы были уверены, что и они молятся о нас, зная о наших переживаниях.

Многие из наших собратьев имели возможность во время молитвенной недели собираться вместе без всяких препятствий, спокойно выслушать проповедь, молиться и петь. Их сердца не вздрагивали при каждом лае собаки или скрипе двери. Наше же молитвенное собрание было прервано вторжением жестоких людей. Пять пьяных мужчин ворвались в помещение. Двое из них, увидев среди молящихся своих жен, стали их избивать. Один стоял у двери и кричал: «Убивай до смерти, за сектантов ответа не потребуют».

Несколько братьев пытались вступиться за сестер, но так же были избиты. Сестра Александра только утром была выписана из роддома и в тот же вечер пошла на собрание, где была так избита, что ее жизнь оказалась в опасности. Она обратилась к врачу и со справкой о побоях пошла к прокурору. Там ей сказали: «Не ходи на собрания и не будешь бита».

Когда произошло это нападение, одна из сестер побежала в милицию. Узнав, что все происходит в молитвенном доме, милиционеры отказались прийти на помощь, отговариваясь тем, что это семейная ссора, и нечего туда вмешиваться.

Седьмого сентября в городе Кемерово было назначено торжественное собрание. Съехалось много собратьев из сибирских городов: Новосибирска, Томска, Омска, Иркутска, Сталинска, Усть-Каменогорска и других. У всех собратьев были тяжелые переживания. Некоторые из них были лишены работы, другим это предстояло испытать в скором будущем. В такие моменты невольно содрогается слабое человеческое сердце, задаваясь вопросом: что же будет дальше? Ведь у каждого семья, малые дети... Как жить?

Тема торжественного богослужения была как бы ответом на эти тревоги исстрадавшихся сердец. На стене висела картина, прекрасно исполненная молодым художником Виктором Семиным. Терновый венец, с которого капала кровь, окаймляла надпись: «Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное». Картины жизни первых христиан, их самоотречение и преданность Господу — все это предстало в живых и ярких красках перед глазами слушателей. Они — наши собратья, жив-

ние 19 столетий назад, были оклеветаны перед обществом того времени. Их считали врагами народа, злодеями, фанатиками, творящими темные дела. Их даже обвинили в поджоге Рима! Сотни из них умирали на арене римского амфитеатра смертью величайших преступников. Они являются примером стойкости христиан всех времен.

Сколько сил придавали верующим торжественные собрания! Когда хор в сопровождении струнного оркестра пел «Жить для Иисуса, с Ним умирать – лучшую долю можно ль желать?», казалось, что все присутствующие готовы, как первые христиане в свое время, идти и умереть за своего Спасителя. Такие собрания вдохновляли людей быть верными Спасителю, ведь они должны были вернуться в суровую обыденную жизнь: трудиться, бороться, переносить насмешки, незаслуженные обвинения, оскорбления, клевету, угрозы... «Жить для Иисуса – крест поношений бодро сносить!»

Как-то мы получили письмо от Августины и Михаила Зозулиных, которые трудились на ниве Божьей в городе Кемерово. Вот что писала Августина: «...Мы очень хотели вас видеть. Наши дни – это дни серьезной борьбы со злом и властью тьмы. Мы с Мишей тоже решили идти прямо, не сворачивать и не искать окольных путей, даже если этот прямой путь ведет в тюрьму или к смерти. Хоть эти дни и суровы, но они так прекрасны и чудесны! Мы благодарим Господа, что можем быть свидетелями Его правды в эти дни. Иногда я очень плохо себя чувствую. Видимо, все пережитое теперь дает о себе знать, но я не унываю».

Последний день 1959 года. На новогоднее торжественное собрание в город Новосибирск съехались собратья из сибирских городов и сел. Были трогательные встречи. Некоторые братья многие годы жили в одиночестве, переносили гонения и лишения. Когда-то Новосибирск был центром адвентистского движения в Сибири. Но жестокие гонения не обошли и этот город. Многие из общины были арестованы, а другие рассеяны.

Прошел последний день 1959 года. Лучи заходящего солнца озарили город. Наступил святой день покоя. Когда стемнело, мы отправились в молитвенный дом, который находился далеко за городом. Маленькое помещение было переполнено. Большая часть присутствующих стояла. Хотя было жарко и душно, каждый был согласен терпеть неудобства, лишь бы слышать поучения из Слова Божьего.

После богослужения и братского приветствия все тихо разошлись с надеждой снова встретиться завтра.

Но в субботу утром дом был окружен тридцатью милиционерами. Они никого не пускали в помещение, несмотря на просьбы. Некоторых отвезли в отделение милиции. Там их продержали двое суток, после чего принуждали подписать отречение от веры в Бога.

«И призвавши их, приказали им отнюдь не говорить и не учить об имени Иисуса. Но Петр и Иоанн сказали им в ответ: судите, справедливо ли пред Богом — слушать вас более, нежели Бога? Мы не можем не говорить того, что видели и слышали» *(Деян. 4:18–20)*.

С сияющими лицами, как в свое время апостолы, братья вернулись из отделения милиции и рассказывали о пережитом. Один из молодых людей, который не решался принять крещение, ибо не имел силы бороться за день святой, после этого случая смело заявил на работе, что впредь не может нарушать святой день Господень.

У собратьев, которые находились в молитвенном доме, были взяты данные о том, кто где живет и работает.

1959 год был тяжелым для народа Божьего. Пришлось перенести много скорбей. Большая часть молитвенных домов была закрыта. Верующих, которые собирались по домам, постоянно преследовали. Хозяева молитвенных домов облагались денежными штрафами. В газетах появились статьи, одна другой ужаснее. Народ Божий выставляли лжецами, растратчиками, ворами и убийцами. Появились чудовищные описания «деяний» одного пресвитера. Писали о том, что он в молодости крал скот, убивал людей. Соседи знали его с детства как честного человека. Но всю эту ужасную клевету нужно было переносить молча, надеясь на помощь Господа.

«Ибо слышу злоречие многих; отовсюду ужас, когда они сговариваются против меня, умышляют исторгнуть душу мою. А я на Тебя, Господи, уповаю; я говорю: Ты — мой Бог. В Твоей руке дни мои; избавь меня от руки врагов моих и от гонителей моих» *(Пс. 30:14–16)*.

Чудесные технические открытия последнего времени были использованы для того, чтобы опорочить и высмеять имя Всемогущего Творца. Этой же цели служили литература и выступления лекторов. Одна за другой издавались книги, брошюры

и журналы. Были приложены все старания, чтобы выставить смешным и отвратительным имя Бога, религию и верующих.

Он — наш Первосвященник, находящийся в небесной славе, в неприступном свете, ходящий посреди золотых светильников, Он — наш Ходатай и Заступник, имеющий неограниченную силу и в то же время полный милосердия и любви к Своему страждущему народу в эти дни беспрерывных гонений и скорби. И среди этого шума проклятий, насмешек и оскорблений ухо веры слышало «...как-бы голос многочисленного народа, как-бы шум вод многих, как-бы голос громов сильных, говорящих: аллилуия! ибо воцарился Господь Бог Вседержитель» *(Откр. 19:6)*. И глаза веры взирали на славный день избавления, завершающий историю нашей земли.

«И видел я как-бы стеклянное море, смешанное с огнем; и победившие зверя и образ его, и начертание его и число имени его, стоят на этом стеклянном море, держа гусли Божии, и поют песнь Моисея, раба Божия, и песнь Агнца, говоря: велики и чудны дела Твои, Господи Боже Вседержитель! праведны и истинны пути Твои, Царь святых!» *(Откр. 15:2, 3)*.

И с каким рвением и жадностью жаждущего изнемогшего путника читали в то время последние главы из чудесной, но редкой в нашей стране книги «Великая борьба», которые придавали силы идти вперед, страдать, бороться и побеждать.

Когда осенью сестра Екатерина Короленко посетила в лагере своего мужа, нашего дорогого и горячо любимого друга, то он просил ее передать такие слова: «Скажи брату Павлу Мацанову, что я хотел бы еще раз видеть его, сказать ему несколько слов, а потом умереть». Шел пятый год его заключения. Прошли годы тяжелых переживаний, одиночества и гнетущей скорби, сердце устало и жаждало покоя...

Когда Иоанн Креститель находился за тюремными стенами, его сердце тоже уставало от тоски и ожидания. Но Христос, зная об этом, сказал: «Пойдите, скажите Иоанну, что вы видели и слышали: слепые прозревают, хромые ходят, прокаженные очищаются, глухие слышат, мертвые воскресают, и нищие благовествуют; и блажен, кто не соблазнится о Мне!» *(Лк. 7:22, 23)*.

По особому провидению Божьему, в нашу страну стали проникать Чтения для молитвенной недели. Разве мы могли читать их равнодушно? Разве наши сердца не трепетали от радостного волнения, слыша о том, что Трехангельская весть в великой си-

ле победоносно идет вперед, что капли позднего дождя уже падают на нашу планету, совершая великое и обращая людей к Господу? И вот, эту весть о победе дела Божьего, эту радостную весть мы могли сообщить нашим дорогим узникам.

Разве наша страна была тогда оставлена без милости Божьей? О, нет! Капли благословенного дождя Духа Святого были принимаемы в трудностях и долготерпении, плодами же дождя явилась горячая любовь к Спасителю и готовность переносить гонения и лишения без ропота и быть верными ему до смерти!

* * *

Несмотря на затруднения, каждый год несколько сот человек принимали истину. В эти дни мы нуждались в особой силе, чтобы все вынести. И эта сила была нам дана. Особенно тяжелая участь выпала на долю наших молодых работников. Проработав в одном месте 2—3 месяца, они снова оказывались в числе безработных, которым угрожала высылка и конфискация имущества. Их фамилии были занесены в «черные» списки, и было мало надежды найти новую работу.

После гонений и увольнений на Кавказе брату Григорию Ворохову пришлось пережить то же самое и в городе Омске. Его уволили с работы, провели в его доме обыск и выслали из города. Взяв семью, троих малых детей, он переехал в город Петропавловск.

Маленькая группа собратьев собиралась тогда в Петропавловске на квартире у одной сестры. Но скоро стало известно, что в город приехал молодой проповедник, за ним стали следить. Однажды субботнее богослужение было прервано вторжением милиционеров. Всех переписали и пригрозили в случае дальнейших собраний выслать из города.

В то время наша семья тоже находилась в разлуке. Мой муж вынужден был переехать в Томск, и, несмотря на возраст и слабое здоровье, должен был работать на стройке. Я поехала к нему. Неожиданно для нас приехал Григорий Ворохов, чтобы посоветоваться, как поступать дальше. У него было очень мало времени, он торопился на самолет, потому что на следующий день должен был быть на работе. Мы пошли с ним на стройку, где работал мой муж. Он был занят работой и не мог уделить брату более 10 минут. Григорий поспешно рассказал о своем положении и просил совета, как поступить: переезжать ли ему и куда?

Павел Андреевич слушал, глядя на него с глубокой грустью. Он любил молодых работников, как своих родных детей — этих героев веры, воинов Христа, которые подвергались опасностям, но шли вперед, созидая святое дело Евангелия.

Какой совет он мог дать? Положение собратьев было везде одинаково и с каждым днем становилось все хуже. И он сказал: «Останемся пока на местах и будем готовы ко всему».

После увольнения с работы в городе Кемерово брат Михаил Зозулин нигде не мог устроиться. Ему везде отказывали, так как фамилия его была уже известна. Наконец было вынесено решение выслать его. В таком же положении находились и братья на Дальнем Востоке. Вениамин Кучерявенко скитался семь месяцев, будучи в разлуке со своей семьей. Николай Игнатов несколько раз был уволен и предупрежден, что в случае продолжения духовной работы у него отнимут детей.

В эти тяжелые дни нужно было иметь терпение, и Господь даровал силу перенести все и в таких тяжелых условиях продолжать Его дело.

* * *

В каждой семье бывают даты, связанные с каким-нибудь событием — либо радостным, либо горестным. 14 апреля 1960 года происходил обыск в нашем доме.

Когда мы с мужем вернулись из города Кемерово, где проводилось торжественное собрание на тему «Строительство храма», то нашли свою квартиру в таком состоянии, какое может быть только после стихийного бедствия. Несколько картин было сорвано со стен, другие висели криво, в стенах зияли глубокие дыры, штукатурка осыпалась, одежда и другие вещи были разбросаны по всей квартире.

Обыск продолжался 12 часов. Часть книг была увезена, часть — сложена в чемоданы. Забрали 55 магнитофонных лент, на которых были записаны проповеди, программы торжественных богослужений, стихотворения и песни.

Во время обыска дома были наша дочь, зять и Александр и Валентина Ивановы, которые гостили у нас. О случившемся они рассказали следующее: «Утром, когда было еще темно и мы спали, вдруг раздался резкий продолжительный звонок и громкий стук в дверь. После того, как мы открыли, в комнату с большим шумом вошли шесть человек и грозно закричали: «Руки

вверх!», после чего нас тщательно обыскали. Потребовали предъявить оружие и драгоценности. Таких вещей в нашем доме никогда не было. Последовал обыск. Пересмотрели каждую книгу, бумагу, записочку, растрясли каждую тряпочку, стучали в стены, лазили на чердак, спускались в подвал, обыскивали сарай. В доме было холодно, но топить не разрешили. Каждый из нас должен был сидеть спокойно, не двигаясь с места. Разговаривать между собой было строго запрещено. Все эти действия сопровождались насмешками, упреками и угрозами. После того, как они ушли, мы преклонили колени и молились. Благодарили Господа за то, что удостоились иметь участие в страданиях народа Божьего, молились и о своих гонителях».

После их ухода у нашей дочери появилось тревожное чувство. Ей казалось, что в доме кто-то из них остался. Она пересмотрела все углы, но никого не нашла. Это чувство сопровождало ее и в последующие два дня. Только на третий день она обнаружила этого «чужого» — им были два чемодана, оставленные в двух комнатах. Через дорогу, напротив нашего дома, за высоким забором стояла машина, которая принимала радиосигналы, посылаемые подслушивающим устройством, спрятанным в этих чемоданах.

Так поступают, конечно, только с опасными преступниками, но как наш Спаситель был причислен к злодеям, так и Его последователи не избегут подобной участи.

В первые дни, не имея ни малейшего подозрения, что наши слова передаются через чемоданы, мы рассказывали пришедшим собратьям о случившемся. Мы вместе молились и советовались, как вести впредь дело Божье в случае арестов. Мы готовились в аресту, как к неизбежному предстоящему событию. Мы стояли около чемодана, который находился в нашей комнате, и говорили о предстоящей разлуке. В глазах моего мужа не было страха, но они отражали глубокий душевный мир.

«Мы уже состарились,— спокойно сказал он,— уже 35 лет трудимся на ниве Божьей. Теперь пришло время запечатлеть наш жизненный труд последними страданиями, а может быть, и смертью. Чего лучшего мы могли бы желать? Мой арест послужит только для блага дела Божьего. Особенно для молодых работников это будет большим ободрением, и они еще более ревностно и безбоязненно будут совершать святой труд и дело Божье, которое никто не в силах остановить!»

Последующие дни мы ожидали ареста и спокойно к этому готовились. Но на этот раз он миновал. Последовали вызовы в милицию, которые длились целый месяц. Многие из собратьев нашей страны знают, что значат эти вызовы. Это клевета, насмешки, угрозы, стук кулаком по столу, ругательства. Подобная картина представлена в словах Псалмопевца: «Которые изострили язык свой, как меч; напрягли лук свой – язвительное слово, чтобы втайне стрелять в непорочного; они внезапно стреляют в него, и не боятся. Они утвердились в злом намерении; совещались скрыть сеть; говорили: кто их увидит? Изыскивают неправду, делают расследование за расследованием даже до внутренней жизни человека и до глубин сердца» *(Пс. 63:4–7)*.

Каждый день, находясь под угрозой ареста, мы прощались навсегда. Каждый день был днем горячих молитв и исследования своих сердец.

До 1947 года мы жили в Латвии. Мой муж занимался евангельской работой и, помимо этого, был редактором журнала «Обзор мировых вопросов». В этом журнале были напечатаны статьи о безбожии. Особенно придрались к статье «Может ли человек быть счастлив без веры в Бога». За эту статью угрожали десятью годами тюремного заключения и обещали скоро выполнить эту угрозу. Утром после молитвы, перед уходом в отделение милиции, дочь открыла свою Библию и ее взор упал на стих, записанный в книге пророка Исаии, 49 главе, 13 стихе: «Радуйтесь, небеса, и веселись, земля, и восклицайте, горы, от радости; ибо утешил Господь народ Свой и помиловал страдальцев Своих».

Эти слова ободрили нас и подкрепили. Как прекрасны обетования, записанные в вечной Книге, и милостивый Господь дает через них утешение в трудные минуты жизни!

Хотя мы и не знали, каким будет исход дня, но полагались на Господа. Однажды к вечеру муж вернулся домой и прежде чем ответить на наши вопросы, радостно и торжественно произнес стих: «Господь сказал: конец твой будет хорош, и Я заставлю врага поступать с тобою хорошо во время бедствия и во время скорби» *(Иер. 15:11)*.

Когда окончились допросы, мой муж уехал на юг. Он посетил молодых работников на Кавказе, которые твердо стояли на своих постах, ежедневно подвергаясь опасностям и гонениям. Это были чудесные встречи. Каждый из них мог рассказать о перенесенных трудностях и о видимой помощи Отца Небесного.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ СУДЫ

Если злословят вас за имя Христово, то вы блаженны, ибо Дух славы, Дух Божий почивает на вас: теми Он хулится, а вами прославляется.

1 Петр. 4:14

В давние годы гонений верующих судили тайно. Теперь же старались делать это всенародно, сажая на так называемую «скамью позора».

СТЕПАН ЗАЙЦЕВ

Прошла долгая суровая сибирская зима. Подули свежие весенние ветры. Но еще кругом лежали большие снежные сугробы. Со страхом мы смотрели на них и думали: какая же сильная жара нужна для того, чтобы они растаяли! Сибиряки улыбались: посмотрите, через несколько дней ничего от них не останется!

Пришла весна, прекрасная сибирская весна! Деревья начали покрываться листвой. Легкий весенний ветерок быстрыми нежными пальцами перебирал бледно-зеленые листочки только что распустившейся березы. Ему хотелось коснуться каждого из них, каждому шепнуть: «Не бойтесь! Суровая безжалостная зима уже прошла, распускайтесь, благоухайте, радуйте утомленные человеческие сердца своей зеленой свежестью, своим живительным ароматом!»

Несмотря на прелесть весны, сердца верующих были наполнены тяжелым предчувствием. Надвигались новые тучи гонений.

Везде были расклеены плакаты с призывами вступить в борьбу с пьянством, хулиганством и тунеядством. Для этой цели были использованы все средства массовой информации. Подобные призывы звучали и раньше, но на закрытых собраниях. Теперь же они провозглашались всенародно. Хотя о «сектантах» не го-

ворили, мы знали, что эти стрелы направлены больше против верующих и что многим придется пройти тернистой дорогой.

Братья Степан Зайцев, Юрий Мориц, Степан Дубняк, Иван Синенко, Николай Игнатов и Василий Вендин были арестованы и высланы как тунеядцы, хотя все являлись примерными тружениками.

Степан Зайцев должен был первым предстать перед общественным судом, потому что в Казахстане, где он жил, указ уже вошел в силу.

* * *

...В 1925 году Исаак Зайцев со своим сыном Степаном услышали адвентистскую весть от брата Сиротенко, который, как они впоследствии узнали, был арестован и расстрелян. Сам Исаак Зайцев после тяжелых переживаний умер в тюрьме, а его сын Степан провел многие годы в тюрьме и ссылке. В 1937 году отец и сын были арестованы. В те годы тюрьмы были переполнены, и обращение с арестованными было бесчеловечным.

Степан Зайцев рассказывал, что они, находясь в подвальном помещении, должны были стоять на ногах двое суток. Надзиратели тщательно наблюдали за тем, чтобы кто-либо не вздумал присесть на корточки. Страдания были невероятными. Ноги наливались и опухали, как столбы. В наглухо закрытом помещении воздух становился тяжелым, и люди падали в обморок. Это делалось для того, чтобы арестованные на допросах признавались в том, в чем их обвиняли. Эти муки перенесли и Исаак и Степан Зайцевы.

Из Зыряновска их отправили в Красноярский край – в Канск. Там они встретили брата Бабака, который тоже был осужден на десять лет за религиозные убеждения. Двести километров заключенных гнали пешком. Был декабрь и стояли страшные сибирские морозы. Многие из узников страдали от обморожения. Степан был молод и крепок здоровьем и как-то уберегся, но его отец очень сильно обморозил руки.

Некоторое время отец с сыном находились в одной тюрьме, даже в одной камере. Пальцы у отца стали гнить, но на это никто не обращал внимания. В тюрьме не оказывали никакой медицинской помощи.

«Ночью, когда все спали и в камере было тихо,– рассказывал Степан,– я смотрел, как отец держит свои больные руки подня-

тыми. Он не мог спать, так как боль была жестокой. Я ничем не мог помочь ему и мне было очень тяжело смотреть на эти страдания. Я спустился со своих нар и подошел к отцу, желая его утешить, но он стал утешать меня, указывая на страдания Христа и всех верных во все века. Он знал много текстов из Священного Писания наизусть и утешал меня драгоценными обетованиями: «Возлюбленные! огненного искушения, для испытания вам посылаемого, не чуждайтесь, как приключения для вас странного, но как вы участвуете в Христовых страданиях, радуйтесь, да и в явление славы Его возрадуетесь и восторжествуете» *(1 Петр. 4:12, 13)*. «Потому что вам дано ради Христа не только веровать в Него, но и страдать за Него» *(Флп. 1:29)* Так мы провели вместе многие бессонные ночи, вспоминая все, что читали и изучали. Как эти беседы были дороги для нас, лишенных Слова Жизни и общения с братьями!»

Со временем нагноение прекратилось, фаланги пальцев отмерли и стали засыхать. Теперь они держались только на сухой коже, как на ниточке. Степан взялся за «операцию». Он нашел кусочек жести, заточил его, и отрезал висящие фаланги. Эта операция была безболезненной, и отцу стало легче.

Через некоторое время отца с сыном разлучили, и они никогда больше не увиделись. И до сего дня Степан не знает, как окончилась жизнь его отца.

Когда Степана Зайцева арестовали, то его сыну Владимиру было только восемь лет. Матери пришлось тяжело работать, чтобы прокормить четверых детей. Когда Владимиру было уже 11 лет, он, чувствуя ответственность за семью, решил помочь маме. Мальчик стал чинить галоши. Люди в селе смеялись, что ребенок взялся за такое серьезное дело. Но те, которые ходили в починенных маленьким мастером галошах, советовали и другим удостовериться в том, что он работает лучше всех мастеров в селе.

После окончания семилетки Владимир очень хотел учиться дальше, но не имел возможности, потому что должен был помогать матери содержать семью. Он много читал и наблюдал за жизнью окружающих. Видя несправедливость, обман, жестокость людей, которые зачастую оставались ненаказанными и которых даже величали и прославляли, он задумался о судьбе своего отца. Ведь он был честным тружеником, примерным отцом, истинным христианином. Он с великим терпением, безропотно проходил свой жизненный путь, в молитвах и песнопениях про-

славляя Бога. И он — честнейший из людей — должен страдать долгие десять лет, будучи осужденным на срок, какой дают за тяжелые преступления и убийства!

Юноша никак не мог найти ответ на волнующие его душу вопросы. Десять лет были на исходе, и Владимир с нетерпением ждал того дня, когда сможет встретиться с отцом.

Настал долгожданный 1947 год, и отец вернулся домой. Через 10 лет встретились отец с сыном. Они о многом говорили, и вопросы, которые многие годы терзали молодую душу, теперь нашли свой ответ.

«Отец, я не могу понять, почему невинным людям приходится страдать, а злодеи и обманщики высоко поднимают головы и остаются без всякого наказания? Ведь ты и дедушка не совершили никакого преступления. Почему же он должен был так жестоко страдать и умереть в тюрьме? Почему ты должен был томиться 10 долгих лет, а маме приходилось так тяжело работать и так много пережить?»

«Сын мой! Да, то были тяжелые годы, но в моей душе никогда не возникал ропот ни против Бога, ни против людей. Я всегда вспоминал слова дорогого Спасителя: «В мире будете иметь скорбь; но мужайтесь: Я победил мир». Я также видел терпение своего отца, как он переносил страдания. Я не знаю, что меня ожидает впереди, долго ли я буду на свободе, но я не знаю другого пути, как только идти по следам Спасителя. Этот путь страданий начинается от первого мученика Авеля, продолжается до наших дней и будет продолжаться до конца»,— ответил отец Владимиру.

«Отец, я не совсем понимаю этот путь страданий. Почему Господь ведет по тернистому пути страданий тех, которые любят Его и верно служат ему в этом развращенном мире?»

Отец открыл Священное Писание и прочитал из Первого послания Коринфянам, 4 главы, 9 стих: «Ибо я думаю, что нам, последним посланникам, Бог судил быть как-бы приговоренными к смерти; потому что мы сделались позорищем для мира, для Ангелов и человеков».

«Слово «позорище» в другом переводе имеет значение «зрелище»,— продолжал отец,— наша планета является ареной, на которой происходит борьба между добром и злом, и в ходе этой борьбы открывается глубина Божественной любви и жестокость греха».

Владимир слушал, затаив дыхание. Эти слова исходили не из уст проповедника, стоящего за кафедрой, который тоже мог бы говорить о тернистом пути христианина, но из уст страдальца, с лица которого еще не исчезли следы тяжелых переживаний и который сам лично прошел этот путь.

«И вот, дорогой сынок,— сказал отец,— если ты до сих пор еще не вполне отдал свое сердце Спасителю, то выслушай слова, написанные боговдохновенным пером, и после этого вынеси свое решение: „Когда верные, изнуренные трудом носители истины отдают свою жизнь ради истины, кто займет их место? Желают ли наши юноши взять в свои руки священный огонь из рук своих родителей? Готовы ли они занять места тех, которых взяла смерть?"»

Владимир задумался. Перед его взором прошла картина, о которой рассказывал отец.

...Ночь. В камере тишина. Все спят, кроме двоих. Один из них сидит на своих нарах и держит руки поднятыми вверх. Он не может опустить их из-за сильной боли. Сон убегает от него. Его лицо, хотя и измождено долгими страданиями, но спокойно, в нем нет отчаяния. Его глаза говорят о том, что он видит дальше окружающего его мрака. Он видит тот момент, когда «отрет Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет; ибо прежнее прошло».

Владимир видит и другое лицо. Это сын страдальца, он тоже не может спать. Он встает и осторожно, чтобы не разбудить кого-либо из спящих, спускается со своих нар и подходит к отцу. Боль отца и боль сына сливаются в одно, и кажется, что так немного легче. Они беседуют тихо-тихо; у них так много общего, того, что выше страданий, земных скорбей и мирской суеты. Они смотрят далеко-далеко и видят то, что окружающие их не могут видеть и понять...

И Владимир решил вопрос своего спасения и вечной участи. Он не откладывал его, но вскоре заключил завет с Господом при крещении и пошел с народом Божьим по пути, ведущему в славное Царство Христа. Знамя, которое выпало из рук погибшего брата Сиротенко, подхватили его дедушка и отец. Теперь и он встал в ряды носителей знамени Иисуса.

В 1949 году Степан Зайцев был рукоположен в сан проповедника. Только два года пришлось ему быть на свободе, только два

года работать на ниве Божьей. В 1951 году он был снова арестован. Как всегда, арест начался с обыска. Девятнадцать месяцев Степан находился в тюрьме под следствием. Это было самое тяжелое время для узника. Он был лишен права переписки, передач, не имел никаких известий о своих родных.

Наконец дело было окончено. Зайцева осудили по 58-й статье, 10 пункту. В обвинение входило: распространение религиозных предрассудков, вербовка молодежи, организация групп и посещение домов. Были вызваны 24 свидетеля. Несмотря на то, что не было никаких доказательств вины, суд вынес решение о пожизненной ссылке.

После суда Степана так быстро отправили в место отбывания наказания, что близкие не успели передать ему ни продуктов, ни денег. В этот далекий путь он был отправлен ни с чем, и несколько дней ему пришлось голодать.

По пути к месту назначения Степан побывал в тюрьмах Новосибирска и Челябинска. Там он имел возможность работать на кухне. В Кустанае пришлось провести десять дней в тюрьме. Оттуда отправили в район, в комендатуру, где его приняли очень сурово и предупредили, что за побег наказывают двадцатью годами лагерей.

Место ссылки находилось в пустынных степях Казахстана, в 170 километрах от железной дороги.

И в этом месте Господь не оставил Своего верного слугу. Сосланные были распределены по квартирам. Степан Зайцев был определен в очень хорошую семью. Это были любезные, сострадательные люди, они относились к ссыльному очень хорошо. Ночью брат Зайцев работал сторожем, а днем, после короткого отдыха, помогал семье. Он чинил обувь, носил воду, колол дрова.

Прошло много времени, прежде чем он смог сообщить семье о своем местопребывании. Он был лишен не только семьи, но и верного спутника и светильника на жизненном пути — Слова Божьего. С первой посылкой он получил свою драгоценность и теперь имел утешение и радость. Через год приехала семья, стало легче и отраднее, и раны сердца стали постепенно заживать.

По истечении некоторого времени снова началась борьба. Его стали преследовать за соблюдение субботнего дня. Вызывали к начальнику и угрожали снова судить за невыход на работу по субботам. Это продолжалось долгое время, и брату предостави-

лось много моментов, когда он мог засвидетельствовать о своем уповании. Он пояснил, что Господь при сотворении земли освятил день субботний, а потому он не может его нарушать. В конце концов начальство убедилось, что этот человек «неисправим» и переубедить его невозможно. Они не могли отрицать и того, что он работал лучше всех остальных ссыльных.

В 1954 году по амнистии Степан Зайцев был освобожден и снова вернулся в Зыряновск.

Этот бесстрашный, неутомимый человек снова начал прерванную работу. У брата Зайцева был музыкальный слух и хороший голос. У него никогда не было возможности обучаться музыке, хотя он был одарен большими музыкальными способностями. Снова он был окружен молодежью, снова звучали песни в его доме. В одной из комнат, специально выделенной для этой цели, происходили богослужения.

Шесть лет Степану Зайцеву показались очень долгими. Так много времени он не привык быть на свободе. Это счастливое время он использовал для созидания великого дела Божьего.

Но и это время свободы было уже на исходе. Однажды из редакции газеты пришли несколько человек с заданием проверить, какая у него Библия — не «американская» ли? Как только открыли первую страницу, сейчас же выяснили, что она действительно «американская». На второй день появилась в газете статья, в которой Степан Зайцев был осмеян и оклеветан. Потом приходили из редакции и фотографировали его, дом, семью и даже собаку, привязанную к будке.

Снова появилась в газете статья, на этот раз даже с фотографиями. По радио объявили, что жители города просят выслать Зайцева из Зыряновска и что будет общественный суд над ним.

Народу на суд собралось очень много. Когда брат Зайцев был приведен на заседание, то судьи встретились с ним в отдельной комнате, любезно приветствовали его и советовали отказаться от «религиозного дурмана», обещая прекратить дело и отпустить на свободу.

«Ты мог бы по работе продвинуться,— говорили они,— ты и так передовик. Живи, как все люди живут, а ты веришь какому-то Богу и еще день какой-то выдумал праздновать — субботу. Губишь сам себя и семью. Одумайся, пока не поздно, откажись публично, все собравшиеся будут свидетелями, тебе поверят, и ты будешь на свободе».

Спокойно смотрел он на них, спокойно выслушал лукавые слова, а потом сказал: «Начинайте то, что задумали делать, не теряйте напрасно времени. Я не отрекусь!»

Несколько сот человек сидели в зале. Многие из них знали Зайцева как честного труженика, как человека, который вел скромный образ жизни. Когда он поднялся на возвышенность, зал всколыхнулся. Обвинитель начал свою речь. Посыпались тяжкие обвинения в том, что он своим учением развращает семьи, распространяет религиозные предрассудки, что он никогда и нигде не работал, живет на средства обманутых верующих, был уже два раза судим.

Зло — это искра, которая разгорается в большое, все охватывающее пламя. Так случилось и теперь. В зале послышались возгласы негодования. Кричали люди, специально для этого подготовленные. Эти люди совершенно не знали Степана Зайцева. Но если бы и знали они его как человека честного, его усеянный терниями путь, его страдания, душевные муки, его светлую душу, прощающую своим врагам, кто знает, повлияло бы это на их черствые сердца? Возможно, подобно иудейскому народу, которому Спаситель делал добро, они кричали бы: «Распни, распни!»

После всей этой бури горьких обвинений, клеветы, лжи и враждебных возгласов, среди которых были слышны даже такие: «Такому нет места в Советском Союзе, таких надо расстреливать!» — дали слово обвиняемому.

«Я работаю с двенадцати лет до сего дня. Несколько раз меня премировали, неоднократно моя фотография была на Доске Почета. Часто появлялись статьи в газетах, что у Зайцева — „золотые" руки, что он свой богатый опыт по работе передает ученикам, свои знания — начинающим, что он дружелюбен, обходителен, что с него можно брать пример. Почему же сегодня я стою перед вами как преступник? Какое зло и кому из вас я сделал? Не в том ли вся вина, что я — верующий? За это я страдал и готов снова страдать. Да, я — верующий! Я верю в Бога, Творца неба и земли, в Спасителя Иисуса Христа, Который и за мои грехи пролил Свою кровь и за грехи всего мира. Я признаю Десять Заповедей Божьих и верю, что Божий Закон остается вечно непоколебимым и на основании четвертой заповеди соблюдаю день седьмой — субботу, которую Господь освятил при сотворении мира. Вы упомянули, что я был судим. Да. Я был су-

дим за веру в Творца. Десять долгих лет я был в заключении и после этого – еще два года в ссылке. И сегодня вечером я стою перед вами, не имея другой вины, кроме той, что я верующий. Но я готов снова страдать и не откажусь от своего Творца и Спасителя!»

На несколько минут в зале воцарилась тишина. Все были поражены и не знали сразу, что и сказать. Потом снова посыпались обвинения, крики, угрозы...

После краткого совещания суд вынес решение: «Высылка за тунеядство».

Осужденного отпустили на несколько дней домой, чтобы он смог собраться в путь, зная, что он никуда не убежит и придет в назначенный день.

Настал день субботний, день покоя Господня. В душе осужденного тоже был покой, который не нарушался ни при каких обстоятельствах.

Пришли все собратья. Для них это был печальный день. Снова они остаются без своего дорогого наставника, снова ему предстоят лишения и страдания, разлука с семьей и с братьями. В тот день много горячих молитв возносилось к небу из опечаленных сердец.

В тот же день осужденный совершал служение Святой Вечери. Может быть, те, кому не угрожает опасность и разлука, воспринимают это служение как обряд, привыкнув к нему. Но когда глубокая скорбь наполняет сердце, когда жестокая разлука смотрит в глаза, можно ясно представить себе тот вечер, когда Христос умыл ноги Своим ученикам, преломил и раздал хлеб, раздал вино.

Святой субботний день окончился. В тот вечер еще долго пели. Брат утешал скорбящих. Он уже привык страдать. Для него то не был неведомый путь. По нему он уже ходил двенадцать лет. Он утешал семью и собратьев, говоря, что ему грозит не тюрьма, а только ссылка, и не десять лет, а всего лишь пять.

Вечером пришли собратья из общины евангельских христиан баптистов. Они тоже скорбели о том, что предстоит разлука, и решили, что в тот день, когда брат Зайцев должен будет отправиться в путь, они придут и с песнопениями проводят его до отделения милиции.

Но сделать это не удалось. Кто-то донес об этом, и в понедельник рано утром милицейская машина уже стояла у дома

Зайцевых. Степану сказали, что он должен явиться в отделение милиции для какого-то уточнения и что после этого он сможет снова вернуться домой до назначенного дня.

Осужденный поверил их словам и ничего не взял с собой. Но его обманули и больше не выпустили. Возле отделения милиции стояла другая машина, видя которую всегда невольно содрогается сердце. Эту машину в Советском Союзе называют «черным вороном». В нее втолкнули обманутого узника и отвезли в тюрьму.

Пришлось пройти путь, который уже не раз был пройден,— из тюрьмы в тюрьму. Из Зыряновска Степана отправили в Семипалатинск. Там он пробыл долгое время и смог сообщить жене о своем местопребывании. Она привезла ему продукты и деньги. Из Семипалатинска узника перевезли в Барнаул. Там его поместили в большую камеру, в которой не было ни одного человека.

Наступила ночь. Степан был один, но в сердце не было тоски и отчаяния. Он начал петь. Если кто из ночных стражей и слышал пение, то, конечно, не пытался прервать его, но слушал с удовольствием, ибо, кроме стонов и проклятий, здесь никогда ничего не приходилось слышать.

Из Барнаула его отправили в Акмолинск, потом в Челябинск, а оттуда в Кустанай. До места ссылки осужденных везли в «черном вороне» (к такому транспорту Степан Зайцев уже привык). Когда арестованных доставили в совхоз, председатель осведомился об осужденных. Для него было важным — будет ли с них толк в работе. Узнав, за что осужден Степан Зайцев, председатель отмахнулся: «Таких нам не надо! Это фанатик, бездельник! Будет только мешать». Но через короткое время он убедился, что если бы весь его совхоз состоял из таких «бездельников», то он занял бы первое место во всей области.

Жена Степана продала свой маленький домик и с меньшими сыновьями снова последовала за своим другом-страдальцем.

Недолго пришлось жить спокойно. Снова началась борьба за соблюдение субботнего дня, снова появились статьи в газетах. Жена вместе с вещами привезла и старую пишущую машинку. По вечерам, придя домой с работы, брат печатал уроки субботней школы и молитвенные чтения. Он имел общение с собратьями Кустанайской области, иногда они его посещали, и узник был рад, что он в таких стесненных обстоятельствах тоже мог принимать участие в великом деле проповеди Евангелия.

Однажды в субботу пришли к нему несколько человек и спросили, чем он занимается и почему не на работе. Брат ответил, что причина им давно известна, за это он и находится здесь в ссылке. Пришедшие стали рыться в его вещах и нашли в одной из книг листочек копировальной бумаги. Потом потребовали показать машинку. Он показал. Поднялся большой шум. «Ах, так,– кричали они,– ты печатаешь религиозные листовки и распространяешь их среди рабочих!» Машинку, конечно, отобрали, отобрали эту маленькую радость узника, лишенного выезда и общения.

За хорошую работу – а она действительно была примерной, так что и враги не могли этого отрицать – ему дали на месяц отпуск.

И вот мы встретились с братом Зайцевым в Новосибирске и провели в беседе целую ночь. Этой ночью, с пятого на шестое января, я до утра записывала его переживания, которые тогда еще не окончились. Он снова должен был вернуться обратно, снова должен был ходить в комендатуру отмечаться и ждать того дня, когда его освободят.

Из осужденных, которых привезли вместе со Степаном, некоторых освободили досрочно, хотя многие из них были действительно неисправимыми пьяницами, растратчиками и хулиганами. Степану же сказали, что ему придется отбывать весь срок потому, что он не исправляется и продолжает служить своему Богу, как и раньше.

ЮГАН ДАНИЛЬСОН

В августе 1961 года у дома брата Данильсона остановилась машина. Ему приказали немедленно сесть в нее, чтобы отправиться на суд, где будет разбираться его дело. Он даже не успел переодеться, поехал в пижаме и комнатных туфлях. Несмотря на настойчивое приглашение, народ не собрался. Людям уже стали надоедать эти издевательства над невинными людьми. Такое случалось и во времена первых христиан, когда, насытившись кровавым зрелищем в амфитеатрах, народ кричал: «Довольно крови! Довольно невинных жертв!»

Организаторам процесса пришлось привезти с завода две машины рабочих, отработавших свою смену. Эти люди никогда не видели брата Данильсона и ничего не знали о нем, но теперь

должны были осудить его. Это была заводская молодежь, которую можно было разжечь и настроить по желанию обвинителей. Прокурор зачитал обвинение, которое было в то время стандартным: «Проводил собрания, брал десятину, совращал молодежь и детей и т. д.».

Опершись на палочку, стояли перед разъяренной толпой бледный, больной семидесятитрехлетний старичок и рядом с ним — его старушка. Молодые люди издевались над ними, сколько каждому хотелось. Один из них совал пожилому человеку копейку, приговаривая: «Возьми и от меня десятину!», кто-то хлопал в ладоши, поощряя эту ловкую «выдумку», многие хохотали, а уборщица клуба кричала: «Если бы мне дали право, я бы разорвала их на куски!»

Одна из присутствующих хотела было вступиться за брата и сказать что-то в его оправдание, но разъяренная толпа чуть не накинулась на нее. Она вынуждена была замолчать. В заключение прокурор зачитал приговор: «Пять лет высылки с конфискацией имущества. Приговор обжалованию не подлежит».

После суда брата Данильсона отвезли в тюрьму. Там его не приняли, ибо он был в пижаме и комнатных туфлях. Его снова отправили в отделение милиции. Там находилось несколько арестованных. Дежурный милиционер спросил сопровождающего, за какие преступления они задержаны. Тот коротко пояснил, указывая на каждого: этот — поджег дом, тот — убил жену, тот — дрался. «А этот старичок за что?» — спросил дежурный, указывая на брата Данильсона. «А этот... как вам сказать?.. Этот — за то, что верит в Бога». Другого объяснения он не нашел, но оно, конечно, было самым точным.

Из Кемерова арестованных перевели в Новосибирск. Брат Данильсон часто бывал в этом городе. Здесь он посещал собратьев, совершал крещение, Вечерю Господню, говорил слова утешения. Теперь он находился в Новосибирской тюрьме, но никто из собратьев не знал этого, никто не мог посетить его и помочь ему. Из тюрьмы осужденных повезли на пристань и, погрузив на пароход, отправили в Калпашев. Когда пароход причалил к пристани, на берегу собрались представители совхозов. Каждый из них старался забрать из привезенных людей самого сильного, самого крепкого, годного для тяжелых работ. Быстро разобрали всех сильных и здоровых. Под конец остались два немощных старичка — брат Данильсон и один мусуль-

манский мулла. Они никому не были нужны. «Зачем нам кормить даром этих старых калек?» — говорили пришедшие, с пренебрежением отворачиваясь от стариков. Они никому не были нужны, им негде было преклонить голову и нечего было есть.

В тюрьме при обыске у брата Данильсона отняли последнюю копейку, и теперь он даже не имел возможности написать домой письмо, чтобы сообщить о своем местонахождении. Ночью старички должны были находиться в отделении милиции, а днем их отпускали, чтобы они искали себе пропитание. Они собирали и сдавали в магазин бутылки. Брат Данильсон вынужден был продать даже свое белье.

Наконец домашние получили сообщение о месте его ссылки и один из братьев приехал к нему и привез помощь. Приехав, он сразу пошел в отделение милиции и спросил о Данильсоне. Ему ответили, что утром он ушел, а вечером вернется в отделение. Брат пошел по улицам городка, надеясь встретить Данильсона. Он долго шел по пустым кривым улицам. Вдруг он заметил вдалеке знакомую ему согбенную фигуру. Рядом шел какой-то старичок. Оба они опирались на палочки и медленно шагали вперед. Было видно, что спешить им некуда. Брат обрадовался и стал громко звать Данильсона по имени и отчеству. Его попутчик первый услышал зов и обратил внимание брата Данильсона на это. «Кажется, это Вас зовут»,— сказал он. Брат вздрогнул. Кто мог здесь звать его по имени и отчеству? Его здесь никто не знает, кроме милиционеров. «Если меня зовут,— подумал Данильсон,— дело нехорошее. По доброму делу здесь меня никто не может звать, это могут быть только новые козни и беды». Он выпрямился и изо всех сил зашагал дальше, а за ним и его товарищ.

Чем громче брат кричал, тем скорее бежали старички. Беглецы оглядывались, и видя, что за ними кто-то гонится, прибавляли шагу, чтобы поскорее скрыться за угол. Немалых сил стоило брату догнать испуганных старичков. Он боялся потерять их из виду. Наконец он все же их догнал. Каково же было их удивление, и смех, и радость после всего этого! Вскоре брат Данильсон нашел в этом городе братьев и сестер во Христе. Он поселился у них. Но он должен был время от времени являться в милицию, чтобы отмечаться.

МИХАИЛ ЗОЗУЛИН

В течение 1960 года очень многие из братьев в Советском Союзе были уволены с работы, даже с самой тяжелой и малооплачиваемой. Но тогда еще не устраивали таких унизительных спектаклей, какими сопровождались увольнения, начиная с 1961 года. С этого времени прежде, чем выдать трудовую книжку и зарплату, собирали весь коллектив. Если он был малочислен, то приглашали жаждущих зрелищ с других предприятий, чтобы каждый мог насмехаться и издеваться над чувствами верующего сколько его душе угодно.

Это пришлось пережить и Михаилу Зозулину. Коллеги по работе, которые уважали его, видели его честность, исполнительность и высокоморальный образ жизни, вдруг совершенно изменились. Они кричали, ругались и совершенно не походили на образованных людей. Но за что? Кому и какое зло причинил Михаил? Может, он не справился с работой? Этого не было, никто ни в чем не мог его обвинить. Вся вина Михаила заключалась в том, что он верил в Бога.

Но во время подобных собраний, сопровождавшихся унижениями и оскорблениями, провозглашалась истина. На многих предприятиях, в учреждениях, в учебных заведениях верующие подвергались унижению и насмешкам, но своей верностью они свидетельствовали об истине Божьей.

В 1959 году Михаил Зозулин вместе со своей супругой Августиной переехал в Сибирь, в город Кемерово.

Перед этим Михаила исключили с шестого курса медицинского института за религиозные убеждения, и, несмотря на все его хлопоты, он больше не мог продолжать свое обучение. В Кемерово Михаил поступил работать фельдшером и работал продолжительное время, почти год. Вам может показаться странным, что я называю это время «продолжительным». Да, при тогдашних обстоятельствах это действительно был очень длительный срок и большое счастье, если кто-либо из верующих мог работать на одном месте целый год.

Михаил нашел работу на эпидемиологической станции. Так как на станции работали по текущему графику и дежурство продолжалось в течение суток, то с днем покоя было проще. Люди охотно соглашались поменяться с ним и работать в субботу, чтобы воскресенье было выходным.

Кроме главного врача, никто не знал, по каким причинам Михаил по субботам не выходил на работу. Имея в виду честность, исполнительность и скромность, которыми он отличался среди своих коллег, врач симпатизировала молодому фельдшеру и глубоко уважала его. Она часто беседовала с ним о Слове Божьем.

Так прошло четыре месяца. На Набережной улице происходили богослужения три раза в неделю. Михаил часто выступал с проповедями, руководил хором, струнным оркестром и подготовкой к торжественным собраниям. На неделе молодежь собиралась вместе для изучения Слова Божьего и прославления Бога пением. Такая деятельность не могла остаться незамеченной. Ведь потомки Иуды были во всяком месте и всегда вершили свое губительное дело.

Михаилом начали интересоваться на месте работы. Главный врач, видя опасность, посоветовала ему уволиться. Она говорила: «Михаил Семенович, подайте заявление и увольтесь по собственному желанию, а то вам испортят трудовую книжку: запишут там такое, что трудно или даже невозможно будет устроиться в другом месте».

После этого Михаил устроился работать на станции скорой помощи. Здесь также было легко иметь выходным днем субботу, ибо скорая помощь работает круглосуточно. Пока люди не знали, по какой причине Михаил в субботу не выходит на работу, они охотно подменяли его и все шло хорошо. Главный врач помогал ему и выручал, где только мог.

На многих предприятиях и в учреждениях проводились антирелигиозные лекции. Особенно это практиковалось там, где обнаруживали среди рабочих верующих. После лекции «разоблаченного» называли по фамилии и выставляли перед коллективом. Каждый из присутствующих имел право высмеять его, унизить, оклеветать, а в конце этого постыдного действа к «виновному» обращались с торжественным воззванием: «Отрекитесь, отрекитесь!»

Такая лекция не миновала и станцию скорой помощи. Пришел лектор из горисполкома, созвал весь коллектив, и началась лекция. В тот день Михаил дежурил. Раздался телефонный звонок – вызывали к больному. Михаил должен был ехать. В это время агитатор начал лекцию как обычно с изложения истории о происхождении человека от обезьяны, темы, не особенно пле-

нявшей внимание народа, ибо слишком часто приходилось ее слушать. Видя перед собой равнодушную дремлющую публику, агитатор начал волноваться. Он задал вопрос: «Где же так долго задерживается фельдшер Зозулин?» Как раз в это время Михаил вернулся с вызова, открыл дверь и вошел в зал. Он видел вокруг себя смущенные взволнованные лица, на которых выражалось сострадание, а на некоторых даже страх.

Михаил спокойно вошел в зал, сел, тихо помолился, а потом стал прислушиваться к происходящему.

Агитатор, видя, что жертва в его руках, сразу вдохновился, стал стучать кулаками по столу, неистово кричать: «Кто дал вам право развернуть такую деятельность? Вчера вы где были – на собрании?»

– Да,– спокойно ответил Михаил.

– И жена ваша проповедует! Детей и молодежь увлекаете! Кто разрешал вам собирать эти сборища?

– Никто нам до сих пор не запрещал собираться.

– У вас же нет регистрации!

– Разве мы когда-нибудь возражали против регистрации? Пожалуйста, регистрируйте нас!

– Горисполком не находит нужным регистрировать таких, как вы. Вы прекрасно знаете, что, начиная с 1946 года, регистрация религиозных общин не производится.

– Могу вам сообщить, что в РСФСР зарегистрировано 30 общин.

– Пожалуйста, назовите эти общины.

– В Горьком, Ростове и других местах.

– Но ведь в Ростове забрали молитвенный дом и верующих разогнали!

Народ волновался, стали перешептываться. Одна из медсестер задала вопрос: «Как это закрывают молитвенные дома и разгоняют верующих?»

Михаил обратился с просьбой к агитатору, чтобы он разъяснил, как это делается. Агитатор сразу замялся и стал кричать: «А вы знаете, кто проповедовал в Ростове? Это их знаменитый проповедник Мацанов! Знаете, какую обширную деятельность он там развернул среди молодежи и детей? Свои проповеди записывал на магнитофонные ленты и распространял по всему СССР. Кто ему дал на это разрешение? И кто вам дал разрешение делать субботу выходным днем?»

— Мой Бог и Конституция,— спокойно ответил Михаил.

— Ишь, какой! Он будет в субботу гулять, а мы работай на него! — крикнул кто-то из публики.

— Он работает шесть дней и работает лучше всех нас,— сказала одна из медсестер.

— Таких гнать из нашей среды! Нет им места на советской земле! — кричал агитатор.

Народ стал расходиться. Агитатор попрощался с врачами, а на Михаила даже не взглянул. Михаил слышал, как он предупреждал врачей, чтобы Зозулину ни в коем случае не позволили оставаться в их коллективе.

Михаил сразу же после этого не был уволен с работы из-за того, что попал в аварию. Машина «скорой помощи», в которой он находился, налетела на другую машину, и разбитые стекла сильно поранили ему лоб и руки. Долгое время он был на больничном, а после выздоровления проработал еще месяц.

В газете появилась статья под названием «Хамелеон». Несколько раз в день на станции раздавались телефонные звонки: «Почему вы держите у себя такого преступника?» Из редакции местной газеты начали ходить целые делегации с требованием уволить Зозулина. Несколько человек из больных прислали на станцию скорой помощи благодарственные письма. Они писали о том, как фельдшер Зозулин Михаил оказал им вовремя помощь и спас их жизнь, и просили об этом написать в газете. Этого, конечно, не сделали. Михаила нужно было оклеветать и очернить, а не писать о его добрых делах.

Главный врач был очень опечален всем происшедшим. Он обратился к Михаилу с предложением: «Михаил Семенович, я больше ничего не могу сделать для вас; до сих пор я делал все, что только мог. Мне приказано уволить вас. Но уйдите сами. Так будет лучше. Мне очень жаль, но я не в силах помочь вам». Так же и парторг, которая все время защищала его, теперь объявила: «Мне очень жаль, но я делала все для вас, что было в моих силах. И больше ничего я не могу сделать. Ведь вы сами видите, какое положение».

Михаил воспользовался возможностью побеседовать с ней о своей вере. Он говорил о гонениях на первых христиан, о тех горьких обвинениях и несправедливостях, которые они должны были переносить, об их поругании, истязаниях, о смерти на арене амфитеатров и в садах Нерона. Он говорил о скором прише-

ствии Христа, о вечном Его Царствии, где больше не будет угнетения и обид.

И снова Михаил долго искал работу и, наконец, устроился на мебельной фабрике фельдшером. Он сразу попросил, чтобы ему дали выходной в субботу. Пока никто не знал причину этого, охотно составляли график так, как просил Михаил.

Но все же кое-кого это беспокоило, кто-то не был доволен тем, что Михаил снова работает, а главное тем, что у него выходной в субботу. На фабрику был прислан материал из газеты, в котором Михаил был представлен как руководитель «ненавистной секты адвентистов седьмого дня».

Теперь график был изменен так, что все субботы стали рабочими. Михаил почувствовал, что за каждым его шагом наблюдают.

На работу Михаил всегда брал Библию. Приходилось работать сутками, и тихие ночные часы он использовал для изучения уроков субботней школы и составления проповедей.

Однажды ночью его срочно вызвали, чтобы оказать помощь больному. В кабинете на столе остался учебник английского языка, в котором Михаил второпях забыл конспект проповеди. Впоследствии этот листок использовали как вещественное доказательство против него.

График его теперь был изменен, но Михаил сказал, что по субботам работать не будет.

Решено было созвать собрание, чтобы он ответил перед всеми работниками, почему отказывается работать по субботам. Михаил знал, что означает это собрание. Это был общественный суд. Перед таким судом уже стояли братья Вениамин Кучерявенко, Николай Игнатов, Степан Зайцев и наша дочь Надежда. Он знал, какие унижения и оскорбления им пришлось тогда перенести.

Народу собралось много. Кроме медицинских работников присутствовали рабочие мебельной фабрики. За столом заняли места члены общественного суда. Михаил вошел в зал. В его сердце был покой. Он знал, что в этот час вместе с его подругой жизни молятся и его верные друзья — собратья во Христе.

Брат Борискин знал, как брата Зайцева забрали и выслали так поспешно, что он ничего не успел взять с собой и должен был несколько дней голодать и мерзнуть без теплой одежды. Опасаясь, чтобы подобного не случилось с Михаилом, он взял теплую одежду, валенки, тулуп, деньги и пошел искать фабри-

ку, где проходил суд над верующим фельдшером. Адреса он не знал, шел по улицам и расспрашивал людей. Никто не знал, где она находится и, опечаленный до глубины души, брат вернулся со своей ношей домой. Я думаю, что его дело любви отмечено в небесных книгах: «Ибо не неправеден Бог, чтобы забыл дело ваше и труд любви, которую вы оказали во имя Его, послуживши и служа святым» *(Евр. 6:10)*.

Михаила посадили рядом с судьями, чтобы все могли его видеть. Руководитель собрания с вызовом посмотрел на Михаила, стараясь привести его в замешательство. Но это ничуть не повлияло на молодого воина Христа. Михаил невозмутимо смотрел на него, храня в сердце совершенный мир и покой.

Народ все прибывал и прибывал. Михаила радовало то, что он сможет свидетельствовать перед многими людьми о своей вере. Председатель встал, обвел собрание начальственным взором, посмотрев на Михаила, как на презренного преступника, и начал: «Михаил Зозулин работает у нас только месяц, но за это короткое время он успел показать, что он из себя представляет. Этот человек относится к работе недобросовестно. При этом он является членом самой реакционной секты, которая так ненавистна нашему обществу. Он отказывается по субботам работать и таким образом подрывает трудовую дисциплину. Мало того, во время работы он пишет и распространяет религиозные листовки. Одну из них мы обнаружили в учебнике английского языка, который он второпях оставил в кабинете. Хотя он и медицинский работник, но он не верит медицине и отказывается делать прививки против тифа и энцефалита. Он — религиозный фанатик, занимается чтением запрещенных книг. Дальше терпеть такого человека в своей среде мы не можем, пусть общественный суд рассмотрит его дело».

После этих высказанных в ярости несправедливых обвинений, он обратился к собравшимся с предложением: «Дадим ему слово, пусть он скажет что-либо в свое оправдание, но я уверен, что для этого у него не найдется никаких доказательств».

Михаил встал. Он не ожидал ничего хорошего от этого общественного суда, но знал и то, что здесь находятся люди, которые его очень уважают и имеют совершенно другое мнение о нем. Они-то прекрасно знают, что эти обвинения надуманны! Он видел глубокую печаль и даже недоумение на многих лицах, но эти люди должны были молчать!..

Разве не было в той толпе, что неистово кричала: «Распни! Распни!», людей, которые глубоко сочувствовали невинному страдальцу Иисусу Христу и которые были уверены, что Он ни в чем не виновен? Ведь сам Пилат, языческий правитель, засвидетельствовал: «Я не нахожу в Нем никакой вины». Сотник, стоящий у подножия креста Спасителя воскликнул: «Истинно, это Сын Бога живого!» Михаил представил себе ярче, чем когда-либо, картину судебного процесса, на котором оклеветали и осмеяли Господа жизни. «Раб не больше господина своего, и если Меня гнали, то и вас будут гнать».

Михаил встал и начал спокойно говорить: «В субботу я не работаю потому, что так написано в Священном Писании». Затем он процитировал четвертую заповедь. «Я являюсь членом общины адвентистов седьмого дня. Эта община не является ни реакционной, ни запрещенной, как сказал председатель; она разрешена и зарегистрирована в Москве в Отделе культов при Совете Министров. Трудовую дисциплину я тоже не нарушал. График всегда был составлен таким образом, что суббота была выходным днем, и от этого никто не страдал. Прошу предоставить доказательства того, что я во время работы писал религиозные листовки и распространял их среди рабочих».

Председатель пришел в замешательство, он сразу не нашелся, что ответить, потом сослался на свидетелей.

— Представьте этих свидетелей,— строго сказал Михаил.

— Это люди, которым мы все доверяем, но они отказались прийти на суд, потому что им, ну... как сказать... им просто неудобно. Но вы можете мне, товарищи, верить — это действительно лица авторитетные.

— Назовите их фамилии,— требовал Михаил. Вместо ответа председатель стал кричать на Михаила:

— Почему же вы, когда поступали на работу, сразу не сказали, что вы — верующий и по какой причине желаете иметь субботу выходным?

— Я работал три дня в утренней смене и три дня в вечерней. Главный врач не возражал.

— Если человек в субботу тяжело заболел, разве вы, как советский врач, не окажете ему помощь?

— Окажу обязательно, ибо к этому меня обязывает долг христианина и учение Христа.

— А почему вы отказываетесь работать по субботам на фабри-

ке? Ведь каждый день случаются травмы: то ранения руки, то глаз, то ушибы; а вы ведь в субботу не выходите на работу.

— Мое дежурство является обычным делом, за которое я получаю оклад, а оказать помощь в несчастных случаях — это другое дело.

— Видите, какой он хитрый! Даже в этой добродетели кроется пропаганда его учения!

В обвинении председатель сказал, что фельдшер Михаил Зозулин не верит в медицину. Михаил требовал конкретного доказательства: когда он не выполнил своей обязанности как медик.

Не находя ответа на этот вопрос, председатель предложил: «Кто из присутствующих желает высказаться?» Слово взяла женщина-врач. Взволнованным голосом она начала: «Родился и вырос в Советской стране, человек с высшим образованием, изучал марксизм-ленинизм и еще говорит о каком-то Боге, Которого не было, нет и не будет! Кто может такому человеку доверять больных, если он, будучи врагом, руководит каким-то таинственным собранием отсталых людей, тянет их в мракобесие? Пусть им займутся органы государственной безопасности, чтобы не дать такому калечить наше поколение. Я смотрю на этого человека и не понимаю — или я сумасшедшая, или он — этот молодой образованный человек, который в наш просвещенный век верит в какого-то Бога и занимается какими-то темными делами?»

Она говорила страстно, ее голос был полон злобы и ненависти, и снова она повторяла те же слова: «Его следует передать органам государственной безопасности, чтобы они выяснили: для какой цели он приехал в наш город».

Встал представитель от фабрики. «Глядя на этого молодого человека,— начал он,— я невольно перенесся в средние века, несмотря на то, что мы живем в век атома и науки. В то время священники, кардиналы и другие духовные лица преследовали передовых, прогрессивных людей. Их сжигали на кострах, гноили в тюрьмах, замуровывали в стенах. В минувшую войну враги шли с крестами, издевались над нашими людьми, мучили в лагерях. Этот человек заинтересован в нашем несчастье, он строит против нас злые планы. Живем в двадцатом веке и приходится встречаться с людьми, которые, как во время Галилея и Бруно отвергают, что земля крутится, и распространяют свое темное невежественное учение о каком-то Боге. Эти люди не благонадежны. Этот человек прикрывается работой, под этой

маской распространяет свое учение. По субботам не выходит на работу, а проповедует и проводит свои темные сборища. Собрание правильно сделает, если решит лишить его права работать медиком, а его самого выслать».

Робко встал один из рабочих фабрики. Он обратился к Михаилу как бы со словами сострадания: «Я человек уже старый, но вы еще молоды и притом образованны, вся жизнь у вас еще впереди. Поэтому не портите свое будущее, оставьте свои взгляды, не верьте в Бога – Его ведь нет!» С глубоким сожалением Михаил смотрел на этого старого человека, который, как видно, сказал эти слова не по убеждению, а по заданию.

Председатель громко прочитал статью из газеты под названием «Хамелеон». После прочитанного он обратился к Михаилу с вопросом: «Правильно ли здесь все про вас написано?»

Михаил ответил: «Все ложь, за исключением того, что я верю во Второе пришествие Христа».

Эти слова привели председателя в ярость. Он стал стучать кулаками по столу и неистово кричать: «Как вы осмелились обвинить наших корреспондентов, наших пропагандистов?! Мы ничего не пропускаем в печать, не проверив прежде факты. Это – закон печати. Это исходит из авторитетных органов, вы подрываете их авторитет! Вы – подонки общества, реакционно настроенные элементы; вас – ничтожная горсточка! Под вашими ногами нет никакой почвы. Вы ожидаете какого-то мифического Христа! Я сам когда-то в своей юности выходил ночью в поле, смотрел на звездное небо и бросал вызов Богу: „Если Ты есть, так убей меня на месте!" Но, как видите, я до сего дня жив, здоров и невредим. И сегодня я так же говорю: „Если Ты есть, так убей меня на месте!"» При этом он с вызовом смотрел в потолок, бил себя в грудь и кричал неистовым голосом.

Михаил вспомнил текст: «Се, грядет с облаками, и узрит Его всякое око, и те, которые пронзили Его; и возрыдают пред Ним все племена земные» *(Откр. 1:7).*

– Мы покорили космос,– продолжал председатель,– мы вскоре полетим на Луну, на Венеру, на другие планеты, мы поднимались на высоту 300 км, но там не нашли вашего Бога, а если бы Он там был, то мы бы за бороду стянули Его с трона.

Слушая выступающего, Михаил думал о величии Господа и ничтожестве человека: смертные и ничтожные люди хулят имя своего Творца, перед которым падают ниц святые ангелы

и жители не павших миров. Но придет день, пылающий как огонь, когда каждый должен будет дать ответ за свои дела и слова. «Се, идет Господь со тьмами святых (Ангелов) Своих – сотворить суд над всеми и обличить всех между ними нечестивых во всех делах, которые произвело их нечестие, и во всех жестоких (словах), которые произносили на Него нечестивые грешники» *(Иуд. 14, 15)*.

Какими ничтожными и пустыми показались ему слова председателя! Вдруг неистовый оратор понизил тон, и речь его приняла другое направление. Он мягко обратился к Михаилу с предложением: «Михаил Семенович, многие люди в наше время, в наш просвещенный век отказываются от своих религиозных заблуждений и вступают в общественную жизнь ради великого дела строительства коммунизма. Даже те, кто многие годы были священниками и епископами, сбросили с себя рясы и избрали новый путь, ведущий к светлой цели – коммунизму. Мы, коммунисты – народ гуманный, подаем руку всем, кто протягивает навстречу нам свою руку, тем, кто хочет идти с нами!»

Он подошел к Михаилу, протянул свою руку и сказал: «Дайте руку и будьте вместе с нами. Живите, радуйтесь и созидайте вместе с нами! Будем друзьями, но если вы отказываетесь, то нам, конечно, с вами не по пути!»

В заключение дали слово Михаилу, и все с напряженным интересом ожидали, что он скажет. Он встал и спокойно сказал: «Я благодарю вас за то, что вы одели на меня эти грязные одежды, которые были одеты также и на моего Спасителя».

В зале воцарилось глубокое молчание. Никто не мог ничего сказать в этот момент, чтобы прервать это неловкое молчание. Председатель, видя замешательство, вскочил и начал кричать: «Я так и знал, я так и думал, что так будет! С такими людьми ничего не поделаешь! Эти люди, закаленные в своем мракобесии, не поддаются никакому перевоспитанию!»

И он начал торопливо зачитывать решение общественного суда, которое успел составить во время собрания, забыв при этом вынести его на общее голосование.

«1. *Общественный суд рассмотрел дело Михаила Зозулина. Он по своим религиозным убеждениям не являлся по субботам на работу и таким образом систематически нарушал трудовую дисциплину. Во время работы он переписывал и распространял религиозные лис-*

товки. Этими действиями он пропагандировал свое учение. Он не верит в медицину и не поддается никакому перевоспитанию, упорно стоит на своем. Его следует уволить с работы и смотреть, чтобы он впредь никогда не устроился на работу в качестве медработника. Общественный суд решил немедленно уволить его с работы с соответствующими отметками в трудовой книжке...

2. *Материалы общественного суда проработать с рабочими всех фабрик и заводов.*
3. *Напечатать в газете „Медицинский работник" статью о Михаиле Зозулине».*

Михаил встал, еще раз поблагодарил всех и спокойно покинул зал. Через несколько дней он пришел в контору за расчетом и трудовой книжкой. Секретарь была очень взволнована: «В вашей трудовой книжке, Михаил Семенович, плохая запись. Мне очень тяжело, но поймите, я должна была ее сделать против своей воли. Я прекрасно знаю, что вы ни в чем не виноваты и являетесь честнейшим человеком и лучшим работником».

Михаил открыл свою трудовую книжку и прочел: «В 1961 году 17 мая зачислен на должность фельдшера в здравпункт мебельной фабрики от городской инфекционной больницы города Кемерово. Уволен на основании решения общественного совета как противник всего прогрессивного и передового, советского, как закоренелый Мракобес, активный пропагандист и главарь секты адвентистов седьмого дня». Внизу стояла подпись главврача.

Михаил снова искал работу. Он пытался устроиться дворником, сторожем, ассенизатором, но везде получал отказ, из-за записи в трудовой книжке.

После долгих поисков он решил поехать в Москву и обратиться в Президиум Верховного Совета СССР. Там с его трудовой книжкой ходили из кабинета в кабинет, удивляясь безграмотной записи. Спустя несколько месяцев Михаила восстановили на работе, заменили трудовую книжку и даже оплатили «вынужденные прогулы».

Но это было позже... А теперь Михаилу удалось устроиться грузчиком. Работа была тяжелой, но, несмотря на все трудности, он был рад и ей. Работа эта была сезонной, и вскоре Михаил снова оказался безработным. День изо дня Михаил ходил по

городу, ища работу, и вечером возвращался ни с чем. Михаил любил медицину. Ему было нелегко, когда его исключили из медицинского института. Он рад был работать и фельдшером, но и этой возможности теперь он был лишен.

Снова прошел день в тяжелых поисках работы. Он решил еще раз зайти в здравотдел и попытаться устроиться на работу, а если не удастся, тогда похоронить эту надежду навсегда.

Его приходу обрадовались. Было даже два свободных места. Некоторые из работников собирались идти в отпуск и просили его остаться. Обещали, что с выходным в субботу можно будет легко устроиться.

Михаил пошел к заведующему здравотделом с заявлением.

– Где вы раньше работали? – обратился к нему заведующий с вопросом. Михаил рассказал, что работал на эпидемиологической станции, на станции скорой помощи и на мебельной фабрике.

– Почему вы оттуда ушли?

– У меня были проблемы с выходным днем.

– Хорошо, я позвоню туда, завтра зайдите.

На следующий день заведующий здравотделом сказал:

– Я узнал все о вас, у вас очень плохая характеристика, я не могу принять вас.

– Я не могу устроиться на работу, потому что я верующий,– сказал Михаил,– прошу вас, решите мой вопрос!

– Бросьте эти глупости! Ведь вы идете против колеса истории, не идете в ногу со всеми, хотите один изменить весь строй. Лучше давайте выпьем вместе с вами, и все будет хорошо.

Он отыскал бумагу и ручку, подал Михаилу.

– Вот вам бумага, садитесь и напишите отречение, и мы дадим вам окончить институт.

Он обратился к своим коллегам и спросил:

– Как вы думаете, правда дадим окончить?

– Конечно, дадим,– подтвердили врачи,– и при этом получите самое лучшее место врача.

– Я не продаю свои убеждения,– твердо сказал Михаил.

– За ваше упорство вас ожидает Каргасок (место ссылки на севере Сибири).

– Я готов на это.

– Вы ведете образ жизни нищего, образованный молодой человек, ведь все в ваших руках, сами можете изменить свою судьбу.

— Страдания не удаляют от Бога. Подвергая верующих страданиям и лишениям, вы приводите их ближе к Богу. Я не могу менять своих убеждений, как меняют одежду и обувь.

— Тогда готовьтесь к Каргаску, будете там находиться под ведомством комендатуры. Там вас комары заедят.

— И там со мною будет мой Бог,— сказал Михаил.

В кабинет зашел человек, сел и спросил у Михаила его трудовую книжку.

— Это вы — Михаил Зозулин? — спросил он ласково.— Я давно хотел с вами познакомиться. В чем заключаются ваши убеждения?

Михаил хотел было ответить на вопрос, но один из врачей снова начал: «Он — пропащий человек со своими запутанными идеями. Вы нигде не найдете работу! Верите какому-то не существующему Богу. Молодой и образованный человек... Бросьте весь этот дурман, мы вам дадим окончить институт, получите диплом и будете работать. Напишите статеечку для газеты, выступите по радио, отрекитесь от своего религиозного дурмана и дело с концом».

— Я никогда не отрекусь,— спокойно ответил Михаил.

Врач, сидящий за столом, сказал: «Вы же детей портите, молодежь развращаете своим учением!»

Заведующий объявил: «Он — сумасшедший!» И обратившись к Михаилу, сказал: «Больше не приходите ко мне с такими разговорами, если не принесете письменное отречение».

— Он хороший работник,— сказал один из присутствующих,— один из лучших.

— Если бы только не связался с этими адвентистами,— добавил другой.

— В чем же заключается ваша вера? — снова спросил зашедший незнакомец, не обращая внимания на возражения врачей.

Михаил рассказал основы истины, цитировал наизусть Десять Заповедей Божьих и пояснил их значение в жизни человека. Присутствующие все же не смогли спокойно слушать, они начали снова возражать: «Он — сумасшедший, его надо отправить в психиатрическую больницу. Что он тут ходит и надеется на нашу милость? Для таких нет никакой милости».

Человек не обращал никакого внимания на возражения и насмешки и просил продолжать беседу. Он слушал очень внимательно. Михаил привел свидетельства в пользу существования

Бога. «Легче привести примеры, говорящие о существовании Бога,– сказал Михаил,– нежели об Его отсутствии. Ибо вся окружающая нас растительность, животный мир, все видимое на земле и на небе, все законы движения и жизни говорят о том, что есть Некто, управляющий всем, и мы, верующие, называем Его Богом. Возьмите, к примеру, самолет ТУ-104, который вы можете ежедневно видеть летящим на небе. Я никогда не видел его конструктора, но я верю, что он не произошел сам по себе, а его создал конструктор Туполев. А возьмите человека, эту самую чудесную живую машину из множества других чудес земли и всей вселенной. Мог ли он произойти сам по себе? Чем глубже мы вникаем в его строение, чем больше мы изучаем законы обмена веществ, законы окисления и другие биохимические процессы, происходящие в нем, тем больше мы обнаруживаем, как мало еще знаем. А как чудесны все известные нам процессы жизни в их стройной взаимосвязи и взаимообусловленности. Мы невольно приходим к заключению, что вся эта прекрасная гармония жизни не возникла хаотически сама по себе, но говорит о разумном, заранее продуманном плане Бога-Творца».

Михаил говорил о размерах и величии вселенной, сравнивая его с ничтожностью достижений человека. Он говорил о Трехангельской вести, которая проповедуется по всему миру, о Втором пришествии Христа и предстоящем последнем суде.

Человек слушал с напряженным вниманием. Казалось, что он слышал это впервые. «Что будет в конце с нашей планетой?» – спросил он.

Михаил ответил прекрасными словами апостола Петра: «Придет же день Господень, как тать ночью, и тогда небеса с шумом прейдут, стихии же, разгоревшись, разрушатся, земля и все дела на ней сгорят. Впрочем мы, по обетованию Его, ожидаем нового неба и новой земли, на которых обитает правда» *(2 Петр. 3:10, 13)*.

Он произнес эти слова отчетливо, с выражением, и ему казалось, что он будто никогда раньше не обращал внимания на то, сколько в них силы, ясности и красоты! Как величественно представлена в этих коротких словах последняя сцена истории нашей планеты!

– Разве мы тоже погибнем? – спросил слушатель.

– Если будем исполнять волю Божью, то можем быть уверены, что нет,– ответил Михаил.

Присутствующие снова начали возражать: «Мы коммунизм строим, а он проповедует о каком-то мировом пожаре!» «Такому работать не дадим! Отрекись, напиши статью в газету против Бога, тогда только позволим работать»,— кричали одни. «Вас ждет высылка, мы вас вышлем в Каргасок, там комары вас заедят, оттуда не скоро выберетесь!» — заявляли другие.

— В нашей свободной стране и такого можно ожидать? — спокойно произнес Михаил.

— Вы больной человек, и можете других заразить своей болезнью. Вы не можете находиться в здоровом коллективе. Отбросьте же, наконец, свои глупости! — решительно прозвучали последние слова. Михаил попрощался и вышел. Он понял, что эта дверь закрыта для него навсегда!..

По дороге он проходил мимо станции скорой помощи, где раньше работал. Окно было открыто, его увидели бывшие коллеги и пригласили зайти. Расспрашивали: где работает, как живет? Михаил рассказал, что нигде не может устроиться на работу — его нигде не принимают. «Бросьте свои глупости, отрекитесь и снова будете с нами работать. Кто вас принуждает верить какому-то не существующему Богу?» — сказала одна из врачей.

— А к чему ваше учение вас обязывает? — спросил парторг.

И вот снова представился случай свидетельствовать о Боге и об истине. Может быть, он был последний раз среди этих людей, а потому не хотел упустить такой драгоценный момент. Михаил начал говорить о Втором пришествии Христа, о знамениях, на которые указал Сам Спаситель, о нашем времени, о падении веры и морали. Он говорил о светлой надежде христианина, о том, что эта надежда основана на крепкой скале — на Священном Писании. Он говорил и о вечном Законе Божьем, о том, что если бы люди соблюдали этот Закон, не было бы тех бед и несчастий, с которыми нам приходится встречаться каждый день. Он говорил о состоянии души после смерти, представленном в ясном и здравом учении адвентистов седьмого дня, о том, что души умерших не блуждают после смерти, а покоятся до дня воскресения; о будущем суде и заключительных событиях в конце истории нашей земли. И снова он повторил прекрасные стихи из Второго послания апостола Петра 3:10, 13.

Все слушали с напряженным вниманием. После некоторого молчания один из присутствующих сказал:

— Почему же такому человеку не дать работу? Ведь ничего плохого нет в его убеждении, как раз наоборот — высокая мораль и подлинная честность.

— Все это — ненадежные элементы, он может своим красноречием повлиять на других. Я против того, чтобы ему разрешили работать,— сказал другой.

...Так прошел день в поисках работы, день, богатый опытами свидетельств об истине, Творце и о Его святом Законе. Идя домой, он размышлял о жестокости людей и ненависти, с которой они относились к верующим. Кому же сделали верующие какое-либо зло? Разве они не являются самыми честными тружениками и верными гражданами государства? И все же для них везде закрыта дверь. Он постучал в окно своего дома. Открыла жена. И, видя его опечаленное лицо, сказала: «Как видно, и этот день не принес нам никакой радости».

— О, нет! — ответил Михаил.— Этот день был одним из самых счастливых дней в моей жизни, ибо я имел прекрасную возможность свидетельствовать о своем Спасителе. Только вот подходя к дому, я стал размышлять о том, почему люди так жестоко относятся к верующим, оттого и стало грустно.

— «В мире будете иметь скорбь; но мужайтесь: Я победил мир»,— ободрила мужа Августина текстом из Писания.

В этот вечер они долго сидели, не зажигая света, и беседовали о пережитом. Михаил рассказывал о встречах, беседах, унижениях, предложениях отречься. Его поражал контраст между Божьими и человеческими законами: «Господь говорит: „Не нарушу завета Моего, и не переменю того, что вышло из уст Моих" *(Пс. 88:35)*. Люди же издают законы, и сами же их топчут своими ногами. В Конституции записано: „Все имеют право на труд, образование и отдых". Об этом пишут в газетах, говорят по радио. А как в жизни? Пережитый опыт ясно показывает, какие права имеет верующий: нет права учится в институте, работать не только фельдшером, но даже дворником, сторожем, ассенизатором. Постоянно угрожает тюрьма, ссылка, верующих называют сумасшедшими, опасными для государства „элементами"».

После продолжительного молчания Августина сказала: «Я вижу поразительное сходство нашего времени с тем временем, когда наш Спаситель находился на этой земле. Какую ненависть питали к Нему! То же было и во времена первых христиан. Их посылали на самые тяжелые работы, а потом уничтожали. Те-

перь терзают тем, что не дают никакой работы. Наше время напоминает время египетского рабства народа Израильского. Тогда говорили: „Делайте кирпичей полную норму, но соломы не дадим!" Теперь же говорят: „Вы должны работать, но работу не дадим!" Но все же нам легче, Миша, чем нашим братьям в предыдущие столетия. Перед нами тысячи опытов веры и стойкости, и Господь желает и нас присоединить к тем, которые остались Ему верными при всех обстоятельствах».

Молодые супруги склонили колена и в ночной тишине просили силы, чтобы устоять и победить.

ВЕНИАМИН КУЧЕРЯВЕНКО

Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное.

Мф. 5:10

Вениамин Кучерявенко со своей супругой Валентиной с радостью приехали на Дальний Восток, чтобы трудиться на ниве Божьей в городе Хабаровске.

Хотя путь до Хабаровска длился долго — целых десять суток, маленький Рувим не утомился день изо дня смотреть в окно вагона. Он родился на юге, где не было ни лесов, ни озер, и природа новых мест очень интересовала маленького человека. Особенно он восхищался озером Байкал, мрачными тоннелями и великолепными горами.

И вот они прибыли. Вениамин, не отдохнув от поездки, отправился посетить группы верующих, которые были рассеяны по городам и селам Дальнего Востока. Его работа на новом месте длилась полтора года. Многие удивлялись, слыша о том, как беспрепятственно он мог разъезжать и посещать собратьев, в то время как другие молодые работники сталкивались со множеством трудностей и переживаний.

Но вот 31 января 1962 года Вениамин получил повестку с требованием явиться в военкомат. У него было какое-то предчувствие, что за этим вызовом что-то стоит, может быть, даже арест! Поэтому он ожидал самого худшего. Прежде чем уйти, он дал совет супруге, как лучше приготовиться к обыску, и объяснил, как вести дело Божье в случае, если он не вернется.

В военкомате состоялась короткая беседа, которая как будто не предвещала никакой опасности. Но как только он вышел из

помещения, его окружили шесть человек и предложили вместе с ними пройти во Дворец культуры, где должен состояться общественный суд, касающийся и его.

Вениамин спросил, почему не прислали повестку и не предупредили об этом? Почему применяют такие незаконные приемы? Ему ответили, что давно хотели его привлечь к суду, но только не могли его поймать, потому что он все время находился в разъездах и не был дома.

— Как видите, ваш Бог все же не смог сохранить вас и вы попали в наши руки! — сделали вывод обвинители.

К месту суда его вели в тесном окружении, чтобы не дать возможности сбежать. Пришли рано. Во Дворце показывали кинофильм. Вениамин попросил своих преследователей, чтобы они отпустили его домой сообщить жене, где он, дав слово, что снова вернется.

— Если вы мне не верите,— сказал он,— то пусть кто-то из вас сопровождает меня.

В ответ на это они с силой толкнули его в какую-то пустую комнату. Люди, находившиеся во дворце, заинтересовались молодым проповедником и один за другим стали заходить в комнату, чтобы посмотреть на него. Набралась полная комната людей. Началась беседа. Некоторые из собравшихся смеялись, другие проявляли большой интерес.

Когда подошло назначенное время, обвиняемых повели на сцену. Их было восемь человек: шесть мужчин и две женщины. Судья зачитал обвинения, и каждый из преступников должен был встать перед собравшимися. В этот момент каждого из них фотографировали со всех сторон.

Первое обвинение было следующим: «Гражданка Н. восемь лет отсидела в тюрьме за воровство. После освобождения продолжает воровать и пьянствовать». Лицо женщины было обезображено и носило следы порочной жизни.

Второе: «Женщина сдала своих детей в интернат, сама ведет аморальный образ жизни».

Третье: «В клубе украл пальто».

Четвертое: «Выгнал жену с ребенком на мороз. Пьянствует»...

...Седьмое: «Пьянствует, ворует, дерется».

Восьмое: «Не работает, проповедует, занимается религиозной агитацией».

На восьмое обвинение обратили особое внимание. В этот вечер молодой проповедник был в центре внимания, как будто преступление его было тяжелее всех.

После того, как были зачитаны обвинения, каждый обвиняемый должен был подойти к микрофону и рассказать о причинах содеянного. Все семь человек оправдывались, пытались переложить вину на кого-то, на обстоятельства. Они каялись, обещали впредь не повторять подобного.

Слушая их, все с нетерпением ожидали выступления молодого проповедника. В тот момент Вениамин вспомнил время, когда римляне, пресыщенные зрелищами гладиаторских боев, неистово кричали, топая ногами: «Христиан на арену! На арену! К зверям!»

Вениамин спокойно подошел к микрофону и, обратившись к собравшимся, начал говорить: «Считаю большим преимуществом то, что могу говорить перед вами и рассказать о том, кто такие адвентисты седьмого дня». В зале было много тех, которые с огромным интересом слушали об адвентистах седьмого дня, ибо читали о них в газетах, слышали по радио, видели по телевизору, где они были представлены какими-то чудовищными существами, приносящими в жертву своих детей.

На таких процессах, обыкновенно, по всему залу рассаживали заранее приготовленных людей, которые должны были по определенному сигналу кричать, создавать шум, чтобы говорящего никто не мог слышать.

Так случилось и теперь: поднялась такая буря, что Вениамин должен был замолчать. Сквозь этот шум был слышен грозный голос судьи: «Что вы думаете, мы вас пригласили проповедовать?»

Последовали вопросы о его деятельности: поездках, собраниях; о его родителях. Вениамин заметил, что статья закона не запрещает вести религиозную деятельность в нашей стране и допускает свободу вероисповедания. Он рассказал также о том, что в 1940 году его отец за свои религиозные убеждения был арестован и умер в тюрьме. «За религиозные убеждения у нас не судят,– в ярости закричал судья,– видимо, он был служителем культа!» После того, как Вениамин рассказал о своем тяжелом детстве, о ранней смерти матери, за кулисами раздался взволнованный сострадательный голос женщины: «Да благословит тебя Господь!»

Обвинители из публики зачитывали заранее приготовленные обвинения. Читал председатель общественного суда: «Вы, молодой человек, образованный. Бросьте этот дурман, бросьте мысли о Боге! Никакого Бога не существует! Все это обман, и вы только обманываете людей!»

После него выступил редактор местной газеты: «Видите, как он выворачивается? Даже придает законность своим действиям. Все это вранье! Сам не верит тому, что проповедует другим! Купил магнитофон и крутит своим приверженцам! Не знает, что магнитофон – чудо науки – давно опроверг религию. Этого он своим верующим не объясняет. Он – тунеядец! Необходимо принять меры! Если он даже пойдет на работу – не разрешать ему отдыхать в субботу!»

Один шофер, показывая на Вениамина рукой, сказал: «Возьмем ли мы таких в коммунизм? Они приносят нам только вред. Выслать их надо на необитаемый остров, как Робинзона Крузо. Убирайся из нашего города и из нашего края!»

Четвертый обвинитель: «Не укладывается в голове, как такой молодой, грамотный человек может верить в Бога? Я тоже предлагаю выслать его на остров».

Пятый: «Какая разница между ним и вором?»

Общественный обвинитель: «Таких надо не только разубеждать, но и принимать принудительные меры. Он может говорить пять-шесть часов о своем дурмане. Он умеет красиво говорить. Надо избавляться от таковых: выкидывать их из автобусов, сталкивать с поездов, лишать возможности покупать что бы то ни было, расклеивать в каждом магазине их фото, чтоб народ их не пускал туда. У него голова умная, может быть, он шпион? Надо его передать органам госбезопасности, пусть поинтересуются, чем он занимается?»

В этот момент его утешением были прекрасные слова из Псалмов Давида: «Они проклинают, а Ты благослови; они восстают, но да будут постыжены; раб же Твой да возрадуется. Ибо Он стоит одесную бедного, чтобы спасти его от судящих душу его» *(Пс. 108:28, 31).*

После этого обвиняемым была дана возможность просить у суда помилования. Все каялись, обещали впредь не повторять свои преступления. «Это был для меня самый тяжелый момент,– рассказывал нам Вениамин впоследствии.– Что я должен был просить? Я не видел за собой никакой вины, я не мог

отречься от своего Господа, от своей веры, от проповеди Евангелия. Мне было легче умереть, ведь мой отец умер за свои убеждения! Быть может, меня сразу отсюда направят в тюрьму, и я даже не успею сообщить об этом своей жене? Одна мысль за другой мелькали в моей голове. Я горячо молился и даже не знал, что буду говорить, когда подошел к микрофону».

«Когда же будут предавать вас, не заботьтесь, как или что сказать; ибо в тот час дано будет вам, что сказать; ибо не вы будете говорить, но Дух Отца вашего будет говорить в вас» *(Мф. 10:19, 20)*.

Вениамин встал у микрофона и спокойным голосом произнес: «Обвинения в мой адрес голословны. Укажите, какой закон я нарушил?» Стоя перед разъяренной толпой, он был совершенно спокоен. Их раздражало его спокойствие и терпение, с которым он переносил тяжелые и несправедливые обвинения, клевету, насмешки. Им было тяжело смотреть в глаза этому невинному человеку, который не сделал никакого зла. Вся его вина заключалась в том, что он проповедовал Слово Божье.

Воцарилась тишина, никто ничего не мог сказать. Судьи пошли на совещание. На сцене за занавесом стояло много народу, многие поднялись из зала на возвышение. Там были учителя, студенты, милиционеры, уборщицы, рабочие. И снова началась беседа о сотворении мира, о существовании Бога. Некоторые слушали внимательно, другие спорили и не соглашались. Вениамин видел, что какая-то женщина подходила то к одному, то к другому из присутствующих и с умоляющими глазами упрашивала: «Дайте же ему сказать слово, не перебивайте, выслушайте его и нам дайте послушать».

Он понял, что это та самая женщина, голос которой во время суда раздался за кулисами. Это она с сочувствием произнесла: «Да благословит тебя Господь!»

«Все же ваш Бог не мог сохранить вас от наших рук, и вас привели сюда»,– раздался среди толпы грубый мужской голос. Другие поддержали его, смеялись, радовались унижению невинного человека.

Вениамин спокойно ответил: «Я должен был быть здесь». Все умолкли, заинтересовавшись: по какой причине он здесь должен быть, и с большим интересом ожидали дальнейшего пояснения. Он продолжал: «Обязательно я должен был быть здесь и рассказать вам истину. На богослужения вы не ходите, а услышать

должны, чтобы в день Суда не могли сказать: мы ничего не знали и никогда не слышали».

Некоторые из присутствующих слушали внимательно, их лица выражали глубокую задумчивость. Другие кричали: «Видел ли ты Бога, что проповедуешь о Нем?»

Вошли судьи. Зачитали приговор. Вениамину вынесли общественное порицание за его религиозную деятельность и обязали в течение двух недель устроиться на работу, в противном случае дело будет передано народному суду и последует высылка.

Судьи ушли. За занавесом продолжалась беседа. Так как многие из присутствующих желали слушать, то крикуны постепенно утихли, и на них никто не стал обращать внимания. Стали задавать вопросы о папстве, инквизиции, теории эволюции, бесконечности вселенной, о Боге, Библии. Вениамин советовал читать Библию, чтобы иметь собственное мнение, а не плыть по течению.

Было уже поздно, пришло время закрывать Дворец культуры, но люди все еще не расходились. Выключили свет, но беседа не прекращалась и в темноте. Милиционеры стали торопить народ, но никто не уходил. Беседа продолжалась. Каждое слово этого невинно осужденного и несправедливо оклеветанного человека было ново и интересно. Подобного еще никогда не приходилось людям слышать.

«Такой молодой и такой начитанный! На все вопросы отвечает грамотно!» — впотьмах шептались между собой люди.

Большие стенные часы пробили двенадцать, народ стал тихо расходиться. Вениамин шел вместе с людьми. Для тех, кто слушал его слова, он не был тунеядцем, жуликом, извергом. Они видели в нем человека, который имел убеждения и был готов за них умереть.

Все разошлись. Он продолжал свой путь один. Была уже глубокая ночь, когда Вениамин шел и вспоминал страдания своего Господа, как Он, стоя перед разъяренной толпой, спокойно переносил несправедливые обвинения и клевету. «Распни, распни!» — неистово кричали священники и народ. Как все это похоже на переживания Его детей. Стоя на сцене во время суда, Вениамин чувствовал близость дорогого Спасителя. Его Слово утешало, давало уверенность и силу. Глубокий душевный мир объял его, когда кричали, обвиняли, угрожали.

Он думал о том, как многие, принимающие участие в осуждении Христа, потом раскаялись и обратились к апостолам с вопросом: «Что нам делать, мужи братья?» О, если бы хоть одна душа сегодня вечером приняла весть спасения, сторицею были бы вознаграждены все страдания!

Нить его мыслей была прервана раздавшимися за ним уверенными шагами. Он чувствовал, что за ним идет человек, который желает с ним заговорить. Вениамин замедлил шаг, и с ним поравнялась женщина. Он узнал тот же голос, который раздался за кулисами. Та самая, которая упрашивала народ выслушать его.

«Я была на суде,– начала она робко.– Я была рада, что вы, такой молодой и образованный, не стыдитесь защищать свою веру. Правильно вы поступили. Но только мне было очень жаль, что вас посадили вместе с ворами, прелюбодеями и пьяницами».

Вениамин рассказал ей об осуждении Христа. «Я много раз читала эти главы в Евангелии, но в ту ночь я поняла сцену осуждения Христа более глубоко и ясно, как никогда раньше, а так же и то, как ужасен грех, и сколь велика, неизмеримо велика цена, которая была уплачена за избавление человека»,– говорила потом эта женщина.

Было уже далеко за полночь. По улице не спеша шли два человека. Их шаги гулко раздавались в ночной тишине. Один из них говорил, и речь его была вдохновенной, страстной. Женщина тихо плакала... Так они дошли до дома женщины, попрощались, и Вениамин пригласил ее на богослужение. Продолжая свой путь, он благодарил Бога за предоставленную возможность проповедовать о Нем.

Уже недалеко был его дом, и он торопился, ибо знал, что его дорогая подруга жизни тоже не спит в эту ночь, но с тревогой в сердце ожидает его.

Снова он услышал за собой шаги. Две девушки поравнялись с ним. «Мы были на суде,– сразу заговорили они,– и слышали, как вас обвиняли. Мы восхищались вами, вашим спокойствием и вашими ответами. Жаль, что вам не разрешили говорить, мы бы с удовольствием послушали вас. Но разве есть Бог? Если Он есть, то почему столько зла в мире? Он ведь ничего не делает, чтобы укротить этот поток зла!»

И снова началась беседа. Вениамин говорил о возникновении зла, о любви Божьей и о жертве Христа. Все это было для них

ново, никогда они об этом не слышали, но хотели слышать больше и больше. Они уже дошли до своего дома. Ночь была холодная, а они были легко одеты. Несмотря на это, они еще долго стояли у своего дома и не хотели расставаться: еще было так много вопросов, много интересного и неизвестного.

Медленно проходили часы. Каждую минуту ждала Валентина своего друга. Неужели так долго его держат в военкомате? Несколько раз она преклоняла колени в горячей молитве и просила Господа, чтобы Он сохранил ее друга и, если возможно, помог ему вернуться домой.

Настал вечер. Она уложила детей спать. На сердце было тяжело и тревожно. Валентина вышла на улицу, чтобы немного пройтись и отвлечься от своих мыслей. Навстречу ей шли люди, торопливо и равнодушно проходя мимо. Им были чужды ее горе и тревога души. К кому обратиться, кого спросить, где искать — она не знала... С тоской она вглядывалась в ночную тьму. Порой ей казалось, что вот-вот он идет. Люди приближались, проходили мимо нее, а она все стояла и стояла, надеялась и ждала, пока ночной холод не пробрал ее до костей.

С тяжелым сердцем Валентина вернулась домой. Дети спокойно спали. Долго она стояла и смотрела на них. Неужели их ожидает такая же участь, как и их отца,— обездоленное сиротство, безотрадное детство?.. Тяжелые картины, о которых рассказывал ей муж, проходили перед ее глазами: арест отца, ранняя смерть матери, нужда, трудности... Но этот путь они избрали добровольно, зная, что на нем можно встретить гонения, лишения, разлуку. Множество верных свидетелей шли по этому пути, пренебрегая гонениями и смертью. Теперь же настал их час. Молодая мать вполне осознавала величие этого часа, она прочувствовала его до глубины своей души и, в смирении склонив голову, шептала: «Да будет воля Твоя!»

Пробило два часа ночи. Валентина уже не ждала мужа, а с нетерпением дожидалась утра, чтобы пойти в военкомат и узнать о его судьбе. Она размышляла о вчерашней последней беседе с мужем, вспоминала его наставления и советы, как вести дело Божье в случае, если он не вернется. Вдруг тихий стук в окно прервал нить ее мыслей. Знакомый стук близкого человека! Она не нашла нужным спросить, кто стучит, и широко распахнула дверь. Да! Это стоял он! Он был бледный, уставший, но спокойный. Он стоял и грустно улыбался.

Далеко позади остались неистовые крики толпы, клевета, насмешки. Он мог снова вернуться в свой дом и быть вместе с дорогими его сердцу людьми. Предрассветные сумерки уже заглядывали в окно, но они все еще не спали. Так много было пережито за эти двенадцать часов! Они склонили колени перед Господом. В их сердцах не было места ни обидам, ни мести, но только искренняя благодарность переполняла их.

«Посему я благодушествую в немощах, в обидах, в нуждах, в гонениях, в притеснениях за Христа: ибо, когда я немощен, тогда силен» (2 Кор. 12:10).

МИХАИЛ КУЛАКОВ

Михаил Кулаков жил в Средней Азии и работал в бригаде, которая состояла только из верующих. Свободного времени у него было мало, а обязанностей, касающихся дела Божьего,— очень много. В пятницу, после окончания работы, он отправлялся в путь, чтобы посетить в разных местах верующих, а в воскресенье вечером возвращался.

Однажды, когда выпачканные землей братья вылезли из траншеи, которую копали для водопровода, и, усевшись на землю, приготовились обедать, к ним подошел незнакомый человек, представился корреспондентом и пригласил Михаила на беседу.

«Михаил Петрович,— начал он вежливо,— какое ваше мнение о статье, опубликованной в местной газете, касающейся вас и ваших единоверцев?»

Михаил вспомнил тяжелые лагерные годы, грубое, жесткое обращение. Этот человек говорил вежливо, даже ласково, но Михаил прекрасно знал, что под этой маской вежливости кроется та же самая лагерная жестокость и несправедливость и, желая показать, что он прекрасно понимает цель этой притворной вежливости, определенно сказал: «Благодаря вашим стараниям меня выгнали с работы, где я был фотографом, и вы теперь хотите, чтобы меня лишили и этой тяжелой грязной работы? Но имейте в виду, что все, что вы делаете против нас, только приближает нас к Богу и укрепляют нашу веру».

Корреспондент не ожидал такого ответа. Немного смутившись, он изменил тему разговора: «Происходят ли у вас крещения, и как часто?»

— Дело Божье никто и ничто не в силах остановить. Оно, как могучая река, идет вперед.

— Как вы представляете Второе пришествие Христа? Расскажите мне об этом.

— Пока ничего не скажу. Здесь не место для этого рассказа. У вас есть вся литература нашей церкви, читайте те книги, которые вы изъяли у меня при обыске,— «Великую борьбу» и другие.

— Хотели бы вы встретиться с представителями власти, чтобы обсудить ваше положение и положение вашей церкви?

— Если бы это происходило в соответствующей обстановке и мирно, то почему бы и нет?

И тут «доброжелательный» вежливый человек подал Михаилу повестку: 5 марта 1962 года явиться в отделение милиции.

В распоряжении Михаила оставалось только пять дней. Он не знал, придется ему вернуться домой после вызова или нет, и поэтому решил созвать пресвитеров, чтобы поговорить с ними о том, как впредь вести дело Божье в случае, если он не вернется. За эти немногие дни он посетил и ближайшие группы верующих.

Его верная подруга жизни, которая всегда была готова к этому скорбному событию, готовила одежду и пищу. Вся их жизнь проходила так, что каждый день можно было ожидать разлуки. Дети не отходили от своего папочки. Они уже пережили разлуку, и их маленькие сердечки снова объяла тревога за своего дорогого отца. Теперь и самые маленькие — Машенька и Мишенька — тоже стали понимать, что предстоит что-то страшное, и их лица выражали глубокую скорбь.

В городе к пятому марта тщательно готовились. Были расклеены объявления. В газете была снова напечатана статья и, чтобы обсудить ее и принять меры, власти стали собирать людей.

Настал день суда. После горячей молитвы, в которой принимали участие и самые маленькие, Михаил с женой отправились в путь. Он оделся хорошо, как подобает представителю адвентистского народа, но с собой взял старую одежду для тюрьмы. Сестры несли сумку с одеждой и продуктами, чтобы после суда Михаил смог переодеться.

Михаил с женой зашли в отделение милиции. Не зная, где будет происходить суд, собратья приготовились следовать

в такси за машиной, в которой повезут арестованного. Но пока стояли в ожидании у отделения милиции, узнали, что суд должен состояться в клубе.

Михаила и еще двух братьев, которые тоже ожидали суда, посадили в машину и увезли. Корреспондент, увидев, что люди пришли с узлами, спросил, для чего они. Ему ответили, что подсудимые приготовились к тюрьме.

В зале заседания собралось более ста человек наших братьев и сестер. Они сидели в первых рядах. Когда зал наполнился людьми, вывели подсудимых.

Избрали президиум. Одна женщина говорила долго о прогрессе, о достижениях, о том, что всему этому мешают сектанты. «Например, среди нас находится Михаил Кулаков,– она указала на него,– которому было предложено работать по специальности педагогом (хотя этого никогда не было.– *А. М.)*, но он отказался работать. Почему? А вот почему: он – сектант! Несмотря на то, что имеет образование, он отстает от всего передового, прогрессивного. Он – фанатик, мракобес...»

Потом дали слово Михаилу. Собрание всколыхнулось. Перед ними стоял образованный молодой человек, говорил толково, спокойно. Он говорил о свободе религии, которая закреплена Конституцией. Но ему дали возможность говорить только несколько минут. По сигналу поднялся шум и крик, ничего не стало слышно, и Михаилу пришлось замолчать. Дали слово двум братьям, но, как только они начали говорить, снова начали кричать и свистеть. Некоторые братья говорили из зала. Один из заседателей закричал, что в первых рядах сидят адвентисты и проповедуют перед всеми, хотя им и не давали слово. Атмосфера накалялась, страсти разгорались. «Стрелять, вешать таких!» – раздавались неистовые крики. Один за другим поднимались на возвышение люди и читали заранее приготовленные записки. Некоторые из них едва могли читать ввиду своей малограмотности. В зале сидела одна издалека приехавшая сестра. Ее никто не знал. Она попросила слова, и ей разрешили. Встав на возвышении, она спокойно спросила: «Я все время слежу за всем происходящим здесь и никак не могу понять, в чем вы обвиняете этих людей? Прошу, поясните мне это». Не успела она окончить последнюю фразу, как начали кричать: «Ты – тоже одна из них! Притворяешься, что не понимаешь! Садись на свое место и слушай, тогда поймешь!»

Лица людей становились все мрачней и мрачней, крики усиливались. Снова раздались возгласы: «Вешать! Стрелять таких!»

С последних рядов раздался спокойный громкий голос мужчины: «Эй, вы, коммунисты! Почему не даете людям в свою защиту говорить, чего рты затыкаете?»

Сразу все замолчали. Потом кто-то опомнился: «Он пьяный! Выведите его вон из зала!» Так, конечно, было легче всего отделаться от обличителя.

Михаила все время освещали прожекторами. Их раздражал его спокойный вид, он держался бодро, смело. Обвинители же хотели увидеть его печальным и подавленным.

Некоторые требовали, чтобы верующих выслали в Баконас (место ссылки). Выступила учительница и сказала, что нельзя допустить, чтобы верующие калечили детей. «Мы будем изучать их книгу Библию,– сказала она,– чтобы лучше знать, как с ними бороться». После ее выступления встал мужчина. Его лицо и речь были полны злобы. Он призывал не читать Библию, потому что эта книга ничего не даст, кроме вреда, Михаила же требовал выслать, передав народному суду.

Собрание окончилось решением передать Михаила и двух братьев народному суду.

После суда братья зашли в соседний зал. К Михаилу подходили и спрашивали: «Ты арестован?» Михаил ответил, что как будто еще нет, хотя сам не мог понять, в каком положении он сейчас находится. Подходили и сочувствующие из публики, пожимая его руку.

Было темно. Михаил с женой и некоторыми собратьями шел по дорожке в сквере. Впереди шел корреспондент местной газеты с женщиной, которая ему рассказывала, что Михаила многие приветствовали и восхищались его спокойствием как доказательством его невиновности. Корреспондент заволновался, и круто повернув, хотел было возвратиться в клуб, но перед ним вырос Михаил и спокойно сказал: «Я здесь, не беспокойтесь!»

Тот отступил, сразу не сообразив, что сказать. Только спросил: «Вы довольны тем, как прошло собрание?» Михаил ответил: «Что вы хотите этим сказать? Думали ли вы прежде, чем задали этот вопрос? Впрочем, мне очень вас жаль!»

На другой день Михаил пошел за расчетом. Директор с сочувствием спросил, как повлияло на него все пережитое? «Это

только укрепляет нашу веру, и мы видим ту громадную разницу, которая существует между верующими и атеистами».

Директор не мог дать расчет Михаилу до предстоящего народного суда, но потом выяснилось, что суда не будет, потому что не нашлось достаточно материала для обвинения.

Брат Михаил уволился с работы и уехал.

НИКОЛАЙ ИГНАТОВ

Хотя немало трудностей и гонений пришлось испытать брату Николаю на Кавказе, они не миновали его и на Дальнем Востоке. Ему приходилось часто менять работу. О нем печатали в газетах статьи, полные клеветы и горьких обвинений; показывали по местному телевидению, так что Николай стал одним из самых известных людей в городе Хабаровске. Не раз поздними вечерами, когда он после тяжелого трудового дня, склонившись над Библией, изучал Слово Божье, в окна летели тяжелые камни, угрожая его жизни и жизни его семьи.

Несмотря на трудности, Николай продолжал святое дело: он проповедовал, посещал рассеянных собратьев, совершал крещение и Вечерю Господню.

Это и было вменено ему в преступление, и Николай должен был предстать перед судом. Перед началом суда его старались переубедить, уговорить отказаться от своей веры.

— У тебя ведь четверо детей, жена часто болеет, а вся жизнь еще впереди,— говорили они.

— Цель нашей жизни — проповедовать Евангелие. Иначе я не могу, делайте со мной что хотите,— ответил Николай.

После неудачных уговоров начали грозить: «Мы тебя сошлем, сгноим, детей отберем».

Начался суд. Он был такой же, как и над братьями Михаилом Зозулиным, Вениамином Кучерявенко, Степаном Зайцевым и многими другими. В то время такие суды были обычным делом. Так же неистово кричали заранее подготовленные люди, так же беспощадно сыпали обидными словами и клеветой. Николаю предъявили обвинение: «Посещал общины, совершал крещения, бракосочетания, причастие и питался за счет верующих». Причиной для последнего обвинения послужил случай, когда братья и сестры, которых посетил Николай, покормили его и помогли взять билет на обратную дорогу.

Решение суда — пять лет ссылки.

После суда в газете появились две статьи: «Конец его миссии» и «Таких железной метлой вымести из общества».

Николая собирались сослать в район имени Полины Осипенко. Железной дороги там нет, добраться можно было только самолетом, мало кто из сосланных туда возвращался домой. Но планами людей управляет Господь. В течение трех недель, после того как Николаю объявили о месте ссылки, была нелетная погода, а затем совершенно неожиданно его отправили в Ульчский район. Спустя некоторое время с ним встретился капитан милиции Сергей Федорович Ельшов. Он познакомился с его делом и с удивлением спросил, как он попал в это место? Затем он рассказал, что его собирались отправить на Сиговы — бывший лагерь, где отбывали наказание политзаключенные, раскулаченные и тунеядцы. В это глухое место, где вокруг только болота и тайга, можно было добраться только зимой, по замерзшей дороге. Господь расположил сердце капитана и после продолжительной беседы он распорядился перевести Николая в районный центр, где был и телефон, и магазины.

Стояла ранняя весна. В тайге еще местами лежал снег. Вокруг стояли, тесно прижавшись друг ко другу, деревья — ели, сосны, кедры, осины, лиственницы, пихты. Среди них тут и там на земле лежали огромные деревья, как сраженные в битве великаны. Здесь они проживали свой век — десятки, а, может быть, и сотни лет. Упавшие в тайге деревья образуют как бы неприступную крепость, оберегая тайны своего загадочного царства.

Николай шел вперед. Его манила таинственность леса. Для человека, который вырос на степных просторах Донбасса, тайга была полна новых впечатлений и манила своей таинственностью. Устав от ходьбы, он присел на пенек, чтобы отдохнуть. В лесу царила величественная тишина, которая, подобно целительному бальзаму, успокаивала и врачевала истерзанное сердце.

Перед его взором прошли картины суда и прощания с семьей. Он вспомнил, как за ним пришли после суда, чтобы отвести в тюрьму. Как плакал Костя, его дорогой сынок, обвивая своими ручонками его шею и приговаривая: «Папочка! Мой папочка! Разве мы больше никогда не увидимся на этой земле, разве только на небесах?» Плакали и Людочка, и Ирочка, и маленький Сережа. Сколько скорби может вместить маленькое челове-

ческое сердце! Если бы он не имел в этой печали утешения свыше, то было бы слишком тяжело.

Когда он открыл глаза, то увидел перед собой целое семейство живых существ. Это были маленькие забавные зверьки — бурундуки. Их круглые глазки смотрели на него с любопытством. Они вылезли из своих норок, чтобы посмотреть на необычного гостя. В их любопытном взгляде не было ни вражды, ни ненависти, в противоположность тому, что ему пришлось видеть в последнее время. Напротив, казалось, что эти глазки смотрели на него с состраданием. Сколько прекрасного создал Господь на этой земле! Во всяком месте и при любых обстоятельствах Он может утешить нас Своим присутствием и творением Своих рук.

Николай трудился шесть дней, а в седьмой оставался в покое по заповеди. Он выполнял дневную норму на двести процентов. В поселке все знали Николая как самого порядочного, трудолюбивого и доброго человека. Многим он помогал, чем мог. Скоро Николай познакомился с Иваном Олыфировичем Ткачуком и его семьей. Он учил его колоть дрова и помогал устраиваться на новом месте. Часто они проводили время в беседах об истине, и через некоторое время Иван Олыфирович и его жена присоединились к адвентистской церкви. Так Господь поддерживал Своего несправедливо осужденного слугу.

К середине срока в Хабаровске снова всплыло дело Николая. В город приехал журналист, работавший в журнале «Наука и религия». Он узнал о судьбе Николая Игнатова, познакомился с его семьей. В это же время Николаю дали отпуск и он прилетел домой на несколько дней. Журналист просмотрел дело Николая и сказал: «Вас должны немедленно освободить, потому что сослали вопреки существующим законам! Пишите заявление с просьбой о досрочном освобождении». Николай поступил по его совету. Но нашлись люди, которым не понравилось расследование журналиста и его выводы. Придрались к тому, что дети Николая не ходили в школу в субботний день, и срок ссылки не был сокращен. Когда Николай вернулся, то вместо досрочного освобождения его ждал очередной общественный суд. На суд собрали всех жителей поселка. Николаю дали слово. Он говорил два часа о святой истине, за которую страдал. Его обвинители пытались прервать его речь, но народ кричал: «Дайте ему говорить! Не мешайте! Мы хотим послушать!» Судьи попытались было в чем-то обвинить Николая, но люди, хо-

рошо знавшие и любившие его, не дали им говорить. Так ни с чем и разошлись.

«И трудимся, работая своими руками. Злословят нас, мы благословляем; гонят нас, мы терпим» *(1 Кор. 4:12)*.

Ровно через пять лет Николай вернулся из ссылки. Долго искал работу. Нигде не хотели принимать бывшего в ссылке человека. Наконец Николай устроился в банно-прачечный трест. Когда начальник треста узнал, что Николай не пьет, то принял его инженером на очень хорошее место, и больше его никто не беспокоил.

КАЗИМИР КОРОЛЕНКО

Среди множества картин Третьяковской картинной галереи в Москве есть одна, у которой люди задерживаются обычно дольше, чем у какой-либо другой. Это картина Иванова «Явление Христа народу». На ней изображен Спаситель, идущий к Иордану, где Иоанн Креститель совершает крещение. Креститель рукой указывает на Иисуса: «Вот, Агнец Божий, который берет на Себя грех мира». Критики отмечают, что картина не закончена, и находят в ней некоторые недостатки. Но она привлекает посетителей величием образов и вызывает благоговение. Проходят годы, и многие виденные вами картины бесследно исчезают из памяти. Остаются лишь немногие, впечатление от которых настолько сильно, что не проходит с годами. То же происходит и в жизни: встречая людей, мы знакомимся с их убеждениями, взглядами, характерами. Но не все они остаются в наших сердцах, не все становятся светлыми образами в галерее наших душ. Среди множества людей, которых мы встречаем, с нами остаются те, о которых Спаситель говорит: «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят». Рука времени бессильна изгладить их из нашей памяти.

...Мы называли его «человеком с чистым сердцем». Об этом говорили его слова и поступки. Помню одну ночь, когда мы провожали брата Казимира с семьей в далекий путь. Когда поезд отошел и провожающие с тихой грустью возвращались домой, я услышала такой разговор. Первая женщина: «Во время голода он всегда спрашивал, не голодна ли я, и часто приносил кое-что из пищи, хотя и сам нуждался и имел свою семью и малых детей».

Другая: «Когда забрали моего мужа, и я осталась с тремя детьми, он каждое утро брал к себе меньшую девочку, кормил ее и одевал».

Третья: «Так как я одинокая, то он всегда поддерживал меня добрыми советами и никогда не оставлял в трудные минуты жизни».

В ночной темноте поезд мчался все вперед и вперед, увеличивая расстояние между нами и нашим дорогим другом. Но добрая память о «человеке с чистым сердцем» осталась навсегда с нами.

Брат Казимир отправлялся в Северный Казахстан. Руководители церкви предложили ему переехать туда, чтобы собрать рассеянное стадо Христово. Во время тяжких лет гонений братья и сестры, жившие там, не имели возможности принимать участие в Вечере Господней, многие ожидали крещения.

Это было тяжелое послевоенное время. На горизонте снова появилось зловещее зарево гонений. Недавно был арестован и осужден на десять лет заключения брат Кулаков.

Но эти обстоятельства не устрашили брата Короленко, и он решился поехать. В Подмосковье у него был прекрасный дом с садом. Но не сомневаясь ни на минуту, все распродав, он отправился в путь.

Пока брат Казимир находился в пути, девальвация рубля свела на нет все приобретенное им за многие годы упорного труда. Когда мы снова встретились и заговорили о том, что он потерял, он с улыбкой сказал: «Это так мало тревожит меня, что я совершенно об этом забыл». Какой-то необыкновенный внутренний мир сохранялся при всех обстоятельствах его жизни.

Прибыв на место, брат устроился работать ночным сторожем. По ночам к нему приходили собратья, и там они беседовали, в ночной тишине, на сырой земле преклоняя колени, молясь о силе и помощи свыше.

Несмотря на постоянную слежку, брат Казимир часто разъезжал, посещая рассеянных собратьев. Однажды он приехал в маленький городок Аул, в котором тогда жили 18 членов церкви. Брат хотел там провести служение Вечери Господней и крещение. Богослужения всегда проходили у брата Данильсона, у которого был свой дом. Он работал фотографом, а его ателье находилось недалеко от станции. С поезда брат Казимир, как всегда, сразу же отправился к брату Данильсону в фотоателье. Тепло поприветствовав Казимира, брат Данильсон с боль-

ним сожалением сказал, что на этот раз у него нельзя будет провести богослужение, ибо к нему приехали родственники с детьми и в доме шум и беспорядок. Он предложил провести богослужение у одного из братьев, который живет на другом конце города.

Весть о приезде Казимира и о месте богослужения разнеслась очень быстро. Собрание прошло спокойно, и дети Божьи смогли получить подкрепление, чтобы продолжать свой тернистый путь, ведущий к вечности. В ту же ночь было совершено крещение, и несколько душ присоединились к церкви Божьей.

В годы гонений Вечеря Господня являлась маленьким оазисом в суровой жизненной пустыне. Уставшие путники с большой радостью встречали этот день, чтобы получить надежду, утешение и силы для новой борьбы. Из городка Аул брат Казимир должен был отправиться в город Талды-Курган, где также было назначено крещение и Вечеря Господня. До города Талды-Курган необходимо было добираться поездом. Брат Данильсон отправился за билетами, а Казимир и брат Буш остались в мастерской, из окна которой можно было видеть движение поездов. Пока брат Данильсон ходил за билетами, мастерскую посетили несколько человек, которые интересовались Казимиром. Чтобы не привлекать к себе внимания, они решили не выходить из мастерской, пока не увидят свой приближающийся поезд.

Все билеты были распроданы, и Данильсон смог взять билет только в спальный вагон. Это и спасло Казимира, так как милиционеры, прошли по всем вагонам, но не искали там свою жертву в спальном.

На полпути брат Буш попрощался и сошел с поезда на своей станции. Ночью Казимир прибыл в Талды-Курган, а рано утром его разбудил хозяин дома, сообщив, что для него имеется срочное письмо. Брат Данильсон писал: «Мой дом был оцеплен всю ночь. Тебя искали у меня дома, в мастерской, на станции. За тобой погоня, немедленно уезжай оттуда».

Письмо привезла одна сестра, которая должна была скоро родить. Но это сообщение она никому не хотела доверить, ибо от него зависела свобода брата Казимира Короленко. Она ехала на поезде, потом всю ночь на автобусе, чтобы скорее добраться до места.

Когда она сошла с автобуса, начались схватки. Вызвали «скорую помощь» и хотели увезти ее в больницу. Молодая женщи-

на сказала, что немедленно должна видеть свою свекровь, которая живет в этом городе. За ней поехала машина и привезла родственницу. Передав ей письмо и попросив срочно отнести его по адресу, сестра уехала в больницу. Господь сохранил ее здоровье, и роды прошли благополучно.

Получив письмо, Казимир прочел его собратьям. Всех объяла скорбь. Они боялись за судьбу брата и советовали ему немедленно уехать. Но Казимир сказал: «Как же я могу все бросить и бежать, когда мне предстоит совершить великое и святое дело?» Пока они беседовали, сделалось совсем темно. Надвинулись тучи, и большими хлопьями начал падать снег. В нескольких шагах ничего не было видно. Тогда же несколько душ на реке заключили завет с Господом, своим Спасителем. Вернувшись оттуда, они провели Вечерю Господню, и брат отправился в путь.

Через четыре года брат Казимир встретился в Москве с братом Данильсоном, и узнал о том, что произошло тогда во время его посещения города Аула.

Один милиционер, принимавший участие в поисках брата Казимира, как-то спросил у Данильсона: «Скажи, где тогда находился Казимир, когда мы его искали? Ты не бойся меня, я уже давно не работаю в милиции. Но мне просто интересно, где он был в ту ночь, когда в твоем доме должно было произойти богослужение? Мы окружили дом и караулили всю ночь. Утром Казимир из дома не вышел. В мастерскую мы посылали несколько человек, одного за другим, но и там его не было. На станцию Буш пошел один. Мы обыскали все вагоны и после этого еще три дня караулили на станции, думая, что он поедет позже». Брат Данильсон рассказал ему, что до обеда Казимир и брат Буш сидели в мастерской, а после обеда пошли на станцию, сели в поезд и поехали. Этот человек не поверил словам брата Данильсона, ибо он не мог допустить то, что Отец Небесный, чтобы спасти Своих детей, может закрыть глаза врагам.

Его ангел стоял между ним и опасностью, и эти драгоценные опыты чудесного избавления и охраны Божьей впоследствии, когда пришлось пройти долину смертной тени, стали для него подкреплением и утешением. Домой он поехать не мог, ибо знал, что там его ищут. Он отправился в Москву, чтобы посоветоваться с братьями, как поступить дальше. Дорогой он встретился с братом Васюковым, который в течение 24 часов обязан

был покинуть город Харьков и теперь жил в городе Богуславе. В то время этот небольшой городок был городом-убежищем для гонимых детей Божьих. Хотя нельзя было сказать, что в этом городке верующие были оставлены без всякого внимания. Но все же, сравнивая отношение властей к верующим в этом городе с другими, где происходили аресты, можно было сказать, что здесь было легче. Зная это и спасаясь от преследований, сюда переехали несколько семей из отдаленных краев. По совету Васюкова туда переехал и Короленко с семьей.

Вскоре брат Казимир был арестован, у него были конфискованы книги, но через некоторое время его освободили, с условием, чтобы он никуда не выезжал из города без ведома властей.

Некоторых сестер били, принуждая свидетельствовать против брата Казимира, но они с терпением переносили все угрозы и побои и отказались давать ложные показания.

...Был конец августа, студенты и курортники ехали со всех концов. Брат Казимир стоял всю ночь в очереди, намереваясь посетить общины Средней Азии, и под утро с большим трудом достал билет. Он облегченно вздохнул и с особой осторожностью положил билет вместе с деньгами и паспортом во внутренний карман пиджака. Брат вернулся домой, сложил свои вещи и еще раз хотел проверить билет – посмотреть, какой там указан вагон. Но билета не было. Как он мог его потерять, когда так осторожно положил его во внутренний карман?! Если бы его вытащил вор, то исчезли бы деньги и паспорт, ибо все было сложено вместе. Но деньги и паспорт были на месте, а билета не было. Брат Казимир очень опечалился. Билет стоил дорого, да и достать новый билет было очень трудно, почти невозможно.

Снова целый день и ночь он простоял в очереди, с большим трудом купил билет и наконец отправился в дальний путь.

В одном месте поезд стоял необычно долго. Оказалось, что накануне произошла большая катастрофа с многочисленными жертвами. Паровоз сошел с рельс, зацепил стоявшие рядом вагоны с цистернами бензина, и они взорвались. Если бы Казимир не потерял билет и поехал тем поездом, то попал бы в эту страшную катастрофу. Таким образом, Бог отвел его от этой беды. Брат Казимир также не знал, что по пятам за ним следует человек, которому поручено задержать его «на месте преступления». Этот человек должен был стать очевидцем крещения и совершения Вечери Господней, а потом немедленно доложить

о этом соответствующим органам. Но по дороге этот человек внезапно заболел, у него случилось кровоизлияние в мозг, и он лишился речи. Когда-то он был верующим, но потом пошел по пути Иуды. Над ним исполнились слова апостола Павла: «Не обманывайтесь: Бог поругаем не бывает. Что посеет человек, то и пожнет» *(Гал. 6:7)*; «Страшно впасть в руки Бога живого!» *(Евр. 10:31)*.

Не в один день Иуда стал предателем, не в один день вышеупомянутый человек встал на путь предательства. Предателями становились люди, которые постоянно отклоняли призывы Духа Святого к исправлению характера. Это мелкие натуры, которые боялись заглянуть в свое собственное сердце, ибо их пугала та бездна тьмы, которая там царила. И, чтобы успокоить временами просыпающуюся совесть, они оправдывали свои грехи ошибками других. Пороки, лелеемые годами в их сердцах, с течением времени давали всходы зла.

В перечне тяжелых преступлений одним из самых гнусных грехов является предательство. Предатели всегда стоят как бы в стороне. Они никогда не поджигали своими руками костров, не натравливали диких зверей на невинных людей, не вливали горячее олово в рот мучеников и не крутили колеса, к которым были привязаны. Их гнусные дела совершались в тайне, за плотно закрытыми дверями.

В 1956 году Казимир Короленко переехал в Среднюю Азию. Два года прошли в плодотворной духовной работе. Несмотря на большое расстояние он имел тесный контакт с братьями из города Ростова и не раз приезжал туда, чтобы присутствовать на торжественных богослужениях. Однажды Казимир с несколькими молодыми братьями в очередной раз намеревался посетить Ростов. Уже были приобретены билеты, и собратья ночью хотели отправиться в путь. Но в тот же вечер Брат Казимир был арестован.

Прошли долгие тяжелые месяцы следствия, жестоких, несправедливых, надуманных обвинений, от которых содрогается и холодеет сердце. На суд вызвали свидетелей, людей, которые никогда не видели Казимира и ничего о нем не знали, но бессердечно исполняли свою роль, давая ложные показания.

В 1958 году его осудили на 10 лет лишения свободы. За что же он был осужден на такой срок? Он не совершил никакого преступления ни против государства, ни против какого-то чело-

века. Он проповедовал Слово Божье, и в этом заключалась вся его вина.

Иногда задумываешься: почему благороднейшие души, самые чистые сердца подвергаются самым сильным испытаниям? На это отвечает Слово Божье: «И сядет переплавлять и очищать серебро, и очистит сынов Левия и переплавит их, как золото и как серебро, чтобы приносили жертву Господу в правде» *(Мал. 3:3)*.

Сыны Левия ближе всех стояли к Господу, и Он их очищал в горниле испытаний, подобно тому, как очищают золото. Сам Творец вселенной, Сын Божий, стоял перед ничтожными сынами греха, которые порочили Его святое, чистое имя. Имя великого апостола Павла было так же опорочено, он был объявлен врагом нации, подстрекателем поджога Рима. Он не имел возможности оправдаться и поэтому умер как жертва предательства. Первые христиане также были оклеветаны как злейшие враги общества. Их обвиняли в том, что они отравляют колодцы, убивают детей и пьют их кровь.

На суде в ответ на обвинения брат Казимир сказал: «Я одеваю эти грязные одежды ложных обвинений и клеветы, но однажды Господь оденет меня в белые одежды Своей праведности. Но не забудьте, что и вам однажды придется предстать перед Судьей вселенной».

После этих слов он горько заплакал. Если бы он знал, как горячо о нем молились его друзья и сотрудники, как непоколебимо верили в его невиновность, ему было бы легче. Но он был разлучен со всеми.

11 лет брат Казимир Короленко трудился на ниве Божьей, постоянно находясь в гонениях и опасностях. Зимой лучшие книги и вещи зарывались в снег, чтобы в случае обыска они не попались на глаза. Когда начинало таять, их прятали в другое место.

Через три дня после ареста Казимира выслали в Тайшет. Судили в январе. В апреле его жена Екатерина поехала к узнику. Поездки и посещения собратьев всегда были связаны с опасностями. Так случилось и в этот раз. В Красноярск сестра прилетела в два часа ночи. В зале ожидания были одни мужчины. На полу валялись пьяные, освобожденные по амнистии заключенные. Когда Екатерина вышла на площадь, чтобы взять такси до железнодорожного вокзала, двое мужчин схватили ее и силой

хотели втолкнуть в такси. Едва от них убежав, она вернулась в зал ожидания. Вместе с нею на самолете летела одна семья, они как видно, тоже не хотели иметь дело с этими таксистами. Отец этой семьи позвонил на предприятие, где он работал, чтобы прислали машину. Машина пришла. Что было делать? Екатерина, не давая себе отчета в своем поступке, вскочила в машину. Ее не выгнали. Вслед за ней в машину прыгнул один из уголовников, он сел ей на колени и прижал свою щеку к ее рту так, что она едва могла дышать.

Когда они подъехали к мосту, перед машиной встал человек и закричал, чтобы машина остановилась. Шофер немного притормозил, приоткрыл дверь, а потом рванул изо всех сил. Сидящий на коленях сестры уголовник вылетел из машины. Шофер захлопнул дверцу, и они помчались по улице. Позади них стреляли.

Шофер сказал: «В этой машине кто-то молится, ибо только Бог мог спасти от этих бандитов».

Когда доехали до места, сестра попросила, чтобы ей разрешили переночевать, хотя бы на пороге. Но люди не приняли ее, боясь, что она связана с уголовниками.

С трудом она смогла выехать, и ее поезд прибыл в Тайшет в два часа ночи. Снова надо было искать, где остановиться. Люди друг другу рассказывали о своем горе о том, кто куда едет и к кому. Потом кто-то сказал одной девушке: «Твоя мама всех принимает, пусти эту женщину переночевать». Девушка согласилась.

По пути они зашли на почту, где работала мать девушки. Это была приятная сострадательная женщина. Она велела дочке вести гостью домой, покормить и уложить спать. Хозяин дома, угрюмого вида старик, спросил сестру, за что осужден ее знакомый. Когда услышал, что по статье 58, п. 10, то спросил: «Какой он веры?» Сестра сказала, что он – адвентист седьмого дня. Вид угрюмого человека изменился. Казалось, он мысленно перенесся в далекое прошлое, и тень скорби легла на его лицо. Он тяжело вздохнул и сказал: «Знаю ваших братьев Лебсака и Григорьева, с которыми я был в тюрьме. От них я услышал весть спасения и дал Богу обещание, что после освобождения приму крещение, но, как видите, снова веду прежний образ жизни. После освобождения Григорьева я еще оставался в тюрьме, и он часто мне писал, присылал посылки». В этом доме сестра нашла

теплый прием. Рано утром она отправилась в лагерь. Тропинка вела через лес, кругом были поваленные деревья, пни, колючая проволока. Здесь тоже когда-то был лагерь, но его перенесли дальше, на другое место. Несколько километров нужно было идти по лесной тропинке. Чулки и край платья цеплялись за проволоку и рвались.

В лагере ей сообщили, что с мужем она сможет встретиться не раньше шести часов вечера, ибо он находится на работе. Сестра шла обратно той же дорогой и никак не могла найти дом, в котором ночевала. Все дома были одинаковые, и она не знала, кого спрашивать, не знала фамилию. Подойдя к одному домику, она остановилась у калитки и заплакала. Вдруг вышел знакомый старик и сказал: «Чего ты плачешь? Ты же домой пришла!» Добрые люди, приютившие Екатерину, дали для узника ведро картошки, муки и соленых грибов. Трое суток она пробыла в их гостеприимном доме, а потом они помогли взять билет и проводили ее на поезд.

В Тайшете Казимир пробыл три года, потом его отправили в Мордовию в лагерь строгого режима, где он и находился в заключении долгих восемь лет.

ПЕРЕЖИВАНИЯ ИРКУТСКИХ БРАТЬЕВ

Посему, кто думает, что он стоит, берегись, чтобы не упасть.
1 Кор. 10:12

В Восточной Сибири среди скалистых горных хребтов находится красивейшее в мире озеро Байкал. Вода этого озера удивительно прозрачна: в хорошую погоду можно увидеть рыбу, плывущую на глубине 40 метров. Из этого прекрасного озера вытекает река Ангара. Ее путь далек. Она несет свои воды среди покрытых лесом утесов почти две тысячи километров. На ее пути лежит город Иркутск.

Еще в то время, когда Россией управлял царь, в Иркутскую губернию за свои религиозные взгляды был сослан брат Людвиг Никар-Халланг из Эстонии. На месте ссылки он организовал общину, хор и молодежный кружок. Во время гонений многие из членов общины были арестованы и осуждены на долгие годы тюремного заключения. Почти никто из них не вернулся.

После войны верующие снова стали собираться для богослужений и общаться друг с другом. В 1959 году в Иркутск переехал брат Вениамин Дмитриенко. Он стал проводить богослужения, и к общине присоединились новые члены. Образовался хор, молодежь стала ревностно изучать Священное Писание и нести истину другим.

Однажды в субботу, когда верующие проводили богослужение, пришли несколько милиционеров, записали фамилии собравшихся и места их работы. После чего строго предупредили, чтобы впредь таких собраний не было.

Вскоре после этого на местах работы стали проводить так называемые «товарищеские суды», куда созывали всех рабочих, якобы уточнить, почему эти люди не работают в субботу, хотя причину все знали. Наши собратья вместо субботы работали в воскресенье, и производство от этого нисколько не страдало.

Собратья спокойно объясняли причину, свидетельствуя о своем уповании. Как обычно, их выступление сопровождалось выкриками, шумом, ругательствами, призывами оставить религиозный дурман и идти в ногу со всеми.

Так как братья отказывались отречься от своих убеждений, их увольняли с работы, а в трудовых книжках делали соответствующую запись, с которой нелегко было устроиться на новую работу.

Собратья разделялись на небольшие группы и продолжали собираться. Некоторые из них размножали на пишущих машинках духовную литературу: книги Е. Уайт, уроки субботней школы, чтения молитвенной недели.

В апреле 1963 года пресвитер Иркутской общины Петр Беляков и братья Владимир Захарянц и Александр Птицын получили повестки явиться в отделение милиции. В их домах сделали обыск, изъяли Библии, уроки субботней школы, другую литературу, а также две пишущие машинки и магнитофон с кассетами.

У Петра Васильевича Белякова искали бумагу для пишущих машин, но не нашли, хотя в доме ее было сто пачек. Бумага находилась за шкафом. Во время обыска его дочь Мария не прекращала молиться, повторяя про себя: «Господь, мой Бог! В Твоей силе мне помочь. Ты можешь скрыть, Ты можешь отвернуть их взор!» И ее молитва была услышана. Бог ответил на нее – бумагу не нашли.

Много бумаги было у сестры Антонины. В день обыска ее не было дома, она вернулась только в 12 часов ночи, и опасность прошла мимо. Человеку, которому было поручено караулить ее дом, надоело стоять на холоде, и он ушел домой. На второй день ее вызвали в милицию и спросили: «Вы уже успели спрятать бумагу? Конечно, уже нет никакого смысла у вас делать обыск!» Антонина ответила: «Ищите! Если найдете – будет ваша, не найдете – останется мне!» В ту ночь она уже знала об обысках и, когда вернулась домой, быстро завернула пачки бумаги в клеенку и закопала в своем огороде.

Задержанных братьев отпустили домой. На второй день Владимир и Александр пошли к прокурору с жалобой, что без его санкции у них был произведен обыск и что они без причины были задержаны милицией. Прокурор возмутился, что с ними поступили так несправедливо, а на второй день дал санкцию на их арест, а также на арест пресвитера церкви.

После ареста братьев посадили в КПЗ (камеру предварительного заключения). Им пришлось голодать четверо суток, так как в КПЗ не разрешено передавать передачи.

Некоторое время братья были вместе, в одной камере. Пресвитер ободрял их, напоминая им тексты из Священного Писания, слова апостола Павла, который сам немало пострадал за имя Христа. «Ибо думаю, что нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с тою славою, которая откроется в нас» *(Рим. 8:18)*; «Впрочем, братия, радуйтесь, усовершайтесь, утешайтесь, будьте единомысленны,— и Бог любви и мира будет с вами» *(2 Кор. 13:11)*. Они много молились, тихо пели и поддерживали друг друга. Когда же началось следствие, братьев развели по разным камерам.

Но и здесь они не оставались одни: толстые стены камер и тяжелые железные двери не могли разлучить их с Небесным Отцом. Брат Беляков, находясь в одиночной камере, пел псалмы и молился Господу. Он часто пел псалом, автором которого был также узник за имя Господне Михаил Зозулин.

Шел изнуренный под ношей креста,
Иглы впивались из терний венца.
Кто ж это должен так тяжко страдать,
И за людей Свою кровь проливать?
Иисус, Иисус, Иисус.
Ржавые гвозди в руках и ногах,
Жгучие раны и жажда в устах.
Кто ж это должен скорбеть и страдать,
К небу молитвы о милости слать?
Только Он, только Он, только Он.
Если грехи иль соблазны придут,
Скорбь, одиночество сердце сожмут,
То не забудь на Голгофу взглянуть,
Где был усеян страданьями путь
У креста, у креста, у креста.
Если тебя на допрос поведут,
Если в тюрьму или в ссылку сошлют,
То и тогда будет Он, ты учти,
Рядом с тобою в изгнанье идти.
Твой Господь, твой Господь, твой Господь.
Если же будешь ты верно всегда
Чтить непреложную волю Творца,
То не грусти – будешь в Царстве Христа,
И у престола благого Отца.
Скоро с Ним, скоро с Ним, скоро с Ним.

Александр вел себя очень бодро. Он утешал посещавших его, говоря: «Детей у меня нет. Чего мне бояться? Мы много думали о том, что нас ожидает, и всегда были к этому готовы. Многих собратьев постигла такая участь, а теперь, когда пришла моя очередь, я иду спокойно». Все были рады его стойкости. Больше всего беспокоились о брате Петре, потому что он был уже стар и слаб здоровьем.

Одиночная камера, куда поместили Александра, была мрачной, холодной и сырой. После четырехдневного голодания он очень ослабел. Во время допросов ему угрожали пятью годами тюремного заключения. «И не думайте,— сказал следователь,— что там с вами будут нянчиться, что вы там будете соблюдать свою субботу. Там сами заключенные расправляются с такими. Они вас научат порядку. Рабочая бригада состоит из восьми человек, и если один из них будет нарушать трудовую дисциплину, то пайка лишают всех».

В субботу всех повели в баню. Александр тоже пошел вместе с другими. И после этой, как бы незначительной уступки, он начал слабеть духовно. Когда его жена пришла на свидание, он говорил ей, что в тюрьме невозможно отстаивать субботу.

Она очень просила мужа не сдаваться, быть твердым и верным при любых обстоятельствах. «Крепись, Александр,— сказала она,— мы молимся за тебя и за всех вас. Господь силен помочь!» «Не агитировать! Не смущать! Не то прогоню, а в следующий раз не разрешу свидание»,— кричала женщина-следователь, которая подслушивала слова Надежды, хотя та произносила их шепотом.

Голод, сырость, мрак, жестокость, ложные обвинения, угрозы, а больше всего одиночество повлияли не только на духовное состояние Александра, но и на физическое. У него открылось кровотечение.

Он метался в своей одиночной камере из угла в угол. Хотя он был один, ему казалось, что кто-то пристально смотрит на него. И действительно, за ним наблюдали днем и ночью. Заметив, что Александр духовно ослабел, что у него нет мира, радости и стойкости, как у других братьев, следователь решил, что его можно сломить.

Безжалостные руки начали ломать надломленную трость, угашая слабые искры надежды! «Разрушим твое слабое здоровье,— угрожала следователь,— осудим на долгие годы тюремного заключения. Там тебя ожидает смерть, неизбежная смерть».

В своем горе Александр забыл слова апостола Павла: «Ибо для меня жизнь – Христос, и смерть – приобретение» *(Флп. 1:21)*. Он забыл слова Спасителя: «Я есмь воскресение и жизнь; верующий в Меня, если и умрет, оживет» *(Ин. 11:25)*. Он забыл о верности и мужестве иркутских собратьев, которые в годы жестоких гонений умерли в лагерях на далеком севере, далеко от своей родины... Он выпустил руку Спасителя и теперь испытывал весь ужас одиночества и страх перед смертью.

Когда Надежда пришла на очередное свидание, то едва его узнала. Он был очень худ, бледен, и говорил подавленным голосом: «Мне предстоит тюрьма, тюрьма и смерть...» Следователь слышала эти слова, и это дало ей новую уверенность в том, что Александр скоро сдастся.

Жена Александра старалась его подкрепить, ободрить. Она могла говорить очень немного, ибо ее перебивала следователь, угрожая выгнать. Но те немногие ее слова были полны веры и ободряющей силы.

В таком состоянии подавленности Александр проводил день за днем, все больше и больше слабея физически и духовно. В один из таких безотрадных дней к нему в камеру зашел тюремный служащий. Конечно, это был не случайный приход. Александр подошел к нему и попросил помочь в том, чтобы тюремное заключение заменили для него ссылкой. Стало ясно, что заключенный боится тюрьмы и смерти. Пользуясь его растерянностью и слабостью, гонители предложили отречься от веры. В противном же случае пообещали шесть лет тюрьмы с конфискацией имущества. С Александром было проведено много бесед. Ему говорили: «Живи, как живут все люди. Мы все идем к коммунизму, имеем трудовые достижения, общаемся и развлекаемся. Работай в субботу со всеми вместе! Подпиши отречение и будешь человеком!»

Его уговаривали, убеждали, угрожали, обещали – и он сдался!.. Очередное свидание с женой прошло не так, как прежде. Александр еще не успел ничего сказать, но Надежда заметила в выражении его лица что-то странное, совершенно чужое, и это невольно заставило ее содрогнуться.

Нет, это уже не был ее дорогой Александр. Это был чужой человек. Он заговорил глухим, подавленным голосом: «Надежда, я больше не могу! Все равно я не выдержу! Я умру, а я еще хочу жить...»

8 Зак. 1709

Надежда хотела рассказать ему о братьях, которым выпала такая же участь, но они находят в себе силы не сдаваться. Следователь, тщательно следившая за разговором, сразу оборвала ее, не дав произнести лишнего. Только тихо прозвучало: «Дорогой, крепись!»

«Я не могу! Я не выдержу! После освобождения мы уедем отсюда и снова будем соблюдать все так, как и раньше, но теперь невозможно...» – взволнованно произнес Александр.

Следователь слышала эти слова и стала действовать более жестоко. Произнесенное Александром отречение было передано по радио 30 апреля в 11 часов вечера. Потом оно было повторено еще несколько раз. В отречении он обещал жить, как все люди, выражая сожаление о том, что до сих пор заблуждался.

На второй день его жена снова пришла на свидание. Она еще ничего не знала о его отречении, но увидев Александра, испугалась. Это был совершенно чужой человек с холодным, мутным взглядом. Когда он несмелыми шагами подошел к ней и обнял ее, она вырвалась из его объятий и вскрикнула: «Что ты сделал, Александр?» «Я иначе не мог»,– сказал он глухим голосом. Потрясенная Надежда выбежала из комнаты. Она говорила тогда, что ей было бы легче смотреть на своего друга, лежащего в гробу, уснувшего с надеждой на светлое утро воскресения, чем на это холодное и ставшее совершенно чужим лицо предателя. На сердце было тяжело, невыразимо тяжело...

После свидания Александр вернулся в свою одиночную камеру. Он не думал, что его жена испытает такую сильную скорбь, что она так будет страдать. Он все еще чувствовал на себе ее печальный взгляд и не находил себе покоя. В этот вечер он не склонял свои колени у престола благодати, не обращался к Отцу всякого милосердия и утешения, а предался своим безрадостным размышлениям. Он лег на жесткую скамейку, но сон бежал от него. Его широко раскрытые глаза смотрели в темное пространство камеры и вдруг из тьмы перед ним выросла человеческая фигура. Она склонилась над ним и стала смотреть прямо в глаза. В ночном мраке бледнел овал страшного, обезображенного лица человека, в глазах которого горело зловещее злорадство. В один момент их взгляды встретились, и чудовище разразилось сатанинским хохотом. Узник вздрогнул. Его объял такой ужас, какого он еще никогда не испытывал в своей жизни. Он понял, что падший ангел радовался падению еще одного смертного!

Так прошла самая страшная ночь в его жизни. На следующее утро у него сняли отпечатки пальцев и отпустили домой, пообещав, что судить будут только условно, если Александр будет работать по субботам и первого мая пойдет на демонстрацию в первых рядах.

Но совесть стала говорить все громче и громче. Она не просто говорила, она стала кричать! Пришло время таких тяжелых душевных страданий, что Александр не находил покоя ни днем, ни ночью,

Он отрекся не потому, что потерял веру, он не пошел путем Иуды. Он шел путем Петра, самонадеянного, но горячо любящего своего Спасителя. В сердце Александра горел огонь любви к Иисусу. Он не угас, нет! Но теперь разгорался еще сильнее и сильнее.

Отречение апостола Петра было непреднамеренным. В своей душе Петр не отрекся от Спасителя, он горячо любил Его и свои необдуманные слова сказал лишь для того, чтобы отвлечь от себя пристальный взгляд врагов, среди которых он очутился. Он забыл, что минутная слабость может привести к полному отречению от истины и ее попранию. В беспечности он зашел на территорию врага и стал легкой добычей искушения. Если бы он был призван бороться за своего Учителя, он показал бы себя отважным воином, но как только палец насмешников указал на него, он испугался. В то время, когда ложные клятвы замерли на устах Петра и пение петуха еще звучало в его ушах, Спаситель, повернувшись к Петру, полным любви взглядом посмотрел на Своего бедного ученика. В этот момент их глаза встретились. В нежном взгляде Спасителя Петр прочел только сострадание и печаль, но не увидел в них даже и тени гнева. Вид этого бледного измученного лица, дрожащих уст, взгляда, полного сострадания и прощения, подобно мечу, пронзил сердце Петра. С разбитым сердцем Петр вышел. Пробираясь все дальше и дальше, сквозь тьму по пустым улицам, он незаметно очутился в Гефсимании, на том месте, где Иисус с воплем и слезами изливал Свою душу перед Отцом. Петр пал на землю и желал только одного — умереть!

Отречение Александра было обдуманным, заранее спланированным, и потому он стоял на краю бездны отчаяния. Да, он на свободе, которая была куплена ценою отречения. За эту свободу он отдал самое дорогое, что имел в этой жизни,— свою веру

в Спасителя, свою надежду на Его скорое пришествие, свою любовь к Отцу Небесному, доверие и уважение собратьев, с которыми он многие годы шел к вечной родине.

Но вместе со свободой он получил душевную пустоту, угрызения совести, разбитую, сломанную, утратившую цель жизнь, в конце которой — погибель!

В отчаянии он воскликнул: «Свобода стала для меня рабством души!» Узник, боявшийся смерти, теперь не желал ничего другого,— только умереть. Порой он приходил к такому отчаянию, что хотел наложить на себя руки.

Но любящий взгляд голгофского Страдальца оберегал его от этого шага. Разве Спаситель не любил Александра так же горячо, как Своего падшего ученика Петра? Разве он не видел в его сердце искру любви и веры, которая начала разгораться все сильнее и сильнее, хотя враг рода человеческого старался всеми силами потушить и эту слабую искорку? Счастлив тот, кто, встретив полный любви взгляд Спасителя, не отворачивается, подобно Иуде, но раскаивается, подобно Петру.

Александр не мог молиться. Для верующего это страшное переживание. Ему казалось, что небо закрыто для него, что нет ответа на его молитвы, что они не доходят до Престола Благодати. Вокруг была пустота и тьма...

Те тексты Писания, которые ему раньше давали силу и бодрость, теперь стали для него строгими судьями: «Итак всякого, кто исповедает Меня пред людьми, того исповедаю и Я пред Отцем Моим Небесным; а кто отречется от Меня пред людьми, отрекусь от того и Я пред Отцем Моим Небесным» *(Мф. 10:32, 33)*.

Его сильно угнетало также то, что его пример неверности может быть использован для того, чтобы принудить братьев, находящихся в заключении, отречься от истины. В ушах Александра постоянно звучало одно и то же: «Ты погиб, навеки погиб!»

После тяжелой, мучительной внутренней борьбы он попросил жену пригласить для беседы брата Вениамина. Вениамин знал, что теперь за Александром тщательно следят, и не имея уверенности в искренности его раскаяния, отказался прийти. Для Александра это было тяжелым ударом. Новая капля добавилась в горькую чашу его страданий. Но Александр уже решительно повернулся к свету и пока еще робкими, неуверенными шагами стал возвращаться к своему Спасителю.

Александр вновь попросил жену пригласить брата Вениамина и убедить его в необходимости встречи. Во имя спасения души, рискуя своей свободой, Вениамин пришел. Было первое мая. Суровая сибирская зима прошла. В оврагах еще лежал снег, но кое-где, на согретых солнцем местах робко выглядывала весенняя травка. Для Александра также миновала суровая зима жестоких душевных переживаний: он не понес протокол своего отречения следователю, он не нарушил святость субботнего покоя, он не встал в первых рядах демонстрантов первого мая.

Беседуя с братом Вениамином, они долго ходили по пустынным улицам города. Вениамин вспомнил, как совсем недавно он сам стоял перед возбужденной толпой, слыша злобные крики и ложные обвинения. Никак он не ожидал, что еще сможет вернуться к своим близким, но Господь не только сохранил его, но и дал возможность укрепить и утешить своего страдающего брата!

Они беседовали о милости Божьей, о том, как она велика, глубока и непостижима для человеческого разума. «Кто Бог, как Ты, прощающий беззаконие и не вменяющий преступления остатку наследия Твоего? не вечно гневается Он, потому что любит миловать. Он опять умилосердится над нами, изгладит беззакония наши. Ты ввергнешь в пучину морскую все грехи наши *(Мих. 7:18, 19)*. «Тогда придите, и рассудим, говорит Господь. Если будут грехи ваши, как багряное,– как снег убелю; если будут красны, как пурпур,– как волну убелю» *(Ис. 1:18)*. Этот текст давал многим разбитым сердцам надежду на прощение и милость Божью. «Теперь ты должен исповедать перед Богом свою вину, оставив всякое сомнение в Его милости!» – наставлял брат.

«Я замечаю,– тяжело вздохнув, сказал Александр,– что собратья от меня отворачиваются. Я хочу общения с ними, но чувствую, что они меня избегают».

«Подумай,– сказал Вениамин,– как бы ты поступил на их месте? Они ведь не знают, что в твоем сердце. Это знает только один Господь. Они ведь не знают, для какой цели тебя освободили, может, у тебя особое задание по отношению к ним. Теперь ты можешь свою вину искупить только страданием и верностью! Ты теперь должен быть готов на все, даже на смерть! Тогда тебе будет легко переносить любое испытание, и ты снова приобретешь доверие собратьев».

«Да,— с сокрушением проговорил Александр,— я готовился только к ссылке, но когда объявили пять лет тюремного заключения, я испугался и пал».

Они остановились, вознесли свои горячие молитвы к Богу и затем расстались. Александр шел бодрыми шагами. На сердце было легко и радостно. Тяжелая ноша, которая долгое время угнетала его душу, спала. Он снова обрел связь с Небом, он снова держал руку Спасителя в своей руке и был готов идти за Ним, куда бы Он ни пошел,— на гору ли Преображения или на гору Голгофу.

До дня суда Александр работал, но не нарушал день субботний. Настал день суда. Собралось много людей, желающих послушать заседание.

Из тюрьмы привели братьев Петра Белякова и Владимира Захарянца. Тюрьма оставила свой отпечаток на их внешности, но их лица, хотя бледные и изможденные, говорили о глубоком душевном мире и покое.

Александр смотрел на них и думал: как они счастливы! Они устояли, им не пришлось идти тем путем тяжелых душевных мучений и страшного отчаяния, которым прошел он сам. Но сегодня Александр тоже чувствовал себя победителем. Он вернулся к Богу.

В первый день заслушивали дела братьев Белякова и Захарянца и читали отречение Александра. Он не имел возможности говорить, хотя и очень желал этого. Ему было тяжело еще раз слышать позорные слова своего отречения, но нужно было молчать.

На другой день Александр пошел на заседание суда, приготовившись к тюрьме. Во время заседания судья, ничего не подозревая, спросил его: «Признаете ли вы свое отречение?» Александр воспрянул. Настал час, которого он так сильно ждал. «Я отрекся, но теперь сознаю, что поступил неправильно. Я готов лучше расстаться с жизнью, чем идти против своей совести!» — решительно произнес подсудимый. Он хотел еще многое сказать, но судья строго прервал его: «Кто тебя переубедил? Кто с тобой беседовал?» «Моя совесть»,— спокойно ответил Александр. И далее он продолжал: «Неверующие называют религию дурманом, пустой фантазией, самообманом. Но те, которые стоят перед вами, готовы идти за свои убеждения на страдания и смерть. Разве они своим примером не опровергают ваше мне-

ние? Разве они сами не являются сильнейшим доказательством того, что их убеждения — не пустая фантазия!»

«Впредь будешь по субботам работать?» — спросил судья.

«Нет»,— последовал определенный ответ.

Его ответ очень ободрил братьев-узников. Они глубоко переживали о его падении и много о нем молились. Теперь они снова были вместе, и это придало им бодрость и силу быть верными до конца.

Суд вынес решение: «Александру Птицыну — пять лет тюремного заключения». Решение суда он выслушал спокойно и был доволен, что страданиями хоть отчасти может искупить свою вину.

Петра Васильевича Белякова также осудили на 5 лет тюремного заключения. Его вина заключалась в том, что он совершил Крещение и Вечерю Господню.

Владимира Захарянца осудили на 3 года за то, что он записывал на магнитофонную ленту пение своих детей.

Осуждены были также Анатолий Низовцев и Мария Белякова. Анатолия осудили на 3 года тюремного заключения, а Марию — на полтора года.

После того, как зачитали приговор, в зале наступила тишина. И вдруг прозвучал спокойный голос Марии: «Сегодня вы судите нас, но придет день, когда Судья Вселенной будет судить вас».

Осужденных вывели во двор. Там их ожидал «черный ворон». Когда их втолкнули в машину, Александр почувствовал какую-то невероятную радость, он почувствовал настоящую свободу души. Псалмист говорит: «В тесноте Ты давал мне простор» *(Пс. 4:2)*.

В тюрьме предстояла новая борьба за святой день. Но они все были готовы к этим испытаниям. Никого из них не пугали страдания. В первый раз за отказ работать в субботу их посадили в карцер на семь дней. Это узников не устрашило. В следующий раз — на десять дней. Никто из них не сдавался. Потом — на четырнадцать дней. Собратья были вместе. Это было для них великим счастьем. Они могли вместе молиться, петь и поддерживать друг друга. В карцере можно было лежать только на узкой цементной доске и, чтобы не заболеть воспалением легких, братья снимали свои портянки и крепко обвязывали ими грудь. Прижавшись спиной друг к другу, они засыпали крепким сном. Их совесть была чиста, их душевный мир невозмутим.

ДВА ПУТИ

О родителях Галины и Веры Борискиных можно было сказать, как в свое время сказал Спаситель о Нафанаиле: «Вот, подлинно Израильтянин, в котором нет лукавства». Да, они были настоящими христианами и соблюдали волю Божью искренне и с любовью. В таком же духе они воспитывали и своих двух дочерей.

Это произошло в то время, когда в городе Кемерово началась активная миссионерская работа. Были организованы молодежный и детский кружки, хор и струнный оркестр. Богослужения проходили в доме упомянутой семьи. Галя и Вера принимали во всем активное участие.

Молодежь на работе отстаивала день святой — субботу, за что их часто увольняли. Некоторые из них, имея высшее образование, работали на самых тяжелых и мало оплачиваемых работах, но их лишали и такой работы.

В детских сердцах начало загораться желание верно служить Господу и соблюдать Его повеления. В городе Новосибирске уже несколько детей вступили в борьбу за соблюдение дня святого. Об этом начали задумываться и кемеровские дети.

Однажды Вера проснулась ночью встревоженная и взволнованная, подошла к кровати мамы, разбудила ее и сказала: «Мамочка, я впредь по субботам в школу ходить не буду». «Что же побудило тебя, дитя мое, ночью принять это решение?» — спросила мать.

«Я видела сон,— ответила девочка с трепетом,— отверзлось небо и появились две скрижали, на них были написаны Десять Заповедей Божьих. Особенно ярко светилась среди них четвертая заповедь. Я могла ясно прочитать слова: «Помни день суб-

ботний, чтобы святить его». Потом я услышала голос, говорящий: «Се, гряду скоро!» Потом видела блеск молний, слышала грохот грома и проснулась. Я поняла, что в эту ночь Господь посетил меня и вразумил, чтобы я впредь не нарушала Его заповеди. И поэтому я пришла к такому решению».

Родители не воспрепятствовали своей дочери в этом выборе, но описали все трудности, с которыми ей неизбежно придется встретиться на этом пути.

И трудности не заставили себя долго ждать. Восстали учителя и директор. Веру переубеждали, уговаривали, угрожали исключением из школы. Когда это не помогло, то вызвали отца и потребовали, чтобы он принудил свою дочь по субботам посещать школу. Отец ответил: «Я — адвентист седьмого дня и никогда в святой день не пошлю свою дочь в школу. Вы имеете право ее перевоспитывать, переубеждать, но я этого не буду делать».

Против Верочки настроили весь класс. Когда она возвращалась из школы, то мальчишки гонялись за ней и били ее, поэтому часто отец ходил встречать ее, чтобы уберечь от беды.

Вера училась отлично, но после того, как она стала отстаивать день святой, ей начали занижать оценки. Вместо пятерки ставили тройку, приговаривая: «В этом тебе помогает твоя суббота».

Видя жестокость по отношению к своей сестре, Галя боялась вступить на такой путь. Совесть ее осуждала, но она не могла преодолеть страх. Ей на помощь пришла неожиданная случайность. Это, конечно, не было простым совпадением. Это был путь, предусмотренный Небом.

Однажды, когда Галя пришла в класс, она увидела, что внимание всех было обращено на ученика, который громко читал газету. Во время чтения она услышала следующие слова: «Вера упорно цепляется за свои убеждения, в результате чего пропускает по субботам занятия. Ее сестра Галя тоже, как и она, не посещает по субботам школу».

Галя вздрогнула. Настал ее час. Страх исчез, как туман при появлении солнца. Она почувствовала какую-то силу, которая объяла все ее существо, и она смело объявила перед всем классом: «Вы все знаете, что я до сих пор посещала по субботам школу, но впредь этого больше делать не буду. Я же не могу подвести вашу печать! Раз так написали, то я должна так и поступать».

Учительнице истории поручили перевоспитать Галю. На уроках она высмеивала и искажала библейские истины, извращала тексты. Галя не могла равнодушно это выслушивать. Ученики заинтересовались, что же все-таки написано в Библии. Галя пригласила их на богослужение. В воскресенье весь класс присутствовал на богослужении, где исследовалась книга пророка Даниила при помощи пророческой карты. В понедельник ученики заявили, что впредь будут посещать собрания адвентистов.

В следующее воскресенье опять все пошли на богослужение. Когда в понедельник учительница снова начала искаженно представлять Библию, то все хором сказали: «Галя, скажи нам, как правильно написано в Библии».

Обеспокоенные учителя собрались на педсовет и решили каким-то образом отвлечь детей от молитвенных собраний. Они наметили на ближайшие выходные дни различные мероприятия: бесплатный поход в театр, прогулки в парк и другое. На уроках решено было не затрагивать вопросы о Библии и Боге.

Через некоторое время директор вызвал маму девочек, и между ними произошла следующая беседа: «Несколько раз мы вызывали вашего мужа, но это ничего не дало. Он упорно стоит на своем, и, как видно, поощряет к этому детей. Надеюсь, что вы — женщина разумная, и мы с вами найдем общий язык. Вы прекрасно понимаете, что ваши дети не смогут учиться дальше и прокладывать себе путь в жизни. И это все потому, что вы верите в Бога. Но ведь его не существует! Это пустая фантазия и самообман! Ведь нет доказательств того, что Он существует, и вы не сможете мне это доказать!»

Директор закончил свою пламенную речь и вопросительно смотрел на мать. Сестра Борискина не могла доказать этому образованному человеку существование Бога с точки зрения физики, астрономии и геологии, но она вспомнила 39-ю главу Книги Иова, которую в то время они изучали по субботам. Ей казалось, что там записаны самые веские доказательства существования Бога и Его творческой силы. Она начала тихо цитировать текст за текстом: «Ты ли дал красивые крылья павлину и перья и пух страусу? Ты ли дал коню силу и облек шею его гривою? Твоею ли мудростию летает ястреб и направляет крылья свои на полдень? По твоему ли слову возносится орел и устрояет на высоте гнездо свое?» Директор слушал со вниманием. Последние слова мать произнесла громко и торжественно:

«Будет ли состязующийся со Вседержителем еще учить? Обличающий Бога пусть отвечает Ему».

Несколько минут они сидели молча, потом сестра снова начала говорить: «Как тяжело жить в этом мире без надежды, ведь ее найти можно только в Боге. Хотя вы занимаете видное положение в обществе, мне вас очень жалко». Директор глубоко вздохнул и произнес: «Нас таких жалких и несчастных очень много».

Учительница по физике хотела попробовать разубедить Галю. Для этой цели она пригласила одного человека, который должен был провести беседу с девочкой. В углу кабинета сидел человек в шляпе. Шляпа была натянута на глаза, и поэтому лицо человека Галя не могла разглядеть. Он пригласил девочку сесть и начал:

— Галя, ты посещаешь собрания верующих?

— Посещаю,— коротко ответила Галя.

— Расскажи мне, чему вас там учат.

Галя рассказала о том, что адвентисты седьмого дня ожидают пришествие Христа во славе, что они соблюдают Заповеди Божьи и учат воздерживаться от того, что вредно для здоровья: алкоголя, курения и тому подобных вещей.

— Мы тоже учим людей не курить и не пить.

— Если учите, то почему же продаете вино и водку?

— Это, Галя, для лекарства.

— Если бы продавалось для лекарства, то продавалось бы по рецептам и в аптеках.

Некоторое время помолчав, человек спросил:

— Расскажи, чему у вас еще учат.

— Знаете, чему нас еще учат? Когда заходишь в дом, то обязательно снимай головной убор!

— Н-да,— смутился человек, снял шляпу и сказал: «Галя, можешь быть свободной».

Галя вернулась в класс. Учительница с удивлением спросила: «Почему так быстро?» «Обо всем поговорили»,— ответила Галя.

Казалось, что на время буря утихла и наступило затишье. Но это было ненадолго. Снова на горизонте появились темные тучи. Галю перевели в другую школу. Каждый учитель был рад отказаться от ученицы, с которой было так много хлопот. И снова началась борьба, еще раз надо было пройти тот путь, который, казалось, был уже окончен: путь унижений, оскорбле-

ний, несправедливых снижений оценок. Надо было снова испытать на себе презрение учеников и учителей. После окончания девятого класса Галю исключили из школы.

В газете появилась статья о двух сестрах — Гале и Вере, которые одурманены сектой адвентистов седьмого дня. По субботам они не ходят в школу, вследствие чего они стали отсталыми и замкнутыми. Они не стремятся к просвещению, часами молятся в душных помещениях, поэтому их здоровье подорвано, они больные, худые и несчастные.

Автором этой статьи был студент педагогического института. Галя и Вера решили сходить к этому студенту и спросить у него, как он мог написать это, хотя никогда их не видел?!

Они пошли в пединститут и, обратившись к ректору, назвали фамилию студента и спросили, где его можно найти. Ректор объяснила, предварительно поинтересовавшись, по какому делу он им нужен. После короткого разговора с ректором и некоторыми студентами девочки нашли Юрия Волкова (автора статьи) во дворе. Вокруг собралось много любопытных. Вера подошла к студенту и смело сказала:

– Мы к вам по делу.

– По какому делу? Я вас не знаю.

– А вы присмотритесь лучше, может быть, и узнаете!

– Честное слово, никогда, нигде не видел вас!

– А может быть, узнаете тех несчастных, бледных и отсталых девочек, о которых вы писали? Как же вы могли бы написать о нас, если бы не знали нас лично? Это вы писали? (Вера показала ему газету).

– Я... я... – пробормотал он. Студенты начали смеяться, поднялась целая суматоха. «Так тебе и надо, Юра! Нам тоже предлагали, но мы же не согласились! Вот и влип!»

Юрий быстро сел в машину, сказал что-то невнятное и уехал. Студенты окружили девочек, стали расспрашивать о их вере. Воспользовавшись возможностью, они коротко рассказали о своих убеждениях. Выслушав это, будущие учителя сказали: «Держитесь, девочки, своих убеждений! Вы молодцы, что можете так смело их отстаивать!»

Когда Гале было 15 лет, она приняла крещение и стала членом той общины, которая молилась вместе с ней и поддерживала ее в трудные моменты жизни. Ее верность стала примером для многих юношей и девушек, которым тоже приходилось бо-

роться. Она прошли свой путь с победой и осталась верной Господу.

Маленькая Вера, которой когда-то приснился чудесный сон, теперь уже стала девушкой. Ее красота, которой она щедро была одарена, стала привлекать внимание молодых людей. Решив устроиться на работу в больницу, Вера обратилась за помощью к главврачу. Главврач взялась уладить дело с субботой. План был организован умело и обдуманно. На помощь были приглашены бывшие учителя и одноклассники. Теперь Веру окружили особым вниманием. Она стала получать письма, в которых молодые люди хвалили ее красоту и признавались ей в любви.

В молодом сердце началась борьба. И Вера начала постепенно сдаваться. Она уже не делилась своими переживаниями, как это было раньше, но с каждым днем все больше и больше замыкалась в себе. Домашние слышали ее вздохи и видели ее печаль. Однажды Галя решила спросить о причине ее печали. «У меня борьба, Галя, и очень большая. Не знаю, как я устою в этой борьбе»,— ответила ей сестра.

Галя вспомнила то время, когда они вместе боролись и молились, когда их молитвы помогали им, и предложила вместе помолиться. Вера ответила: «Нет, Галя, я должна бороться одна, и никто мне в этом помочь не может».

Веру устроили в строительный техникум. Однажды, когда родителей не было дома, пришли молодые люди, забрали Верины вещи и отнесли их в общежитие.

Уход Веры из дому принес глубокую скорбь не только ее родителям и сестре, но и всей общине, в которой она выросла, боролась и побеждала. Все члены общины задались целью помочь девушке и твердо верили, что она вернется.

Вера стала падать все ниже и ниже. Она стала посещать увеселительные места, употреблять алкоголь, курить и краситься. Ее невинная девственная красота исчезла, как утренняя роса. Бледная, измученная, оставленная друзьями, с подорванным здоровьем, она становилась дерзкой и злой. Кому теперь она была нужна?.. Страшное одиночество овладело ею, она стояла на краю бездны и с ужасом глядела в ее зияющую глубину.

Хотя ее «благодетели» видели ее падение, они поместили в газете статью: «Вера ушла от дурмана. Вера нашла себя в жизни».

Однажды отца вызвали в отделение милиции, где попросили: «Возьмите домой вашу дочь! Мы не можем с ней справиться!»

В тот день к родителям домой пришла завуч из техникума. «Мы исключили вашу дочь из техникума, и она впредь не может оставаться в общежитии. Возьмите ее домой!»

Израненное, измученное сердце отца сжалось от острой боли, и он тихо ответил: «Я ее не выгонял. Если придет — с радостью приму».

Чем ниже падала Вера, тем горячее молитвы о ней возносились к престолу благодати, откуда нисходит помощь во всякое время и для всякой нужды. Ее отец, человек непоколебимой веры, сказал: «Мы вымолим ее у Господа, и она снова будет наша. Хотя борьба ожесточенная, но милости у нашего Бога много».

И вот пришел тот час, которого так сильно ждали родители и сестра. Поздним вечером они услышали робкий стук в дверь — их дочь не решалась переступить через порог. Бледная, изнуренная, она стояла в дверях. Это была тень той жизнерадостной, румяной, здоровой девочки, которая не так давно ушла из дома. Мать накрыла на стол. И, как раньше, после застольной молитвы, которая была произнесена отцом с горячими слезами, семья уселась ужинать.

Вера ела с жадностью. Было видно, что она сильно голодна, давно не отдыхала и не мылась, все на ней было в беспорядке, одежда износилась. Немного побыв дома, она в тот же вечер снова ушла.

Однажды Вера зашла домой, когда там происходила репетиция оркестра. Долго она не видела своих друзей. Какими они показались ей прекрасными и чистыми! От них не пахло вином и табаком. Они были чисты, свежи и здоровы. Хотя и не легко им жилось, все они работали на тяжелых работах и боролись за соблюдение святого дня, но они были победителями. Среди молодежи Вера увидела сестру Августину, которая раньше жила в Кемерово и в детстве много говорила с ней о Христе. Она кинулась ей на шею и горько зарыдала. Казалось, что Вера впервые поняла всю горечь своего отступничества. Вера долго плакала. Когда она успокоилась, сестра Августина стала говорить о последствиях ее образа жизни, объяснила, куда этот путь ее в конце приведет.

Несчастная девочка воскликнула в отчаянии: «Я все понимаю, я все знаю и ясно представляю, куда иду! Но не могу остановиться!» «Почему?» «Потому что я очень низко пала, и Бог никогда не сможет меня простить. Я познала всю горечь стра-

стей, всю низость ада. Если есть ад, то это там, где я нахожусь, а рай — это там, где церковь Христа и Его дети. Я измучилась, я стою на краю погибели и скоро сорвусь в пропасть. О, как я не хочу погибать! Но поздно уже, поздно! Бог мне не может простить!..»

Только тогда мы понимаем высоту и глубину Божьей любви, когда перед нами стоит трепещущий грешник, который, утопая в греховной пучине, хватается за спасательный круг. Как шум водопада, как шелест листьев в тихую летнюю ночь, перед нами вырисовываются слова, несравненные по своей силе и красоте: «Если будут грехи ваши, как багряное,— как снег убелю; если будут красны, как пурпур,— как волну убелю» *(Ис. 1:18)*.

Сестра Августина указывала Вере на многократные милости Божьи. Говорила о разбойнике на кресте, о той бездне любви и всепрощения, которая открыта в Слове Божьем. Девочка слушала жадно, ее глаза горели. Порой ее одолевали сомнения, но ей хотелось верить и примириться с Богом. Они вошли в комнату, где проходила репетиция. Вера попросила, чтобы спели ее любимую песню «Вернись, вернись!»:

Вернись, вернись! Ты так блуждал далеко,
В пути не раз и падал, и страдал,
Истерзанный, изъязвленный глубоко,
Ты близкой гибели не сознавал.
Ты долго шел, изранил себе ноги,
В очах твоих блеск юности погас.
Вернись же, друг, с погибельной дороги,
Пока не пробил твой последний час.
Вернись! Ужель тебе не надоело
Блуждать в пустыне мрака и грехов?
Вернись, вернись! Твой бедный дух и тело
Бог вырвет лишь из вражеских оков.
Вернись, вернись! В твоей родной отчизне
Ты отдохнешь и телом, и душой,
С Христом в святой и обновленной жизни
Забудешь ты мир этот суетной.
Твои грехи, соблазны, треволненья,
Как тяжкий сон, исчезнут навсегда.
В любви Христа, в Его святом общенья
О прошлом ты не вспомнишь никогда.

После пения все преклонили колени и молились. За нее молились ее друзья, родители и сестра. В конце молилась Вера. Это был вопль отчаяния заблудшего человеческого дитяти. Она взывала к Нему: «Прости, прости, ибо Ты знаешь все мои пре-

ступления и душевные муки, всю горечь греха, которую я изведала за это время».

После молитвы Вера просила прощения у родителей. Это была трогательная минута. Отец положил руку на плечо своей любимой дочери и со слезами рассказал свой пройденный путь, на котором Господь его хранил и слышал молитвы. В конце он сказал: «Я знал, что ты придешь. Ведь все время я тебя ждал. Я верил, что Господь услышит наши молитвы».

Вера рассказала, как ее переубеждали, как порочили ее убеждения, насмехались над ее отцом, говорили, что он отсталый, темный человек, советовали учиться и устраивать свою жизнь, как это делают все. Нашлись опекуны, но когда она доверилась им, они отвергли ее, как ненужный предмет: исключили из техникума, выбросили из общежития.

На следующий день после работы Вера принесла свои вещи домой. Она сказала главврачу, что по субботам впредь работать не будет, что она вернулась домой и по-прежнему верит в Бога.

Снова были пущены в ход все способы, чтобы увести Веру от Бога. Вновь ее окружили друзья, которые в тяжелый момент оставили ее. У Веры, к несчастью, еще сохранилось пристрастие к алкоголю. Не так легко победить этот ужасный грех! Веру завлекли в общежитие и напоили, и она опять пошла своим прежним путем.

Через некоторое время Веру уволили с работы и опять выгнали из общежития. Она осталась без крова и хлеба. Ей пришлось еще раз изведать горькую участь блудного сына.

В отчаянии несчастная девочка забралась в какую-то кладовую и украла продукты. Ее поймали на месте преступления. Девочке угрожала тюрьма.

Прокурор вызвал отца и сказал: «Возьмите ее к себе и воспитывайте в духе христианства или как хотите, только чтобы меньше было одним негодным человеком!»

Но вскоре Вера исчезла. Никто не знал, куда она уехала. Перед тем, как уехать, она написала маме письмо. Это было письмо, полное отчаяния и безутешного горя. Она тяжело страдала от того, что отвергла милость Божью, которая была так близка к ней, от того, что не устояла в искушении и снова погрузилась в болото греха. Снова настали скорбные дни для родителей и для всей общины. Снова горячие молитвы возносились к Богу. Мать часто ходила на вокзал в надежде встретить дочь. Мо-

жет, она вернулась, только не осмеливается идти домой?..

Ее надежда осуществилась. Снова молитвы были услышаны. Перед ней стояла дочь, но еще более изнуренная и опустившаяся, чем прежде. Несколько ночей Вера ночевала под забором. Мать позвала ее домой, и она согласилась. Долго они шли молча. Слишком тяжело было говорить — не находилось слов!

Когда они пришли домой, Вера пала к ногам родителей и с воплем отчаяния просила прощения. Она говорила: «Я недостойна называть вас папой и мамой, но примите меня, как блудную дочь!»

Итак, Вера снова в своем родном доме. Снова ее окружала родительская ласка. Снова она вместе со своими друзьями — чистыми и сильными людьми.

Хотя она несколько раз падала и, казалось, что вся надежда на ее спасение потеряна, искра веры, зажженная в раннем детстве, не погасла даже в самые темные моменты ее жизни. И эта искра снова привела ее к Спасителю.

БОРЬБА И ПОБЕДА

Трудным был жизненный путь Анны Морозовой. Она много и тяжело работала, чтобы прокормить своих детей, ибо отец оставил семью. Тяжело было растить детей одной, и она отдала их в интернат.

Часто Анна лишалась работы из-за соблюдения святого дня, но она оставалась твердой. Анна стала задумываться о воспитании своих детей: если их оставить в интернате, то они вырастут неверующими и пойдут путем отца, который принес столько горя семье.

Мать стала хлопотать о том, чтобы забрать детей к себе, но не так-то легко это было. Ей ответили: «Мы их будем воспитывать до совершеннолетия, а потом отдадим». Детей не хотели возвращать верующей матери.

Сестра просила собратьев молиться вместе с ней, чтобы Господь смягчил жестокие сердца и вернул ей детей. Перед началом учебного года сестра пошла в интернат, чтобы забрать документы детей. Председателя в тот день не было, и заместитель, ничего не зная о запрете, выдал документы. Но девочку не хотели принять в школу, пока на то не будет резолюции исполкома. В исполкоме Анне Морозовой снова повезло: председатель и его заместитель отсутствовали, а секретарь, которая тоже ничего не знала о запрете, написала резолюцию на документах девочки, и ее приняли в школу. Конечно, то было не простым везением, а провидением Божьим и ответом на молитвы.

В течение лета Ниночка – дочь Анны – посещала богослужения и детский кружок, изучала Слово Божье, пела псалмы. Она слышала о верности детей в соблюдении Заповедей и решила в следующем учебном году начать борьбу. Прошло лето. Начал-

ся учебный год. Ниночка заявила маме: «Мамочка, я по субботам в школу ходить не буду».

Мама задумалась, потом сказала: «Доченька, в первую субботу пойди, а потом будет видно. Ведь сразу оштрафуют». «Нет, мамочка,— ответила девочка,— если начинать, то начинать с первой».

Борьба началась прежде с верующими, которые молились о Ниночке. В субботний день, во время богослужения, в дом молитвы зашли милиционеры, всех переписали и отвели в исполком, где им стали угрожать.

Было дано распоряжение учителям занижать Нине оценки. С ней обходились очень жестоко, между тем как девочка училась отлично.

Однажды Ниночка слышала, как ее учительница сказала другой: «Этой девочке, как видно, помогает какая-то сверхъестественная сила. Ничем ее не запугаешь!»

Как-то раз учительница английского языка зашла в учительскую и сказала: «Я больше так не могу. Мне очень жаль Ниночку. Это очень хорошая девочка. Сегодня она отлично отвечала на уроке и подошла ко мне, чтобы я поставила ей оценку в дневник. Я сделала вид, что не вижу ее. Она постояла, а потом повернулась и пошла на свое место. В этот момент мне показалось, что это равносильно тому, как если бы человек хорошо потрудился, пришел за зарплатой в кассу, а ему не дали, захлопнув перед ним окошко. Давайте изменим метод воспитания. Я не могу впредь так поступать».

Об этом рассказала классный руководитель на родительском собрании, говоря о том, что они воспитывали девочку по указанию исполкома. На родительском собрании говорили о поведении учеников. Возмущались учителя, вздыхали и плакали родители. Одна мать просила отправить ее сына в интернат, так как он угрожал ее убить. Очередь дошла до Ниночки Морозовой.

«Девочка ведет себя прекрасно, отлично учится»,— дала характеристику учительница. В углу сидела Нинина мама, но никто из присутствующих не знал, что это она. После того, как прочли характеристику Нины, кто-то выкрикнул: «Но она ведь по субботам не ходит в школу!» Все изумились: как можно по субботам не ходить в школу?! Какие могут быть причины? Учительница сказала: «Вы ее спросите, по какой причине она не ходит по субботам в школу».

Вызвали девочку. Она четко и ясно рассказала на память четвертую заповедь. Все родители были очень удивлены, раздавались возгласы: «И такие вещи в наши дни бывают? Что это еще за темнота? Такого мы еще не слышали!» Один из присутствующих развел руками: «В наши дни, когда летают космонавты, еще существует такая глупость: „Помни день субботний"!»

И опять продолжалась борьба. Тщательно следили за тем, где собираются верующие по субботним дням, ходили из дома в дом. Несколько раз преследователям удавалось застать собратьев на богослужениях. Как всегда – крик, угрозы, перепись, а потом – увольнение с работы. Но вскоре эти злые люди потеряли след. Богослужения каждый раз назначались в новых местах, часто изменялось время их проведения. Эти обстоятельства напоминали те времена, когда первые христиане ожидали наступления ночи, чтобы под покровом тьмы незаметно выскользнуть из города и спуститься в катакомбы, чтобы вместе молиться Богу.

В одну из суббот послали учеников выследить, куда пойдут Нина Морозова и ее мать.

Дети с раннего утра стояли на улице и очень замерзли. Потом они зашли в столовую погреться. В это время ничего не подозревающие мать и дочь прошли незамеченными. Учителя решили, что на детей полагаться не стоит, и послали двух женщин из родительского комитета с тем же заданием. Ранним субботним утром они заняли свои наблюдательные посты. Было холодно. Наблюдатели замерзли, но все же дождались, пока мать и дочь вышли из дома. Надеясь получить похвалу, они с большой радостью побежали к следователю и доложили, что Морозова с дочерью пошли на собрание.

Следователь спросил: «А вы проследили, куда они пошли?» Соглядатаи очутились в неловком положении. День субботний прошел у собратьев спокойно, а план врага был сорван.

Спустя некоторое время сестра Морозова должна была предстать перед судом. Ее обвиняли в том, что она воспитывает дочь в религиозном духе. Ее обвинителями были следователь и учителя из школы, в которой училась Нина.

Собратья тоже присутствовали на суде. Были зачитаны имена всех членов церкви, но они не защищались и молчали. Тогда судья сказал: «Мне очень трудно вести дело из-за присутствующих здесь верующих. Они хотя и молчат, но пронизывают взглядом до костей, и это очень неприятно».

Собратья, конечно, молились во время суда, и судья невольно чувствовал присутствие какой-то неведомой силы. Поэтому ему было тяжело выносить свое несправедливое решение о лишении Морозовой материнства. Может быть, обвинители ожидали после оглашения решения услышать крик, шум, увидеть слезы? Но они видели перед собой спокойно стоящую мать, которая, выслушав решение суда, сказала: «Считаю решение суда несправедливым. Но мой Бог даст мне силы перенести и это». Морозова подала жалобу в областной суд, но там утвердили решение народного суда.

«Всегда видел я пред собою Господа, ибо Он одесную меня; не поколеблюсь» *(Пс. 15:8)*.

Божьи обетования успокаивали скорбящую мать. У земных судей она не могла найти ни милости, ни справедливости, и поэтому передала свое дело в Вечные Руки, Которые управляют вселенной. Все это время церковь усердно молилась.

Председатель исполкома отказался подписывать бумагу с решением народного суда, потому что видел, что дело не обосновано. Об этом рассказала секретарь, которая симпатизировала верующим. Во время суда она передала Морозовой газетную статью, в которой было сказано, что верующие имеют право воспитывать своих детей в религиозном духе.

Председатель исполкома сказал: «Я от всей души уважаю этих людей. Это люди твердой веры. Их убеждения непоколебимы, и они знают, во что верят. Жестокостью мы их никогда не переубедим. Я считаю, что разумнее всего оставить их в покое».

Кажется, что эти слова явились эхом слов великого ученого из Иерусалима, Гамалиила: «И ныне, говорю вам, отстаньте от людей сих и оставьте их: ибо, если это предприятие и это дело — от человеков, то оно разрушится, а если от Бога, то вы не можете разрушить его; берегитесь, чтобы вам не оказаться и богопротивниками» *(Деян. 5:38, 39)*.

Все присутствующие были крайне удивлены, и один из сотрудников по работе, встретив Анну, спросил: «Как вы сумели так повлиять на председателя исполкома, что он изменил свое отношение к верующим?» «Наши молитвы дошли до Бога,— ответила сестра.— Только Он может смягчить человеческие сердца».

Но областной суд продолжал настаивать на том, чтобы Морозову лишили материнства. Председатель же исполкома по-

прежнему отказывался подписывать приговор. Потом в беседе с его матерью выяснилось, что его покойный отец был верующим. Сын сказал своей матери: «Ради памяти и уважения к отцу я не могу подписать решение лишить материнства верующую мать». После этого он ушел из исполкома и стал работать учителем.

Три месяца прошли спокойно. Девочку не тревожили. Но сестра Морозова была уже долгое время без работы. Она нигде не могла устроиться, потому что уже несколько раз была уволена из-за соблюдения дня святого. Вскоре ее предупредили, что если она в течение трех дней не устроится на работу, у нее будут отняты дети, а сама она будет сослана.

Снова горячие молитвы вознеслись к Господу. И в этот раз Господь проявил Свою милость, и Анна устроилась на работу.

После бури наступает затишье. Для сестры Морозовой тоже настало затишье. Она работала и выходной день у нее был суббота. Ниночку в школе тоже пока не трогали.

Однажды в беседе Анна сказала сестре из церкви: «Во время гонения и тревог вера горит ярче, потому что все время взываешь к Богу и держишься за Его руку. Но когда наступает затишье, то как будто вера охладевает. Не задумывалась ли ты о том, что мы должны пройти через великую скорбь? А ведь ты даже в списках не числишься у следователя». Сестра глубоко задумалась и сказала: «Задумывалась, но что же мне делать? Я ведь не пойду сама к ним!»

Через несколько дней в Анне Морозовой пришел следователь. С ним были семеро студентов. Анна очень обрадовалась и приняла их со счастливым видом и словами: «О, как хорошо, что вы пришли нас потревожить. Когда вы нас притесняете, то наша вера возгорается, а когда оставляете в покое, то охладевает».

Они еще ничего не успели ответить, как в комнату вошла та сестра, с которой Анна беседовала о гонениях. Она подошла к следователю и спросила: «Скажите, я числюсь в ваших списках?»

— А для чего вам это надо знать? — удивленно спросил следователь.

— Очень важно для меня.

— Как ваша фамилия?

Сестра назвала фамилию и адрес.

— Есть такая! — посмотрев в список, ответил следователь.

— О, как я рада! — воскликнула сестра.— А то у всех гонения и переживания, а у меня нет. И ко мне приходите на дом.

— Ну вас,— махнул рукой следователь,— пойдем!

И вместе с удивленными студентами ушел.

Сестра Морозова заболела радикулитом и попала в больницу. И там ей не давали покоя, пытаясь действовать через гипноз. «Не верьте, не верьте! Впредь не будете говорить о Боге. Скажите, что не будете»,— настаивала врач.

После неудачных сеансов врач сказала: «Эта маленькая женщина имеет сильную волю. Ничего с ней не сделаешь». Сестра же в то время сильно молилась.

Следователь приходил к Анне, часто вызывал ее в кабинет врача и долго беседовал. Уже было принято решение о том, чтобы, пока она находится в больнице, забрать детей в интернат. Но детей дома не оказалось. Во время каникул Саша гостил у родных, а Нина — у верующих.

Анна выписалась из больницы и вернулась домой. Чувствовала она себя плохо. Соседи рассказали, что во время ее отсутствия приходили за Ниной и хотели забрать ее в интернат.

Снова темные тучи нависли над головой Анны Морозовой. Затишье было коротким. При хорошем здоровье легче переносить трудности, но когда организм ослабевает, тогда и духовные силы подрываются. И снова она искала поддержки и совета в молитве, в уповании на своего Бога.

Глубокая скорбь легла на сердце матери. Неужели она должна будет расстаться со своей любимой доченькой? В то время, как она стояла в глубоком раздумье, почтальон вручил ей письмо. Она боялась вскрыть конверт. Может быть, это прислали ей сообщение о том, что ее дочь должны забрать в интернат? Она не могла себе представить, что держит в своих руках ответ на свои молитвы и на молитвы собратьев! Дрожащими руками она распечатала письмо и прочитала:

«ПРОТЕСТ

Решением народного суда города Бердска от 28 июля 1964 г. Морозова Анна Максимовна лишена родительских прав в отношении сына Александра, рожд. 1950 г., и дочери Нины, рожд. 1952 г., на том основании, что она не работает, принимает ак-

тивное участие в секте адвентистов седьмого дня и к исполнению религиозных обрядов привлекает своих детей.

Решение народного суда подтвердил областной суд 16 января 1965 г.

Решение народного суда и подтверждение областного считаю неверным на следующем основании: дети Морозовой посещают школу, кроме субботы, имеют нормальную успеваемость. Морозова осуществляет за детьми необходимый уход и надзор. Из акта обследования видно, что материальное положение семьи нормальное.

Сами по себе религиозные убеждения Морозовой не могут служить основанием к лишению ее родительских прав.

На основании изложенного и руководствуясь ст. 313–329 ГПК, решение народного суда и определение областного суда отменить, возвратить дело в народный суд на новое рассмотрение.

Прокурор области, государственный советник юстиции 3 класса (подпись)».

Казалось, что испытания сестры Морозовой окончились. Снова все шло хорошо. Решение о лишении материнства отменено. Документы, присланные из Москвы,– на руках. Радовалась сестра, радовались и те, которые принимали участие в ее борьбе.

Но путь страданий еще не окончился. Сибирские братья не знали того, что вскоре они увидят еще большую милость и защиту для укрепления их веры и для того, чтобы они убедились в непреложности Божьих обетований.

Наступил новый, 1966 год. В пятницу Ниночка пошла в школу и больше не вернулась. Саша, ее брат, прибежал из школы со слезами и рассказал: «Мамочка, нашу Ниночку забрали и увезли в детдом». Мальчик был очень расстроен и горько плакал. Потом он немного успокоился и продолжал: «Учителя вели Нину под руки, но я гордился ею. Она шагала спокойно, подняв голову, точно царица, как все говорили. Весь класс возмутился, стали кричать: „Куда ведете нашу Нину? Отпустите ее! Это несправедливо!" Чтобы прекратить шум, всех распустили по домам».

Мать и сын горячо молились за нее, не зная, где она находится, что с ней. В то время, когда Саша с мамой думали о ее местонахождении, она в сопровождении трех учительниц ехала в электричке.

Девочка сидела у окна и мысленно встречала день покоя. Она знала, что весь народ Божий встречает субботу, и что в этот вечер возносятся молитвы к трону благодати и о ней. Она не знала, куда ее везут, какой будет ее участь, и горячо молилась, чтобы Господь дал ей силы устоять и остаться Ему верной. Ее грустные размышления прервали подошедшие к ней учителя. «Скажи, Ниночка, что передать твоей маме?» «Расскажите ей все в точности, что вы со мной сделали»,— спокойно ответила девочка.

Слезы давили ей горло, но она крепилась, чтобы не заплакать. Нет, она не хотела плакать перед этими людьми, чтобы вызвать у них жалость к себе.

Приехали на станцию Ояш. Там уже ждала машина. Они сели в машину и целый час ехали до села, где их ждал трактор. Учителя распрощались с ней и вернулись обратно.

Стоял мороз 45 градусов. Кругом простирались снежные поля, дорога была заметена снегом. Трактор, пыхтя, медленно двигался вперед, пробивая дорогу. Если бы он мог знать, что везет по жестокости людской оторванную от сердца скорбящей матери беспомощную девочку, то, может быть, и его железное сердце вздрогнуло бы!

Наконец, тяжелый путь окончился. В детдоме их уже ждали. Дети окружили Нину. Они были такими же несчастными, как и она,— без родителей, лишенные семейного очага и тепла.

В понедельник Анна пошла искать свою дочь. Она зашла к директору школы. Он принял ее враждебно и спросил: «Что вы хотите, Морозова?»

— Скажите, куда увезли мою дочь и на каком основании? — спросила женщина.

— Не скажу вам ничего. Уходите отсюда! Я вас не считаю матерью! — ответил директор.

Анна ушла. Слова директора еще больше ранили сердце матери. Сестра обратилась с просьбой к классному руководителю, чтобы узнать, куда увезли ее дочь.

— Не беспокойтесь, мамаша! Ваша дочь в хороших руках. Там ее будут лечить от религиозного дурмана и от влияния матери. А вообще, мы вас впредь не считаем матерью. Можете быть свободной! — услышала опять сестра.

— Хоть скажите, на каком основании вы сделали это? — спросила мать.

— На основании решения городского суда, который состоялся на этой неделе. Идите к прокурору, он вам все расскажет,— последовал ответ.

Она пошла к прокурору, там присутствовал судья. Морозова сказала: «Я к вам пришла заявить, что украли мою дочь. Ответьте, на каком основании это сделано?»

Молодой прокурор резко ответил: «Не украли, а на основании решения городского суда решили девочку забрать и перевоспитать».

— У меня на руках письмо из Москвы,— сказала сестра Морозова,— с отменой решения о лишении меня материнства.

— Там в вашем документе написано только то, чтобы не лишать вас родительских прав, а чтобы девочку не забирать в детдом, там не написано,— сухо ответил прокурор.

Дальше следовал диалог.

— Что же тогда считается не лишением родительских прав, если от матери отрывают ребенка?

— Я вам уже пояснил.

— У вас есть дети?

— Нет.

— Но если вы когда-нибудь будете иметь детей, то мое желание, чтобы вы никогда не пережили такого горя, какое вы причинили мне. Вы блюстители закона, но нарушаете закон. Вы даже не подчиняетесь Москве.

— Я не намерен этого делать. Уходите отсюда!

Сестра не сразу ушла. Она смело посмотрела в глаза этому жестокому молодому человеку и спокойно сказала:

— Бог освободил меня из многих злых рук, которые хотели причинить мне зло. Я твердо верю, что Он освободит и из ваших рук!

— Не проповедуйте мне о Боге! Уходите отсюда! — грозно закричал молодой прокурор.

— Скажите мне адрес, куда вы увезли мою дочь,— еще раз обратилась к нему Анна.

— Не скажем. Еще раз говорю: не ходите со своими жалобами. Я никому не подчиняюсь.

— В моем горе может только Бог помочь, и Он мне поможет.

— Уходите, уходите!

С тяжелым сердцем мать ушла. Идя дорогой, она молилась и плакала.

В посте и молитве принимали участие взрослые и дети. Каждые два часа возносились молитвы к престолу благодати. То были скорбные молитвы, зов о помощи в трудный час, когда не было видно никакого выхода. Дети скорбели о своей подруге, родители видели в судьбе Нины будущее и своих детей.

Морозова пошла к областному прокурору. Он отсутствовал, прием вел его заместитель, еврей по национальности.

— Мою дочь украли и увезли, я не знаю куда,— начала мать.

— Почему вы думаете, что ее украли?

— Куда бы я ни обращалась, меня отовсюду выгоняли, говоря, что я не мать и что мне никогда не скажут, куда ее увезли.

— Я сомневаюсь в ваших словах. Почему же вы довели свою дочь до этого?

— Мы люди верующие, адвентисты седьмого дня. Мы верим в Бога Авраама, Исаака и Иакова. По заповеди соблюдаем субботний день.

— Да, мы далеко ушли от Бога, но ведь Бог субботу дал евреям,— сказал заместитель прокурора.

— Так не написано в Библии. Суббота — это день Бога. Вначале он был дан евреям как народу Божьему, но когда они отступили от Бога, то Он избрал Себе народ от всякого племени и колена. Спешите, пока дверь благодати открыта, а то потеряете и данные вам обетования. Отверженный вашим народом Мессия жив, и Он ожидает вашего покаяния. Имейте в виду, что не напрасно сегодня я встретилась с вами.

Заместитель прокурора задумался. Немного помолчав, он сказал:

— Значит, и адрес не хотели вам дать?

После этого он позвонил, чтобы пришел его коллега, и они вместе пересмотрели документы, присланные из Москвы, и документы от главного прокурора области.

— Мы сейчас позвоним в городской суд,— обратился он к матери,— и все узнаем. Но вы обязательно придите в следующую среду к главному прокурору. Вы только послушайте нас — если и узнаете адрес вашей дочери, то не забирайте ее домой. Пусть ее вам доставят. Пусть им будет стыдно за такие дела, а к главному прокурору обязательно придите.

Прокурор позвонил в городскому прокурору и спросив, почему принято такое решение, потребовал, чтобы немедленно дали адрес дочери.

Повернувшись к Анне, он сказал: «Прокурор говорит, что дочь ваша взята на время, чтобы испытать ее — вы ли действуете на нее, или же она имеет свои личные убеждения».

— Почему же по-доброму со мной не договорились, как с матерью, если ее хотели забрать на время для испытания? Мне ведь могли сказать об этом!

— Идите в городской суд, и там вам дадут адрес,— вежливо сказал прокурор.

Человеческое сострадательное отношение, как капли целительного бальзама, проникло в израненное сердце матери. Морозова пошла в горсуд. Судья сказал секретарше: «Дайте ей адрес детдома, где находится ее дочь».

Получив адрес, Морозова радостно готовилась в путь. Ребята из детского кружка написали много писем, собрали подарки, и мама отправилась к своей дорогой доченьке. Но непонятно почему адрес оказался неправильным, и мать вернулась обратно.

Скорбь была рассеяна тем, что от Ниночки пришло письмо. Молитвы народа Божьего были услышаны. Мать успокоилась, она знала теперь, где находится ее дочь, что она жива, здорова, а далее усмотрит Сам Бог.

Одна сестра, которая была оторвана от своих детей и находилась в лагере, написала такие слова: «Трудно переносить разлуку, но я везде свидетельствую о Боге, тогда я утешаюсь, ибо вижу в том план Божий, веря твердо, что это — рука Божья».

Сестру Морозову стали посещать люди, с которыми она когда-то виделась в школе, на родительских собраниях. Эти женщины приходили, чтобы утешить скорбящую мать, и сестра, в свою очередь, рассказывала им о Христе, о спасении, о Трехангельской вести. Она приглашала их на богослужения.

На торжественное богослужение 8 января 1966 года женщины пришли со своими дочерьми — одноклассницами Ниночки. Все были очень рады, и одна из девочек заявила: «Я в школе открыто скажу, что я верю в Бога. Пусть они не думают, что только одна Нина верит в Бога!»

В стороне сидела девочка, она была очень печальна. У нее умерла мама, и самая близкая, задушевная подруга Нина тоже была оторвана от нее. После смерти мамы Веру (так звали девочку) отдали в интернат. Отец ее был болен туберкулезом легких.

Нина, которая тогда тоже была в интернате, рассказала Вере о Христе, о Его скором пришествии, о Законе Божьем, о том,

что Господь при сотворении мира освятил день субботний и благословил его. Верочка радовалась, что скоро придет Христос и земному горю придет конец.

После ухода Нины из интерната Верочка осталась одна и очень скучала. На каникулы всех отпускали домой, Вера тоже пошла домой, но почувствовала, что там она не была желанной. Она пошла к своей любимой подруге и осталась у нее на все лето. Вместе с Ниночкой она посещала детский кружок и многому там научилась. Потом решила отстаивать день святой в школе.

Наступила осень. Верочка должна была вернуться в интернат. О, как неохотно она шла туда после той ласки и тепла, которые она имела среди окружавших ее верующих! Однажды (это было то время, когда она еще жила у Морозовых), предполагая, что никого нет дома, она преклонила колени и молилась: «О, Боже, Боже! Прошу Тебя очень! Дай доброе сердце тете Ане, чтобы она оставила меня у себя, и я могла бы Тебе служить!»

Все же Верочка должна была вернуться в интернат. По субботам она уезжала в Новосибирск на богослужения. В первую субботу в учебном году она осталась в покое. В понедельник учительница спросила ее, почему она не была в школе. Девочка ответила, что она верующая и впредь намерена соблюдать день субботний.

Вызвали отца и взяли с него расписку, что он разрешает делать все, что они сочтут необходимым, чтобы выбить из его дочери сектантский дурман.

Настала суббота, и Верочка снова не пошла в школу. В понедельник воспитательница собрала всех детей, поставила перед ними Веру и спросила, почему она в субботу не была в школе.

«Я верующая и субботу нарушать не могу»,– объяснила Вера. Воспитательница обратилась к детям: «Бейте все ее!» Все били, кто кулаком по голове, кто ногами пинал, пока не устали. Мальчики говорили: «У нас уже ноги болят, а ей хоть бы что!»

После побоев заставили ее мыть полы в очень грязных комнатах. Она мыла и пела: «Жить для Иисуса, с Ним умирать – лучшую долю можно ль желать!» Воспитательница, которая наблюдала за ней, сказала: «Эту песню я слышала от Нины, видимо, она тебя и заразила!»

Однажды девочки застали ее молящуюся и плачущую. Они спросили: «Почему ты молишься и плачешь?» Она ответила: «Я

раньше веровала, а теперь прошу Бога, чтобы Он мне простил, и дал силы впредь не грешить».

Дети продолжали над ней издеваться, ибо это было разрешено и даже поощрялось. Однажды они окружили Верочку, налепили ей на лоб и на спину разные картинки, высмеивающие религию, водили по коридору и кричали: «Богомолка! Богомолка!»

В субботу Верочка снова не явилась на занятия. Когда она пришла в понедельник, ее опять избили и послали мыть полы.

Стало слишком тяжело, невыносимо тяжело, и девочка убежала из интерната. Она просила отца забрать ее домой, отец обещал в скором будущем взять ее. С тяжелым сердцем она вернулась в интернат, но не теряла надежду, что кто-то из верующих возьмет ее на воспитание.

После возвращения Верочку сейчас же увезли в другой интернат, в город Купино.

На каникулы Вера приехала домой с твердым намерением больше не возвращаться. Отец смягчился и обещал забрать ее из интерната. Съехались родственники, и каждый из них хотел забрать ее. Но Верочка определенно заявила, что она верующая и пойдет только к верующим.

Отец пришел к сестре Морозовой и просил ее взять девочку к себе. Она согласилась.

Из интерната пришло письмо с просьбой забрать Верины вещи и документы. Девочка торжествовала: «Теперь меня никто не будет обижать, все будут любить и научат, как служить Христу».

Маленькое одинокое сердечко жаждало любви, а у любимой тети Ани было так хорошо и тепло. Только она скорбела о том, что не было ее дорогой подруги — Ниночки.

...Стояла суровая сибирская зима. Несколько дней бушевала метель. Дороги были занесены снегом. Местами лежали большие сугробы. К концу недели метель прекратилась, и температура понизилась до 42 градусов. Такая погода не особенно располагала к путешествиям, и каждый был счастлив, если имел возможность остаться у себя дома в тепле.

Был субботний вечер. Большая часть обитателей детдома пошла в кино. Кто отдыхал, кто читал. Каждый был занят самим собой. Никто не обращал внимания на девочку, которая снова и снова подходила к окну, с напряженным вниманием наблюдая за погодой.

Неужели в такую погоду она вздумала отправиться на прогулку? Да! Уже целую неделю она мечтала об этом и строила планы. Ей казалось, что вот теперь настал тот час, когда она должна отправиться в путь.

Снова она подошла к окну. Дорога была занесена снегом и сравнялась с полем.

Разные мысли мелькали у нее в голове. Жажда свободы сменялась страхом: в такую погоду можно и с дороги сбиться, заблудиться и погибнуть, могут напасть и голодные волки, которые бродят по ночам. При этой мысли маленькое сердечко вздрогнуло! А если обнаружат побег, то могут пуститься в погоню, поймать. А потом что? Потом будет наказание и особенная слежка, будешь как в тюрьме, никогда не имея возможности уйти отсюда. Но оставаться тоже было невозможно, совершенно невозможно! Без Слова Божьего нельзя жить и дня — слабеешь. Здесь приходится слышать только ругань и злые слова. «Они хотят меня перевоспитать, для того и отправили сюда. На второй день уже началось это перевоспитание, когда с помощью ребят воспитательница связала мне руки и ноги и отнесла в кино. Хотя я и закрыла глаза, но все слышала. На новый год хотели утащить на елку. Я сказала, что у меня болит голова и осталась дома. Нет! Я не могу здесь остаться, все мне здесь чужое!» — думала девочка.

День клонился к вечеру. Ниночка закончила святой день молитвой. Вдруг она услышала, что прошел трактор. Дорога открыта! Надо немедленно отправляться в путь, пока еще не вернулись из кино.

Было уже шесть часов вечера. Она помолилась и пошла. На дороге девочка остановилась в сомнении: а куда ведет эта дорога — может быть, я иду в обратную сторону?

Успокоившись, она пошла вперед, надеясь, что Отец Небесный ее сохранит и доведет до желанной цели.

Иногда наши собратья в вечерних молитвах произносят такие слова: «Сохрани, Господь, и тех, которые в одиночестве находятся на опасных дорогах». Может быть, и в этот вечер чья-то сердечная молитва об одиноких путниках возносилась к небу.

Ниночка шла спокойно. Ее окружало снежное море. Куда ни посмотришь — все бело и бело без конца. Она совершенно не боялась. Она уже не думала о том, что голодные волки могут напасть и разорвать ее. Она была уверена в том, что ее побег

сразу не обнаружат и никто за ней не погонится. Ведь никому и в голову не придет, что в ночное время и в такую погоду она одна решила отправиться в путь. Она всецело доверилась своему Господу и шла все дальше и дальше.

На ночном небе ярко вырисовывались звезды — тысячелетние спутники одиноких странников. Кругом стояла тишина, нарушаемая только скрипом мерзлого снега под ее ногами. Нелегко было идти. Сильный мороз захватывал дыхание, но это не пугало маленькую одинокую путешественницу. Сознание, что она находится на свободе, охватило все ее существо. Никто не будет принуждать ее силой делать то, что ей неприятно, против чего восстает совесть. Радость встречи с мамой, с братом и друзьями окрыляла ее, и она шла бодро и радостно.

В ночной темноте вдали вырисовывались какие-то непонятные силуэты. Подойдя ближе, она увидела, что это деревня. В окнах было темно — видимо, все уже спали. Девочка не могла себе представить, который теперь час и сколько километров она прошла. Впоследствии она узнала, что в течение пяти часов она прошла 12 километров. Усталость взяла свое, дальше продолжать путь не хватало сил.

Надо было проситься на ночлег. Робко постучала она в первый дом. Собака залаяла, но никто не открыл. Девочка пошла дальше. Стучала в другие калитки, но везде было так же. «Неужели я должна остаться на улице в эту холодную ночь?» — с ужасом думала девочка. Пока она шла, то не чувствовала ни холода, ни усталости. В некоторых домах ей отказали, в других — совсем не отворили. Ниночка верила, что Господь не оставит ее на улице в эту холодную зимнюю ночь, что Он охраняет ее днем и ночью и даст силу. Она постучала в очередной раз. Дверь открыла женщина и очень удивилась, увидев перед собой в ночное время ребенка. Она спросила: «Откуда ты, девочка, и куда направляешься в такой поздний час? Ведь скоро 12 часов!»

Молниеносно в маленькой головке родилась мысль, что ей не следует говорить о детдоме, иначе завтра утром женщина сразу заявит об этом и может даже не разрешит переночевать. Поэтому Нина быстро выпалила то, что успела придумать: «Меня тетка оставила, сказав, чтобы я постучалась в какой-либо дом, и меня пустят переночевать».

Они вошли в комнату, и прежде, чем женщина успела ее расспросить о жестокой тетке, которая бросила ее в такой поздний

час на холоде, Ниночка со слезами уже каялась: «Тетя, я вам неправду сказала, простите меня! Я ведь из детдома убежала. Меня туда увезли против моей воли, меня украли от мамы и увезли, и это только потому, что мы верующие. Мы ожидаем Второе пришествие Христа, которое по всем признакам близко, и соблюдаем седьмой день — субботу».

Женщина была очень удивлена и сказала: «Девочка, этого не может быть! Разве за веру отнимают у родителей детей?»

«Правда, правда, тетя! Я вам правду говорю. Меня отняли и увезли. Мы верим во Христа, что Он умер за всех людей, за грехи наши и воскрес. Теперь Он находится на небе и приглашает всех покаяться. Примите Христа! Он скоро придет во второй раз!» — очень быстро выпалила Нина.

«Девочка, я вижу, что ты на самом деле верующая, я отведу тебя к своей сестре, и там мы вместе решим — что с тобой делать»,— решила женщина.

Она оделась, и они вместе пошли к ее сестре, которая жила по соседству. В это время у нее гостил их брат — уполномоченный по уголовному розыску.

Когда женщина представила ему девочку и рассказала, откуда она убежала, то он определенно сказал: «Она обязательно должна вернуться в детдом».

«Дядя, отвезите меня домой! Я хочу к маме!» — просила девочка. «Как я могу отвезти тебя домой, когда завтра за мной пришлют, чтобы я разыскивал тебя?» — ответил мужчина.

«Дядя, я вас очень прошу, увезите меня к маме!» — просила девочка.

В этот момент Ниночка вспомнила тот прекрасный текст, который дает уверенность в трудную минуту жизни в том, что Господь обязательно поможет и выручит.

«Господь сказал: конец твой будет хорош, и Я заставлю врага поступать с тобою хорошо во время бедствия и во время скорби» *(Иер. 15:11)*.

Все время она твердила его про себя и горячо молилась, чтобы Господь расположил сердце дяди Вани, и тот увез ее домой.

Со слезами она просила: «Дорогой дядя Ваня, не посылайте меня обратно в детдом! Я хочу к маме».

Уполномоченный по уголовному розыску задумался, потом сказал: «Ну ладно, я тебя заберу к себе. Живу я недалеко от Ояша. Мы поедем рано утром. Ты будешь жить у меня, а я прове-

9 Зак. 1709

рю тебя – действительно ли ты верующая или притворяешься. Также проверю и твою мать, может быть, она пьяница, и поэтому отдала тебя в детдом».

Рано утром они отправились в путь. Маленькая девочка доверилась этому доброму человеку. Она не сомневалась в его честности и с радостью с ним поехала.

Его супруга, которую тоже звали Нина, радушно приняла девочку. В семье было пятеро детей, один другого меньше. Ниночка помогала по хозяйству и занималась с детьми. Они полюбили друг друга и подружились.

В течение дня девочка рассказывала тете о Христе, о Его жизни на этой земле, о страданиях, смерти и воскресении.

Вечером, когда дядя Ваня возвращался с работы, Ниночка и ему рассказывала о знамениях, которые являются предвестниками скорого Пришествия Христа во славе. Он любил слушать ее детское наивное объяснение существования Бога, и оно ему казалось более веским, чем все научные доказательства против Бога, ибо исходило из чистого, невинного детского сердца.

Однажды вечером, после беседы он сказал: «Теперь я почти убедился, что ты верующая».

В эти дни по всей округе тщательно искали Нину Морозову. Вечером принесли опознавательный лист уполномоченному по уголовному розыску. Он прочел и, подав девочке, сказал: «Прочитай, Нина, вот опознавательный лист. Тебя усиленно ищут. Но не бойся, живи пока у нас, сюда никто не придет за тобой».

Потом, обратившись к жене, сказал: «Как хорошо, что мне не надо ее искать. Она сидит здесь и мирно с нами беседует. Пусть они поищут!»

Они решили еще раз проверить девочку. Дядя Ваня обратился к ней со словами: «Нина, если ты действительно веришь в Бога, то я вынужден отвезти тебя в детдом, а если скажешь, что Бога нет, то я сразу, завтра же утром отвезу тебя к маме».

Для маленького сердечка это было сильным испытанием. Она была уже на пути к дому, и так близка к желанной цели, в полной надежде, что скоро увидит дорогую мамочку и своих друзей, но увы!..

В этот момент яснее, чем когда-либо, она поняла, как сильно любит своего Спасителя. Ей было легче умереть, чем отречься от Него. Нет, этого она никогда не сделает, никогда!

Девочка определенно ответила: «Дядя Ваня, делайте со мной, что хотите! Везите, куда хотите, но от Бога я никогда не отрекусь!»

Пять дней Нина жила в этой гостеприимной семье, у добрых, честных людей. Все полюбили ее, особенно дети. Каждый день она рассказывала им чудесные истории из детских книг.

Однажды, когда уполномоченный по уголовному розыску вернулся с работы, девочка обратилась к нему с сердечной просьбой: «Дорогой дядя Ваня, отвезите меня домой, к маме. За это Господь благословит вас и вашу семью. У нас 8 января будет торжественное собрание, и я должна буду рассказывать стихотворение. Как я хочу там быть!»

Уполномоченный по уголовному розыску долго сидел с поникшей головой и молчал. В это время девочка усердно молилась.

...Настал тот день, когда сестра Морозова должна была явиться к главному прокурору. Утром к ней зашли сотрудник милиции и врач. Он объявил, что ее дочь ушла из детдома и спросил, не пришла ли она домой. Врач был приглашен по той причине, что думали, что после такого сообщения мать упадет в обморок. Сестра восприняла это сообщение спокойно и сказала, что дочь домой не вернулась.

Морозова зашла в областную прокуратуру.

— Я мать Нины Морозовой, пришла к вам опять.

— Разве произошло что-либо новое?

— Сегодня сообщили, что ее нет в детдоме.— Анна заплакала.— Может быть, волки ее растерзали или замерзла на пути.

Прокурор посмотрел на нее с состраданием и сказал:

— Морозова, неужели вы перестали верить вашему Богу, что Он силен сохранить вашу дочь?

Сестра потом рассказывала, что ей стало стыдно, что она на миг смалодушествовала. Она ободрилась и сказала:

— Вера в Бога не иссякла, но материнское сердце плачет!

Прокурор позвонил начальнику милиции, чтобы немедленно разыскали дочь Морозовой и доставили ее матери.

Прощаясь с опечаленной матерью, он сказал: «Все будет хорошо, идите спокойно домой. Впредь вас и вашу дочь никто беспокоить не будет».

Сестра взяла документы, которые она должна была передать городскому судье и начальнику милиции, и пошла на вокзал, чтобы оттуда на автобусе поехать домой.

Мы оставили уполномоченного по уголовному розыску в глубоком раздумье. Он поднял голову и сказал жене: «Завтра отвезешь Нину к матери. Если она — верующая, оставишь, а если пьяница — привезешь обратно, и мы сами будем ее воспитывать. До Ояша я сам отвезу вас и посажу в электричку, а дальше поедете одни».

Они доехали до Ояша, а там была проверка документов, искали беглянку. Дядя Ваня приоткрыл дверь машины и сказал: «Все в порядке, здесь нахожусь я». Машину отпустили.

Ниночка сердечно поблагодарила своего проводника за все доброе, что он для нее сделал, и вместе с тетей Ниной села в электричку. В электричке тоже искали пропавшую девочку. Ниночка была переодета, и по приметам трудно было ее распознать. Она должна была называть тетю Нину мамой. Так они благополучно доехали до Новосибирска, а там сели в автобус.

В это время убитая горем мать тоже вошла в автобус. Вечерние сумерки опустились над землей. В глубоком раздумье она сидела у окна: где теперь находится дочка в этот холодный зимний вечер? Имеет ли она кусок хлеба и теплый уголок или бродит по бесконечным снежным полям, потеряв дорогу?..

Среди гомона голосов пассажиров ей вдруг послышался голос ее Ниночки. «Да, так бывает,— подумала Анна,— когда думаешь о ком-то, того и будешь видеть перед собой и слышать его голос».

Снова она погрузилась в свои печальные думы, и снова ей послышался дорогой голос. Она быстро встала, чтобы посмотреть в ту сторону, откуда это доносилось. И... увидела, что, прижимаясь к какой-то незнакомой женщине, там сидела ее доченька!

Исстрадавшейся матери казалось, что это сон. Она встала и подошла к девочке.

— Ниночка, доченька, неужели это ты?

— Мамочка, родная, это я, и мы снова вместе с тобой!

...Дети готовились к торжественному собранию, и должна была состояться репетиция. Ниночка с тетей поехали на репетицию, а мать поспешила в нарсуд и к начальнику милиции, чтобы передать документы. Первые ее слова были: «Ниночка нашлась, не ищите больше».

Начальник милиции прочел письмо от главного прокурора и сказал: «Идите спокойно домой. Впредь вашу дочь никто не заберет от вас».

Второе письмо мать отдала секретарю народного суда и поехала на репетицию.

Когда Ниночка с тетей зашли на детское собрание, то все дети кинулись ее обнимать и целовать. О, сколько было радости и ликования!

Тетя Нина заплакала и сказала: «Теперь я понимаю, почему Ниночка так рвалась домой. У нее не только любящая мать, но и много любящих друзей. Все это я расскажу мужу. Я очень рада, что мы поступили так, сделав все возможное для Ниночки».

Все дети искренне благодарили тетю Нину и пригласили приехать на богослужение с детьми и мужем.

Дети пели, играли, рассказывали стихотворения, а тетя Нина сидела и все время плакала. Она пригласила Ниночку и ее маму в гости, чтобы они больше рассказали им об Иисусе Христе. Сердечно распрощавшись со всеми, она уехала.

Счастливые дети передали благодарность дяде Ване за то, что он помог Ниночке благополучно вернуться домой.

ВОЗВРАЩЕНИЕ УЗНИКОВ

Когда возвращал Господь плен Сиона, мы были как бы видящие во сне. Великое сотворил Господь над нами: мы радовались.

Пс. 125:1, 3

Хотя пришлось пережить еще много горьких и тяжелых испытаний, все же облегчение приближалось, как приближается весна, хотя ей и приходится бороться с зимой, которая не желает уступить ей свой скипетр владычества.

Первая молитва была услышана. Наши страдальцы выдержали, они не поколебались, страдая за Господа, но остались Ему верными при всех обстоятельствах.

В лагерях они проповедовали своим начальникам и заключенным. Многие узники имели горячее желание принять крещение, но в лагерных условиях это было невозможно.

Начиная с 1953 года, сестры стали посещать в лагерях своих мужей. До сих пор они не имели такой возможности. После долгих разлук, перенесенных страданий, душевных мук увидеть дорогого вашему сердцу человека, прильнуть к его груди, выслушать пережитое им и рассказать ему о семье, о друзьях — это можно только прочувствовать, описать же это совершенно невозможно!..

Несмотря на то, что приходилось ехать иногда даже 7—8 суток, свидание разрешали только на 2—3 часа, да и то в присутствии конвоира... Совершенно невозможным было передать письма, деньги, а главное, Слово Божье. Каждый сверточек был проверен, даже мед переливали в другую посуду, чтобы проверить, нет ли там чего припрятанного. Одной сестре все же удалось в топленом масле передать части Священного Писания.

Эти встречи орошались слезами радости. Но насколько были радостны встречи, настолько печальны были разлуки. После того, как родные видели тяготы лагерной жизни, развращенное общество, окружавшее их близких, их бледные лица, их глаза, помутневшие от слез, расставаться было невыразимо трудно.

Одна из сестер рассказывала: «После трехсуточной поездки, мы с дочкой, которой было тогда 5 лет, прибыли на конечную станцию. Но оказалось, что это не конец путешествия: надо было еще ехать по узкоколейной дороге, ибо лагерь находился далеко в лесу. Нас застала ночь, а предстоял еще далекий путь. Надо было идти через лес. К нашему счастью, из лагеря приехала подвода. Уже было далеко за полночь. Девочка спала на моих руках. Когда арестовали ее отца, ей было полтора года. В то время она еще не понимала того, что происходило, но, подрастая и слыша наши разговоры, видя нашу печаль, она также стала тосковать по своему отцу. И теперь, спустя три с половиной года, она должна была встретиться с ним, со своим отцом, о котором всегда молилась, которого всегда ждала, с которым была связана вся ее короткая жизнь. Я представляла эту радостную встречу, но думала и о том, какая же печальная разлука будет после нее. И действительно, все так и случилось. Девочку никак нельзя было оторвать от отца, она горько и долго плакала. Она никак не могла примириться с тем, что ее папочка должен оставаться за колючей проволокой, что мы должны без него возвращаться домой.

Показались огни лагеря. Подъезжая ближе, я увидела проволочное заграждение, на вышках стояли постовые, вокруг забора прохаживались сторожа с собаками. Кругом царила мрачная тишина. Обыкновенно тишина успокаивает усталого человека, но эта тишина была тревожная, страшная, угнетающая душу! И там, за этими стенами, за колючей проволокой, среди воров и убийц находится тот, кто не сделал никому зла...»

Невыносимо печальны были расставания. Предстояли годы разлуки, которым не видно было конца, годы тревог и тоски!

Через год встречи с узниками стали более радостными. Разрешали быть вместе даже до трех дней. В это время многие имели возможность через сестер получить письмо от страдальцев. Привожу отрывки из письма нашего друга юности, Эрнеста Клотиньша, из лагеря: «Теперь я многое не понимаю, но Божий мир утешает и ободряет мое сердце *(Ин. 16:33)*. Иисус меня понимает вполне, ибо Сам Он претерпел многое. Ученики не были с Ним в Его страданиях – Отец был близко с Ним. Поэтому Христос может нам сочувствовать и помогать. Он научил меня благодарить Его за скорбь. В мое сердце вселился мир. Я покоюсь в любви Божьей. Все нам содействует ко благу».

Какое глубокое доверие Богу в этих строках! Полная отдача себя в Вечные Руки! Такую победу человек может одержать только с помощью Господа.

В лагерях пересматривали дела убийц, воров и разных подобных преступников. Для них была амнистия и сокращение срока, но на просьбы верующих никто не обращал никакого внимания. Адвокаты не брались защищать дела верующих, ибо в то время их считали опасными врагами государства. Однажды сестра обратилась в адвокату с просьбой защитить ее. Он отказался. Она спросила: «Почему вы отказываетесь, вы же защищаете воров, убийц и разных преступников?»

— Разве можно сравнить дело верующих с делами убийц и воров! Ваше дело куда тяжелее! — ответил адвокат.

Народ Божий объединялся в молитвах, чтобы Господь дал освобождение Своим узникам. Какие горячие молитвы возносились в то время к трону благодати — знает только небо.

Но пришло время, когда стали пересматривать дела собратьев, и они были оправданы как совершенно невиновные.

«Ибо он избавит нищего, вопиющего, и угнетенного, у которого нет помощника» *(Пс. 71:12)*.

«Ибо Господь Саваоф определил, и кто может отменить это? рука Его простерта,— и кто отвратит ее?» *(Ис. 14:27)*.

Один за другим возвращались дорогие страдальцы. Мы часто вставали по ночам: нам казалось, что кто-то звонит,— так напряженно ожидали мы своих дорогих собратьев. Вся наша жизнь превратилась в ожидание.

Братья проповедники снова занимали свои места и продолжали прерванное святое дело. Они могли делиться богатыми опытами, которые приобрели в лагерях.

Теперь народ Божий опять объединился в молитве, чтобы Господь открыл дверь для окончания вести в этой огромной многострадальной стране.

Все пережитые трудности и скорби постепенно отходили в область забвения. Как заживают глубокие раны на теле, так с течением времени заживают раны на сердце.

Но вы скажете, что после глубоких ран остаются и глубокие шрамы! Да, и в душе остаются шрамы, но для верующего человека эти шрамы-воспоминания не являются мрачными и удручающими, но они наполняют душу искренней благодарностью Богу за спасение.

«Господь — сила моя и песнь; Он соделался моим спасением. Глас радости и спасения в жилищах праведников: десница Господня творит силу!» *(Пс. 117:14, 15).*

* * *

Младшему сыну семьи Дрикис, Юрису, исполнилось пять лет. На день рождения мама подарила ему маленькую лейку. Юрис стал поливать цветы утром, и вечером, и по несколько раз в течение дня, даже во время дождя. Он делал это вовсе не потому, что ему очень нравилось это занятие,— он хотел, чтобы цветы скорее выросли.

С того времени, как крохотный человечек стал осознавать себя, он стал понимать, что где-то, невообразимо для него далеко, находится его папа, и он стал мечтать о встрече с ним. Юрис ждал папу всегда, особенно летом. Летом интереснее всего. Они вместе пойдут в лес и уйдут далеко-далеко, и им нисколько не будет страшно — ведь они же мужчины! Там они увидят, как белочки прыгают с дерева на дерево и еще много прекрасного и таинственного, что кроется в чаще леса. И на речку пойдут вместе, и на поле — посмотреть, как там козочки пасутся. В это лето мальчик начал учиться доить козу, чтобы угостить папу свежим молоком.

Иногда мама через окно наблюдала такую картину: ее сын, нагнувшись над грядкой с серьезным видом, полностью углубившись в свое занятие, которое казалось ему необыкновенно важным, своими маленькими пальчиками раскрывал бутоны цветов. Он никак не мог дождаться, пока они расцветут. Ведь в любой день может прийти папа, а цветы еще только в бутонах!

Подобно пчелам, которые кружились около его цветов, собирая сладкий нектар, неслись его мечты через огромные дали — через леса, высокие горы, озера, о которых мама рассказывала, что зимой они замерзают до самого дна, а в холодное лето даже совсем не оттаивают. Потом молниеносно его мечты возвращались обратно, и как нарисованные, оставались у грядки. «А вдруг папа приедет весной,— мечтал маленький садовник,— ну что же, будут у меня нарциссы, маргаритки, ирисы, а если летом — о, это самое хорошее время, этого я только и жду! Тогда кроме всех прелестей, будет и большой выбор цветов. А осенью будут цвести георгины и астры, это тоже неплохо!»

Вдруг его личико приняло серьезный вид, когда мальчик подумал: «А если зимой? Ведь земля замерзнет, и маленькая гряд-

ка будет покрыта снегом!.. Ну, тогда я посоветуюсь с мамой, она всегда находит какой-либо выход».

Прошло лето, отцвели нарциссы, розы и астры, а папы все не было. Наступила зима. Отец писал о том, что морозы доходят до 70 градусов. Любящие сердца сжимались от боли, ибо очень тяжело переносить, когда страдает любимый человек, и мы ничем не можем помочь ему. Горячие молитвы, в которых принимал участие маленький Юрис, каждый день возносились к престолу Отца всякого милосердия и милости.

«Ты видишь, ибо Ты взираешь на обиды и притеснения, чтобы воздать Твоею рукою. Тебе предает себя бедный; сироте Ты помощник. Господи! Ты слышишь желания смиренных; укрепи сердце их; открой ухо Твое» *(Пс. 9:35, 38)*.

Земля покрылась белоснежной пеленой. Юрис стоял у своей грядки и мечтал о том, как он снова весной будет сажать цветы. Он решил выбрать самые красивые, чтобы можно было сделать папе букет. Вдруг ход его важных мыслей был прерван внезапным появлением почтальона. «Юра, тебе письмо от папы»,— весело сказала она, и они вместе вошли в комнату к маме.

Юрис видел, как задрожали мамины руки, как по ее щекам покатились слезы, но на этот раз это не были слезы печали, а великой радости. Папа писал о том, что его дело пересматривается, и что он надеется с Божьей помощью вскоре быть вместе со своими родными.

На мгновение мальчик забыл, что на дворе зима. Ему казалось, что вся комната полна цветов, что на столе, на окнах и в каждом углу растут нарциссы, розы и лилии, и что солнышко греет так тепло и ласково!..

Прошло еще несколько месяцев, полных тревог и волнений. Освобождения все не было.

Мама стала замечать, что ее сын по нескольку раз в день куда-то уходит, что-то бережно пряча в карман пальто. Он отправлялся по очень важному делу. Юрис хотел первым встретить своего отца. Но они никогда не видели друг друга, и, боясь ошибиться, мальчик брал с собой его фотографию и шел на остановку, где в определенные часы из города приезжал автобус. Он всматривался в каждого мужчину, выходившего из автобуса, и сравнивал его с фотографией.

День изо дня Юрис продолжал свои таинственные походы.

Это казалось ему очень важным предприятием, а главное, он думал, что об этом никто ничего не знает.

Он стал составлять план, как будет встречать папу. Ему представлялось, что как только отец выйдет из автобуса, он смело подойдет к нему и скажет громко и отчетливо: «Папа, я твой сын Юрис! Целых пять лет я тебя ждал и теперь очень рад, что первый могу встретить тебя!» Иногда бывает и так, что наши сладкие мечты, которые подобно могучей струе, неудержимо несутся вперед и вперед, вдруг попадают в другое, нами не предвиденное русло, и мы с широко раскрытыми глазами, полными удивления, стоим и смотрим, как извилиста иногда бывает тропинка нашей жизни.

И вот, наконец, долгожданная свобода! Сразу после освобождения узник-страдалец прибыл в Москву. Его трудно было узнать. Он был мало похож на того прежнего Херберта, которого мы знали раньше. Та же милая улыбка, те же ласковые глаза, но отпечаток тяжелых переживаний глубоко врезался в черты молодого лица.

В этот же день семья получила телеграмму: «Завтра буду у вас».

«Значит, папа летит на самолете,– размышлял Юрис.– Он, конечно, стремится как можно скорее быть вместе с нами. Больше не надо встречать его на автобусной станции. Аэродром я сам не найду – это далеко, и дорога туда мне неизвестна. Пойду вместе с мамой, братом и сестрой. Там, конечно, я первый подойду к папе и встречу его».

Была ранняя весна – первая половина апреля. На грядке Юриса еще лежал снег. Это очень беспокоило мальчика, но мама всегда находит выход в самых трудных ситуациях. В городе не только летом, но и во все времена года имеется большой выбор самых прекрасных и разнообразных цветов.

Бывают неповторимые моменты в нашей жизни. Представьте себе, дорогой читатель, тот момент, когда отец прижимал к своей груди маленькую светловолосую головку!..

* * *

Младшая из трех сестер, о которых рассказано в главе «Три сестры»,– Анастасия оставила пятерых детей. Пока она была в лагере, умер ее муж, и дети остались без всякой помощи. Что она могла сделать для своих несчастных деток, находясь за лагерными стенами? Ничего другого, как только молиться.

Она молилась днем и ночью, горячо, неотступно. Она предала все свои трудности в руки любящего Отца Небесного и терпеливо ждала того дня, когда освободится и снова сможет быть вместе с ними.

Ее утешали слова пророка Исаии: «Да! так говорит Господь: и плененные сильным будут отняты, и добыча тирана будет избавлена; потому что Я буду состязаться с противниками твоими, и сыновей твоих Я спасу» *(Ис. 49:25)*.

Проходили годы. Неужели она не вернется? Разве мыслима жизнь без мамы? Это значит жить без радости, без любви, без сострадания и утешения.

Но мама не возвращалась. Однажды возле дома остановилась машина, забрали троих младших детей. Старшая из них — Наташа (ей тогда было 10 лет) — умоляла женщин не разлучать семью, оставить малышей. Но их не оставили, увезли в детский дом. Дети не понимали свою дальнейшую участь, но очень боялись чужих людей. Их отвезли в пересылочный пункт и вскоре отправили в Узбекистан, в детский дом. Дети горько плакали, прижимаясь друг к другу, когда их разлучали. Но их возраст не позволял им быть вместе. Старшую отправили в группу старших. Лена с маленьким Самсоном пока еще остались вместе. Сестра ухаживала за братиком, защищала его от обидчиков и делилась с ним всем, что только имела.

Но эта радость их совместной жизни продолжалась недолго. Лену перевели в старшую группу. Теперь маленький Самсон сам должен был стоять за себя. Какое насилие принес в мир грех! Как страшно попираются права жизни одного человека другим! Даже в обществе маленьких детей как мало сочувствия и любви к немощному.

Лена, находясь среди чужих людей, искала маму. Она помнила ее голос и робко прислушивалась к незнакомой речи: не услышит ли там что-либо родное?

Проходили годы и многое стиралось из памяти, дети даже забыли свой родной язык, постепенно привыкая к своему новому положению. Некоторых, более ласковых воспитательниц они называли мамами.

Однажды, неожиданно для Леночки, в детдом пришла женщина. Это была ласковая, сострадательная, простая русская женщина, она ласково обратилась к девочке с такими словами: «Леночка, доченька моя, я так соскучилась по тебе! И вот при-

шла, чтобы отвести тебя домой. Пойдем, моя маленькая, я так долго тебя искала, и так рада, что наконец нашла!»

Леночка очень обрадовалась. С детской доверчивостью она обнимала эту дорогую женщину, целовала, называла мамой. Женщина принесла сладости, все было очень вкусно, Леночка никогда в жизни не ела таких вкусных вещей.

С завистью смотрели остальные дети на Лену. Только к ней одной пришла ее настоящая мама. Леночкины родители имели свой дом, хорошую обстановку и делали все возможное, чтобы девочка как можно скорее забыла свое прошлое. Леночке дали много разных интересных игрушек, но она не обращала на них никакого внимания: она ходила по всем комнатам, чего-то ища. Тщательно обыскав все уголки, она спросила: «А где же мой братик?» В этой семье умер мальчик, и Леночку водили на его могилку, носили цветы и вместе его оплакивали. Девочка поверила, что ее братик Самсон умер, и очень тяжело переживала его смерть.

Ее теперешние родители были православными, у них в доме были иконы, и Леночку стали приучать перед ними кланяться и креститься. В первый вечер, прежде, чем уложить девочку спать, женщина перекрестила ее и надела ей на шею крестик. Когда новая мама укрыла ребенка одеялом и пожелала ей доброй ночи, девочка неожиданно спросила: «А где же мое пестрое одеяльце?»

Смутные воспоминания о доме, маме, братике и сестричках постепенно стали стираться. Она привыкала к новым родителям и к новой обстановке. Ее любили, баловали, строили планы ее будущего. Ведь теперь она являлась наследницей всего того, что имели ее родители. Ее удочерили и дали ей новое имя, Лилия.

Прошли годы, Лилия уже посещала школу. Родители радовались ее успехам и очень полюбили девочку.

Но есть на свете и завистливые люди. Соседи стали вводить девочку в сомнение, что это не ее настоящие родители. «Мама, люди говорят, что ты мне не родная, правда ли это?» — однажды со слезами произнесла девочка.

«Не плачь, дорогая моя доченька! Это они просто шутят с тобой. Кто же тебе роднее меня?» — успокоила мать. Тучи сомнения у Леночки рассеялись, но родители решили уехать в другое место, чтобы не волновать девочку новыми подозрениями.

Особенно по Леночке тосковала ее старшая сестра Наташа. После смерти отца на нее была возложена ответственность за се-

мью. Будучи по натуре особенно нежной и любящей, она глубоко переживала потерю ребенка и задалась целью найти его.

После войны в 1946 году Наташа стала разыскивать младших детей. Она послала письмо в розыск. Вскоре пришел ответ, в котором сообщалось, где находится Вера. Через некоторое время Наташа получила извещение о том, где находится Самсон.

Лена пропала без вести. Ни в каких списках она не числилась. Постоянные запросы заставили заглянуть в архивы, чтобы определить, где она была в последний раз.

Наташа приложила все усилия, чтобы найти сестричку. Она очень переживала о том, что же будет, когда вернется из лагеря исстрадавшаяся мать и не найдет своего ребенка. Она молилась и верила, что Господь ей поможет. Уповая на Господа, она поехала в Джалал-Абадский детский дом, где в последний раз была Лена.

Там ей рассказали, что девочку взяли на воспитание, но в документах не было указано ни фамилии, ни места жительства этих людей.

Одна пожилая сотрудница вспомнила Леночку и ту женщину, которая ее взяла. Она вспомнила приблизительно и станцию, с которой эта женщина приезжала.

Наташа немедленно отправилась туда. С большим волнением она постучалась в дверь. Господь привел ее, как вавилонских мудрецов, прямо к месту назначения.

Это она, Леночка, стояла у стола и мыла посуду после обеда! У Натащи не хватило сил объясниться, она всплеснула руками и радостно воскликнула: «Леночка, моя сестричка, наконец я нашла тебя!»

Леночка отскочила от этой незнакомки, которая называла ее сестричкой и, плача, прижалась к маме. Наташа успокоилась и рассказала женщине, что скоро освободится их мама. Женщина тихо плакала. Разлука с ребенком была ужасна для нее. Вскоре пришел хозяин, он тоже очень опечалился. Он жалел, что не успели уехать, хотя давно уже собирались.

Выбор должна была сделать Лена. Наташа стала вспоминать маму, сестричек и брата Самсона, которого она так любила. Ведь он жив.

Леночка задумалась, она колебалась. Жаль было родителей, к которым она уже привыкла и которые так ласково относились к ней. Но и Наташа тоже была близкой, родной.

«Братик Самсон и сестричка Верочка ждут тебя»,– говорила

Натапа. Родственные чувства победили, и Леночка решила идти с сестрой. Женщина просила оставить девочку, не хотела отдавать ее.

Трогательным было прощание с этой доброй семьей. В сердцах этих людей был страх Божий и человеколюбие.

Наконец все пятеро детей были вместе и ждали того дня, когда освободится их дорогая мама.

Но у этих пятерых сирот не было дома, им негде было жить, негде укрыться от жары, холода и дождя. Как птички, они вили свое маленькое гнездышко. Даже маленький Самсон принимал участие в стройке. Он топтал глину и подносил кирпичи. Крышу накрыли ветками деревьев, и так получилась маленькая хижина.

И вот настал тот радостный день, когда вернулась мама. Она вошла в скромную хижину, которую построили ее дети. Она радовалась, что дети снова вместе, что они дружные, любят друг друга и верны Господу.

«А у вас будут песни, как в ночь священного праздника, и веселие сердца, как у идущего со свирелью на гору Господню, к твердыне Израилевой» *(Ис. 30:29)*.

* * *

С братом Владимиром Сорокиным мы познакомились в 11-й главе. Мы читали, как тщательно он искал драгоценную Жемчужину, нашел и дорожил ею.

Прилагая все свои силы, он распространял Трехангельскую весть везде и при любых обстоятельствах. Он не молчал даже в штрафном лагере, где ему пришлось провести 9 тяжелых лет в разлуке с семьей. И там он остался верным Господу и возвещал Его святую истину.

В 1955 году он был освобожден и поехал в Среднюю Азию, где принимал активное участие в деле Божьем.

В 1957 году Владимир и его семья переехали на Кавказ, в город Шахты. Летом 1956 года ростовская молодежь, посещая в разных местах верующих, была несколько раз и в маленькой шахтинской группе, которая состояла из шести старушек. Богослужение проходило в маленькой комнате.

Брат Владимир так развернул миссионерскую работу, что за два года из маленькой группы выросла прекрасная община, состоящая из 54 человек. Леонид Зайцев, бывший член партии, присоединился к церкви Божьей и всеми силами помогал Вла-

димиру в продвижении святого дела. К церкви присоединились также две девушки комсомолки, за что Владимиру пришлось много пострадать.

Богослужения проходили то у одних собратьев, то у других, но везде было темно и требовалось помещение побольше. Решили купить дом, в котором можно было бы собираться.

Такой успех дела Божьего не мог остаться незамеченным. Владимира вызвали в прокуратуру.

— На каком основании вы проводите собрания? Кто дал вам на это разрешение? — спросил прокурор.— Если вы будете проводить и дальше ваши собрания, то будете арестованы и высланы.

— Я уже страдал за Христа девять лет, и Христос меня освободил.

— Мы вас вышлем на Колыму (заключенные называли ее «проклятым местом»).

— За те годы, которые я провел за свои убеждения в штрафном лагере, у меня человеческий страх совершенно исчез. Имейте в виду, что перед вами стоит человек без страха, и я готов сегодня же вернуться на тот путь страданий, с которого еще недавно я пришел.

— Я вас предупреждаю еще раз! Подумайте, что вас ожидает!

— Я буду продолжать начатое дело.

Через несколько дней после этой угрозы Владимир приехал к нам в Ростов и пригласил на открытие молитвенного дома, который был уже куплен.

Богослужение в новом помещении прошло спокойно и принесло много радости и духовного ободрения.

Вера передвигает горы, и за этими горами-препятствиями виден Спаситель, Который говорит: «Не бойтесь, Я с вами до скончания века!»

Но дьявол, как всегда бывает, не дремал. Нашлась причина, которая была использована для прекращения Божьего дела. При покупке дома Владимир, как полагается по закону, уплатил полностью пошлину, которая причитается государству. Хозяйка же удержала часть денег, и за ее вину пришлось Владимиру ответить. Она дала ложные показания, свалив всю вину на него. Защитник Владимира был поражен такой несправедливостью, но ничем не мог помочь ему.

Осудили Владимира на три года тюремного заключения. Из зала суда он был отправлен прямо в тюрьму. Тюрьма для Вла-

димира не была новостью, но все же это место человеческих страданий и слез. Снова пришлось пройти весь путь унижения — обыск, карантин, этапы.

Началась борьба. Пришел святой день. Владимир отказался работать, и его посадили в карцер.

Среди недели начальник принимал письменные жалобы и заявления от заключенных. Владимир воспользовался этой возможностью и тоже подал заявление.

Он не жаловался ни на людей, ни на тяжелую свою жизнь, не просил никакого облегчения, только просил одного — чтобы дали ему свободный день святой, субботу. В остальные дни он соглашался выполнять самую тяжелую и грязную работу.

Заявление гласило: «Я, нижеподписавшийся — убежденный христианин. Я являюсь членом общины адвентистов седьмого дня уже 15 лет. На основании Закона Божьего (следует четвертая заповедь полностью) прошу в день субботний освободить меня от работы. Остальные дни буду добросовестно исполнять всякую работу».

Начальник принял заявление, с удивлением взглянул на него и спросил: «Вы такой молодой, и верите в Бога?» «А я удивлен,— ответил Владимир,— что вы, образованный и пожилой человек, имеете богатый жизненный опыт и не верите в Бога». «Идите, мы посмотрим, как вы будете работать в течение недели»,— заключил начальник.

Владимир работал изо всех сил, чтобы только иметь выходным святой день. Он работал с раннего утра до позднего вечера и почти в два раза перевыполнял норму.

Несколько месяцев прошло спокойно, потом снова начались трудности. Мастер полюбил Владимира за его трудолюбие, честность и сказал ему по секрету, что оперуполномоченный строит против него козни, решив принудить его работать в субботу. И снова пришлось проводить субботу в карцере и лишиться свиданий с семьей.

В лагере находились более шестисот человек. Используя всякую возможность, Владимир старался свидетельствовать об истине. Ему хотелось, чтобы заключенные слышали о Христе.

«Я вас замурую живым в стене, если вы будете продолжать агитировать!» — угрожал начальник.

Днем на работе, ночью в камере Владимир говорил о великих истинах. Он говорил о Втором пришествии Христа, о состоянии

мертвых, о тысячелетнем царстве, о грядущем суде. Когда приходили с проверкой, Владимир и слушающие его люди притворялись спящими, а после ухода проверяющих снова продолжали начатую тему. Заключенные с большим интересом слушали его.

Однажды Владимира вызвали в кабинет начальника. Там присутствовали несколько человек военных высших чинов. Они спрашивали, какие книги Владимир читает. Он ответил, что читает то, что имеется в лагерной библиотеке: Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Белинского и других писателей. Говорил, что все они признавали Бога, чудесно описывали природу и возвеличивали ее Творца.

«Владимир, неужели вы верите в Бога?» — спросил один из присутствующих.

«О, да! — со слезами на глазах ответил узник.— Я даже не нахожу слов, в которых я мог бы выразить, насколько искренне и горячо я люблю своего Спасителя! Он говорит в Своем Слове так: „И возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душею твоею, и всем разумением твоим, и всею крепостию твоею". Я люблю своего Спасителя, Который отдал Свою жизнь за меня и за вас».

Как апостол Павел, стоял он перед судьями и смело свидетельствовал о вечных истинах. Он говорил горячо, страстно, радуясь случаю, что может засвидетельствовать перед начальством о своем Спасителе, Которого он так горячо любил и за имя Которого находился в узах. Один из присутствующих насмехался. Владимир спокойно ответил: «Не оскорбляйте моего Бога». Он говорил о творении, о том, что само по себе ничего не могло произойти. Один человек слушал его с особенным вниманием.

Кто-то задал вопрос о том, почему он соблюдает субботу, а не воскресенье, как все люди?

В ответ Владимир тоже спросил: «А почему вы отмечаете день седьмого ноября?»

— Потому что это памятник революции,— ответили ему.

— Суббота является памятником творения, и его поставил сам Творец,— сказал узник.

— В лагере вы не имеете права исполнять свои желания, свою волю. Вы должны подчиняться общему закону,— сказал один из военных.

— Вы можете меня снова осудить, но веру в Бога и послушание Его святому Закону вы не в силах вырвать из моей груди. Плоть мою вы можете ломать, но дух не сломите!

– Впредь не разрешаем вам отдыхать в субботу.

– Я готов на все!

– Мы будем бороться с вами.

– Я готов с помощью Божьей вступить в борьбу.

В том же лагере находился Яков Чегринский. Он, сын верующих родителей, знал истину с самого раннего детства. Его отец был настоящим христианином и очень скорбел о своем заблудшем сыне, который за хулиганство был осужден на 10 лет тюремного заключения. Отец умер с молитвой на устах о своем несчастном сыне. И мать его тоже была прекрасной христианкой. Перед своей смертью она долгое время болела, но терпеливо переносила свои страдания и горячо молилась о своем сыне.

В лагере Яков встретился с Владимиром. Он рассказал ему историю своей неудавшейся жизни, о том, что с детства родители учили его Священному Писанию, и как он, отвергнув все это, пошел путем греха и в конце очутился в лагере. Его история была подобна истории блудного сына. Яков пришел к выводу, что мир много обещает, а дает очень мало...

Брату Владимиру представилась прекрасная возможность говорить о любви Спасителя, о призыве Духа Святого. И сердце узника, которое многие годы было подобно ледяной горе, растаяло под лучами любви и света.

Чист и прекрасен преображенный человек! Он стоит перед своим Богом и готов бороться за свою веру, отстаивать истину, быть верным до смерти. Яков начал борьбу за соблюдение святого дня. Он знал, что борьба эта нелегкая, но он полюбил своего Спасителя и хотел быть верным Ему во всем. Непоколебимая вера и стойкость Владимира также придавали ему силу. Яков видел, как Владимир, будучи подвержен угрозам, насмешкам, заключениям в карцер, все это переносил с великим терпением. Его примерная жизнь являлась сильным свидетельством не только для узников, но и для всего начальства.

Якову и Владимиру предстоял суд. 15 дней осталось до суда. Они знали, что за неподчинение лагерному закону их могут осудить на несколько лет. Владимир очень скучал по семье, он горячо молился, чтобы, если возможно, эта горькая чаша его миновала.

В эти дни неожиданно приехал начальник из Москвы.

Владимир молился, чтобы Господь помог ему попасть к начальнику. Молитвы были услышаны, и узник был допущен до начальства.

«Во мне еще не погасла вера в Советскую власть. Я — убежденный адвентист седьмого дня. Меня никто не в силах переубедить. Мое здоровье сильно подорвано. Свидание с семьей мне не разрешают. Сквозь решетку я вижу, как они, плача, уходят. Если описать мое положение международной журналистике, то не знаю, как они на это посмотрели бы. Спросите, как я работаю»,— с такими словами к начальнику обратился Владимир.

Вызвали начальника лагеря, спросили, как обращаются с заключенным. «Он нарушитель закона, в субботу не работает»,— ответил начальник.

Суд все же был отменен. Владимира не судили. Но брата Якова судили. Ему осталось отбывать пять лет и за то, что в субботу не работает, прибавили еще два года тюремного заключения. Он был переведен в одиночную камеру.

Брата Владимира перевели в другой лагерь, в пятидесяти километрах от города. Везли с пятью вооруженными конвоирами. Капитан отряда сказал: «Вы пойдете в мой отряд уборщиком».

Хотя эта работа была грязная и неприятная и люди уклонялись и отказывались от нее, Владимир покорно сказал: «Я согласен».

Его покорность так повлияла на начальника, что он приказал смотреть, чтобы его никто ни в чем не обижал.

«Кто вы ему такой? Родственник, что ли, что он так заботится о вас?» – спрашивали заключенные.

Владимир подал заявление, в котором просил, чтобы его по субботам освобождали от работы. Начальник, который его защищал, был переведен на другое место. Новый начальник был жестоким человеком. Он отказался выполнить просьбу заключенного, заставляя его работать до полуночи. Он собрал заключенных и начальство в столовой. Вынесли столы, один стол оставили и накрыли красной скатертью. Владимира привели под стражей. Начальник политической части начал допрос.

— За что вас привели сюда? — резко закричал он на Владимира.

— Я верю в Бога и своего Спасителя, соблюдаю Его заповеди, в том числе и день субботний.

— В какого Бога вы веруете?

— В Творца, Который сотворил небо и землю.

Брат Владимир стал говорить о чудесных творениях, о солнце, об отдаленных звездах, о неизменной силе Божьей.

— Что вы агитируете здесь? Отвечайте на вопросы! Вы — сорняк общества, паразитический элемент!

Владимир читал когда-то постановление, в котором было сказано, что нельзя оскорблять чувства верующих. И сейчас он напомнил об этом.

— Эта брошюра давно потеряла свое значение,— закричал начальник.

Слушатели были поражены смелостью и стойкостью Владимира и шепотом ободряли его. Начальник пригласил его на диспут, и брат согласился.

Когда все стали расходиться, Владимир подошел к начальнику и сказал: «Разве вы не знаете, что в СССР запрещено проводить диспуты на религиозные темы? Вы можете лишиться звания и работы, пострадать за это». Этот человек понял, что узник был прав, и поблагодарил его за мудрый совет.

Владимир использовал момент доверия и попросил свидания с женой и детьми. Такого счастья он уже давно был лишен.

В то время, когда он отстаивал субботу и проводил долгие дни в карцере, нечего было и надеяться на свидание с семьей. Но жена все же продолжала приходить, надеясь увидеть своего друга издали через решетку.

Его маленькая белокурая дочка Лиля бежала прямо на острые шипы колючей проволоки, которые разрывали ее платьице, ранили ее грудь. Девочка кричала: «Я хочу к папе...» Брат умолял часового не стрелять. Ведь это же ребенок, который не понимает запретов, а хочет видеть своего отца! Мать уходила с плачущим ребенком до следующего скорбного свидания.

После свидания, которое разрешалось раз в два месяца (а после отказа Владимира работать по субботам — раз в шесть месяцев), всегда следовал тщательный обыск. При одном таком свидании Владимир сказал жене, что ему очень нужна книга «Путь ко Христу» для одного заключенного. Он хотел, чтобы этот человек прочитал эту прекрасную книгу, которая действительно является путеводителем ко Христу. Как же это устроить? Маленькая Лиля обещала выполнить эту трудную миссию. Она спрятала книгу под свое пышное платьице и, когда пришла к отцу, кинулась ему на шею, обнимала его, целовала, приговаривая разные ласковые слова. В это время она быстро вытащила из-под платья книгу и сунула папе в сапог. После свидания отца обыскивали, но они все трое молились, чтобы Господь сохранил эту драгоценность для жаждущей души, и Господь ответил на их молитву. Узник прочел эту книгу. Она открыла ему

новый мир, дала правильное понятие о Боге, о Его любви, о Его отношении к падшему человеку. Если бы нашли книгу, Владимира заключили бы в карцер на продолжительное время и лишили бы свидания на шесть месяцев.

Владимир работал в бригаде передовиков, но из-за соблюдения святого дня он не мог там оставаться. Его перевели в другое место. День проходит в тяжелом труде, а ночь — в борьбе с насекомыми. В Берикуде, где находился Владимир, было также бесчисленное множество комаров, с которыми в течение дня приходилось бороться. Сюда часто приезжали жена с дочкой.

В лагерной жизни часто надвигаются темные тучи, а потом расходятся. Владимир иногда очень удивлялся, он не мог понять, по какой причине и кто, побуждаемый Божьей силой, заботится о нем и защищает его.

Три раза на него заводили новые дела и три раза закрывали их.

Новый начальник лагеря был жестоким человеком. Он заставлял Владимира работать с пяти часов утра до восьми часов вечера. Работа была тяжелая и грязная.

В столовую Владимир не ходил, потому что там была нечистая пища. Часто приходилось голодать, потому что из-за соблюдения субботнего дня он был долгое время лишен передач. Стали болеть десны, они были в ранах и кровоточили. Повару стало жаль его. Однажды он дал ему кусок говяжьего жира. Владимир сомневался: почему жир такой мягкий? Он всю ночь крутил его, но есть не стал. Потом повар признался, что он смешал его со свиным салом, чтобы жир был помягче.

Заключенным часто стригли волосы. Владимиру оставалось недолго до освобождения, и он очень просил врача выдать ему справку, которая позволила бы ему не стричься. Майор, увидев, что Владимир остался непостриженным, очень рассердился и закричал: «Отряд солдат вызову, чтобы они тебе по одному волоску вырывали. Будешь судим, так как ты нарушил закон! Будешь еще долгие годы находиться в лагере!»

Когда Владимир показал справку от врача, начальник еще больше рассердился. С криком и ругательствами он выбежал на улицу. Далеко был слышен его крик! Заключенные удивлялись проявлению такой злости.

В субботу вечером Владимира вызвали на вахту в спецчасть. На столе лежали какие-то бумаги. Майор перебирал их с негодованием и злобно поглядывал на Владимира, который думал,

что снова придется идти по тому тяжелому пути, который вот-вот уже подойдет к концу.

Долго этот мрачный, полный негодования человек молчал и терзал измученную душу невинного узника. Среди этих бумаг был документ об освобождении Владимира. Майор должен был прочесть его узнику, но для него легче было прочесть ему смертный приговор.

Сколько разных печальных мыслей мелькнули за эти краткие мгновения в голове молодого узника... В мыслях он прощался с долгожданной свободой, со своей белокурой Лилией, с верной подругой жизни и со старшей доченькой Валей.

После неожиданного объявления об освобождении он так разволновался, что чуть не потерял сознание. Узнав об этом, узники радовались, хотя некоторые из них раньше упрекали его: «Где твой Бог, на Которого ты надеешься и за Которого страдаешь? Почему же Он не помогает тебе?»

Владимир зашел к начальнику части попрощаться. «Вы произвели на меня глубокое впечатление,– сказал тот.– Я все время наблюдал за вами. Три раза над вашей головой висела опасность. Я приложил все усилия, чтобы отвлечь беду и помочь вам, и мне удалось это. Все время, пока вы находились в этом лагере, сами того не зная, вы пользовались моей защитой. Теперь я хочу с вами поговорить о ваших убеждениях».

«Это было самое прекрасное время моей жизни,– рассказывал нам Владимир,– я видел руку Вседержителя, Который защищал меня через этого человека. Я радовался до глубины души, что имею теперь возможность свидетельствовать этому доброму и благородному человеку о вечных истинах Божьих, о плане спасения, о любви Божьей и о скором пришествии Господа нашего Иисуса Христа во славе».

Очутившись за зоной, Владимир глубоко дышал воздухом свободы. Он зашел в столовую, чтобы выпить стакан молока и подкрепиться на дорогу. Как раз в этот момент около столовой остановилась машина, и в столовую зашли несколько человек: прокурор, секретарь и другие, незнакомые Владимиру люди.

«Так вас освободили, и вы снова будете обманывать людей!» – закричал прокурор.

Владимир рассказывал нам: «Я почувствовал приток какой-то неведомой силы. Я начал говорить и почти не думал, не мог понять, откуда являются слова, горячие и убедительные. Они

молчали и с удивлением смотрели на меня. Я говорил приблизительно с полчаса, говорил о первых христианах, об их страданиях, о несправедливых судах, о жестокости людей. Говорил о средневековье, о страшных деяниях инквизиции. В конце я добавил: и вы меня терзали несправедливо, обвиняли, мучили, а за что?»

Выслушав все это, секретарь сказал: «Товарищи, он же прав!»

Владимир вышел за зону. Позади остался мир, окруженный колючей проволокой, злыми собаками, жестокими людьми; кусочек земли, наполненный человеческими страданиями и пороками.

Но там остался и его друг Яков Чегринский. Возможно, ради этой встречи он должен был пройти эти страдания?

Владимир оглянулся назад, постоял несколько минут в глубоком раздумье: там, в одиночной камере находился Яков, один со своим Богом, Которого полюбил от всего сердца. Там остался и человек, который все эти годы прилагал усилия, чтобы помочь ему. Он бодрствовал, когда угрожала опасность, помогал, как друг, как родной брат. Да благословит его Господь и поможет ему найти путь к вечной жизни!

Быстрыми шагами Владимир пошел вперед. Как легко было идти, как легко было дышать! Что значит свобода — вполне может понять только освобожденный узник. Это значит не быть окруженным угрюмыми стенами тюрьмы, проволочными заграждениями, не чувствовать на себе наблюдательный взор надсмотрщика, не слышать его крика и ругательств, не подвергаться обыскам, не расставаться после короткого свидания с родными.

Это значит — дышать, двигаться, говорить, действовать по-человечески.

Мягкий весенний ветерок доносил сладкий запах полевых цветов. До автобусной остановки надо было идти километров пятнадцать. Пройдя с полкилометра, Владимир еще раз остановился и оглянулся назад. Там осталось его прошлое, тяжелое прошлое. Он быстро повернулся, ускорил шаг и пошел вперед к новой жизни.

В небе загорелась вечерняя звезда. Его имя уже было вычеркнуто из лагерных списков. Сегодня он уже не должен стоять в очереди за скудным ужином, не должен ложиться изможденным на жесткие нары. Теперь он идет по широкому полю, и никто не следит за ним, никто не окликает его — он на свободе!.. Ему казалось, что свобода — это безбрежный океан счастья, это

небосвод, усеянный яркими звездами, чудесный дар Бога, данный каждому человеку. Но враг рода человеческого похитил этот дар и сделал человека рабом греха и своих страстей, так что он страдает сам и своим ближним причиняет горькие страдания.

Хотя Яков Чегринский находился за тюремными стенами, он все же вырвался из сатанинских оков, он принял свободу, которую ему предложил Христос. «Итак, если Сын освободит вас, то истинно свободны будете» *(Ин. 8:36)*.

Уже ночная тьма ложилась над землей. Как хотелось быть дома, среди дорогих сердцу людей! Он должен был проходить мимо дома, в котором жили собратья. Когда-то он принес им благую весть, и все эти годы они молились о его освобождении. Разве он мог пройти мимо них? О, нет! Он должен зайти к ним и разделить свою радость с ними. В тихий ночной час молитва глубокой благодарности возносилась к небу — за услышанные молитвы, за оказанную помощь.

Когда сердце стремится к чему-то долгожданному и дорогому, то путь кажется бесконечным. Но все имеет свой конец, и вот Владимир подошел к своему дому. В окнах было темно. Он постучался в калитку и тихо сказал: «Абрек! Абрек! Это я! Будь умницей, не лай, успокойся!» Когда Владимира забрали, то Абрек был еще маленьким ласковым щенком, но теперь за забором на цепи во все стороны кидалась и громко лаяла большая красивая овчарка и ни за что не хотела признавать в этом оборванце своего хозяина. Пес, видимо, думал своей умной собачьей головой: «Хотя это было очень давно, и я тогда был еще совсем маленьким и неопытным щенком, но мой хозяин выглядел не так. Подобных тебе подозрительных личностей я, конечно, никогда не пущу в свой дом!»

Громкий лай Абрека разбудил спящих. Нина открыла дверь и, стоя на крыльце, громко спросила, кто стучит и что надо. В коридоре горел свет, и Владимир увидел, как за мамой в одной ночной рубашке вышла его дорогая Лилечка. Ее лицо выражало не столько любопытство, сколько готовность в случае опасности защитить свою маму.

Когда радость переполняет сердце, то хочется шутить и резвиться. Изменив голос, Владимир строго спросил, живет ли здесь Владимир Сорокин и дома ли он?

Но задуманную роль он не смог сыграть до конца. Как ни изменял он голос, как ни прятался за забором — зоркие глаза Ли-

лечки в ночной темноте разглядели, что это прячется ее долгожданный папочка, и она вскрикнула так громко и радостно, что даже Абрек смутился и перестал лаять. Она подпрыгнула так высоко, как еще никогда не прыгала в своей жизни и, может быть, не прыгнет больше никогда, и молнией понеслась к калитке.

Пока мама опомнилась и разобрала причину радости своей дочери, Лилечка уже была в объятиях своего отца.

«А у вас будут песни, как в ночь священного праздника, и веселие сердца, как у идущего со свирелью на гору Господню, к твердыне Израилевой» *(Ис. 30:29)*.

И вот наступил 1964 год. Как новогодний подарок из рук Великого Бога Владимир получил справку Верховного суда о полной реабилитации...

В его трудовой книжке был записан двенадцатилетний трудовой стаж. «Господь вывел на свет правду нашу; пойдем и возвестим на Сионе дело Господа, Бога нашего» *(Иер. 51:10)*.

* * *

С Верой Педро мы знакомились в главе «Три сестры». Мы читали о ее тяжелых переживаниях, ее верности до смерти, ее смирении и уповании на Божью милость, ее тоске и скорби об оставленных детях.

Прошло десять лет. Как тяжелый сон, миновали годы непосильного труда, унижений, оскорблений, побоев, голода и нужды. Невыносимо долгими казались последние годы в ожидании сладостной свободы.

Наконец настал этот долгожданный день! Но как были обмануты в своих самых сокровенных ожиданиях утомленные узники, жаждущие радостной встречи с детьми и родными!

После отбытия срока узников отправили по разным местам на высылку. А потом известили, что высылка будет пожизненной.

Вера была отправлена в Новосибирскую область, в глухую деревню, далеко от железной дороги.

Домашние знали, что вот-вот она должна освободиться, и с нетерпением ожидали того дня, когда смогут встретить свою дорогую маму, дочь и супругу.

Получив печальную весть о пятилетнем заточении в ссылке, ее мать и муж решили ехать к ней, чтобы облегчить ее горькую участь. Решили взять с собой сына Веры, маленького Херберта.

Стояла суровая сибирская зима. Все пути были занесены снегом. От железной дороги пришлось далеко идти пешком. Трактор расчищал путь, бушевала страшная выюга, стоял мороз ниже 40 градусов. Но эти трудности не могли стать препятствием для этой так тяжело пострадавшей семьи. Нелегко было шагать вслед за трактором, который пробивал дорогу в глухую деревню, где их ожидала узница.

Тракторист, узнав историю семьи, очень заинтересовался — узнает ли мать после стольких лет разлуки своего сына?

Договорившись с мальчиком, они вдвоем пошли на квартиру, где временно жила Вера. Тракторист сделал вид, что он со своим племянником мимоходом зашел к ним по какому-то делу. Мальчик робко перешагнул через порог домика, снял шапку.

Когда он вошел в помещение, там сидели несколько женщин. Тракторист заранее предупредил мальчика, что у его мамы есть какая-то примета на лице. Быстрым взглядом мальчик отыскал свою маму, сидевшую среди женщин. Он видел ее в первый раз. Когда их разлучили в ту страшную ночь, ему было только три месяца. Он вырос без ее заботы и ласки, на руках добрых и преданных отца и бабушки. Мальчик в первый раз встретил свою маму, она только что вернулась из лагеря и была одета, как нищенка, на ее лице лежал отпечаток тяжелых переживаний, глаза говорили о глубоких страданиях души.

Отец часто рассказывал детям об их маме, о том, как она любила Иисуса и ни на шаг не отступила от принципов истины, как ей пришлось пострадать и оставить семью. Она не отреклась от истины, но, взяв свой крест, пошла по кровавым следам Спасителя.

Вспомнив все это, мальчику хотелось побежать к ней, обнять ее и крепко-крепко поцеловать. Но он же был мужчина, он не мог выдать тайный уговор тракториста с отцом!

Все время он смотрел на свою маму, и она смотрела не него. Казалось, что она вся превратилась в зрение. Она тихо спросила у сидевшего рядом тракториста, сколько мальчику лет.

Он ответил: десять. Да, теперь ее сын должен быть таким же...

Прошло десять лет с той ужасной ночи, когда дерзкая рука оторвала от ее груди ребенка. Да, десять лет лишений, непосильного труда, тоски и горя. Ее скорбные размышления прервал тракторист. Он взял мальчика за руку и сказал: «Нам пора, пойдем».

В ее глазах была мольба и страдание. Сколько может вынести горя, тревог, боли маленькое человеческое сердце за несколько мгновений! Из наболевшего за долгие годы сердца вырвался отчаянный крик: «Это мой сын!»

Она не могла с ним расстаться, он был ей бесконечно дорог. Все эти десять лет она лелеяла надежду когда-нибудь встретить его, и теперь ей казалось, что она потеряет его снова и никогда больше не увидит. Это было для нее тяжелее смерти. Мать бросилась к своему сыну и прижала его к груди, боясь, что снова его кто-нибудь оторвет.

Все пережитые муки превратились в восторг. Но слишком коротким был этот восторг. Так бывает иногда, когда среди темных грозных туч прорывается маленький луч солнца, но темные тучи сгущаются снова, чтобы не дать солнцу проникнуть через них.

Страданиям не было конца. Ведь ее судили на десять лет тюремного заключения и пять лет высылки.

Стояла холодная суровая зима. Одежда ее была тонкой и изношенной. В лагере она имела кров и скудный кусок хлеба. А теперь была лишена и этого. Целыми днями Вера ходила из дома в дом, но никто не хотел пустить ее на квартиру. Каждый мирный житель видел на челе освобожденного страшное клеймо преступника. Кто мог поверить, что она ни в чем не виновата! За «ничего» не осудят — так считали люди.

Предстояла опять тяжелая разлука. Ее муж должен был торопиться на работу, он не мог больше оставаться.

Она видела, как отец с сыном вскарабкались на трактор, и добрый тракторист повез их через огромные сугробы на железнодорожную станцию. Царило мрачное безмолвие ночи. Хотя сердце Веры за эти тяжелые годы было закалено в лишениях и страданиях, теперь она до боли прочувствовала разлуку со своими близкими. Она опять осталась одна, ей не с кем было поделиться своим горем, не с кем было помолиться!

Долго смотрела Вера вслед уезжающему трактору, и из ее наболевшей груди вырвался тяжелый вздох: «Доколе, Господи?»

Стало совершенно темно, трактора уже не было видно, но она слышала его угрюмую песню. Перед ее глазами стояло печальное лицо Юлиуса, ее друга жизни. Он не мог ничем ей помочь. И снова она должна была расстаться с сыном. Уже стало совершенно темно, но она все еще стояла и думала о том, что впереди долгие пять лет. Здоровье было надломлено десятью годами

непосильного труда и голода. Часто в лагере готовили нечистую пищу. Она вынуждена была месяцами питаться черствым недоброкачественным хлебом и водой. Все вынесла – и холод и голод, и лишения, и побои. Все десять лет она была лишена переписки с близкими за то, что по субботам отказалась работать. Но разве эта страждущая душа в эту темную мрачную ночь была забыта небом? О, нет!

Тот, Который боролся в Гефсиманском саду и глубоко проникся каждой человеческой скорбью и нуждой, был рядом с ней. Святой Дух напомнил ей стих, который стал для нее чудесным утешением: «Да не смущается сердце ваше; веруйте в Бога и в Меня веруйте. В доме Отца Моего обителей много; а если бы не так, Я сказал бы вам: „Я иду приготовить место вам". И когда пойду и приготовлю вам место, приду опять и возьму вас к Себе, чтоб и вы были, где Я» *(Ин. 14:1–3)*.

Мы теперь не можем себе представить, какое значение имели эти слова в то время, и с каким чувством их читали и вспоминали!

...После возвращения сестра Вера прожила недолго. Тяжелые годы страданий сократили ее жизнь. Вскоре после смерти Веры муж ее, Юлиус, тоже ушел на покой.

«...Блаженны мертвые, умирающие в Господе; ей, говорит Дух, они успокоятся от трудов своих, и дела их идут вслед за ними» *(Откр. 14:13)*.

Отдыхайте, дорогие страдальцы до славного утра воскресения! Дела ваши идут за вами – ваш великий подвиг страданий, подвиг веры, терпения и верности. Пусть они будут примером и для нас!

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В нашей стране дело Божье победоносно шло и идет вперед, несмотря на гонения и притеснения, которые начались с самого начала провозглашения Трехангельской вести.

Вестники Христа шли по тернистому пути. Их ноги порой истекали кровью от острых камней, их одежды покрывались пылью, их томили в тюрьмах и лагерях. Большинство из них погибали, но оставшиеся в живых подхватывали знамя истины из рук умирающих и несли его дальше.

В каких обстоятельствах и как работали вестники Христа — повествует этот сборник переживаний, а также прилагаемый ниже краткий отчет о миссионерской деятельности в те годы.

ОТЧЕТ РУКОВОДИТЕЛЯ СИБИРСКОГО ПОЛЯ М. С. ЗОЗУЛИНА О ЛИТЕРАТУРНОЙ И МИССИОНЕРСКОЙ РАБОТЕ С 1960 ПО 1980 ГОДЫ

Переведены с английского языка на русский и напечатаны на пишущих машинках следующие книги:

1) Е. Уайт: Избранные вести, том 1 и 2; Свидетельства для проповедников; Семья и здоровье; Евангелизм; Советы о пище и питании; Вести для молодежи; Ранние произведения; Христианский дом; Вестник церкви остатка; Служение исцеления; Советы работникам субботней школы. 2) **Ричардс**, Паси овец моих. 3) **Р. Пирсон**: Мы продолжаем верить; Побеждающая вера; От сердца к сердцу. 4) Издание **Генеральной Конференции Церкви АСД**, История Ветхого Завета; История Нового Завета. 5) **А. Г. Даниэльс**, Постоянно пребывающий дар пророчества. 6) **Глен Кун**: Азбука молитвы; Путь к сердцу. 7) Библия и наука. 8) **А. Максвелл**: Вы и Ваша Библия; Вечерние рассказы; Библейские повествования (10 томов). 9) **Эванс**, Проповедник и его служение. 10) Отчеты сессий Генеральной Конференции с 1960 по 1980 годы. 11) Библейские комментарии к Книге Бытие, книгам малых пророков, Книге пророка Исаии, Книге пророка Даниила, ко всем книгам Нового Завета. 12) Утренние чтения, Уроки субботней школы, Чтения на молитвенную неделю и др.— более 50 книг.

Выпущены следующие **журналы**: «Бросаемая бурею», «Сеятель», «Христос и семья», «Труд твой — твое благословение».

Трудились **переводчики**: Миронов В. А., Иванов В. И., Штабинская А., Гончар Н. П. Около тридцати машинисток печатали эту ли-

тературу на пишущих машинках и снабжали ею церковные библиотеки и проповедующих. Вся эта работа преследовалась: отбирали машинки, напечатанную литературу, бумагу, судили тех, кто печатал. Работу за переводы и печатание на машинках оплачивали полностью, но всю литературу раздавали бесплатно, чтобы не осудили за спекуляцию или за незаконную торговлю литературой.

Благодарение Богу, что Он побудил членов церкви щедро жертвовать! Благодаря этому покрывались нужды миссионерской работы.

Литература была большим благословением для проповеди Евангелия, укрепляла веру и духовные силы наших собратьев, помогала сохранить единство веры и надежду на скорое пришествие нашего Спасителя Иисуса Христа.

Кроме того, были сделаны диафильмы «Он воскрес», «Яд жизни», «Семья», «Трехангельская весть», «Есфирь», «Борьба между добром и злом» (13 серий), которые сопровождались текстом в магнитофонной записи. Это все было большой помощью для проповедующих и особенно для собратьев, разделенных на небольшие группы из-за постоянных гонений и преследований молитвенных собраний. Они могли слушать проповедь Евангелия у себя дома.

В церквах работали следующие отделы: миссионерский, молодежный, родительский, детский, субботней школы, «Тавифы», литературный.

В 1959 году было:	членов церкви	–	310
	общин	–	8
	проповедников	–	9
В 1980 году стало:	членов церкви	–	2861
	общин	–	46
	проповедников	–	21
	помощников проповедников	–	53

Закончим этот труд последними словами, сказанными страдальцем за имя Христово, почившим в Ярославской тюрьме, председателем Всесоюзного Совета адвентистов седьмого дня, Генрихом Ивановичем Лебсаком при его аресте в 1934 г.:

БРАТЬЯ! РАБОТАЙТЕ, РАБОТАЙТЕ, НЕ УНЫВАЙТЕ!
ДЕЛО БОЖЬЕ – КАК РЕКА,
КОТОРУЮ НИКТО НЕ В СИЛАХ ОСТАНОВИТЬ!

АМИНЬ!

ОГЛАВЛЕНИЕ

Книга "По тернистому пути" повествует о мужестве детей Божьих, сохранивших верность Господу среди глумящейся толпы, в сталинских лагерях, перед угрозой жестокой разлуки и смерти. На страницах её как бы застыл вопль мучеников: "Доколе, Господи?"
Более 40 лет собирался материал этой книги. Более 40 лет она хранилась в тайниках, ожидая своего читателя. И вот теперь она в Ваших руках. Она нужна именно сегодня, когда верующие уже не рискуют испытывать судьбу "врагов народа", когда общество из атеистического превращается в религиозное. Она нужна именно сегодня, ибо сегодня границы между миром и церковью стираются и компромисс становится обычным делом. Она нужна именно сегодня, чтобы своим свидетельством укрепить идущих "тернистым путём" к вечной жизни.